<36631972720019 S

<36631972720019

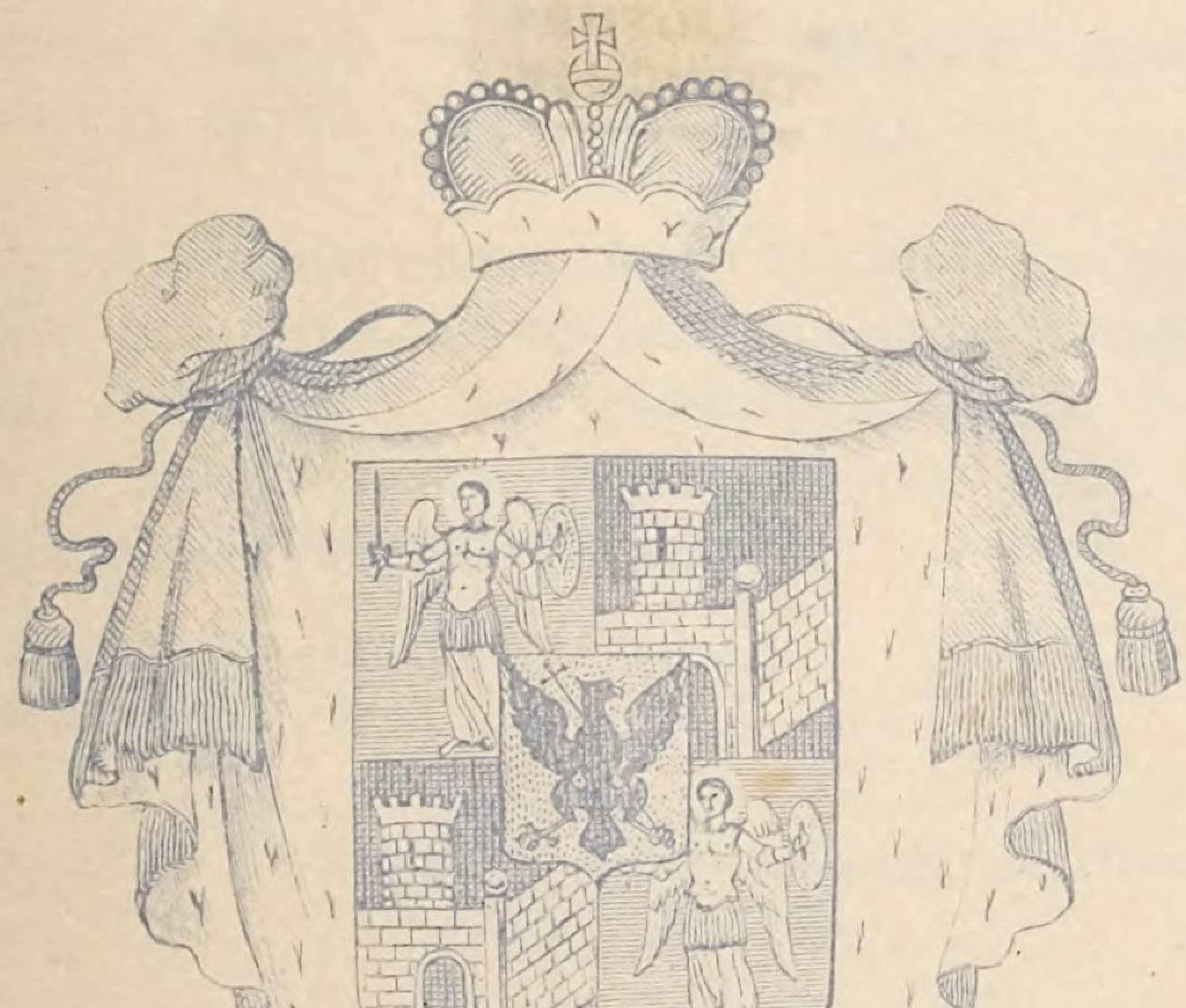
Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ
КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ФИЛОСОФСКІЯ.

Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова.

ИЗДАНІЕ КНЯЗЯ Б. С. ЩЕРБАТОВА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная ул. д. № 48.
1898.

S.n. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Стран.

От редакціи II тома „Сочиненій кн. М. М. Щербатова“ . V

О древнихъ чинахъ, бывшихъ въ Россіи, и о должности каждаго изъ нихъ . 1

Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть въ разсужденіи просвѣщенія и славы.

Состояніе Россіи до Петра Великаго . 13
Исчисленіе . 17

Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго . 23

На поднесеніе титла Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петру Великому . 51

Прошеніе Москвы о забвеніи ея 53

Планъ исторіи Ея Императорскаго Величества славно царствующей надъ нами Императрицы Екатерины II. 65

О Турецкой войнѣ . 69

Примѣчаніи для предбудущія турецкія войны 75

Стран.

Отвѣтъ на вопросъ: что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію швецкія войны, и о прочемъ, тому подобномъ 79

Рѣчь, каковую бы могли говорить шведскіе дворяне по взятіи подъ стражу ихъ собратьевъ. 1789 93

Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Ея Императорскому Величеству Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 г. сентября 5 числа . 117

О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

I. Причины поврежденія нравовъ. 133
II. О нравахъ въ древней Россіи . 138
III. Время Петра Великаго . 150
IV. Время Екатерины I . 168
V. Время Петра II . 172
VI. Время Анны Іоанновны . 181
VII. Время Елисаветы Петровны . 196
VIII. Время Петра III . 222
IX. Время Екатерины II . 225

Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ . 247

Письмо къ вельможамъ правителямъ государства . . . 269

Сатира: „о мужъ почтенный ты...“ 291

Размышленія о смертномъ часѣ 295

I. Какъ мы приближаемся къ смерти? 298
II. Что мы покидаемъ, лишаясь жизни? 301
III. Какъ умираемъ? . 306

Разговоръ о безсмертіи души.

Предисловіе . 309
Разговоръ. 312

Стран.

Разсмотрѣніе о жизни человѣческой 359

О выгодахъ недостатка.......................... 395

Размышленія о самствѣ.......................... 417

О способахъ преподаванія разныя науки........... 439

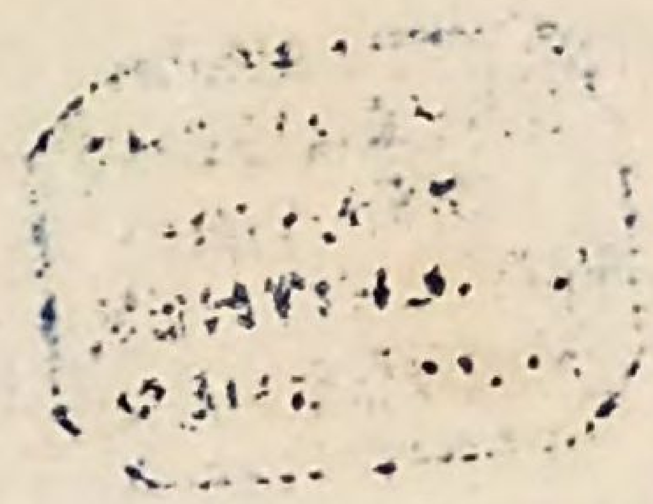
О языкахъ, и вначалѣ о языкѣ природномъ............ 441
О наукѣ писать на отеческомъ языкѣ................. 455
О наукѣ перваго употребляемаго чужестраннаго языка... 460
О наукѣ другаго или и третьяго чужестранныхъ языковъ. 492
О наукѣ ученыхъ языковъ........................ 494
О наукѣ закона (Божія) 499
О наукѣ географіи 501
О наукѣ календаря............................... 513
О чтеніи вѣдомостей.............................. 514
О наукѣ исторіи 515
О наукѣ баснословной исторіи 522
О математическихъ и военныхъ наукахъ 523
О наукѣ статистики 558
О философическихъ наукахъ......................... 569
Науки физическія................................. 574
О наукѣ правъ 587
О рисованіи...................................... 598
Заключеніе....................................... 600

О пользѣ науки.................................. 603

Не надлежитъ, чтобы въ одномъ городѣ разныя, не подчиненныя единое другому, правительствы были...... 619

О вотчинной коллегіи............................ 621

Письмо къ пріятелю въ Пензу..................... 625

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Отъ редакціи.

Въ составъ нынѣ выпускаемаго втораго тома сочиненій кн. Михаила Михайловича Щербатова вошли 25 статей разнообразнаго содержанія.

На первомъ планѣ поставлены статьи историко-политическія. Онѣ расположены соотвѣтственно хронологическому порядку эпохъ и событій, къ которымъ имѣютъ отношеніе. Сначала идутъ статьи, относящіяся ко времени, предшествующему дѣятельности Петра Великаго, и ко времени самого Петра, затѣмъ статьи, относящіяся ко времени послѣдующему, главнымъ образомъ ко времени Екатерины Второй.

Строгую грань между этими статьями и статьями политико-юридическими, составившими содержаніе перваго тома сочиненій того же автора, провести было бы очень трудно. У князя М. М. Щербатова мысль работала постоянно въ политическомъ направленіи, и къ какому бы предмету она ни обращалась — историческому, философскому, или даже педагогическому — политическій элементъ проникалъ почти во всѣ части работы, а во многихъ частяхъ выступалъ, съ ясностью, какъ элементъ преобладающій. Съ другой стороны, въ статьи собственно политическія авторъ всегда вносилъ элементъ историческій, освѣщая свои положенія историческими примѣрами или прямо выводя ихъ изъ данныхъ историческаго опыта. Поэтому принятое редакціей раздѣленіе имѣетъ лишь приблизительное значеніе.

Между статьями историко-политическаго характера наиболѣе важное значеніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, статья «О поврежденіи

нравовъ въ Россіи»—болѣе другихъ и извѣстная русской читающей публикѣ. Статья эта напечатана безъ пропусковъ, за исключеніемъ собственныхъ именъ лицъ, не выходившихъ на арену общественной дѣятельности,—стало быть именъ, исторіи не принадлежащихъ. Раскрытіе этихъ именъ составило бы при томъ нарушеніе ясно выраженнаго желанія самого автора (стр. 224 и 225).

Три статьи, напечатанныя вслѣдъ за статьею «О поврежденіи нравовъ»—изъ нихъ послѣдняя въ стихотворной формѣ—по содержанію и по характеру тѣсно съ нею связаны и могутъ считаться ея продолженіемъ или дополненіемъ къ ней.

За тѣмъ слѣдуютъ статьи философскія и педагогическія и нѣсколько мелкихъ статей разнообразнаго содержанія. Послѣдняя изъ нихъ, озаглавленная: «Письмо къ пріятелю въ Пензу», по содержанію и тону принадлежитъ къ тому же циклу произведеній кн. Щербатова, къ которому относится статья «О поврежденіи нравовъ» и за ней слѣдующія. Но, касаясь единичнаго и сравнительно не крупнаго факта—образа дѣйствій отца одного изъ фаворитовъ—она естественно должна занимать мѣсто за другими мелкими статьями. Выражая въ то же время съ особенною ясностью нравственно-общественныя правила автора, его отвращеніе отъ стремленій и дѣйствій людей, которые, «не честь, а почести любя», далеко отошли отъ идеала рыцарскаго, отъ рыцарской разборчивости при выборѣ средствъ защиты,—статья эта достойно завершаетъ рядъ издаваемыхъ нынѣ произведеній публициста—рыцаря.

Прим. Въ статьяхъ, печатанныхъ съ рукописей, немногія неразобранныя мѣста замѣщены точками.

Въ виду вкравшихся при печатаніи неточностей и ошибокъ въ указаніяхъ на источники, изъ которыхъ заимствованы нѣкоторыя статьи II тома сочиненій кн. М. М. Щербатова, приводимъ нижеслѣдующія точныя указанія.

На стр. 1 статья «О древнихъ чинахъ, бывшихъ въ Россіи»
была напечатана
въ Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорск. Моск. Унив. ч. 3, 1776 г. стр. 43—57.

» » 13 » «Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ...»
— въ Отечественныхъ Запискахъ 1858 г. № 3 и
въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при И. М. У. 1860 г. кн. I.

» » 23 » «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго»
— въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. и
въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1860 г. кн. I.

» » 51 » «На поднесеніе титла Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петру Великому»
— въ Отечеств. Зап. 1821 г. ч. VII. (См. примѣч. на VIII стр.).

» » 65 » «Планъ исторіи Ея И. В—ва славно царствующей надъ нами И—цы Екатерины II»
— въ Русской Старинѣ 1870 г. т. I.

» » 69 » «О турецкой войнѣ»
— въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г.

» » 75 » «Примѣчанія для предбудущія турецкія войны»
— тамъ же.

» » 93 » «Рѣчь, каковую бы могли говорить шведскіе дворяне по взятіи подъ стражу ихъ собратьевъ....»
печатается здѣсь съ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной) № 312.

» » 117 » «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Ея И. В—ву Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира....»
была напечатана
въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. и
въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс. при И. М. У. 1860 г. кн. 3.

» » 133 » «О повреждeніи нравовъ въ Россіи»
печатается здѣсь со списка, принадлежащаго Имп. Академіи Наукъ, № рукописи 1263. Въ Россіи была напечатана въ Русской Старинѣ 1870 г. т. III и 1871 г. т. IV.

» » 247 » «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ»
была напечатана
въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г.

» » 269 » «Письмо къ вельможамъ правителямъ государства»
— въ Русской Старинѣ 1872 г. т. V.

» » 291 » Сатира «о мужъ почтенный ты...»
— въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г.

» » 309 » «Разговоръ о безсмертіи души»
печатается здѣсь съ рукописи Импер. Публ. Библіотеки (бывшей Эрмитажной) № 29.

» » 439 » «О способахъ преподаванія разныя науки»
— съ рукописи Импер. Публ. Библіотеки (бывшей Эрмитажной) № 128.

Примѣчаніе. Статья «на поднесеніе титла Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петру Великому» напечатана въ VII части Отечественныхъ Записокъ (1821 г.) какъ приложеніе къ замѣткѣ, озаглавленной: «Нѣчто о Комитетахъ, составленныхъ въ 1772 г. для сочиненія медалей». Приводимъ здѣсь эту замѣтку, какъ объясненіе значенія и самого содержанія статьи кн. Щербатова.

«По повелѣнію покойной Государыни Екатерины II-ой составлены были въ 1772 г. въ С.-Петербургѣ два Комитета для сочиненія медалической исторіи со временъ Государя Петра Великаго. Членами въ сіи Комитеты опредѣлены были, по назначенію самой Императрицы, извѣстныя по достоинствамъ и дарованіямъ своимъ особы: въ первый: Историкъ князь Михаилъ Михаиловичъ Щербатовъ, Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, бывшій тогда Вице-Президентомъ Бергъ-Коллегіи, и той же Коллегіи Монетнаго Департамента членъ Андрей Андреевичъ Нартовъ; въ второй Комитетъ: сочинитель анекдотовъ Петра Великаго С.-Петербургской Академіи Наукъ академикъ Яковъ Яковлевичъ Стелинъ, консультантъ Девилье и Академіи Художествъ профессоръ исторической живописи Гаврило Игнатьевичъ Козловъ».

«Обязанности перваго Комитета состояли въ выборѣ изъ исторіи всѣхъ достопамятныхъ случаевъ, на которые еще медалей не сдѣлано, въ запискѣ оныхъ и въ составленіи какъ на нихъ, такъ и на существующія уже медали историческихъ описаній съ переводомъ надписей на россійскій языкъ для напечатанія оныхъ съ изображеніемъ медалей».

«Второй Комитетъ, по полученіи отъ перваго историческихъ описаній, прожектировалъ медали, къ нимъ надписи и проч., по принятымъ правиламъ, вмѣстѣ съ первымъ Комитетомъ, и дѣлалъ рисунки, съ тѣмъ, чтобы отдавать оные, когда апробованы будутъ Ея Величествомъ, мастерамъ С.-Петербургскаго Монетнаго двора для рѣзанія искусныхъ штемпелей, и смотрѣть за работою, а первому Комитету при печатаніи описанія заняться корректурою».

«Въ 1774 г. кончено было историческое описаніе медалей дѣяній Петра Великаго по самую кончину сего Государя; всѣхъ описаній сочинено 128, къ старымъ медалямъ 45 и къ новымъ 83. Изъ оныхъ общимъ согласіемъ членовъ отмѣнены 7 описаній, а достальныя съ изображеніями медалей отданы 6 ноября бывшему генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому при письменномъ представленіи отъ обоихъ Комитетовъ и съ прошеніемъ о поднесеніи Ея Величеству на апробацію».

«Кн. Щербатовъ составилъ 41 описаніе, М. М. Херасковъ—40 и А. А. Нартовъ—47. Чтобы дать понятіе о слогѣ и духѣ сихъ надписей, представимъ здѣсь для образца по одной, сочиненной каждымъ изъ сихъ писателей».

Перепечатанное описаніе кн. Щербатова составлено имъ къ медали новой.

О ДРЕВНИХЪ ЧИНАХЪ,

бывшихъ въ Россіи, и о должности каждаго изъ нихъ *).

§ 1.

Россія, вдругъ учиня великое премѣненіе при Владимирѣ Святославичѣ не токмо въ своей вѣрѣ, но также и во образѣ житія, т. е. что жители оныя, бывъ идолопоклонники, погруженные во тмѣ суевѣрія и невѣжества, просвѣтившись христіанскимъ закономъ, начали стараться просвѣтить науками и разумъ свой, яко то видно по заведенію школъ при Великомъ Князѣ Владимирѣ Святославичѣ и при сынѣ его Ярославѣ, въ которыхъ юношество обучалося познанію закона, священныхъ книгъ и проч. Сей народъ, также бывъ прежде склонный къ кочевой и скитающейся по полямъ жизни, началъ во грады соединяться, и сообщеніе его со Греками, умноженное единовѣріемъ, научило его познанію многихъ вещей, служащихъ для спокойствія жизни, которыхъ прежде онъ не зналъ. Великій Князь Владимиръ, имѣя въ супружествѣ Греческую Княжну Анну, конечно старался подражать въ великолѣпіи своего Двора Двору Императоровъ Константинопольскихъ; но или простота народная не позволила ему сіе подражаніе совершеннымъ учинить, или первый нашъ лѣтописатель Преподобный Несторъ, писавъ кратко свою лѣтопись, презрѣлъ о чинахъ тѣхъ временъ помянуть и намъ оные совсѣмъ неизвѣстными оставилъ, кромѣ Воеводы, Посадника и Боярина; но первыя два именованія являются быть не чины, но должности: первая того, кто предводительствуетъ войсками, а другая того, кто посажденъ былъ для правленія и защищенія града, которыхъ они и наименованій лишались, какъ скоро преставали тѣ должности исполнять; наименованіе же Боярина кажется давалося всѣмъ тѣмъ, которые своею природою отличалися, и слѣдственно, по сохраняемымъ еще тогда остаткамъ народнаго правленія, имѣли право въ совѣтъ Государскій входить и вездѣ быть близъ его особы; и тако сіе не составляло чина, но нѣкоторую должность, привязанную къ рожденію.

Новгородское же правленіе, знаемое нами отъ конца IX вѣка республиканскимъ, въ которомъ является до призванія Великаго Князя Рюрика: чинъ Посадника былъ главный и нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовалъ чину Консу-

*) Издается по рукописи Имп. Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной).

ловъ Римскихъ, или лучше сказать, потому что одинъ Посадникъ былъ, чину Дожа Венеціанскаго; ибо онъ также имѣлъ право созывать народныя собранія, предлагать дѣла и вездѣ предсѣдательствовать, не имѣя впрочемъ своею особою большія власти. Когда же происшедшія безпокойства и междоусобія въ Новогородскомъ правленіи принудили сей градъ призвать себѣ изъ Варягъ Государей, и тогда подъ властію Княжескою правленіе республиканское и чинъ Посадника съ его властію сохранился: ибо Князю было препоручено защищеніе границъ и военныя дѣла, а въ гражданскомъ правительствѣ Посадники по прежнему свою власть имѣли, и были защитники вольности Новогородскія противу власти Княжескія и посредники между Государемъ и народомъ. Политика Новогородская была, чтобъ быть всегда защищеніемъ какого ни есть сильнаго Государя, который бы и не могъ долгое время въ семъ вольномъ градѣ жительства имѣть, дабы чрезъ то не усилилъ своея стороны, способствующей ко утѣсненію Новогородскихъ вольностей; сего ради они по большей части выбирали себѣ въ Князи Великихъ Князей Россійскихъ: но когда престолъ Великаго Княженія перенесенъ сталъ во Владиміръ, и Князья перестали жительство имѣть въ Новѣгородѣ, тогда сіе подало причину ко учрежденію новыхъ чиновъ, изъ коихъ суть:

1. Посадники, или Намѣстники Великихъ Князей, которые почти никакія силы въ правленіи Новагорода не имѣли, и посыланы были токмо въ сей

градъ для сохраненія доброжеланія гражданъ къ ихъ Князьямъ и для собранія нѣкоторыхъ даней, которыя Новогородцы на содержаніе своимъ Князьямъ опредѣляли.

2. Для военнаго-жъ управленія былъ опредѣленъ Тысяцкій, чинъ, который по самому его наименованію знаменуетъ, что сей долженствовалъ извѣстенъ быть о числѣ народа; но когда въ Новѣгородѣ наконецъ число Посадниковъ умножили, ибо мы находимъ ихъ по три и по четыре, и думаю, что ихъ число доходило и до пяти, по числу частей Новагорода, сіи Тысяцкіе обще съ нѣкоторыми изъ Посадниковъ и воинствомъ предводительствовали. Были также Тысяцкіе и въ Москвѣ. Въ Новѣгородѣ былъ еще чинъ, употребленный въ правительство, и носящіе оный люди назывались Софіане, уповаю, по престольной архіепископіи Новогородской церкви святыя Софіи премудрости Божія. Не можемъ мы о чинѣ семъ ничего иного сказать, какъ токмо по догадкамъ; именованіе ихъ самое знаменуетъ, что люди сего чина были нѣкоторымъ образомъ привязаны и посвящены церкви Софійской, и можетъ статься съ начала были учреждены для управленія волостями, нивами и пожнями и для собранія даней, принадлежащихъ Новогородской архіепископіи; а какъ архіепископъ сего града имѣлъ великую власть въ Новогородскомъ правленіи, то вскорѣ подъ сѣнію оныя и сіи великую силу себѣ пріобрѣли, такъ что начали посылать для суда въ союзные и подвластные Новугороду города, какъ сіе

видно по тому, что Псковитяне требовали, дабы для суда къ нимъ Софіанъ не присылали.

§ 2.

При дворѣ же Великихъ Князей еще установленныхъ чиновъ не обрѣтаемъ и все оставалось на томъ основаніи, какъ выше сказано въ § 1. Однако посланы отъ нихъ были Посадники въ разные города, гдѣ власть ихъ стѣснялась или распространялась по мѣрѣ правъ народа тѣхъ городовъ; для военныхъ же дѣлъ посылалися Воеводы, однако кажется, что были опредѣлены нѣкоторые и пограничные Воеводы.

§ 3.

При Великомъ Князѣ Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ обрѣтаемъ мы въ Москвѣ чинъ Тысяцкаго, который чинъ тогда имѣлъ Василій Васильевичъ, отъ роду Симона Африкановича; сей чинъ толико усилился было, что кажется сіи Тысяцкіе старалися оный въ родѣ своемъ наслѣдственнымъ учинить, но былъ симъ Великимъ Княземъ по смерти сего Тысяцкаго въ 1372 году уничтоженъ.

§ 4.

Теперь приступаемъ мы говорить о тѣхъ чинахъ, которые въ Великомъ Княженіи Московскомъ были во употребленіи, какъ при Дворѣ, такъ и въ разныхъ службахъ. Оные суть: Кравчіе, Дворецкіе, Конюшіе, Окольничіи, Постельничіи, Думные Дворяне, Стряпчіе съ ключемъ, Думные Дьяки, Стольники комнатные, Стольники и Стряпчіе, которые порознь по ихъ степенямъ я постараюсь описать.

Степень первая.

Бояре. Имя Боярина происходитъ, по мнѣнію Василія Никитича Татищева, отъ слова Боярикъ, или Поярикъ, что знаменуетъ умная голова; другіе же производятъ сіе слово, выговаривая его Болявринъ, отъ слова боль, яко Болящіе о государствѣ. По произведеніе Г. Татищева, являющееся происходить отъ другаго какого, а не отъ Россійскаго языка, мнѣ кажется не основательно: ибо зачѣмъ съ чужаго языка заимствовать происхожденіе имени, когда можно оное въ своемъ найти. Тѣ же, которые выговариваютъ сіе слово Болявринъ, а не Бояринъ, являются также ошибаться, ибо въ древнѣйшихъ лѣтописцахъ сей чинъ всегда Бояриномъ именованъ, да и не уповательно, чтобы въ древнія времена въ толь метафизическій разумъ входили въ названіе сего чина: болѣть о государствѣ. И тако я мню, что должно оное произвести, сходствуя съ древними военными обычаями Славенскаго народа, отъ слова Бой; а какъ, можетъ статься, оное храбрѣйшимъ, или ярымъ на бою приписывалось, то отъ сложеннаго имени, бой яръ, могло произойти имя Боярина, а потомъ было нѣкоторой степени людямъ дано. Бояре были первые чиновники въ государствѣ, рожденные совѣтники своихъ Государей и предводители Россійскихъ войскъ. Палата Государева, гдѣ о важнѣйшихъ дѣлахъ государства разсуждалося, вмѣщала

въ себя всѣхъ Бояръ; каждое судебное мѣсто имѣло одного, или многихъ Бояръ, изъ коихъ старшій по роду своему предсѣдательствовалъ; каждый полкъ (полкъ тогда соотвѣтствовалъ нынѣшней дивизіи) предводительствованъ былъ Бояриномъ, и главный надъ всѣми, по старшинству своего рода, именовался Бояринъ и Воевода.

Бояре также имѣли и придворные чины, яко Бояринъ и Конюшій, который имѣлъ надзираніе надъ всѣми заводами Государевыми, и надъ всѣми лошадьми, употребляющимися для его ѣзды. Сей чинъ, является, былъ изъ первѣйшихъ, ибо Борисъ Годуновъ, бывши братъ Царицы, въ великой милости у Государя, всемогущій тогда въ Россійскомъ государствѣ, и уже помышляющій присвоить себѣ Россійскій престолъ, оный чинъ носилъ.

Бояринъ и Дворецкій былъ также придворный чинъ; сей имѣлъ попеченіе о всемъ, что до стола Государева касалось.

Кравчій также въ степени боярской по росписи 703 года поставленъ, и въ тогдашнее время были Василій Өедоровичъ Салтыковъ и Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ. Хотя прямо ихъ должность состояла имѣть попеченіе о всѣхъ напиткахъ, которые Государь употреблялъ; но кажется, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ уже Боярина Дворецкаго не было, а одинъ изъ Кравчихъ исполнялъ сію должность, какъ то видно изъ присяги Кравчаго, напечатанной въ Россійской Вивліоөикѣ.

Боярамъ же препоручался и Посольскій Приказъ, что нынѣ Иностранная Коллегія; они тогда же были и хранители государственныя печати. Сей чинъ давалъ великую силу и не несовмѣстенъ былъ съ предводительствомъ воинства, яко все сіе видно по тому, что Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ во время пущія своея силы хранителемъ государственныя печати, и тогда же посыланъ былъ Воеводою на Крымскихъ Татаръ.

Степень вторая.

Окольничій. Г. Татищевъ говоритъ, «что сіи имѣли въ смотрѣніи границы и судъ пограничный, какъ въ наказѣ губныхъ старостъ написано: что имъ въ пограничные суды не вступать, а отсылать къ Окольничимъ; и они имѣли власть съ заграничными имѣть переписку, они присутствовали при полевомъ бою, или при поединкахъ, какъ ниже показано; потомъ введены въ Палату; имя происходитъ отъ околичности. Сей чинъ извѣстенъ сталъ при Великомъ Князѣ Семенѣ Іоанновичѣ, въ котораго грамотѣ, обрѣтающейся въ архивѣ Иностранной Коллегіи № 3, въ первый разъ о чинѣ Окольничаго упоминается. Они, кромѣ засѣданія въ Палатѣ, участвовали въ предводительствѣ воинствъ, и обыкновенно бывали вторыми воеводами по полкамъ, считаяся въ томъ, такъ какъ и прочіе дворяне, отечествомъ съ другими родами. Кромѣ вышеписанныхъ общаго наименованія сего чина, употреблялися они въ разныя другія должности, яко въ намѣстники по го-

родамъ и въ Постельничіе, которые особливое попеченіе имѣли о комнатѣ Государевой, и видно по списку 703 года, что тогда въ семъ чинѣ были: Гаврило Ивановичъ Головкинъ и Алексѣй Михайловичъ Татищевъ. Видно изъ напечатанной въ Россійской Вивліоѳикѣ присяги Постельничаго, что они нѣкоторую казну въ соблюденіи своемъ имѣли, можетъ быть тѣ деньги, которыя Государи употребляли на собственные свои расходы, или такъ сказать карманныя деньги. Въ сіи чины опредѣлялись обыкновенно изъ благороднѣйшихъ людей, и трудно было кому не изъ знатныхъ до нихъ достигнуть: ибо хотя Думные Дворяне и старѣе степенью были Стольниковъ, но обыкновенно изъ Стольниковъ въ Окольничіе, обходя Думныхъ Дворянъ, производились.

Степень третія.

Думные Дворяне хотя сочиняли третью степень чиновъ государственныхъ, но знатныхъ фамилій люди въ сей чинъ не входили, а обыкновенно жаловались изъ мелкаго дворянства, и сей для нихъ былъ послѣдній чинъ безъ какого особливаго случая. Они по чину своему имѣли засѣданіе въ Палатѣ съ Боярами и съ Окольничими, но весьма рѣдко въ военную службу и чины употреблялись; и обыкновенно изъ нихъ выбирался единый въ Печатники, коего должность состояла, потому что Государи тогда грамать не подписывали, вмѣсто руки Государевой прикладывать печать. Сія должность замыкала въ себѣ великую повѣренность; и послѣдній должность сію исполнялъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Въ сей же степени состояли Стряпчіе съ ключемъ, который чинъ былъ придворный и опредѣленный собственно для услуги Государевой, въ который иногда и самые знатнѣйшіе люди опредѣлялись. Послѣдніе въ семъ чинѣ были: Панкратій Богдановичъ Сумароковъ и Леонтій Богдановичъ Плохой. Думные Дьяки, которые великую силу имѣли и обыкновенно были люди испытанные въ дѣлахъ, которые сочиняли всѣ опредѣленія и подписывали всякія грамоты, однимъ словомъ вели все канцелярское произвожденіе по Палатѣ и часто были употребляемы въ посольство.

Степень четвертая.

Стольники. Сей чинъ былъ придворный, яко и самое именованіе его знаменуетъ, что они имѣли должность служить при столѣ Государевомъ, что и дѣйствительно исполняли въ торжественные дни; однако, какъ всѣ тогда придворные чины были соединены съ воинскими и гражданскими должностями, то обрѣтаемъ по разряднымъ книгамъ, что они, какъ въ Воеводы по полкамъ, такъ въ Намѣстники по городамъ и въ другія судебныя мѣста опредѣлялись. Но хотя между великимъ числомъ Стольниковъ, многіе были такіе, которыхъ Государь, желая, за службу ихъ отцовъ или ради собственнаго ихъ достоинства, отъ прочихъ отличить и имѣть ближе къ своей особѣ, жаловалъ въ Комнатные Стольники, что была уже степень къ

скорому достиженію окольничества; однако сія степень не совершенно нужная была для полученія чина окольничаго: ибо большая часть прямо изъ Стольниковъ жаловались въ Окольничіе.

Въ Стольники обыкновенно жаловались изъ Стряпчихъ: однако видно по разряднымъ книгамъ, что многіе и прямо изъ Московскихъ дворянъ жаловалися въ Стольники, а нѣкоторые и въ толь младыхъ лѣтахъ, что ихъ и въ росписаніи за онымъ въ число опредѣляемыхъ Стольниковъ по полкамъ не вписывали.

Степень пятая.

Стряпчіе. Сей чинъ былъ первый для дворянства, и жаловались въ оный изъ Московскихъ дворянъ и изъ жильцовъ; должность его была придворная для разныхъ услугъ, однако употреблялись и въ полки въ разные чины, яко въ Головы, въ Завоеводчики и проч.

Сіи суть всѣ чины, чрезъ которые благородные начинали служить и достигали до вышнія степени, и сколь ихъ малое число ни есть, однако не должно думать, якобы младые и не искусившіеся люди до верхнихъ чиновъ достигали, но паче знатные дворяне, вступя вдругъ въ немалый чинъ службы Государевой и видя предъ собою пространное поле отверсто пользы дѣлъ государственныхъ, паче побуждались отъ старѣйшихъ прямо себя достойными учинить, а способы къ тому чрезъ открытіе имъ дѣлъ довольные подавались.

На подлинной рукописи приписка: *Сія статья сообщена отъ Дѣйствительнаго Камергера, Герольдмейстера и Вольнаго Россійскаго Собранія Члена, Князя Михаила Михайловича Щербатова.*

ПРИМѢРНОЕ
ВРЕМЯИСЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ,

во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть въ разсужденіи просвѣщенія и славы *).

Состояніе Россіи до Петра Великаго.

Россійскій народъ даже до бѣсновѣрія былъ привязанъ къ вѣрѣ, считалъ всѣхъ другихъ исповѣданій Христіанъ погаными; сему примѣръ, что за безчестье и за грѣхъ считали, естли кто у Нѣмцовъ въ слободѣ побывалъ; былъ суевѣренъ: въ доказательство сему, что найпросвѣщеннѣйшій мужъ тогда въ Россіи, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей; начиналъ подвергнутъ быть духовному чину, ибо за то, что Никонъ Патріархъ противуборствовалъ Царю Алексѣю Михайловичу, его святымъ почитали.

Не имѣлъ никакого просвѣщенія, но многіе знатные бояре и грамотѣ не знали.

Гордость и надменность бояръ была безмѣрная, и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и прислужникахъ жили.

Дворяне служили съ помѣстей, да и тѣ не всѣ по нарядамъ въ назначенное мѣсто пріѣзжали; служа же безъ жалованья, не могли ни внѣ Государства долго службу продолжать, ни внутри Государства быть долго отдалены отъ домовъ своихъ, чего ради и предписывалось имъ служить по срокамъ.

Мѣстничество было въ 1682 году уничтожено, но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и въ окольничіе производились, по прежнему, по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой менѣе двадцати лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла Государства.

Торговли ни внутренней, ни внѣшней не было, ибо которая и была, та за

*) Статья эта была напечатана въ 1 книгѣ чтеній Имп. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 г.

слабостію своею недостойна была симъ имянемъ называться; потому что не было рукодѣлій, весьма мало было истребленіе вещей, не было ни знанія въ чюжестранной торговлѣ, ни портовъ; ибо единый былъ портъ городъ Архангельской, да и тотъ, окромѣ положенія своего на сѣверномъ краю Россіи, неудобности входу въ Двину и весьма длиннаго пути, обходя Норвегію, почти весь во власти Англичанъ былъ, которые сею торговлею владѣли.

Недостатокъ торговли и истребленія вещей производилъ недостатокъ денегъ и остановку въ обращеніи ихъ.

Не было ни фабрикъ, ни рукодѣлій, и простѣйшія вещи получали отъ чюжестранныхъ.

Были правительства, съ изрядною мыслію устроенныя, яко Палата Золотая, Разрядная Палата, Земской Приказъ, Разбойной Приказъ, Холопій Приказъ, Судные Владимірскій и Московской Приказы и прочія, но они ни регламентовъ, ни порядковъ не имѣли, ни формы суда и прочаго, но все по обычаямъ исполнялось. Законы хотя сочиненіемъ Уложенья и новоуказныхъ статей были, но не было никакого порядку къ приведенію во исполненіе ихъ.

Не было сухопутнаго порядочнаго войска; главная сила государства состояла въ дворянахъ, служащихъ съ помѣстій, которые отъ Разряда наряжались; но никогда ни всѣ, ни на срокъ въ назначенное мѣсто не пріѣзжали; да которые и съѣдутся, ни хорошаго вооруженія, ни порядку и устройства не имѣли, да и

служа на своемъ иждивеніи, прежде времени разъѣзжались. Были заведены Стрѣльцы, но и тѣхъ едва ли было десять тысячъ человѣкъ. Войска неустроеныя, неповиновенныя своимъ начальникамъ, вступавшія въ торги и промыслы и не радящія о своей должности; всякое ученіе воинское имъ трудно казалось, походъ несносенъ былъ, а непріятеля страшились; лишь опасны были смутнымъ своимъ обычаемъ Престолу и своимъ начальникамъ.

Не было флоту. Тщился Царь Алексѣй Михайловичъ, построя суда на Волгѣ, явить Россійской флагъ на Каспійскомъ морѣ; созданной фрегатъ Орелъ чюжестранными мастерами претерпѣлъ нещастіе, и намѣреніе сіе оставлено было. Ясное доказательство, коль противна всякая новость была Россіянамъ.

Не было крѣпостей, и не знали ихъ укрѣплять, но высокія башни и стѣны составляли все укрѣпленіе градовъ, укрѣпленіи отъ малаго числа пушечныхъ ударовъ могущія разсыпаться. Не знали и не воображали пользу низкихъ укрѣпленій, ни перекрестнаго выстрѣла.

Были пушки, но пушки таковыя, каковымъ должно было быть у непросвѣщеннаго народа, то есть, не въ мѣру вылитыя, длинны, толсты, великожерлисты, лафеты того хуже, и совсѣмъ почти неудобны ни къ возкѣ, ни къ скорому стрѣлянію.

Обильная Россія въ разныхъ крущахъ ни злата, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза своего не имѣла, но принуждена была даже до желѣза получать изъ

Швеціи; ибо не было ни знающихъ крушцы, ни умѣющихъ ихъ искапывать, ставливать и отдѣлять.

Исчисленіе.

Се есть отчасти состояніе Россіи до исправленія Петромъ Великимъ.

Въ 1682 году заведена была въ Иконоспасскомъ монастырѣ Академія, гдѣ учили по Латински, по Гречески, и философію Аристотелеву.

Положимъ мы, чтобы сіе училище имѣло весь могущій себя изобразить успѣхъ, то и тутъ надлежало, чтобы, по крайней мѣрѣ, прошло два рода прежде, нежели бы могли Россіяне познать пользу науки и имѣть отвращеніе отъ невѣжества; и тако бы и сію знатную перемѣну, чтобы ста два человѣкъ было Латинщиковъ и знающихъ древнюю философію, не можно бы было зрить прежде 60 лѣтъ; ибо пока съ прежними убѣжденіями въ живыхъ первой родъ обрѣтался, сего было ожидать не можно, а и второй родъ еще бы тому противенъ былъ, а я соглашаюсь со всѣми времяисчислителями, полагая на каждый родъ 30 лѣтъ.

Но чему бы въ сей Академіи научились? Научились бы языкамъ Греческому и Латинскому, философіи Аристотелевой, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона, и Богословіи, разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей Аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима, и святыхъ Отцовъ. Но познали-ль бы новыя откровенія, учиненныя новыми? Познали-ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и маѳематикѣ? Нѣтъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти, что и первенствующая Церковь всякое сообщеніе съ еретиками и раздирателями Церкви запрещала, то или яко бы отдаленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать, или бы превозмочь ненависть свою къ чюжестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти. На первое бы надлежало многія тысячи лѣтъ, да и то бы невозможно было безъ путешествій, то сколько же бы времяни надлежало употребить для преодолѣнія ненависти къ чюжестраннымъ? И полагаю на сіе, по крайней мѣрѣ, три рода человѣческіе, то есть 90 лѣтъ, и тѣмъ паче утверждаюсь въ своихъ мысляхъ, что хотя Царь Іоаннъ Васильевичъ, желая ввести нѣкоторое просвѣщеніе, чужестранныхъ призывалъ, хотя Годуновъ и вящшія къ тому старанія употреблялъ, и даже посылалъ Россійскихъ юношей учиться въ чужіе краи, однако ни науки, ни искусства ни малаго успѣха не имѣли, ни ненависть къ чюжестраннымъ нимало не убавилась.

Достигши до нѣкоего просвѣщенія и познанія, также пріучась имѣть сообщеніе съ чюжестранными народами, надлежало входить въ познанія вновь изобрѣтенныхъ наукъ, изучиться военному искусству, литью пушекъ, военной и гражданской архитектурѣ. Но тутъ новыя бы препятствіи встрѣтились: первое, гордость Россійскаго дворянства, и нынѣ

еще и самымъ деспотичествомъ неукрощенная, не позволила бы имъ согласиться чюжестранныхъ людей незнаемыхъ, а часто и самихъ незнатныхъ, начальниками себѣ имѣть; то какъ же сему было научиться путешествіями? Привязанность къ семьямъ своимъ и къ домамъ, а и малые доходы ихъ деревень, совокупленные съ пышностію Россійскаго дворянства, сего бы не позволили, и тако бы надлежало новую привычку для сего дѣлать, для которой, по крайней мѣрѣ, я полагаю еще тридцать лѣтъ. Но что бы и тогда они научились? Познали бы состояніе войскъ чюжестранныхъ, не примѣривая ихъ расположеніе съ расположеніемъ Россіи, пріѣхали бы въ отечество свое, начали дѣлать все по чюжестранному и все не кстати, не боясь быть охуляему яко чюжестранные, а чрезъ то бы все худо и надѣлали, яко и нынѣ видимъ сему примѣры, что часто, не зная состоянія Россіи, хотятъ перемѣнять на чюжестранные обычаи, и дѣлаютъ дурно. Въ примѣръ сему можно предложить. Россійская армія никогда почти никакою нуждою не остановится; нѣтъ ли у нея хлѣбовъ, сами солдаты жнутъ, молотятъ, мелютъ и пекутъ хлѣбы; напротивъ того, Цесарская армія должна имѣть все приготовленное, и ежели случится, что у нее пекарей отобьютъ, она, среди обильной страны, голодомъ умираетъ. Однако, хотѣли сіе въ Россійской арміи завести, и презрѣвъ способности, въ неудобности ввергнуться. А по сему я заключаю, что весьма полезнѣе, чтобъ не природные, изучася, дѣлали какое вновь заведеніе, но призванные чюжестранные; ибо, хотя они внутреннихъ обстоятельствъ и не знаютъ, но, бывъ направляемы знающими, не имѣя ни родовой связи, ни защищенія, а паче завистниковъ, съ вящшею осторожностію все дѣлать могутъ.

Но какъ бы по желанію, чтобъ Россіяне сами, изучаясь, чинили всѣ поправленія и заведенія, колебалось бы оно, по крайней мѣрѣ, прежде, нежели что могло быть заведено, тридцать лѣтъ. Да и то бы едва могло быть когда, безъ самовластія, сдѣлано въ разсужденіи арміи, по причинѣ должныхъ налоговъ и взятья рекрутъ.

Но пусть и все бы сіе исполнилось: надлежало предпринимать войну, для полученія портовъ. То пускай бы она была и во всемъ успѣшна. Война, заключеніе мира, посылка для наученія мореплаванію, и прочее для заведенія флота еще бы тридцати лѣтъ требовало.

Я уже не говорю о фабрикахъ и рукодѣліяхъ, о торговлѣ, которой и нынѣ у насъ нѣтъ, о рудокопательномъ искусствѣ, которое у насъ есть на весьма дурномъ положеніи, сколько бы еще для сего всего лѣтъ надлежало, дабы привести все сіе и въ такое состояніе, въ какомъ онъ нынѣ обрѣтается; а и безъ сего, по выше писанному исчисленію, отъ начала Спасской Академіи надлежало бы протечи 210 годамъ, слѣдственно, Россія бы еще начала входить въ то состояніе, въ какомъ она есть, еще и не прославивъ себя, около 1892 года, да и то, считая, что въ теченіи бы сего ве-

ликаго времяни, не было никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго.

А кто возможетъ поручиться, чтобы въ сіе время не было такихъ въ ней Государей, которые не благоразумно принятыми мѣрами разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили, и поступкомъ бы симъ продлили еще время ея просвѣщенія? Кто мнѣ поручится, чтобъ въ сіе время царствующіе Государи, во Швеціи Карлъ XII и въ Пруссіи Фридрикъ II, знатныя части оной себѣ не покорили? То-бъ когда исполнилось сіе просвѣщеніе, и гдѣ бъ была нынѣ пріобрѣтенная его слава?

А сіе съ прилежаніемъ разсмотря, не судите о времяни, какъ бы сама Россія, собственнымъ народа своего побужденіемъ, могла до хорошаго состоянія дойти, потому что она нынѣ есть; но судите, сообразя съ древнимъ ея состояніемъ и съ предубѣжденіями, и разсматривайте по степенямъ, во сколько времяни какую болѣзнь могла она излечить; иль судите паче собственно по себѣ, коль и надъ вами частными предубѣжденіи дѣйствуютъ, надъ вами, просвѣщенными Петромъ Великимъ; то, коль они суть трудны ко истребленію въ народѣ, и отложа сіи наши тщетныя мысли, паче воздайте хвалу и благодареніе Петру Великому, что хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе и слабости, и зависти, и тщетному самолюбію, и развратности воспротивляется, и что сей Монархъ, въ гробницѣ заключенный, еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію.

РАЗСМОТРѢНІЕ

о порокахъ и самовластіи Петра Великаго *).

Бесѣда.

Соплетать хвалы своимъ Государямъ несть дѣло охулительное, лишь бы оныя были основаны на истинѣ, и искреннее бы усердіе, а не лесть и похлѣбство перо писателя и пѣснь пѣвца направляли; ибо часто хвала добродѣтели толико же имѣетъ силы надъ благорожденными душами, какъ и самое охуленіе противныхъ пороковъ. Два чювствія найболѣе дѣйствуютъ въ человѣкѣ: любовь и ненависть; то чего ради не возбудить первое изъ сихъ хвалою тѣхъ добродѣтелей, каковыя Монархъ въ сердцѣ своемъ ощущаетъ? Естественно есть, кто возлюбитъ единое, тотъ противное возненавидитъ; слѣдственно, справедливая похвала утверждаетъ и вкореняетъ въ сердцахъ живущихъ Государей обрѣтающіися добродѣтели, а тѣмъ самымъ истребляетъ противные пороки.

Правда, что добродѣтель сама съ собою несетъ свою награду, а потому хвалы иль воздаяніи ей кажутся ненужны. Но войдемъ мы въ слабость человѣческую: сіи властители народовъ, сѣдящіи на престолахъ, силою, властію, почтеніемъ, повиновеніемъ, пышностію и славою окруженные, суть тѣ же человѣки, равныя въ нихъ находятся страсти и слабости, какъ и въ другихъ, естли и не болѣе, по мѣрѣ могущества удовольствовать оныя; то снизойдемъ ко онымъ, и да будутъ внушать благіе Цари хвалы, отъ истины происходящія, хвалы, коихъ само сердце ихъ истину ощущаетъ.

Не токмо живые таковымъ образомъ должны быть похвалены, но да воздастся долгъ нашей благодарности и умершимъ за оказанные ими благодѣянія; ибо въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы воздадимъ тѣмъ, кои ничего уже отъ насъ не требуютъ, какъ торжественнымъ изъявленіемъ нашея благодарности и проповѣданіемъ ихъ добродѣтелей. Не токмо сіе есть нужно, но и полезно, яко есть исполненіе и всякой должности; ибо потомство и наслѣдники ихъ, вкушая хвалы ихъ предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ побуждаются и той же славы достойными себя учинить тщатся. Титусъ, Траянъ и Маркъ Аврелій, коихъ имена въ вѣчную память и въ подражаніе Мо-

*) Напечатана тамъ-же, гдѣ и предъидущая статья.

нархамъ преданы, уповаю, болѣе произвели мудрыхъ и милосердыхъ Монарховъ, нежели всѣ даваемыя наставленіи разными мудрецами. Александръ плачетъ о великихъ побѣдахъ отца своего Филиппа; Цесарь, читая житіе Александрово, къ славѣ побуждается, и Елисавета Титу подражаетъ. *)

Таковыя суть дѣйствія истинныхъ похвалъ; воззримъ теперь, что льстивыя производятъ. Лесть, вышедшая изъ ада, скрывая маскою добродѣтели мерзкое свое лице, онаго есть начальница. Не взираетъ она въ похвалахъ своихъ на истину, ни на прямую добродѣтель, но по страстямъ и по низости изъ пороковъ добродѣтели составляетъ: хвалитъ слабость, называя ее милосердіемъ; жестокость называетъ нужною строгостію; захватчивость надъ своими сосѣдьми, опустошающую страны и губящую напрасно людей, — пройствомъ; лицемѣрство и притворность — мудростію, и прочее. Она не стыдится, льстя, Царей Богу ихъ уподоблять, и должный фиміамъ единому вышнему Существу — предъ ними возжигаетъ. Честь, не добродѣтель, ни признаніе къ сему ее побуждаютъ, но подлость и собственные какіе виды. Она предъ Калигулой и Домиціаномъ воскурила жертвы на олтаряхъ и подлыми своими хвалами истребила послѣдніе остатки добродѣтели въ сердцахъ ихъ. Вредоносные свои поступки и донынѣ продолжаетъ: восхваляетъ Царскіе пороки, преобращая

*) При коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны была представлена опера: «Милосердіе Титово».

Примѣчаніе автора.

ихъ въ добродѣтели; самихъ ихъ заставляетъ думать, яко бы они ихъ имѣли. Поля Соединенныхъ Провинцій, поля части Германіи, поля Фландріи и части Франціи, вы—свидѣтели, колико таковыя несправедливыя хвалы привели въ надменность духъ Людвика XIV-го, и коликой кровію оная бразды ваши оросила! Полъ-вѣку ужъ протекло, какъ кровавыя сіи войны кипѣли, а еще Франція чювствуетъ вредные плоды тщетною славою прельстившагося своего Короля. Естли мы разсмотримъ слабости человѣческія, то не удивимся, како такими несправедливыми хвалами могутъ Цари земные прельщаться. Естественно есть человѣку имѣть болѣе мысли о себѣ, нежели чего, можетъ быть, онъ стоитъ; сіе, кажется, есть знакъ великаго начала нашея души, но начала, поврежденнаго страстьми; а потому, обольщая самолюбіе, легко подадутъ льстецы причину любящему хвалу владыкѣ мнить, что онъ есть таковъ, каковымъ они его ему самому, внутренно смѣяся, для пользы своей представляютъ. Неронъ мнилъ быть искуснѣе въ стихотворствѣ Омира, и въ томъ увѣренія отъ многихъ имѣлъ. И тако обращаю къ вамъ мой гласъ, о владыки земные, возведенные на высшую степень могущества человѣческаго, хранитеся сихъ пристрастныхъ похвалъ, яко не токмо заражающихъ васъ въ жизни, но и по смерти не престающихъ безчестить память вашу!

Съ другой стороны, не похвально есть дѣлать не токмо несправедливыя своимъ Монархамъ, но и самые справедливыя

охуленія, которыя должны быть изглаголаны съ такою умѣренностію, чтобы елико можно менѣе чести сѣдящаго на престолѣ повреждали. Исторія единая, направляемая самою истиною, имѣетъ право съ равной смѣлостію похвалять знатныя дѣянія и добродѣтели Царей земныхъ и охулять ихъ пороки, дабы предать въ память потомству, чему должно подражать и отъ чего удаляться; учинить достойное и славное безсмертіе благимъ и наказаніе злымъ Царямъ. Но и та, говорю я, не инако можетъ сіе дѣлать, какъ бывъ ведома строгою истиною, и гдѣ бы никакія страсти примѣшаться не могли.

Довольно, является, изъявилъ я мои мысли о хвалѣ и охуленіи Государей; но, приступая къ самому предмету моего труда, не дерзну я слабымъ моимъ перомъ описывать великія дѣла и достойныя похвалы Петра Великаго. Величайшій къ сему надлежитъ имѣть разумъ, и подвигъ бы мой сей былъ болѣе къ уменьшенію его славы, нежели ко умноженію оной. Гласятъ его хвалы флотъ, воинства имъ заведенные, грады построенные, крѣпости укрѣпленныя, многія области покоренныя, просвѣщенный народъ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы; гласятъ чюжестранные народы, удивляющіися, какъ въ толь краткое время, трудами его самого и всѣянными сѣменами имъ, могла Россія изъ слабости въ силу, изъ неустройства въ устройство и изъ невѣжества въ просвѣщеніе дойти. Звучныя побѣды, которыя увѣн-

чали лаврами главы его наслѣдниковъ, суть плоды его трудовъ, и славу его проповѣдаютъ, всегда имя его, яко основателя, съ именами тѣхъ соединяя. Гласятъ его хвалу сердца Россійскаго народа; ибо хотя миновался тотъ родъ, который имѣлъ счастіе при толь великомъ Государѣ жить, но и потомки того, вѣрные слуги отечества, съ восхищеніемъ воспоминаютъ его великія дѣла, и къ мертвому толико любви и усердія являютъ, яко бы дѣйствительно онъ живъ былъ, и могли бы воздаянія отъ него за усердіе свое ожидать. Свидѣтели мнѣ суть Невскіе брега, градъ, имъ, во имя его, созданный, какія чювствія тогда судіи, воины, граждане и всѣ прочіе, стекшіися на позорище открытія его изваяннаго образа, ощутили. Не славно ли сему Ирою, когда всѣ потомки бывшихъ при немъ подданныхъ, по протеченіи полувѣка узря его бездушное изваяніе, на славу его сооруженное, яко Монарху, яко отцу и яко просвѣтителю, ясныя оказанія своего усердія и благодарности принесли; и можно сказать, что слава есть Петра Великаго, яко нѣкоторая великая рѣка, которая, что болѣе удаляется отъ своего начала, то пространнѣе становится. Тако уже память моя (не) застигнетъ, когда, излишно угождая ли, или по какимъ другимъ причинамъ (ибо не можно подумать, чтобъ кто преемникъ Петра Великаго его не любилъ) Монарха сего Петромъ Первымъ имяновали, но само собою, безъ указу и безъ повелѣнія, имя Великаго превозмогло; и дѣти наши въ юности своей едва ли и

знаютъ, кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго, купно съ благодарностію и съ удивленіемъ, въ сердцахъ ихъ напечатлѣнно.

Могу ли я послѣ сего дерзнуть какія хулы на сего Монарха изречи? Могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе, яко нѣкоторой измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ во вредъ ему обратить? Однако, прости мнѣ, великая душа, естли, не для охуленія твоего, но для защищенія твоего имяни, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили, а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которыя, забывъ твои благодѣянія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмитъ оно во мнѣ справедливости, и я потщуся испросить отъ Кліи то златое перо, коимъ на найкрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истины, она дѣла Монарховъ изображаетъ. Утверждаюсь паче въ дерзкомъ моемъ предпріятіи; ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестокія истины отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя мною истины тебѣ непротивны будутъ.

Глаголятъ противники сего великаго Монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролитіе крови, и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и въ роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности распростиралъ.

Се ваши хулы! Расмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись, чтобъ много ли, иль мало, ихъ въ немъ не было, но расмотримъ, сообразя съ обстоятельствами времянъ, какъ въ разсужденіи тогдашняго умоначертанія Россіянъ, въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго, и, можетъ статься, мы увидимъ, что не всѣ сіи пороки въ немъ врожденные и вкорененные были, что ко многимъ, являющимся нынѣ намъ порочнымъ, поступкамъ былъ онъ побужденъ обстоятельствами, что нѣкоторые тогда и пороками не считались, что нѣкоторые отъ тогдашнихъ грубыхъ нравовъ и отъ воспитанія произошли, а наконецъ есть и такіе, коими сей Великій Государь платилъ дань человѣчеству. Пороки тѣмъ виднѣе въ немъ, что они, бывъ сопряжены съ великими добродѣтелями и дѣлами, яко на высотѣ поставленные, явнѣе становятся. Но какъ въ каждомъ порокъ есть порокъ, то и въ семъ благодѣтелѣ Россіи онъ свойства своего не перемѣняетъ, а токмо нѣсколько заглаживается великими его дѣлами.

Россія, не очень давно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту жестокость, которая отъ междоусобій рождается. Казни смертныя, пытки, убійствы были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій при таковомъ умоначертаніи воспитанъ былъ, и на силу началъ познавать самъ себя, се новые

бунты въ Россіи возгорѣлись. Самая жизнь юнаго Государя къ опасности подвергнута была въ первый бунтъ Стрѣлецкій, и младыя его очи, начинающія съ разсудкомъ вокругъ себя обозрѣвать, зрили ліющуюся кровь своихъ родственниковъ и вѣрныхъ слугъ: Нарышкиныхъ, Матвѣева, Языкова и другихъ. Остатокъ времени его младенчества въ таковыхъ же страхахъ и кровавыхъ позорищахъ было (ъ) препровождено (ъ). То сіе и самому мягкосердному человѣку не вложитъ ли нѣкоторую суровость, и среди токовъ крови принужденной жити человѣкъ не пріучитъ ли себя безъ трепету на нихъ взирать? Увы! Се есть судьба рода человѣческаго, что привычка многое надъ нимъ дѣйствіе имѣетъ. Въ Америкѣ безъ жалости жертвовали людей, въ Вавилонѣ и въ Дафнисѣ прелюбодѣяніе добродѣтелью почиталось, а въ Индіи и нынѣ суровство къ себѣ самому и отвратительное изнуреніе святостію считается. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельствы вложили въ сердце младаго Государя нѣкоторый духъ суровости, который, примѣшавшись къ твердому его желанію уставить правосудіе, къ горячему побужденію докончить имъ начатое полезное, иногда могъ изъ мѣры выходить.

Воззримъ на умоначертаніи и на состояніе Россіи. Вельможи и весь народъ погруженъ былъ въ суевѣріе и всѣ другіе народы толь погаными считалъ, что за грѣхъ почитать съ кѣмъ неединовѣрцомъ имѣть какое сообщеніе, не токмо чтобы хотѣть что полезное для отечества отъ нихъ перенять. Бояре были горды, суевѣрны, несообщительны; мѣстничество было хотя уничтожено, но въ сердцахъ ихъ пребывало въ своей силѣ, по коему не привязанные по древнему родству съ Государями, или по знатности роду преимущественно имѣли, но произшедшіе случаемъ не токмо сами надъ знатнѣйшими себя начальствовали, но предпочтеніе сіе и потомству своему прелагали, купно съ наслѣдіемъ, превышать не токмо другіе роды, но и съ незнаніемъ дѣла государственныя исполнять. Лѣпость, увальчивость, привязанность къ домамъ крѣпко вкоренились, а загрубѣлость и привязанность ко всѣмъ старымъ обычаямъ, яко естественное положеніе въ нихъ учинилось. Не было порядочныхъ войскъ, но земскія собирались худо вооруженныя, еще хуже устроенныя, да и тѣ никогда всѣ не собирались. Хотя и были Стрѣльцы, недавно заведенные, но сіи, изъ земскихъ людей набранные и родами ведущіися, при началѣ своемъ имѣли всѣ пороки Турецкихъ янычаръ, не имѣвъ ихъ храбрости. Такъ какъ и они были сварливы, безпокойны и неповиновенны начальникамъ своимъ, вступя во торги и промыслы, такъ какъ и янычары, не имѣли уже никакого попеченія о должности по званію своему; однимъ словомъ, неустроенныя сіи войска не были страшны непріятелямъ, но опасны были Государямъ.

Не было въ Россіи наукъ, и не токмо побужденія, но паче было отвращеніе что познать; ибо познаніе сіе надлежало почерпнуть отъ чюжестранныхъ народовъ,

а народъ нашъ и ихъ самихъ, ихъ языки и все, отъ нихъ происходящее, нечистымъ и богопротивнымъ почиталъ. Искусствы и рукодѣліи не въ лутчемъ были состояніи; не было ни фабрикъ, ни ремеслъ, а что и было, и то находилось въ крайнемъ несовершенствѣ.

Не было ни внутренней, ни внѣшней торговли. Внутренней отъ того, что не было довольнаго истребленія вещей; ибо каждый отъ своихъ произведеній жилъ; и не было ремеслъ, ибо не знали и не могли хотѣть многихъ вещей, которыя Петромъ Великимъ введены и нужны учинились; а внѣшней отъ того, что никакихъ обстоятельствъ чюжестранныхъ не знали, и не было портовъ, окромѣ города Архангельскаго, которымъ, яко господа, равно какъ и торговлею, Агличане владѣли.

Наконецъ доходы государственные толь были малы, что едва ли восходили до милліона, да и прибавить ихъ, по малому обращенію денегъ и по недостатку торговли, не на кого было.

При таковыхъ обстоятельствахъ возможно ли было льстить себя, яко нѣкоторые нынѣ мудрствуютъ, чтобъ Россія хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба, естли бы Петръ Великій и не употребилъ самовластія, могла достигнуть, не токмо до такого состоянія, въ какомъ нынѣ ее зримъ, но и въ вящшее добротою. Кто воззритъ на вышеписанное безпристрастное начертаніе, тотъ ясно увидитъ, чтобы надлежало многимъ вѣкамъ протечи прежде, нежели бы Россія могла отвергнуть свои предубѣжденіи, получить надлежащее въ военныхъ дѣлахъ устройство, просвѣтиться науками и установить торговлю, да и то при такихъ обстоятельствахъ, естли бы Государи всегда тому способствовали, и сосѣди бы ея не воспрещали ея возвеличенію.

Сказавъ такимъ образомъ общія обстоятельствы, для вящшего испровerженія большей части охуленій, возлагаемыхъ на Петра Великаго, и дабы показать, что самая истинна перо мое направляетъ, забываю на сей часъ его ко мнѣ благодѣянія, которыя чрезъ просвѣщеніе, введенное имъ, я ощущаю, и вступаю къ подробному показанію его пороковъ. Дабы сохранить нѣкоимъ образомъ времяисчительной порядокъ въ оныхъ, начну я съ бунта Стрѣлецкаго. Когда по утишеніи онаго Стрѣльцы уже были взяты подъ стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законнаго своего Государя, тогда, по сугубомъ прежнихъ ихъ бунтовъ прощеніи, младый, строгій, въ суровствѣ и среди изліянія крови воспитанный, самодержавный Государь, не употребилъ Азіяцкаго самовластія, чтобы безъ суда ихъ истребить, но опредѣлилъ вѣрныхъ бояръ изслѣдовать ихъ дѣла; а какъ всѣ они, кромѣ малаго числа, нашлися виновными, то и смерти безъ пощады всѣхъ и осудилъ. Они были едины казнены на площади, и не токмо палачи, но и самъ Государь и бояре многіе, Государемъ бывъ принуждены, имъ головы рубили. Другіе были повѣшены на городскихъ зубцахъ, а нѣкоторые на зубцахъ стѣнъ

Дѣвичья монастыря и въ самыхъ окошкахъ келеи, куда была заключена Царевна Софія, сестра Петра Великаго, начальница всѣхъ сихъ возмущеній. Множество охулительныхъ жестокостей и многое похвалы достойное я въ семъ ужасномъ начертаніи обрѣтаю; но дабы не причли мнѣ въ мерзкую лесть, что въ оправданіе скажу, я потщусь, не закрывая все, что ужасное нахожу, изъяснить. Семь тысячъ человѣкъ вдругъ смерти предаются. Самъ Монархъ обагряетъ недостойнымъ себѣ дѣяніемъ священныя руки кровію подданныхъ своихъ и среди палачей зрится; знатнѣйшіе бояре, къ тому же принужденные, дрожащими руками то же исполняютъ, огорчеваются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающихъ смерть мученье усугубляется. Сестра, хотя преступница, но есть сестра, дщерь Царя Алексѣя Михайловича, не токмо строго заключена въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецовъ, ежечасно должна мучиться взираніемъ на нихъ и обонять смрадъ, отъ тѣлъ ихъ происходящій.

Сіе, думаю, изображеніе не покажется никому лестнымъ. Но воззримъ, что въ казни сей Стрѣлецкой было похвальное и простительное, и что отъ чего происходило. Сказалъ я, что могъ и единымъ своимъ приказаніемъ повелѣть безъ суда умертвить всѣхъ Стрѣльцовъ; но и въ семъ случаѣ былъ произведенъ толь справедливый судъ, что хотя мало могущіе оправдаться были отъ смертной казни освобождены, и не токмо освобождены, но нѣкоторые начальники ихъ, участвующіе въ семъ бунтѣ, когда начали изъявлять свою вѣрность Государю, награжденія получили, яко то были два брата Толстыхъ, которые, наконецъ, загладили свое во младости преступленіе, и наконецъ подпорами отечеству и вѣрными подданными Государя своего были. Взирая на состояніе Стрѣльцовъ, на частые ихъ повторяемые бунты, не могъ младый Государь никогда ожидать, чтобы ихъ безпокойствами власть его не была поколеблема, а паче имѣя уже намѣреніе учинить во всѣхъ частяхъ въ Государствѣ, а особливо въ военномъ расположеніи (что бы ихъ чювствительнѣйшее огорчило), великія перемѣны, не могъ надѣяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сихъ безпокойныхъ людей въ живыхъ останется, чего ради и рѣшился на толь суровое дѣло. Признаюсь, что труднѣе оправдать дѣяніи самаго Государя, бывшаго среди палачей, казнящаго своими руками своихъ подданныхъ, и знатныхъ бояръ къ тому принуждающаго. Но какую мы жестокость ни припишемъ сему Монарху, разумъ у него отнять не можемъ; а естли мы оставимъ ему сіе, то и не можемъ подумать, чтобы къ такому дѣянію онъ безъ политической какой причины приступилъ. Сокрыты отъ насъ и тогдашнимъ молчаніемъ, и временемъ, сіи Царскія тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицынъ, Толстые, Хованской были соучастники симъ бунтамъ: то не имѣлъ ли еще нѣкоего подозрѣнія Государь и на другихъ бояръ, которыхъ симъ

поступкомъ восхотѣлъ учинить собственно ихъ особами участниками сей казни и руки ихъ обмочить въ крови сихъ преступниковъ, дабы остающимся невѣдомымъ ихъ соучастникамъ живымъ на сихъ бояръ сумнѣніе подать? Не хотѣлъ ни по выбору къ сему жестокому дѣлу употребить, дабы тѣ явно не открыты были, что есть на нихъ сумнѣніе; сего ради безъ разбору и другимъ то же велѣлъ исполнять; а дабы самою жестокою сею должностію и никого не огорчить, самъ безчестное для себя на себя отчасти дѣло пріялъ.

Все сіе оправданіе, я признаюся, что есть весьма слабо, въ разсужденіи оказанной жестокости; но отнесемъ при томъ сіе къ тѣмъ суровымъ временамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ ко привычкѣ къ крови, и узримъ, что то, что теперь наижесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Россіи могло простительно казаться, въ Россіи, гдѣ и должность палача не была безчестна, и гдѣ и наказанной палачемъ могъ опять въ чины и въ должности выходить.

Не могу я ни какимъ образомъ оправдать вышепоказанной поступокъ, учиненный имъ съ сестрою его, Царевною Софіею. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодѣйка брату своему и Государю, чтобы не она была причиною множества проліянной крови, какъ во время бунта, такъ и послѣ бунтовъ, въ наказаніе за оные. Но она была его сестра, ему однокровная; заключеніе ея отнимало у нея всѣ способы ухищреніи свои къ возмущенію Россіи употреблять, но надлежало-ль жизнь ее тягостнѣе смерти сдѣлать? Надлежало-ль и видѣніемъ и обоняніемъ мертвыхъ тѣлъ, при засыпаніи, при возбужденіи и во все время ея пребыванія, ее тихимъ, но мучительнымъ, образомъ терзать? Признаемся всѣмъ, что жестокъ былъ Петръ Великій, но возложимъ отчасти сію жестокость на время, въ которое онъ родился, на обстоятельствы и на образъ, коимъ онъ воспитанъ былъ.

Говоря о оказанной жестокости имъ съ его сестрою, прилично здѣсь сказать о жестокости его съ его сыномъ. Сына, рожденнаго отъ крови своея, строгостями своими принудить къ бѣгству; возвратя, повелѣть его судить, истязать его и, ежели то правда, яко послѣдняго подданнаго, казнить. Се есть жестокость, имѣющая мало примѣровъ въ исторіи.

Но дабы судить о вещахъ съ тою справедливостію, каковую требуетъ исторія, каковую должны мы воздавать Монархамъ, и Монархамъ, облагодѣтельствующимъ насъ, надлежитъ не по первому воззрѣнію суды свои располагать, но войти во всѣ обстоятельствы дѣла. Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ человѣкъ не великаго разуму, тайный противникъ всѣмъ изволеніямъ и учрежденіямъ своего родителя и привязанный твердо къ старымъ обычаямъ. Напротиву того, Петръ Великій, ощущая уже пользу своихъ установленій, видя, что уже успѣхи увѣнчиваютъ его труды, не словами, но дѣломъ, любитель своего оте-

чества и блаженства своего народа, для коего онъ толико разъ къ опасности подвергался, яко въ самомъ своемъ письмѣ къ сему сыну своему изъясняется, зрилъ въ немъ найгоршаго непріятеля, каковаго онъ и отечество могутъ имѣть, зрилъ въ немъ разрушителя всѣхъ его учрежденій, подпертаго всѣми тѣми, которые еще любили древніе обычаи, а таковыхъ множество было; долго старался онъ его къ мыслямъ своимъ обратить, вложить въ него чювствія, что подвиги его суть полезны, но, не имѣя успѣху въ семъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдія. Но самое сіе и показывало ему, что сей способъ несть доволенъ для утвержденія его учрежденій и блага отечества; ибо, имѣя и духовный чинъ, и множество бояръ единомышленниками себѣ, какое бы отреченіе могло послѣ смерти его воспретить на престолъ возвести? Какая бы толь твердая темница могла его такъ удержать, чтобъ врата ея не разрушены были? А возведеніе его не токмо угрожало вверженіемъ Россіи въ прежнее ея непросвѣщеніе и слабость, но еще и междоусобною войною!... Рѣшился, яко до крайности простирающій всѣ свои страсти, каковую онъ имѣлъ и къ отечеству своему, непреоборимымъ образомъ, осужденіемъ его на смерть, а можетъ быть, и казнію, сію опасность прекратить. Страшный примѣръ, зримый токмо нами въ Іюніи Брутѣ, примѣръ, показующій жестокость обычая, но главности его не суть хулительны.

Сказалъ уже я выше о обвиненіи, что Петръ Великій, не разбирая ни роду,

ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія Помазанника было учинено. Всякой вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, которой засталъ Петръ Великій и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои не инако, какъ по болѣзни почитали, не щитая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими *) руками были учинены. Колико находимъ мы въ Разрядныхъ книгахъ, что иного, высѣкши плетьми, отсылали къ тому головою, съ кѣмъ мѣстничался, или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ; имянъ я ихъ не поминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ ихъ; но всѣ, которые хотя мало знаніе имѣютъ въ Россійскихъ древностяхъ, въ истиннѣ сей согласятся. А однако сіи тогда наказаніи не безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петръ Великій, послѣдуя горячему своему обычаю, и когда (имѣлъ дѣло?) съ таковаго воспитанія людьми, самъ воспитанію своему уступалъ? Они сами, претерпѣвшіе такія наказаніи, свидѣтели мнѣ суть; ибо мнѣ еще удалось многихъ изъ нихъ знать: былъ ли хотя одинъ, которой бы за сіи побои пожаловался на Петра Великаго, или бы

*) Катъ, по Малороссійски палачъ.

устыдился объ оныхъ сказать, или бы имѣлъ какое озлобленіе на него; но всѣхъ паче видѣлъ я исполненныхъ любовію къ нему и благодарностію; а сіе и доказуетъ, что сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времяни. Не довольно сего; тѣ, которые толь во укоризну Петру Великому сей поступокъ проглашаютъ, разсмотрѣли ли, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, коихъ изъ праху возвелъ на великія степени, или младыхъ людей, часто исполненныхъ пороками, да и симъ обоимъ часто сіи наказанія замѣнялись, вмѣсто жесточайшихъ наказаній, которыя бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, часто съ грубостію ему противурѣчющій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Князь Михайло Михайловичъ и Князь Дмитрей Михайловичъ Голицыны, многажды противящіися его изволеніямъ, никогда такого наказанія не претерпѣли. И тако лучше удивится, охулители Петра Великаго, мужа нравомъ горячаго, воспитаннаго въ такомъ вѣкѣ, въ коемъ побои, учиненные вельможѣ, за безчестье не считались, что онъ съ терпѣньемъ снесъ отъ Князя Долгорукова разодраніе подписаннаго имъ протокола; что не наказалъ за неподписаніе Шереметевымъ суда Царевича, и сказавшаго ему въ отвѣтъ: «Служить своимъ Государемъ, а не судить его кровь моя есть должность;» не послушавшаго его при взятьѣ Шлюсембурга Князя Голицына, учинящаго отвѣтъ: «Несть въ твоей волѣ, но въ волѣ Бѳжіей есть»; исправившаго мысли Государевы Князь Дмитрія Михайловича Голицына, принудившаго, превосходныя доброты сочиненіемъ Каморъ-Коллежскаго Регламента, уничтожить тотъ, что самъ Петръ Великій начерталъ. Яко человѣку, все сіе не могло ему прискорбія не нанести, но, яко ирой, уступая свою пользу пользѣ Государства, видя искренность сердецъ изящныхъ сихъ своихъ слугъ, не токмо чѣмъ ихъ наказалъ, но паче милостями осыпалъ.

Крѣпость тѣлесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колико сіе ни есть естественное побужденіе, колико ни есть Монарховъ, которые оной не стыдятся, но я не могу ее не почесть порокомъ, отъ котораго желательно бы было, чтобы сей великій мужъ воздержался, тѣмъ найпаче, что ни обычаи, ни примѣръ его страны въ семъ его оправдать не могутъ; и можетъ быть, что онъ свершилъ расположеніе свое къ сей страсти путешествіями своими въ чюжіе краи и примѣрами, которые онъ тамъ видѣлъ и слышалъ. Но со всѣмъ тѣмъ думаю, чтобъ любострастіе его не имѣло такой силы надъ нимъ, естли бы въ первой своей супругѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу; но, не имѣя сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, самъ въ любострастіѳ ввергнулся. Но воззримъ и въ семъ случаѣ на его поступокъ: узримъ ли мы, чтобъ сія страсть, которая толь многими овладѣла, которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы, которая Помпея и Антонія погубила,

когда нибудь отвлекла его отъ трудолюбія, должности или правосудія? Онъ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его побѣждена не была. Карлъ XII-й толь боялся сей страсти, что даже видѣть женскій полъ страшился; вмѣсто что Петръ Великій среди тѣлесныхъ удовольствій, владычествовалъ надъ нею. На сіе, можетъ статься, могутъ мнѣ отвѣтствовать, что онъ Екатерину, изъ низкаго состоянія плѣнницу, учиня сперва своею любимицею, возвелъ, наконецъ, быть своей супругою, и се есть знакъ, что, по крайней мѣрѣ, въ семъ случаѣ страсть его побѣдила. Остановитесь и разсмотрите: во первыхъ, для сей Екатерины, яко любимицы иль яко супруги, упустилъ ли что Петръ Великій? Сдѣлалъ ли для нее какое неправосудіе? И думаю, что злодѣи его мнѣ скажутъ: «Нѣтъ!» Извѣстно каждому, что страсти въ насъ дѣйствуютъ сильнѣе тогда, когда хотѣніи наши неудовольствованы; сей причины Петру Великому не настояло, ибо онъ безпрепятственно ею владѣлъ, и Екатерина, кто ее зналъ, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотѣть быть его супругою. Что-жъ его побудило къ такому великому ей награжденію? Первое, признаніе за всѣ, ею понесенные съ нимъ труды и за благіе совѣты, которые она ему въ опасномъ случаѣ при Прутѣ подала, что и самъ онъ объявлялъ. Второе, мнѣ кажется, была и политическая причина. Петръ Великій отъ перваго браку имѣлъ единаго сына— Царевича Алексѣя, котораго уже усмотрѣлъ быть неудобна къ пріятію Россійскаго престола и къ содержанію начатыхъ имъ дѣлъ; отъ сея же Екатерины имѣлъ уже двухъ дочерей, видѣлъ уже себя начинающаго ослабѣвать, не зналъ, будетъ ли имѣть толь достойную и повиновенную супругу, какъ сія, а отъ сея зрилъ уже и потомство, то супружествомъ своимъ и признаніемъ законными рожденныхъ дѣтей хотѣлъ утвердить престолъ свой; а самымъ симъ и могущее междоусобіе случиться послѣ смерти его упредить. Естли таковыи были намѣреніи Петра Великаго, яко сіе есть весьма вѣроятно, то истинно я въ поступкѣ семъ ничего охулительнаго не нахожу. Ибо, когда Государи, его предки, на многихъ незнатныхъ женивались и не зная внутреннихъ ихъ расположеній, то чего ради Петру Великому не вступить было въ бракъ не токмо съ той, которой добродѣтели ему были извѣстны, (но?) къ которой имѣлъ причину благодарности, и чрезъ что могъ утвердить безопасность престола своего и спокойство Россіи?

Никто Петра Великаго въ неумѣренной склонности къ пьянству не обвиняетъ; но находятъ въ немъ достойно охуленія, какъ оно дѣйствительно и есть, что онъ иногда на пиршествахъ, снисходя въ равенство къ подданнымъ своимъ, самъ излишнее пивалъ и другихъ паивалъ. Первое показуетъ невоздержность, а другое охулительное самовластіе. Но не одинождыя предложилъ правило, что есть разныя времена, и суть разные нравы и обычаи, взирая на которое и должно не только таковаго великаго мужа, но и приватнаго человѣка, судить. А сіи

самые нравы и были таковые не токмо въ Россіи, но почти и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сей Государь, для просвѣщенія своего народа, путешествовалъ. Вездѣ, во время веселій и пиршествъ, лишнее пивали, чиня сіе, яко знакъ удовольствія. То можно ли, яко непростительное дѣло, охулить сіе въ семъ Государѣ, когда подражалъ онъ въ томъ всей Европы тогдашнимъ обычаямъ, съ тою особенностію, что низлагалъ съ себя и пышность Царскую, и снисходилъ къ подданнымъ своимъ, съ ними, не яко ихъ Монархъ, но яко равный, веселился, подавая имъ способъ въ семъ случаѣ всѣ истинны ему говорить и дружески съ нимъ обходиться? И конечно, естли всякое упиваніе есть зло, но чинимое имъ нисхожденіе, можно сказать, нѣкоимъ образомъ сіе зло исправляетъ. А сверхъ того сіе не толь его занимало, чтобы хотя малую остановку въ дѣлахъ приключить могло, яко свидѣтельствуютъ то превыше, кажется, силъ человѣческихъ исполненныя имъ дѣла. Къ тому же, можетъ статься, что онъ въ семъ поступкѣ и сугубый имѣлъ предметъ, познавалъ въ пьянствѣ враждующихъ между собою вельможей, а чрезъ самое сіе бралъ свои осторожности, чтобы не быть обмануту навѣтами единыхъ на другихъ; и не безызвѣстно ему было, что много еще было такихъ, которые о старыхъ обычаяхъ сожалѣли, и многіе были ему недоброхотны, то симъ способомъ и мысли ихъ онъ тщился познавать и остерегаться отъ поставляемыхъ ему мрежей. И се, можетъ статься, была причина, что не токмо

знатнѣйшихъ бояръ нѣкоимъ родомъ самовластія упиваться принуждалъ, но иногда и женщинъ поилъ. Жестокое дѣло, но по обстоятельствамъ, можетъ быть, тогдашнимъ необходимо ему было.

Наконецъ, обвиненіе его въ неумѣренномъ самовластіи видъ истинны имѣетъ. Онъ перемѣнилъ всѣ порядки, принудилъ одѣваться инако, нежель прежде былъ обычай, принудилъ выбрить бороды, наложилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу, не по срокамъ, но навсегда; взявъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Вотъ сильные знаки самовластія. Но да воззрятъ охуляющіе въ семъ Петра Великаго, тѣ, кои отъ самовластія сего получили и самое то довольное просвѣщеніе, чтобы самовластіе сіе охулять. Возмогъ ли (бы?) Петръ Великій достигнуть до намѣряемыхъ имъ поправленій безъ оказанія самовластія? Отмѣннымъ образцомъ сшитое платье хотя ничего не знаменуетъ, но оно отнимало различіе между Россіянами и чюжестранными, которые нужны ему были, а коихъ Россійской народъ ненавидѣлъ. Бритіе бородъ такъ же чинило Россіянъ сходственныхъ на другіе изученные Европейскіе народы, и отнимало у нихъ предубѣжденіе, яко бы всѣ, не имѣющіе бородъ, погани были; а къ тому же и истребляло родъ ереси Антропоморфитовъ, которая, по незнанію, вкоренена была. Не могъ онъ ввести порядокъ, не сдѣлавъ нѣкоторыя знатныя перемѣненіи во всемъ правительствѣ. Не могъ онъ распространить торговли, безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣтеніе портовъ

не могъ получить безъ войны, а потому порядочныя войска для защищенія государства и для пріобрѣтенія странъ необходимо нужны были; а порядочныя войска не могли завестися, естли останется земская служба, по малымъ срокамъ располагаемая, естли бы дворяне не вступали съ нижнихъ чиновъ въ службу, и тѣмъ, чрезъ собственное свое испытаніе, не приобрѣтали въ ней нужное искусство, не имѣли бы порядочнаго за заслуги или по старшинству произвожденія, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведеніе войны и сооруженіе флота требуютъ денегъ; ихъ весьма было мало. Комерція почти ничего не приносила, и, не взирая на всю умѣренность въ собственномъ житьѣ сего Государя, онъ почти всегда въ нихъ нужду ощущалъ: то умноженіе денежныхъ налоговъ совершенно нужно было, разумѣя чрезъ сіе сей великій Государь, что, хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размноженіе торговли, заведеніе мануфактуръ и ремеслъ, и умноженіе обращенія денегъ, наконецъ, сіи налоги не тягостны учинятъ, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Надлежало ввести просвѣщеніе въ Россіи: то чѣмъ лучше можно было его ввести, какъ посылкою благородныхъ юношей для наученія не токмо наукамъ, военному искусству, но и самымъ ремесламъ, показуя, что несть ничего подлаго, что къ пользѣ отечества можетъ послужить? И простершій самъ Монархъ къ скипетру рожденныя въ работу руки, не могъ ли требовать, чтобъ подданные его ему подражали? Все сіе онъ учинилъ самовластнымъ образомъ, не спрашивая совѣту ни отъ кого; да отъ кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемѣны въ правленіи убѣжденнымъ людямъ въ его пользѣ, и пользующимся непорядками онаго, да(и?) не чувствующимъ пользъ, которыя могутъ произойти? Предложить ли ему сообщеніе съ чюжестранными народами тѣмъ, которые за грѣхъ сіе щитали? Предложить ли наложеніе податей тѣмъ, которые самый малый налогъ за несносную тягость почитали, а пользы не предвидѣли? Предложить ли учрежденіе порядочныхъ войскъ тѣмъ, которые тѣмъ лишались многихъ своихъ правъ, подвергались во многіе труды и лишались подданныхъ своихъ, которыхъ должны были въ рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей въ чюжіе краи, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумѣренною привязанностію къ дѣтямъ своимъ, (но?) и по самому суевѣрію, думая, яко бы осквернятся пребываніемъ не съ единовѣрными, тому противны были? И тако не съ кѣмъ было Петру Великому совѣтовать: то имѣлъ онъ право, по великимъ своимъ расположеніямъ и по мудрому предвидѣнію, самовластно то повелѣвать?

Но воззримъ на Петра Великаго въ другихъ дѣлахъ, гдѣ не настояла такая нужда. Учинилъ ли онъ въ рѣшеніи дѣлъ, которыя самъ рѣшилъ, по какому пристрастію, кому несправедливость? Не равно ли послѣдняго подданнаго съ найлю-

бимыми своими вельможами судилъ? Не вкушалъ ли онъ при рѣшеніи дѣлъ грубыя, ему учиненныя, противурѣчіи, и не соглашался ли всегда на истинну, не гнѣваяся за грубость? Когда учинилъ ощутительны полезныя свои установленіи, не далъ ли Сенату указу, не принимать самыхъ его повелѣній, когда противны государственной пользѣ онѣ будутъ или противурѣчительны другимъ законамъ? Не совѣтовалъ ли онъ всегда съ своимъ Сенатомъ и не побуждалъ ли ему самую истинну говорить? Понеже никто всѣхъ сихъ справедливостей откинуть не можетъ, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе, и можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ Государя съ подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродѣтели сего благодѣтеля Россіи; направляемо бывъ истинною, по силѣ своей изобразило его пороки и проступки, съ показаніемъ, колико онъ къ онымъ обстоятельствами, умоначертаніемъ, обычаями того времени и воспитаніемъ былъ побужденъ. Теперь остается мнѣ въ заключеніи сего оправдать и себя въ томъ, что, можетъ быть, нѣкоторые мнѣ скажутъ, что я есть защитникъ деспотичества, иль самовластія, и что по предложеннымъ мною правиламъ и каждый Монархъ можетъ сказать, что онъ такіе же имѣетъ благіе виды, и подобныя же ему обстоятельства настоятъ употреблять самовластіе, и его употребитъ.

Несть мое намѣреніе побуждать владыкъ свѣта къ забвенію взаимной связи между престола и гражданъ и влагать въ нихъ мысли, усугубляющія злосчастіи рода человѣческаго. Но симъ не охуляю я Петра Великаго въ его самовластіи: ибо можетъ ли кто нынѣ Государь въ Европѣ имѣть такія обстоятельства, какія имѣлъ сей Монархъ?

И тако, тотъ Государь, который помыслитъ употреблять такое самовластіе, да размыслитъ прежде, нашелъ ли онъ народъ свой безъ просвѣщенія и загрубѣлой въ своихъ обычаяхъ и, по несправедливому воображенію своему о вѣрѣ, противляющійся всякому просвѣщенію? Былъ ли подвергнутъ отъ юности своея къ разнымъ безпокойствамъ, ухищреніямъ и бунтамъ, которыя всѣ силою разума своего превозмогъ? Испыталъ ли всѣ состоянія самъ собою, и обозрѣлъ ли безъ пышности, но съ прилежаніемъ, почти всѣ части своего государства? Подвергъ ли себя ко многимъ трудамъ и опасностямъ для любви къ отечеству своему? Снизошелъ ли въ состояніе своихъ подданныхъ, законами являяся имъ строгій Государь, обхожденіями же другъ? Вкушалъ ли безъ гнѣву грубыя ему учиненныя противорѣчіи, и всегда ли готовъ былъ истинну слушать?

Естли кто все сіе исполнилъ, то, имѣя такія расположеніи, можетъ безъ охуленія употреблять самовластіе. Но кто все сіе исполнитъ?

НА ПОДНЕСЕНІЕ

титла Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петру Великому *).

Счастливое окончаніе столь долговременныя и кровопролитныя войны, съ пріобщеніемъ многихъ областей къ Россійской Державѣ; видѣніе всего того, что Царь Петръ Алексѣевичъ во время пущихъ безпокойствъ сея брани исполнилъ для пользы Россіи, и въ коихъ многихъ установленій уже и плоды она вкушала, возбудили въ чувствительныхъ сердцахъ ко благу отечества тогда бывшихъ Сенаторовъ желаніе, дабы нѣкоимъ всенароднымъ и въ вѣчность преложеннымъ знакомъ благодарность ихъ и цѣлаго Россійскаго народа своему Монарху и Благодѣтелю изъявить. Для сего Сенатъ, сообщася съ Синодомъ и единомышленно воззрѣвъ на всѣ подвиги и дѣла своего Монарха, увидѣли въ немъ ясные знаки чадолюбиваго отца къ своимъ подданнымъ, расширителя пространныя своея Имперіи, и великими своими дѣлами не только равняющагося, но и превосходящаго всѣхъ прежде его имена Великихъ носящихъ Государей, чего ради и опредѣлили именемъ всего Россійскаго народа поднести ему титлы: Отца Отечества, Императора Всероссійскаго Петра Великаго. На сіе съ трудомъ отъ сего Государя испросивъ дозволеніе въ самый день торжества мира (со Швеціею), т. е. Октября 22 числа, по литургіи и по ученіи, оба сіи совокупленныя Правительства, приступивъ къ Государю, чрезъ Канцлера Графа Головкина, о принятіи сихъ титловъ Государя просили. Когда Государь на сіе соизволилъ, тогда восклицанія народныя и всеобщую любовь и усердіе доказали. Удивляющемуся потомству дѣламъ сего великаго Государя напамятованіе сего неложнаго знака любви его подданныхъ слѣдующею медалью прелагается.

На личной сторонѣ: Образъ Его Величества, съ надписью: Петръ Алексѣевичъ Б. М. Императоръ всея Россіи.

На оборотѣ: Россія, имѣющая въ правой рукѣ рѣзецъ и щитъ, прислонена къ торжественному столпу, ею воздвигнутому, на пьедесталъ коего начертываетъ сіи слова: Петру Великому, Императору, Отцу Отечества, отъ Россійскаго Сената и народа. — Надпись: Отечество Отцу. Внизу: Титлы поднесены 1721 года.

*) Печатается съ рукописнаго подлинника, принадлежащаго Имп. Публичной Библіотекѣ (бывш. Эрмитажной).

ПРОШЕНІЕ МОСКВЫ

о забвеніи ея *).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Древнѣйшій градъ, прежде бывшій (бывшаго?) царствія, а потомъ имперіи Россійской, припадаетъ къ стопамъ своихъ Монарховъ, да изъятъ будетъ отъ восьмидесяти четырехлѣтняго забвенія, да обновится благоволеніемъ своихъ Монарховъ, да покровенная сѣдинами глава его возрадуется о напоминаніи древнихъ его заслугъ!

Видя толь долговременное забвеніе, въ которое подверженъ есть, размышлялъ о древнемъ своемъ состояніи и дерзаю краткую повѣсть заслугъ и вѣрности моей, такъ же и пользъ, предъ очи Монарши представить, да не затмится вѣками оказуемое усердіе мое къ владѣтелямъ Россіи, и естьли сіе меня изъ забвенія и оставленія не извлечетъ, да будетъ сіе, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ, что въ горести моей испускалъ я болѣзненный гласъ, но что рокъ нещастный мой превозмогъ и пользу, и правость, и заслуги, и милосердіе.

Молчу о началѣ моемъ, сокрытомъ темнотою временъ,....**) нежели градъ, который, по разореніи Владимира, избралъ, 429 (459?) тому лѣтъ, въ престолъ себѣ Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ. Не я ли первый поднялъ главу свою противъ опустошителей и покорителей Россіи, то есть, Татаръ? Не изъ нѣдръ ли моихъ подвинулся съ воинствами Великій Князь Димитрій Донской на разрушеніе силы Мамаевой? Не я ли претерпѣлъ тяжкое разореніе при томъ же Великомъ Князѣ отъ злобнаго Тохтамыша, и трупами наполненныя мои стѣны, сожженные зданіи, и обагренная вся земля кровію моихъ гражданъ—не суть ли знаки моего усердія? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили сіи побѣдоносныя войска, которыя Одоевъ, Козельскъ, Можайскъ, Вязьму, Бѣлевъ, Воротынскъ и Смоленскъ къ Россійской державѣ пріобщили? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили тѣ воинства, которыя въ междоусобіи, возженномъ Князь Андреемъ Васильевичемъ, низложили его кичливость и утвердили престолъ малолѣтнаго Царя Іоанна Васильевича? Изъ стѣнъ моихъ потомъ подвинулись и тѣ воинства, которыя Казань, Астрахань и Вят-

*) Статья эта была напечатана въ I книгѣ Чтеній Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 г. Вѣроятно она была написана въ 1787 г. (черезъ 84 года послѣ 1703 г.)

**) Очевидно, здѣсь пропускъ.

ку покорили; а Великій Новгородъ и Псковъ, пользующіися своими вольностями, принуждены были мнѣ уступить, и вѣчевые ихъ колокола, привезенные въ мои стѣны и повѣшенные на моихъ бойницахъ, суть знаки моея вѣрности. Подвигшаяся Девлетъ-Гиреева сила окружала мои стѣны, предмѣстія мои сожгла; погибли тутъ именитыя мои чада, но вѣрность моя не была поколеблена, и имѣлъ послѣ сего вскорѣ я удовольствіе почти зрить съ бойницъ моихъ разбитіе сего самаго Девлетъ-Гирея подъ Молодями, гдѣ единый изъ любезныхъ моихъ сыновъ, Князь Воротынскій, прославился. Воздвигнулись потомъ изъ стѣнъ моихъ воинства—Полоцкъ, часть Литвы и Лифляндію покорили, и хотя премѣною щастія лишилася Россія сихъ своихъ завоеваній, но вѣрность моя къ своимъ Царямъ равновѣсіе противу щастія и побѣдъ содержала. При младомъ Царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ пришедшіе Татары тщетно облежали мои стѣны, прогнаны и разсѣяны, оставили токмо знаки сыновъ моихъ побѣды, и вѣчный знакъ сооруженія Донскаго монастыря тому есть вѣрный памятникъ.

Много источниковъ слезныхъ пролили очи мои, когда смертію Царя Өеодора Іоанновича пресѣкся корень моихъ Царей, корень сѣдящихъ на Московскомъ престолѣ: Рюрика, Святаго Владимира и Владимира Мономаха. Въ тоскѣ моей не знала я (Москва) куда прибѣжище имѣть; я, союзъ брачный древнему произшествію предпочитая, бывшей на ложѣ съ нимъ правленіе надъ собою предала, и токмо за отреченіемъ ея, по ея повелѣнію, брата ея, Бориса, возвела на престолъ свой. Не свѣдомо мнѣ было тогда его злодѣйство, что онъ руки свои обагрилъ въ безвинной крови моихъ прежнихъ Государей. Но таинство, сокрытое отъ меня, видно предъ Господомъ было; Борисъ въ безпокойствѣ препроводилъ время царствованія своего, а сынъ его отъ хищныя же руки погибъ. Сіе время заблужденія моего, заблужденія, а не невѣрности. Въ Самозванцѣ мнила зрить послѣднюю отрасль моихъ Государей, съ радостію въ нѣдры мои его приняла, увѣнчала его Царскимъ вѣнцомъ и подъ власть его предалась. Поступокъ внѣшней мой виновенъ былъ, невинно было сердце. Вскорѣ лесть Самозванца открывается, любезные сыны оружіе пріемлютъ, защищаютъ вѣру и отечество, хищника плѣняютъ и, доказавъ его вину, предаютъ жестокой казни. Тогда, лишенна отрады и надежды видѣть уже древнихъ моихъ Государей непосредственно текущую кровь царствующую надо мною, обратила я очи мои на избавителя моего, на кровь Рюрикову и Владимирову, на ближняго свойственника моихъ Царей, и державство ему вручила. Шуйской лишь въ смутности время царствованія своего препроводилъ; самозванцы умножились, повсюду кровь Русская лилась, и раздѣленная Россія къ пагубѣ своей приближалась. Терзая внутренность свою и не находя способовъ сопротивляться, я гибель—не роду Царскаго—Царя предпочла спасенію Россіи, предала его Литовцамъ, дабы возведеніемъ сына Сигизмундова Россію успо-

коить. Се новыя нещастіи ошибки моей послѣдовали: Поляки, овладѣвъ частію Москвы, ни Владислава не давали, ни обѣщаній своихъ не содержали, и гибель моя уже приближалась, когда мои же любезные дѣти, изгнанные междоусобіемъ, Трубецкой и Пожарскій съ другими Россіянами, избавили меня отъ ига вражескаго, дали по претерпѣніи моемъ мнѣ свободу оказать паки совершенную мою вѣрность къ моимъ Государямъ. Глаголютъ всѣ естественныя и народныя правы, что по окончаніи Царскаго племени народъ вступаетъ въ первобытныя свои права избирать себѣ новаго Царя или перемѣнить законы. Воспользовался ли я симъ? Нѣсть. Но свойственника по женскому колѣну, внука брата Царицы Анастасіи Романовны, Михаила Ѳедоровича Юрьева Романова, малолѣтна и во изгнаніи суща, на престолъ Россійскій возвела. Напрягая всѣ свои силы въ помощь малолѣтнему Государю, отъ междоусобій, отъ Шведовъ и Поляковъ Россію освободила, родителя его, Филарета Никитича, изъ плѣну извлекла, и утвердила престолъ его. Ту же вѣрность сыну его и внуку, Царю Ѳеодору Алексѣевичю, сохраняла, даже какъ смерть, скосивъ дни его въ цвѣтущей младости, паки меня въ младенческое правленіе ввергла. Я сперва малолѣтнаго брата его, остроумнова Петра, а потомъ, по возмущеніямъ Стрѣлецкимъ, брата Іоанна на престолъ возвела. Сопротивляясь всѣмъ бунтамъ Стрѣлецкимъ, среди его опасностей покрывала его моимъ щитомъ и тѣлесами любезныхъ чадъ моихъ, была первая свидѣтельница его младенческимъ, но ироическимъ забавамъ въ отсутствіи его хранила ему вѣрность. Увы! сей самой мя оставилъ. Сей, по нуждѣ ли, для учрежденія флота и торговли и для близкаго надзиранія производящейся войны, или гнушаяся старыхъ моихъ обычаевъ, пренесъ столицу во вновь построенный во имя его градъ.

Источники слезъ, яко у вдовицы, потекли изъ глазъ моихъ, умолкли веселые лики въ моихъ стѣнахъ, и гусли молчащіе на сухихъ древесахъ повѣшены зрились. Колико часто звучныя побѣды и полезныя отечеству установленіи ни возвеселяли сердце мое, но мгновенное и рѣдкое видѣніе моего Монарха пронзало душу мою. Лутчіе мои граждане, отвлеченные отъ стѣнъ моихъ, въ чюждую землю пошли утвердить жилище свое, толпы поселянъ посланы были обработывать болотистую и неплодную землю, зданіи мои, за неповелѣніемъ ихъ возобновлять, сокрушались, и новыя запрещено было строить. Наконецъ скончался сей Государь, жившій долго по числу трудовъ своихъ, но мало для пользы Россіи. Пріемница его, Екатерина, такъ же вскорѣ дни свои прекратила; и внукъ Петра Великаго, Петръ Алексѣевичъ, въ младыхъ лѣтахъ взошелъ на престолъ Россійскій.

Утѣшились очи мои видѣніемъ младаго Государя, возобновилась надежда въ сердцѣ моемъ, видя его паки любящаго праотческій градъ. Но яко тѣнь проходитъ, тако прошло счастіе мое; и сей младый Государь, подобно разцвѣт-

шей лилеи, палъ подъ остріемъ смертныя косы.

Двѣ сестры въ юныхъ лѣтахъ и двѣ тетки остались наслѣдницы къ престолу, и собравшіеся вельможи избрали Анну, дщерь Царя Іоанна Алексѣича, но избрали съ положеніемъ предѣловъ ея власти и владычеству. Не могла я терпѣть, бывъ всегда облагодѣтельствована моими Государями, чтобы границы власти ихъ полагали, и вскорѣ, разрушивъ всѣ условіи, безпредѣльно на добрую вѣру ея предалась.

Увы! и сія также воздала мнѣ, отдаленіемъ себя отъ стѣнъ моихъ, и во все время царствованія ея уже очи мои не зрили лица ея.

Съ того же времени и до нынѣ лишилася я удовольствія зрить пребывающихъ Монарховъ въ стѣнахъ моихъ. Елисавета, и нынѣ царствующая Екатерина, лишь на малое время удостоиваютъ меня присутствіемъ своимъ. Но увы, какое присутствіе, — присутствіе, показующее самое ихъ, моихъ Государей, неудовольствіе; насилу явятся во градъ мой, въ древнюю столицу предковъ своихъ, спѣшатъ его оставить, дабы съ веселіемъ возвратиться на Невскіе берега. Ни стеченіе множества благородныхъ, потомства тѣхъ, кои пролили кровь свою для службы отечества, ни безчисленнаго (числа) народа, радостными восклицаніями изъявляющаго свою вѣрность и усердіе къ Государямъ, ни святость мѣстъ, знаменитыхъ многими чудесами и почивающими Божіими угодниками, ни гроба праотцевъ своихъ, ни древнія зданія, идеже (обитали?) прежніе мои Государи, положившіе основаніе величеству Россіи, и ни прекрасныя окружности мои, сдержати и привлечь сердца ихъ не могутъ.

И въ горести своей, самый сей прискорбный поступокъ Государей моихъ тщуся оправдать, взирая на красоту вновь созданнаго града, на величество протекающія рѣки и на цвѣтущую торговлю въ ономъ. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, воззрите на мое состояніе! Древнія развалины мои имѣютъ нѣкоторыя пріятности, смѣшенныя еще съ полезностію; пріятны они тѣмъ, что самую древность мою и Вашей Имперіи представляютъ; полезны тѣмъ, что воспоминаютъ разныя услуги, учиненныя отечеству. Во мнѣ зрится не пространное и не хорошее зданіе стариннаго дворца за золотой рѣшеткой; тамъ Царь Іоаннъ Васильевичъ жилъ; тамъ видно то окошко, коимъ отъ грозящаго ему наказанія Растрига спастися хотѣлъ, но, гнѣвомъ Божіимъ гонимъ, преломивъ ногу, паки въ царскіе чертоги былъ внесенъ и достойную месть за свои преступленіи пріялъ; тутъ существуетъ еще Красное крыльцо, идеже измѣнникъ Басмановъ отъ руки Шуйскаго наказанъ былъ; откуда Нарышкинъ, за Государя своего претерпѣвая, на остріе копей стрѣльцами низринутъ былъ. Еще извѣстны мѣста, гдѣ за вѣрность свою убитъ стрѣльцами Языковъ, и гдѣ Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, жизни лишены. Священныя зданіи, сооруженіи и знакъ набожія твоихъ предковъ, суть купно свидѣтели ихъ добродѣтелей и напоминатели, идеже Им-

ператорскимъ вѣнцомъ вѣнчалась, идеже помазалася священнымъ елеемъ и санъ Монаршій священнымъ обрядомъ важнѣе учинила, къ вящему привлеченію вѣрности и любви народной. Но что я исчисляю всѣ знаменитыя мѣста? Пространство, приличное прошенію моему, возможетъ ли все оное помѣстить? Въ стѣнахъ моихъ созданные божественные храмы представляютъ единые памятники какихъ побѣдъ и пріобщенія къ Россіи, яко Покровскій соборъ, и протчіе. Другіе созданы въ память какого знаменитаго враговъ пораженія, яко церковь Покрова въ Кудринѣ—пораженія втораго Самозванца, воромъ Тушинскимъ именованнаго. Иные суть памятники какого злоключенія, яко Илья Обыденный—бывшей въ Москвѣ язвы. Срѣтенскій монастырь—памятованіе купно внесенія образа Владимирскія Богородицы въ Москву и избавленія Россіи отъ Темиръ-Аксака. Самыя улицы и урочища знатныя дѣянія представляютъ. Проломъ на Трубѣ воспоминаетъ знатное учиненное отраженіе Полякамъ; Замоскворѣчье—храброе сопротивленіе Девлетъ-Гирею, гдѣ многія чада мои погибли; урочище Арбатъ показуетъ, что Татары нѣкую власть имѣли во градѣ и обозы свои тутъ останавливали; Болвановка, что тутъ они жительствы имѣли, и прочее. Такъ что съ нѣкоими свѣдѣніями Россійскій гражданинъ не можетъ сдѣлать шага, чтобы не воспомянуть вѣрность и усердіе своихъ праотцевъ къ отечеству и Государю, и къ оному бы вяще не побуждаться.

Шумящія струи рѣки моей не имѣютъ

ни пространства, ни чистоты Невскихъ водъ, а паче бывъ безъ призрѣнія, ежедневно чистоту свою теряютъ, но, однако, показуютъ по живущей въ ней нѣжной рыбѣ, чтобы они болѣе чистоты могли имѣть, и конечно не отягчаютъ жителей такими болѣзнями, которыя Невскія воды производятъ.

И тако, естьли бы милосердое око Вашего Величества воззрило на мои стѣны, естьли-бъ частое пребываніе Ваше обновило юность мою, то-бъ огромныя зданіи гораздо съ большимъ успѣхомъ возвысились въ стѣнахъ моихъ, и новое зодчихъ искусство, смѣшаясь съ древними строеніями, двойную бы красоту мнѣ придали. Коломенское, Воронцово и другія окружныя села могли бы, при лутчемъ воздуха раствореніи, замѣнить мѣсто Петергофа и Царскаго Села, и поля бы изобильныя не болота представляли, но обильныя жатвы, изображающія обильность Монарша милосердія, или паче сказать, воспоминаніе обильной въ милости десницы, питающей вселенную. Возвеселилось бы сердце Царево, и возвеселилась бы я о Царѣ своемъ.

Средоточное мѣстоположеніе среди Имперіи моего града было бы удобнымъ къ скорѣйшему дохожденію всѣхъ извѣстій до правительства, и власть Монарша, повсюду равно простираясь, нигдѣ (бъ?) ослаблена не была; вельможи бы, окромѣ что отъ повсюду зримыхъ ими памятниковъ усердія и вѣрности ихъ праотцовъ, болѣе бы нутренность страны познали, и нужды бы народныя извѣ-

стнѣе имъ были; а къ тому, бывъ ближе къ своимъ деревнямъ, своимъ собственнымъ домоводствомъ и домоводство другихъ побуждали, и изъ стеченія приватныхъ пользъ польза общественная могла (бы?) проистечи.

Наконецъ цвѣтущая въ Петровомъ градѣ торговля можетъ ли Монарховъ моихъ остановить? Ибо, коль она ни есть престранна и коль ни есть полезна, но пространство ея не отъ окружностей Петербурга происходитъ, но отъ обильства другихъ странъ Россіи, ближайшихъ ко граду моему; оживленіе же моего состоянія паче укрѣпитъ и сію часть государственныхъ доходовъ, а паче тѣмъ, что вельможи, бывъ отдалены отъ порта, не имѣя толико удобности получать чюжестранные товары, самымъ симъ сластолюбіе и роскошь ихъ стѣснится, а примѣръ ихъ, воздѣйствуя и надъ протчими, повсюду сіе зло, вкрадшееся въ Россію, сократитъ.

Воззри, всемилостивѣйшая Государыня, что состарѣвшійся въ вѣрности своимъ Монархамъ градъ съ покорностію представляетъ, воззри на всѣ мои заслуги, на вѣрность мою и чадъ моихъ; на полезность, приносимую прежде и нынѣ въ Россіи, и да не буду я, яко отвергнутая раба, лишена зрѣнія Монарховъ моихъ; да чада мои, служащія тебѣ, не будутъ забвенны отъ воззрѣнія твоего! Они не менѣе жаромъ любви къ тебѣ и къ отечеству пылаютъ, какъ тѣ, которые имѣютъ щастіе тебя окружать, съ тою токмо разностію, что тѣ питаются надеждою милостей твоихъ, а сіи и безъ всякія надежды тѣ же чювствіи ощущаютъ. Ободри мою старость, ихъ же усердіе, вложи присутствіемъ твоимъ ту твердость и великодушіе, какое отцы ихъ ощущали, и буди обновительница старости моей, купно нравственныхъ добродѣтелей и блаженства Россіи!

ПЛАНЪ ИСТОРІИ

Ея Императорскаго Величества славно царствующей надъ нами Императрицы Екатерины II *).

Надписаніе ея должно состоять: «Исторія царствованія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской и проч.».

По вступленію, показующему некоимъ образомъ умоначертаніе сего труда, не безполезно изъяснить для подозрительнаго потомства, что, хотя сія исторія и въ самое время ея царствованія писана, однако лжи и ласкательства въ ней не будетъ: 1) для того, что Монархи, сидящіе на престолѣ, довольно подвергнуты къ всенародному взору, дабы отвратить (отъ неправды?) каждаго имѣющаго благородныя мысли писателя, и чтобы, не отвергнувъ весь стыдъ, извѣстной несправедливости сказать неосмѣлился. 2) Ласкательство же неприлично употреблять къ такой Монархинѣ, которая дѣлами своими довольно свое остроуміе показала, и тщетная то будетъ хитрость, чтобъ пріобрѣсти ея благоволеніе; ибо естли, усмотря въ писаніи какое неприличное ласкательство или похвалу, узнаетъ сей порокъ въ писателѣ, то не токмо пріумножитъ, но уменьшитъ благоволеніе свое къ человѣку, ласканіемъ своимъ желающему повредить Монаршее сердце.

Краткое царствованіе Петра III дѣлаетъ естественную связь между царствованіемъ покойной Императрицы Елизаветы Петровны и царствованіемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Екатерины Алексѣевны; чего ради надлежитъ знать совершенно состояніе государства, какъ блаженной памяти Императрица Елисавета Петровна оставила его при своей кончинѣ; вкратцѣ молвить о бывшей тогда Прусской войнѣ. — И тако къ свѣдѣнію надлежитъ того времени:

Союзы съ другими государствами.

Доходы государственные.

Какіе оные и куда употребляются.

Долги, какіе разныя правительства единыя другимъ имѣли.

Число флота.

Число войскъ внутреннихъ и заграничной арміи.

Заключенный миръ съ Прусскимъ королемъ, даже и секретные артикулы.

Данную инструкцію командующему

*) Печатано по рукописи Императорской Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной).

вспомогательными Россійскими войсками Его Величеству Прусскому королю.

Инструкція князя Репнина, тогда бывшаго министромъ при Прусскомъ дворѣ.

Наконецъ приступить вкратцѣ къ правленію Петра III. Описать послѣднія мысли Императрицы Елисаветы Петровны; искреннюю любовь къ счастливо царствующей Государынѣ; какимъ образомъ сія любовь часъ отъ часу возрастала, и какъ наконецъ Ея Величество была на Всероссійскій тронъ возведена.

При томъ великимъ премѣненіи имперіи изъяснить кротость Ея Величества въ томъ, что никто несчастія не претерпѣлъ.

Потомъ вступая въ самую матерію, должно описывать распорядки правленія и бывшія дѣла, какъ внутри, такъ и внѣ Россіи, гдѣ сама матерія подаетъ планъ къ расположенію. Воздерживаясь отъ пышности слога и отъ похвалъ хотя достойныхъ, дабы потомство, видя дѣла и установленія, само собою было къ надлежащимъ чувствамъ побуждено и узнало бы, что не льстецъ, но сынъ отечества исторію сію писалъ, и не о такомъ Государѣ, котораго дѣла перо его историка украшаютъ, но напротивъ того, самыя дѣла руководствуютъ писателя.

ОПЫТЪ.

Я предпріемлю писать исторію не о такомъ Монархѣ, коего звучныя побѣды вселенну наполняютъ, о коего храбрости трепещутъ дальнѣйшіе народы; но, увы, между различныхъ побѣдоносныхъ воплей слышенъ жалкій вопль вдовъ и сиротъ, приводящій въ содроганіе человѣколюбивое сердце. Хотя тишайшая, но знатнѣйшая причина предметъ мой сочиняетъ: я тщусь безъ лести описать дѣла такого государя, который всю жизнь свою употребляетъ дѣлать счастливыми подверженные подъ власть его народы; снисходитъ съ высоты престола своего, чтобы плачущихъ слезы отирать; нѣтъ, нетокмо дѣлаетъ благодѣянія настоящимъ родамъ, но попеченія свои на будущіе роды простираетъ, чтобы и тѣ счастливы и благополучны во вѣки были.

Простите мнѣ, почтенные потомки, безстрастные судьи дѣлъ нашихъ, что сіе изліяніе подданическаго сердца осмѣлился вамъ предложить. Нѣтъ, я не лестію побужденъ сію хвалу сказать, вы сами будете зрѣть плоды уже обильные тѣхъ установленій, которыя меня въ восхищеніе приводятъ, и тогда собственной вашей чувствительностію оправдаете чувства, какія надежда о благѣ отечества во мнѣ производитъ; и такъ, не вѣрьте моимъ словамъ, но повѣрьте тому, что узрите сами.

О Турецкой войнѣ *).

Уповаю, что нѣтъ ни одного Россійскаго гражданина, который бы не чувствовалъ тягость сей войны; частые рекрутскіе наборы, которыми (въ семь наборовъ) собрано 327,044 человѣкъ, окромѣ церковныхъ причетниковъ; вкравшаяся моровая язва, которая великое число людей какъ въ Украйнѣ, такъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ истребила, а всѣмъ обще чрезъ пресѣченіе комуникаціи великій вредъ нанесла. Да и неудивительно сіе, ибо всѣ сіи злы суть почти неизбѣжны, а паче когда мы производимъ войну съ Турками.

И такъ, зная сіе зло, должно разсмотрѣть, какъ бы часть онаго должно отвратить. Не вступая въ подробности о предъупрежденіи моровой язвы, я токмо покажу, какимъ бы образомъ возможно было уменшить тягость рекрутскихъ наборовъ, которые колико ни разорительны государству, ибо, считая со всего числа душъ, уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взятъ, а съ числа работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й,— а совсѣмъ тѣмъ армія не удовольствована, ибо предводители оныя безпрестанно жалуются на малое число людей оныя.

И тако я мню, что сіе все происходитъ отъ слѣдующихъ ошибокъ:

1) Когда армія возвратилася изъ Пруссіи, тогда она оставалась не комплетована отъ 759 по 767 годъ, а между тѣмъ временемъ по новымъ штатамъ сдѣлался мирный комплетъ, будто бы легко было нашихъ крестьянъ, кои сочиняютъ лучшихъ солдатъ, скоро всей сей должности выучить. И тако, часъ отъ часу исчезая, можно сказать, въ половину была приведена, а бывшій въ 767 году наборъ нимало ее не укомплетовалъ; ибо онъ только служилъ для расчету съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь.

2) При объявленіи войны вдругъ учинены были въ 768 году два набора, служащіе токмо укомплетовать армію, и то по мирному комплету. Сіи два набора вдругъ, каждый съ трехъ сотъ душъ учиненный, сдѣлали великое затрудненіе отдатчикамъ, а не соотвѣтствовали намѣреніямъ; ибо, окромѣ что великое число уже отдано было въ зачетъ на поселеніе, взятые вдругъ рекруты принуждены были не токмо въ дальній путь

*) Печатано съ рукописи Импер. Публичной Библіотеки (бывш. Эрмитажной). Статья относится очевидно къ первой Турецкой войнѣ въ царствованіе Екатерины II, продолжавшейся съ 1768 по 1774 годъ.

итти, но и перемѣнить воздухъ, такъ что, пришедъ въ неукомплетованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгодъ и отдыху дать было не можно, токмо число мертвыхъ приумножили, и армія по прежнему въ некомплетѣ осталась. Но ежели-бы—естли уже заранѣе не упредили укомплетованія арміи—и вмѣсто двухъ, каждый съ трехъ сотъ душъ, сдѣлали бы одинъ со ста душъ, то-бъ, избавившись отъ затрудненія отдатчикамъ, имѣли бы вмѣсто 44,744 человѣкъ, 69,825, изъ коихъ бы излишніе могли быть оставлены на границѣ, гдѣ бы они по малу и къ солдатской должности, къ трудамъ и къ перемѣнному воздуху могли привыкнуть, и армія, комплетуяся сими изученными рекрутами, можно сказать, всегда бы старыхъ солдатъ имѣла.

3) Всѣ войны, которыя Россія производитъ, падаютъ своею тягостію, по крайней мѣрѣ въ поборѣ рекрутъ, на Великую Россію, откудова уже съ 718 году взято 1,132,001, то есть 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно не меньше третьяго изъ работниковъ; то удивительно, какъ еще такую тягость можетъ износить. При покойной государынѣ былъ весьма хорошій законъ къ сохраненію земледѣльцовъ, что позволено было вольныхъ чужестранныхъ, Лифлянцовъ и Малороссіянъ нанимать, и сіи нѣсколько россійскихъ земледѣльцовъ замѣняли; но не знаю, чего ради онъ отмѣненъ; ибо онъ не могъ вообще не полезенъ быть государству, употребляя въ службу праздношатающагося, а тѣмъ сохраняя земледѣльца.

4) Желаніе населить Сибирь и размножить тамъ земледѣліе есть дѣло похвальное, но приличное во время мира, а не въ военное время, въ которое не новыя заведеніи и поселеніи должно дѣлать, но стараться утвержденныя соблюсти; вмѣсто чего неотмѣненіе посылать людей на поселеніе дѣлаетъ, что великое число посылаютъ оныхъ въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, а когда должно прямыхъ рекрутъ давать, то всегда великой недоборъ является и принуждаетъ въ слѣдующій наборъ излишнихъ рекрутъ на тѣ же души располагать. Злоупотребленіе сіе толико умножилось, что каждый, обманывая себя, старается яко дешевле ему негодныхъ въ рекруты лѣнивцовъ отдать заранѣе на поселеніе. Всякой видитъ, что онъ тѣмъ тщетно льстится, ибо въ самомъ дѣлѣ недостатокъ людей въ арміи величайшимъ наборомъ наполниться долженъ, и онъ, можетъ сказать, вдвое теряетъ; но, какъ одинъ не можетъ какой знатной суммы въ государствѣ составить, то принужденъ другимъ послѣдовать и давать вмѣсто рекрутъ на поселеніе.

5) Санкпетербургская губернія, какъ она ни мала, но могла бы нѣкоторое число рекрутъ дать, и сіе бы служило къ облегченію другихъ; когда учинено было учрежденіе, чтобъ изъ сей губерніи рекрутъ не брать, то было въ желаніи ее населить, что многіе, переводя изъ другихъ губерній, и сдѣлали: но чего жалѣть лѣнивѣйшаго и мерзѣйшаго народа въ свѣтѣ, Чюхнъ, которые, можно

сказать, не толь пользу, коль тягость землѣ приключаютъ.

6) Вся Финляндія гораздо болѣе имѣетъ людей, нежели распаханной земли, и можно смѣло сказать, что нѣтъ ни десятой части крестьянъ, имѣющихъ геймaты, но прочіе всѣ торперы, то есть бобыли, которые отягощены бѣдностію, иль въ работникахъ у содержателей гейматовъ, или въ Петербургѣ въ работахъ же живутъ и развращаютъ нравы свои, становясь притомъ неспособными за отвычкою къ землепашеству, а бѣдностію къ супружеству, и такіе, яко сочиняющіе людей крѣпкихъ и природно храбрыхъ, не лучше ли бы въ легіоны брать, нежели какъ изъ бѣглыхъ ихъ старалися съ озлобленіемъ многихъ комплетовать.

7) Малороссія въ разсужденіи своего пространства хотя и не довольно людей имѣетъ и сверхъ того отягощена проходомъ войскъ; но со всѣмъ тѣмъ могла бы нѣкоторую помощь въ людяхъ для укомплетованія арміи учинить, и легко бы безъ нарушенія ихъ правъ можно было взять съ записныхъ козаковъ нѣсколько тысячъ для употребленія въ драгунскіе полки, къ которому роду службы они склоннѣе кажутся, а другихъ бы можно было, яко людей вольныхъ, и навербовать, и сіе бы все учинило облегченіе Великой Россіи.

8) Бывшія наши войска въ Польшѣ находили великое множество поселившихся въ Польшѣ русскихъ крестьянъ; чего жъ бы ради ихъ оттудова не взять? Ежель страшились огорчить Поляковъ, они и безъ того довольно огорчены; а симъ бы поступкомъ учинили дѣло сходственное съ естественнымъ и гражданскимъ правомъ, чтобъ возвратить похищенное, и тогда же бы полезное государству: которые бы люди могли единые употребляться въ земледѣльцы для наполненія въ государствѣ той пустоты, которая отъ войны приключилась, а другіе учинить добрыхъ солдатъ въ Сибирскихъ, Астраханскихъ и Оренбургскихъ гварнизонахъ, откудова бы можно было взять тамошнихъ солдатъ для укомплетованія арміи.

Ежели бы всѣ сіи осторожности были взяты, то, хотя бы война и была чувствительна, яко по натурѣ своей наводящая несчастіе на страны, ею обремененныя, но по крайней мѣрѣ, елико возможно, тягость бы ея была уменьшена, число-бъ нужнаго народу не толь убавлено, и земледѣльцы сохранены.

ПРИМѢЧАНІИ

для предбудущія турецкія войны *).

Люди лишь токмо ошибками своими научаются; но тотъ, кто, сдѣлавъ единожды ошибку, впредъ не поправится, то уже того за непоправимаго человѣка должно почитать; а какъ государствы управляются людьми, и слѣдственно, равно какъ и въ приватныхъ дѣлахъ, поступки ихъ подвержены ошибкамъ, то равно на предбудущія времена должно осторожности брать.

Такія, за незнаніемъ обстоятельствъ Крыма, въ нынѣшнюю, оконченную 1774 году, войну учинены были ошибки неучиненіемъ того, что должно было сдѣлать для ослабленія татарскаго легкомысленнаго народа. Оныя суть:

1) Крѣпость Оръ и Перекопъ; содержа всегда ихъ сильною преградою отдѣленныхъ отъ Россіи,—они, надѣясь на сіе, не престанутъ никогда мнить себя безопасными, и для того, дабы уничтожить сію преграду, ободряющую ихъ, надлежало бы сію крѣпость подорвать, и сими развалинами часть рва засыпать.

2) Вошедши въ Крымъ, надлежитъ безъ разбору дать свободу всѣмъ невольникамъ христіанскимъ, которыхъ у нихъ есть великое число, и оные служатъ у Татаръ, тако что самый бѣднѣйшій имѣетъ по крайней мѣрѣ одного, котораго именуетъ есыремъ, и употребляетъ его къ землепашеству. Отнятьемъ же сихъ невольниковъ принудить самихъ Татаръ въ земледѣліи обращаться, отвратя ихъ отъ ихъ разбойничествъ, и тако изъ худыхъ воиновъ они сдѣлаются худые хлѣбопашцы; разбойничать не будутъ, и окружные страны отъ нихъ въ покоѣ будутъ пребывать.

3) На Таманѣ островѣ есть ушедшіе донскіе козаки Некрасовцы, которыхъ съ три тысячи человѣкъ военныхъ въ двухъ слободахъ обитаютъ. Они, бывъ соединены, опасны окружнымъ кочевымъ и расточеннымъ народамъ; имѣя знакомство на Дону, возбуждаютъ ихъ (Донцевъ) къ безпокойству и бунту и многихъ къ себѣ подговариваютъ; бывъ раскольники и бѣглецы россійскіе, крайнюю ненависть къ благовѣрнымъ и къ Россіи имѣютъ; и наконецъ, имѣя привилегіи янычарскія отъ Порты Оттоманской, и тамъ они паз-

*) Къ настоящей статьѣ относится все, сказанное въ примѣчаніи къ заглавію предыдущей. Въ рукописи она отмѣчена IV нумеромъ, а предыдущая 1-мъ.

ваны игнатъ-козакъ, то есть вольной козакъ, весьма усердны къ Туркамъ. Сихъ надлежитъ истребить и разогнать, ибо, разогнанные окруженными народами вскорѣ будутъ истреблены: и тако весь вредъ, какой бы могли они приключить, отвратится. Сіи козаки и во время нынѣшнія войны просили отъ Порты земель въ Ремеліи (Румеліи?), чтобы туда переселиться, но имъ то оказано было. Торгуютъ они по янычарской привилегіи безпошлинно, и главный ихъ торгъ въ Константинополь состоитъ въ рыбѣ и икрѣ, которую туда они на судахъ возятъ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ:

что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію швецкія войны, и о прочемъ, тому подобномъ. *)

Милостивый Государь мой!

Вопросъ Вашъ для меня весьма труденъ, то есть, «чтобы изъяснилъ Вамъ, какъ я почитаю поступокъ нашего Двора и вождей войскъ, въ разсужденіи нынѣшней Турецкой войны, и какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію Швецкія войны; равнымъ образомъ, что я мню и о другихъ причинахъ, которыя учинили въ состояніи Швецкаго Короля войну противу Россіи предпріять»?

Разсудите, Милостивый Государь, коль въ краткихъ словахъ Вашего вопроса вмѣщается пространная притчина, и колико надлежитъ въ семъ случаѣ извѣстну быть о всѣхъ тайныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, дабы, хотя съ малымъ основаніемъ, о такихъ вещахъ судить. Я ни какихъ такихъ свѣдѣній не имѣю, а въ угодность Вашу долженъ мнѣніе мое полагать, основываясь единственно на однихъ публичныхъ вѣдомостяхъ и на слухахъ народныхъ. Но Вамъ извѣстно, коль и всякія публичныя вѣдомости бываютъ невѣрны, а нынѣ, можно сказать, у насъ и изъ невѣрныхъ невѣрными быть являются; ибо ни о Турецкой войнѣ, ни о Швецкой не ведутся въ оныхъ журналы, и частыя промѣшки дѣяній въ неподлинности любящаго отечество свое любопытство гражданина оставляютъ, яко необстоятельное повѣствіе о всѣхъ бывшихъ сраженіяхъ на водѣ съ Турками, умолчаніе, гдѣ находятся сухопутныя арміи какъ Князя Потемкина, такъ и Графа Румянцева — взятъ ли, или нѣтъ осажденной Шведами городокъ Нейшлотъ, какъ корабль нашъ, Іюля шестаго числа, при продолженіи зари во всю ночь и при свѣтѣ полныя луны, при ясной погодѣ, невидимо другими, уведенъ Шведами, о сколькихъ пушекъ, какъ его имя, кто капитанъ, и протчее? А всѣ таковыя необстоятельныя извѣстія, которыя, конечно, Кабинетъ нашъ по глу-

*) Напечатано въ 1 книгѣ чтеній Импер. Общества исторія и древностей Россійскихъ 1860 г. съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: На полѣ подлинника этой статьи отмѣчено сочинителемъ: «Писано въ Іюлѣ 1788 года».

бокимъ политическимъ видамъ токмо обнаруживаетъ, не могутъ не привести въ робость и унынiе народъ. Не всякой знаетъ слабость Швецкаго государства, а каждый почти наслышался о Нарвской баталiи и о трудности, которую имѣлъ Петръ Великiй Карла XII побѣдить, то и представляютъ себѣ уже Шведовъ, вошедшихъ во внутренность предѣловъ Россiйскихъ и предающихъ все огню и мечу. Глупыя и отъ несмысленности происходящiя суть сiи мысли, но истинну сказать, самый поступокъ нашего Кабинета подаетъ имъ притчину. Государь при объявленiи войны толь слабымъ непрiятелямъ прiемлетъ въ даръ людей отъ своихъ подданныхъ, и отъ другихъ почти ихъ проситъ; безпашпортные и другiе силою во градахъ берутся, наборъ во время самыя работныя поры производится, и съ поспѣшенiемъ не видавшiе ружья люди отправляются. То все сiе и не подаетъ ли притчины думать, что уже вѣроломный непрiятель вошелъ въ наши границы, что успѣхи его суть чрезвычайны, что н нѣсть воинствъ для сопротивленiя ему, и что самый градъ жилища Государева и особа Государская суть въ опасности отъ него? А какъ скоро мысли суть робостiю заражены, то муха кажется слономъ, прiятный зефиръ вихремъ, а лужа моремъ, и, слѣдственно, непрiятные слухи и дерзкiя сужденiи о самомъ правительствѣ въ народѣ разсѣваются, которыя тѣмъ самымъ болѣе становятся, что болѣе ихъ хотятъ унять, ибо нѣсть власти, могущей за-

претить, чтобъ пораженному страхомъ вопля не испускать.

Однако, не думайте, чтобъ мои размышленiи клонились къ охуленiю правительства. Дерзокъ бы я былъ, чтобъ, не зная обстоятельствъ, осмѣлился оное охуждать; должность моя есть почитать, что все содѣловается къ лутчему, молчать, повиноваться, и отъ благоразумiя онаго ожидать успѣховъ. Пусть я буду въ семъ случаѣ похожъ на Панглоса, но тотъ былъ по системѣ его философiи, а я, по роду нашего правительства, таковымъ почитаю себя должнымъ быть.

Всѣ таковыя мои размышленiи меня удаляютъ отвѣтствовать на Ваши вопросы; но дружба Ваша и повѣренность, что сiе токмо между насъ останется, понуждаютъ, однако, нѣкоторые мои размышленiи Вамъ предложить, о которыхъ, въ противномъ положенiи всѣхъ чинящихъ мысли людей, прошу Бога, чтобы они несправедливы были.

Приступаю къ самой притчинѣ. И первое, что на умъ мнѣ предстаетъ, самый Кайнаржинскiй миръ, учиняя полуостровъ Крымъ независимъ отъ Порты Оттоманской, взятiе Россiею въ семъ полуостровѣ Керчи и Еникуля, предписанныя условiи въ разсужденiи Молдавiи и Валахiи, не могъ быть прiятенъ Туркамъ, которые чрезъ сiе лишались знатныя области, служащей имъ всегда ко опустошенiю Россiи тогда, когда Россiя въ оной ногу свою поставляла; учиненныя предписанiи о Молдавiи, хотя никакой важности не содержали, но были нѣкоторой

преградою турецкому деспотичеству, по званію уже самому не терпящему никакія препоны. Я тогда же сказалъ, что поставленный сей миръ твердъ быть не можетъ, и какъ тогда же я предпріималъ писать Статистику Россійскія Имперіи, то и размышленіи мои о семъ вмѣстилъ, которые и таперя у меня между бумагами моими находятся, писанныя рукою тогда бывшаго при мнѣ по Кабинецкимъ дѣламъ Регистратора Брайко, что нынѣ Оберъ-Секретарь Иностранныя Коллегіи. *) Предсказаніи мои были справедливы. Порта Оттоманская тайными происками начала въ дѣла крымскія мѣшаться, дабы имѣть Хана, преданнаго ей. И тако старалась Порта Оттоманская чтобы преданный ей Ханъ, Керимъ-Ханъ, былъ на престолѣ Крымскаго полуострова, такъ какъ Россія подкрѣпляла преданнаго ей Саипъ-Гирея **), прежде бывшаго Калгу, и предъуспѣла въ томъ, чтобы, хотя на время, его утвердить на семъ престолѣ. А тогда же приняла въ защищеніе свое Грузинскаго Царя Гераклія; но, какъ ясно уже для Россіи было, что Порта Оттоманская не болѣе будетъ содержать Кайнарджинскій миръ, какъ по тѣхъ мѣстъ, пока она почувствуетъ себя въ состояніи паки съ вящими усиліями войну противу Россіи возобновить, то въ предосторожность (ибо не знаю, имѣлъ ли тогда Россійской Дворъ намѣреніе овладѣть Крымомъ) начали строить городъ Херсонъ, въ семидесяти верстахъ отъ Очакова, завели тутъ верфь корабельную, и военные корабли стали проходить (проводить?) мимо Очакова, грозящіе (грозя?) подвергнуть чрезъ оные и самый Константинополь къ бомбардированью.

Между тѣмъ временемъ негосіаціи продолжались, и можно сказать, что болѣе Порта Оттоманская видѣла дальновидные намѣреніи Россіи, то болѣе, хотя показывая упорность для прикрытія своихъ намѣреній, снисходительна казалась. Въ сіе время коммерческой трактатъ и многія другія конвенціи были заключены. Однако, при показаніи самыя такія робости, Турецкой Дворъ пламя междоусобія въ Крымѣ возжигалъ противу Хана Саипъ-Гирея, преданнаго Россіи. Конечно бы (проявляя?) разумъ, щедрость болѣе нежели татарская, и подкрѣпленіемъ Россійскимъ могъ сей Ханъ до конца жизни своей пробыть на Крымскомъ престолѣ, если бы онъ не восхотѣлъ то дѣлать изъ Татаръ, чѣмъ они быть, по грубости своей, не могутъ. Сіе есть заводить къ нимъ нѣкоторые Европейскіе обычаи и самовластіе свое толико распространить, чтобы единая его воля составляла законъ, и по единому его помаванію все исполнялось. Не знаю, какіе виды имѣлъ Россійскій Дворъ не кстати чинимымъ его предпріятіямъ спомоществовать, давая ему и ружья, по Европейски содѣланныя, и офицеровъ для

*) Сочиненіе это помѣщено въ 3-й книгѣ «Чтеній» 1859 года и въ 1 томѣ настоящаго изданія сочиненій кн. М. М. Щ.—см. стр. 457—618. Замѣчанія, на которыя ссылается авторъ, помѣщены на стр. 472—474, 498 и 499.

**) *Прим. редакціи.* Все, сказанное авторомъ о ханѣ Саипъ-Гиреѣ, относится къ Шагинъ-Гирею, послѣднему хану Крымской Орды. Ханъ Сагибъ-Гирей былъ свергнутъ за 8 лѣтъ до присоединенія Крыма къ Россіи.

наученія его солдатъ. Если уже и тогда имѣлъ Россійскій Дворъ намѣреніе пріобщить Крымъ къ своему скипетру, то сіе чинимо было съ великою опасностію для самыя Россіи; ибо естьли бы вводимыя учрежденіи Саипъ-Гиреемъ окоренились у Татаръ, то бы Крымскіе Татары, которые не что иное были, какъ толпа грабителей, безъ устройства производящіе всѣ свои военныя дѣйствія, худо вооруженные и страшливые отъ огненнаго оружія, не токмо бы могли страшными непріятелями сами учиниться Россіи, но когда они, магометанцы, приняли такое исправленіе въ военныхъ обрядахъ, могли бы послужить примѣромъ и Туркамъ, къ ихъ храбрости, запальчивости въ бою и къ великому числу устройство присоединить, и можно сказать, по естеству вещей, гибельнымъ не токмо для Россіи, но и для всей Европы паки непріятелемъ учиниться. Естьли же Россійскій Кабинетъ хотѣлъ токмо преданнаго Хана на престолѣ подкрѣплять, то принялъ совсѣмъ противныя видамъ своимъ мѣры, то есть, подавалъ ему способы привлекать на себя ненависть всѣхъ Крымскихъ Татаръ, дѣлалъ ихъ устройнѣе, а потому себѣ и Хану опаснѣе. Но естьли бы и предъуспѣлъ въ томъ, то бы самымъ симъ усилилась Крымская сила. Цари ихъ не суть безсмертны, ни мысли ихъ не суть не перемѣнчивы. Самъ бы Саипъ-Гирей или бы его наслѣдникъ, по сходству обычаевъ и по единозаконію, могъ бы паки предаться подъ Турецкое покровительство и учиниться опаснѣйшимъ непріятелемъ Россіи, нежели когда нибудь Крымъ бывалъ.

Однако все сіе успѣху не имѣло. Саипъ-Гирея на престолѣ не утвердили, и Крымцовъ мы не имѣли время, изуча военнымъ обращеніямъ, опасными себѣ врагами сдѣлать; ибо смущеніе за смущеніемъ въ Крымѣ послѣдовали, и бунтъ, кровію утушенный, другой бунтъ возраждалъ, такъ что Саипъ-Гирей, по безпредѣльной ли своей преданности къ Россіи, или разными обѣщаніями бывъ побужденъ, по утишеніи послѣдняго бунта съ помощію Россійскихъ войскъ, оставилъ Крымскій престолъ, совѣтовалъ прежде бывшимъ своимъ подданнымъ предаться подъ власть Россіи, а Россія, почитая себѣ сіе уже за право, и яко бы въ возмездіе за великія издержки, учиненныя для спокойствія Крыма, сей полуостровъ во власть свою, яко бы завоеванную землю, взяла, учредила тамъ правленіе Россійское, переименовала его древнимъ его именемъ, Херсономъ Таврическимъ, и Императрица сіе имянованіе Крымскаго полуострова въ титулъ свой вмѣстила.

Симъ поступкомъ рушилось все терпѣніе Порты Оттоманской; она торжественно протестовала, что Россія завладѣла Крымомъ противу точнаго постановленія Кайнаржинскаго мира; но, понеже наведенный страхъ на Турокъ великими успѣхами Россійскаго оружія во время прошедшія войны не позволялъ имъ вдругъ войну объявить, то, къ озлобленію своему присоединяя мудрость, Турецкій Дворъ еще не объявилъ оныя

Россіи, довольствуяся разными происками дѣлать себѣ союзниковъ, а Россіи непріятелей, а можетъ статься, что и бывшій бунтъ Беевъ Египетскихъ отъ того ее удержалъ. И такъ Порта Оттоманская начала воюющіе уже противу Россіи Горскіе народы къ упорнѣйшему произведенію войны побуждать, давая имъ деньги и ружье (оружье?), и прилагала свои стараніи, чтобъ въ Европѣ новыя союзы дѣлать.

Казалось бы, что Россія, зная сама, коль чувствительно огорчила Турецкій Дворъ взятіемъ Крыма, должна бы, естьли не хотѣла сама войны, нѣсколько умѣреннѣе поступать, или бы уже, вмѣстѣ съ новыми требованіями, сама войну объявить. Но нѣтъ. Россія была весьма отдалена начинать войну, думая негосіаціями все получить; а требованіи свои простирала такія, чтобы и послѣ найсильнѣйшихъ пораженій Турокъ едва ли могла бы имѣть болѣе. Оныя состояли: унять Горскіе народы отъ ихъ войны, или, по крайней мѣрѣ, не давать имъ ни какой помощи; отдать знатную часть Бессарабіи, яко принадлежащую Крыму; позволить даже и военнымъ кораблямъ проходить мимо Константинополя въ Средиземное море; позволить учредить во многихъ мѣстахъ Консулей Россійскихъ. Не знаю я, что о требованіяхъ Бессарабіи Турки отвѣтствовали, но думаю, что безъ смѣху и слышать ихъ не могли; но видно изъ чужестранныхъ вѣдомостей, что о унятіи Горцовъ они отвѣчали, что сіи есть народы, имъ не подвластные, а потому они ихъ унять не могутъ; помощи ни какой имъ не даютъ; но естьли что они нужное себѣ чрезъ торговлю свою въ областяхъ Турецкихъ получатъ, то они сего запретить не могутъ, чтобы подданные Порты Оттоманской для того съ Горцами не торговали, что Россія съ ними воюетъ; однако и въ семъ случаѣ дадутъ повелѣніе, чтобы имъ ружья и пороху не продали, повелѣніе, которое никогда однако учинено не было, хоть долго спорили о пропускѣ военныхъ кораблей въ Средиземное море; но наконецъ согласились, да кажется, и нужды имъ не было не согласиться: потому, пропуская по одному и по два, никогда сіи корабли опасности Константинополю не приключали, а прошедши Дарданелы въ маломъ числѣ, и бывши въ ихъ водахъ безъ порта у убѣжища, въ случаѣ начатія войны, всегда въ Турецкой волѣ находились. О Консулахъ они не инако спорили, какъ требуя того же права имѣть и своихъ Консулей въ Россіи, въ чемъ имъ отказано было. А между тѣмъ временемъ дѣланныя многія обиды и запрещеніе Туркамъ брать соль на Кинбурской сторонѣ, что имъ Кайнаржинскимъ трактатомъ позволено было, найпаче огорченіе умножало. Готова уже была Порта Оттоманская начать войну, когда еще Россія ушедшаго Волошскаго Господаря, обвиняемаго при Портѣ въ измѣнѣ, приняла подъ свое защищеніе.

Я вошелъ, Милостивый Государь, въ сіи подробности о поступкахъ нашихъ съ Турками для того, чтобы Вамъ показать, что въ прошедшемъ году, въ

Августѣ мѣсяцѣ, объявленная Россіи Турками война несть нечаянное приключеніе, противу котораго бы не можно было и предосторожностей взять, но такое дѣло, которое всякой, хотя мало разумъ имѣющій человѣкъ, давно предвидѣлъ; и самое правительство со времени взятія Крыма, то есть съ 1783. года, является, ожидало ее; ибо артиллерія въ Херсонъ была привезена, и толь великая, каковой никогда не бывало, и для наполненія оной всѣ пушки съ Московской площади были взяты; полки туда были подвинуты, и великіе рекруцкіе наборы дѣлаютъ (даютъ?) предполагать, что они и укомплетованы были, а паче во время походу Ея Императорскаго Величества въ Крымъ отовсюдова велѣно было полкамъ къ границамъ Турецкимъ итти, и дѣйствительно они, раздѣленные на разныя дивизіи, тамъ обрѣтались.

А изъ сего слѣдуетъ: война была предвидима, войски собраны, артиллерія привезена. А сіе и предполагаетъ, что войски, по великимъ рекруцкимъ наборамъ, были въ комплетѣ, артиллерія готова, исправна и всѣмъ нужнымъ снабжена, провіантъ на людей и фуражъ на лошадей изготовленъ; ибо все сіе здѣлать мы имѣли и время и удобность.

Наконецъ, почти при повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, а паче въ Украинѣ, въ началѣ Августа мѣсяца Турками объявлена была война Россіи, и Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, съ возвратнаго пути Императрицы въ Москву, еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ поскакалъ на Турецкія границы, иже и сочиняютъ ввѣренныя ему губерніи, яко намѣстнику. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ! человѣкъ, носящій на себѣ особливо милость и повѣренность Монаршу, котораго дѣла, каковы бы они ни были, всегда апробацію Монаршу получаютъ; могущій все, что восхочетъ, не токмо по особливой милости Государевой, но и по самымъ наложеннымъ на него должностямъ, Генералъ-Губернаторъ къ Турецкимъ границамъ прилегающихъ губерній и Президентъ Военной Коллегіи, и наконецъ поѣхавшій съ возвратнаго пути Государыни туда на границу, конечно, по извѣстіямъ, что Турки (конечно) хотятъ войну начать, слѣдственно, и не безъ наставленій.

Оставимъ мы сего пышнаго вельможу среди его губерній, окруженнаго собравшимися военачальниками, и воззримъ на Турковъ. Во истинну я не могу приписать глупости Турковъ объявленіе ими войны, ничего не изготовивъ; ибо выше я показалъ, что они твердое, кажется, имѣли намѣреніе давно уже войну Россіи объявить; Визирь и Капитанъ-Паша, два главные правители Турецкія имперіи, давно уже дышали злобою на Россію. Но кажется, что открытое приготовленіе, боясь быть предъупрежденными, дѣлать они не осмѣлились; родъ правленія ихъ не позволяетъ изъ дальныхъ областей до объявленія войны войска пригонять; Капитанъ-Паша былъ упражненъ успокоивать Египетъ, послѣ побѣжденія Беевъ; а посему ни войска, ни флоту у нихъ противу Россіи готовыхъ не было, и я истинно не сумнѣваюсь, чтобы

не по наущенію какого Европейскаго Двора, подтвержденнаго извѣстіями ихъ шпіоновъ о состояніи Россійскихъ войскъ и о голодѣ въ Россіи, ихъ подвигнуло толь безвременно, да и въ Августѣ мѣсяцѣ, войну объявить; ибо прежде обыкновенно они при наступленіи зимы, то есть около Ноября мѣсяца, оную объявляли, дабы зимніе мѣсяцы употребить для собранія войскъ и учиненія всѣхъ приготовленій. И тако, какъ я слышалъ заподлинно, и публичныя вѣдомости свидѣтельствуютъ, что при объявленіи войны Турецкая Имперія не имѣла во всей Бессарабіи тридцати тысячъ войска, щитая и гварнизоны Очаковской и Бендерской, и пяти военныхъ караблей, да и тѣ едва ли въ состояніи были вытти въ море, а Капитанъ-Паша со всѣмъ флотомъ въ Египтѣ находился.

При таковыхъ обстоятельствахъ, кто бы не подумалъ, чтобъ Князь Потемкинъ при первомъ открытіи войны не вступилъ въ непріятельскія области, чтобы флотъ нашъ, котораго показывали до шестнадцати линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ въ Севастопольскомъ портѣ Государынѣ и Германскому Императору, не выступилъ въ море и не пошелъ бы прямо къ Константинополю или, по крайней мѣрѣ, къ Синопу, и не опустошалъ бы области Турецкія, чтобъ пламя селеній воспаленныхъ видимо было самому Султану, запертому въ его серали, и звукъ пушечной стрѣльбы достигалъ бы до ушесъ его. Очаковъ едва имѣлъ тогда восемь тысячъ гварнизону, то чего-жъ бы ради собранныя войски не употребить для осады сего града, и три или четыре года привезенную многочисленную осадную артиллерію, находящуюся въ Херсонѣ, не учинить дѣйствовать противу стѣнъ сея крѣпости, тогда же бы какъ флотъ нашъ, содержа море, не допускалъ моремъ всякую помощь? Чего недоставало? Пять лѣтъ мы готовились къ войнѣ, войски были отовсюда собраны, артиллерія привезена, флотъ готовъ; все сіе казано Монархинѣ, всему она учинила похвалу. Слѣдственно, либо не хотѣли дѣйствовать съ такимъ усердіемъ, какъ надлежало, либо Монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвала ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія Монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не знаютъ.

Стекалися, кажется, случаи для обвиненія пышнаго начальника. Турки, которые, по одержаннымъ въ прошедшую войну побѣдамъ, долженствовали бы трепетать на своихъ земляхъ, видя недѣйствіе нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, осмѣлились сами сдѣлать дессантъ на мысъ Кинбургской, и были не токмо разбиты, но, можно сказать, истреблены Генераломъ Суворовымъ. Извѣстно всѣмъ, что какъ скоро Турки претерпятъ разбитіе, то ихъ такой страхъ одолѣваетъ, что они найсильнѣйшія укрѣпленіи покидаютъ, яко въ прошедшую войну они покинули Хотинъ по ночномъ разбитіи. То чего же бы ради, по крайней мѣрѣ, въ сіе время не сдѣлать атаку Очакова? Турки были страхомъ поражены, гварнизонъ ихъ весьма убавился, а... *)

*) Окончанія нѣтъ.

РѢЧЬ,

каковую бы могли говорить шведскіе дворяне по взятіи подъ стражу ихъ собратьевъ. 1789 *).

Государь.

Витійственные твои глаголы внушили ушеса наша, изъявляющіе твердость духу, достойную потомка великихъ Густавовъ Вазы и Адольфа. Похвальна есть въ Монархѣ твердость, но твердость основанная на правосудіи и на истинной пользѣ народа, поелику древнія его правы и обстоятельствы того требуютъ. Достойно обоженія въ Монархѣ горячее рвеніе защищать свое отечество и вручившійся ему народъ, ежели онъ дѣйствительно опасность претерпѣваетъ.

Сіе самое и нудитъ насъ откровенно мысли свои открыть, яко издревле имѣющихъ право избирать себѣ государей и быть участниками правленія, въ наблюденіи пользы государственной и въ сохраненіи правъ каждаго чиноположенія народа. Ваше Величество угрожаете насъ, ежели мы не будемъ стараться снабдить всѣмъ нужнымъ сухопутныя и морскія войска, опустошеніемъ бреговъ нашихъ и распространившимся военнымъ пламенемъ въ Финляндіи отъ Россіянъ: важныя обстоятельствы, отъ коихъ сохрани насъ Боже, и которыя желательно, чтобъ не были. Но что причину имъ подало? Сильное-ли вооруженіе Россійскаго флота, о которомъ мы увѣрены, что оно было не противу насъ, но противу Турокъ, какъ и въ прошедшую войну между Россіею и Портою оттоманскою учинено; о вооруженіи, котораго всѣмъ отъ Россійскаго двора, а между протчимъ и Швеціи, объявлено, и уже предупредительно генералы въ сосѣдственныя мѣста Турціи посланы? Откровеніе-ли Россійскихъ границъ, которыя оставались безъ войска, по надеждѣ на заключенные трактаты и по особливому снисхожденію Россійскія Императрицы къ Вашему Величеству? Оставленіемъ ихъ крѣпостей, не снабденныхъ и не укрѣпленныхъ? Нѣтъ, Государь, по всѣмъ симъ знакамъ не видимъ мы, чтобы Россія какіе непріятельскіе умыслы противу Швеціи имѣла. Пусть хотя бы и то правда была, что нѣсколько казаковъ,

*) Печатается съ рукописи Импер. Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной).

о коихъ мы увѣрены, что ихъ въ Россійской Финляндіи не было, вошедши въ Шведскую Финляндію, сожгли деревню; не есть сіе еще толь важная притчина къ начатію войны, дабы, желая исправить малое зло, въ бóльшее государство ввергнуть. Но есть на сіе министры, носители пальмы мира; чрезъ способъ ихъ, чрезъ способъ другихъ державъ, возможно-бы было просить удовольствія, а не наглымъ образомъ миръ съ сильнѣйшею державою нарушать.

Однако, хотя законы наши, не позволяющіе Вашему Величеству безъ собранія всѣхъ чиновъ государства начинать никакія войны, война была не токмо объявлена, но, прежде еще, священнѣйшіе договоры, долгое время пребывающіе между Швеціей и Россіей, нарушены требованіемъ салютаціи отъ ихъ кораблей, взятьемъ нѣкоихъ фрегатовъ, обнадеженныхъ на вѣру договоровъ, убійствомъ ихъ таможеннаго офицера и нѣсколькихъ солдатъ и вшествіемъ войскъ нашихъ въ области, принадлежащія Россійской Имперіи.

Симъ, Государь, разрушилась пріятна тишина, толь долгое время подъ владычествомъ родителя вашего и вашимъ процвѣтающая въ Швеціи, умножающая ея многонародіе и, не взирая ни на хладность воздуха растворенія нашихъ странъ, ни на безплодіе почвы, обогащающая страну нашу.

Всякой, внимающій простыя, но истинныя мои вѣщаніи, легко можетъ заключить, Россія-ли, или мы суть начало произведенія сего смущенія въ сѣверѣ,

грозящаго пламенемъ своимъ объяти немалую часть Европы. Привязанность наша во первыхъ къ святому Божію закону, къ трактатамъ онымъ утвержденнымъ, къ благонравію, къ отечеству и къ основательнымъ*) правамъ нашего государства произвела такое дѣйствіе и въ самыхъ нижнихъ нашихъ воинахъ, которыхъ первый долгъ есть повиновеніе, что они устыдились руки свои кровію безвинною или паче кровію друзей своихъ обагрять и быть первыми поборниками разрушенія своихъ правъ, которыя толико множество вѣковъ счастіе Швеціи составляли, на коихъ правили Свантъ Стуры, Стеноны, на коихъ Густавъ Ваза былъ избранъ, за кои Ерикъ XIV и Сигизмундъ изгнаніе претерпѣли, на коихъ родитель твой былъ избранъ, ты самъ былъ возведенъ, и, хотя нѣчто премѣнивъ, которые мы въ 1772-мъ году августа 21-го дня подтвердили.

Ослушаніе Финскихъ войскъ, не допустило Ваше Величество произвести такіе успѣхи, каковые вы себѣ предполагали въ надеждѣ; а потомъ по объявленію вашему давно готовящійся непріятель пожрать Швецію, но ничего готоваго не имѣющій, собрался на спѣхъ съ войсками и уже въ состояніи былъ проникнуть въ страну нашу, однако сего не учинилъ, жалѣя крови и разоренія тѣхъ, кои не суть виновники сея войны, и ожидая, что государственные чины, сенаторы и дворяне, зная взаимственныя обязательства Шведскаго короля и народа, зная связующіе трактаты Россію

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Т. е. къ *основнымъ*.

[library stamp]

со Швеціею, зная ея гарантію по Нейштадскому трактату; что духовный чинъ, проповѣдователь слова Божія, заложникъ его заповѣдей, долженствующій отвращать всякую неправость и незаконное убійство; что мѣщане, въ счастливой тишинѣ находящіе способъ въ исправленіи своея торговли и мастерствъ; что крестьяне, получающіе свое пропитаніе и дающіе другимъ отъ земледѣлія, не отягощенные податьми во время мира,—ясно всѣмъ встрѣчающуюся справедливость и право нашего отечества, которое съ млекомъ матерей своихъ ссали (всосали?), Вашему Величеству представятъ, возобновятъ нарушенныя наши права, спокойство, миръ, благополучіе, утвержденіе нашихъ правъ и безопасность возстановятъ.

А посему, если можно тѣмъ, чѣмъ должно сіе запаленіе затушить, зачѣмъ тщиться напрасно пролитою кровію его заливать.

Если-бы Ваше Величество угрожали насъ пришествіемъ россійскаго военачальника съ войсками въ столичный сей градъ, предающаго все огню и мечу, имѣли бы мы причину вострепетать, но Ваше Величество устращиваете насъ пришествіемъ россійскаго посла, ходатая обыкновенно мирнаго. Но онъ, говорите Вы, вамъ будетъ предписывать законы. Но какіе? Если противные и пользѣ государственной, и сану вашему, предписаніи его не страху, но посмѣянія достойны будутъ, ибо онъ ни къ чему ни государство, ни Васъ принудить не можетъ. А если, въ силу статьи VII Нейштадскаго трактата, онъ будетъ, по силѣ гарантіи Россійской имперіи вольностей шведскихъ, предписывать намъ и вамъ сохраненіе нашихъ правъ,—сіе предписаніе его не есть страшно, но полезно; сіе предписаніе есть самое то, на которомъ родитель вашъ и Вы приняли Шведскій престолъ; сіе предписаніе есть то, которымъ Швеція всегда счастлива была, и коего разрушеніе всегда несчастіи государству и гибель Монархамъ пріобрѣтало. Извѣстная исторія отечества нашего Вашему Величеству сіе доказуетъ, коликія несчастіи послѣдовали государству и королямъ отъ нарушенія оныхъ, яко при королѣЕрикѣ XIV, при Сигизмундѣ и Карлѣ XII. Не обвините меня, якобы я желалъ россійскаго посла и для сохраненія правъ нашихъ, но болѣе желаю, нежели пріѣзду того страшусь, чтобы нарушеніе вольностей нашихъ безъ помощи Россіи было исправлено.

Никто, думаю, изъ Шведовъ не пожалѣетъ послѣдней капли своея крови, дабы не допустить Ваше Величество къ подписанію какихъ условій предосудительныхъ государству и Вамъ, яко главѣ онаго, долженствующему управлять оное по древнимъ законамъ, а потому несть страху Вашему Величеству подписать такія условія. Но должно подумать, что Вы называете предосудительными, тѣмъ наипаче, что и не помянули о государствѣ. Если тѣ условіи мнятся вамъ предосудительными, которыя утверждаютъ вольность Швеціи, составляютъ счастіе разныхъ чиностояній ея народа,—нѣтъ, государь, нѣтъ! Таковыя условіи не суть

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

предосудительны, они блаженства народа утверждаютъ, коего Ты есть токмо хранитель. Они возобновляютъ ту храбрость и великодушіе, которыя прославили Шведскій народъ надъ многими другими, учинили его въ состояніи предписывать законъ Германіи и защитить протестантскую вѣру. Если сіе отниметъ часть власти вашей, но власть ваша есть для счастія народа, а убавка оныя то счастіе пріумножитъ. Сіе возвратитъ намъ тѣ правы и преимущества, коими отъ дальнѣйшихъ временъ пользовались наши предки, и которые предали намъ яко священный залогъ къ сохраненію; сіе воспомнитъ вамъ условіи родителя вашего и сугубыя ваши при восшествіи вашемъ на престолъ. Сіе воспомнитъ вамъ ту присягу, которой Вы предъ Богомъ обязались, покажетъ вѣру вашу и почтеніе къ Вышнему Естеству, коимъ царіе царствуютъ, и безъ коея не токмо государь, пасущій великое стадо, но и приватный человѣкъ почтенъ быть не можетъ и едвали достоинъ человѣкомъ нарѣчися. Сіе покажетъ добрыя, нравственныя расположеніи вашего сердца. То гдѣ страхъ? гдѣ трепетъ? гдѣ безчестіе? не зрю во всемъ семъ инаго, какъ богоугодности, блаженства и чести.

Если мы страшимся и несчастій и безчестья, то лучше намъ постараться зачатую безъ согласія чиновъ государственныхъ войну сію прекратить, въ которой не бившись уже мы побѣждены самымъ противу закона ея объявленіемъ. Чтобы содѣлалъ суровѣйшій непріятель (не говорю я о Россіянахъ, которые еще намъ суровства не оказали), побѣдя насъ: онъ бы лишилъ насъ вольности, пограбилъ бы наши имѣніи. Еще мы не побѣждены, еще границы наши не опустошены, еще флотъ нашъ, которому тщетно побѣду приписуютъ, послѣ которой онъ однако запертъ былъ въ своихъ портахъ, есть не истребленъ, а мы уже лишились своихъ правъ и вольностей, и имѣніи наши отъ великихъ налоговъ въ разореніе приведены. Собратіи наши, финляндскіе офицеры, первые осмѣлившіе вопіять о нарушеніи основательныхъ правъ государства, стенятъ въ оковахъ: а насъ страшатъ нашествіемъ непріятеля!

Чѣмъ они виновны? тѣмъ ли, что явили себя гражданами, тѣмъ-ли, что предпочли должность рожденія ихъ должности временныя службы? Что они содѣлали? Не чинамъ-ли государственнымъ предали разсмотрѣніе, что имъ по основательнымъ правамъ принадлежитъ? Измѣнили–ли они отечеству, отреклися-ли противу опустошающаго страну непріятеля биться? Несть. Они, примѣчая неправость сей войны и въ правѣ и въ дѣйствіи, по самому Тобою изданному и чинами утвержденному установленію статьи XLVIII, предали на разсмотрѣніе тому, кому по законамъ надлежитъ, отрекаясь до тѣхъ мѣстъ сражаться съ непріятелемъ, но тогда-же груди свои въ преграду поставляя, еслибы онъ въ страну нашу проникнуть восхотѣлъ; учиняя сіе не токмо по древнимъ нашимъ узаконеніямъ, но и по твоимъ, статья XVIII, по которой они Тебѣ и чинамъ государства присягою обязались. А сіе ихъ по-

виновеніе отеческимъ законамъ, сіе, что они не хотѣли быть яко наемныя войска, сражающіяся не зная причины и готовыя на праваго и не праваго итти; сіе, что они не хотѣли сходствовать на тѣ войска, или лучше сказать разбойничьи толпы, каковыя въ XIII и XIV вѣкахъ въ Италіи были, нанимающіяся ко всякому, кто болѣе имъ денегъ дастъ, и часто стороны перемѣняющія; войска, коихъ имя, яко начальники ихъ, кондотіери, приключили Италіи неописанный вредъ и въ ненависти имя ихъ понынѣ остается. Несть, они граждане таковыми быть не хотѣли, а за сіе повержены въ темницы; за сіе иройскія ихъ руки цѣпями отягчены; за то стѣснена горестію душа ихъ. Государь, первая должность Монарха есть правосудіе. Народы, избирая себѣ начальниковъ, не иной имѣли предметъ, какъ пожертвовать часть вольности своея, дабы другую безбѣдно сохранить.

Ты носишь корону и скипетръ, но то въ воспоминаніе твоихъ должностей; скипетръ твой не есть жезлъ желѣзный, посѣкающій правду, но гонящій неправду.

Если они (не?) виновны, чего ради ихъ подъ стражу брать? чего ради небунтующихъ бунтовщиками именовать? Исполни долгъ званія твоего, представь ихъ, представь ихъ предъ вольное и нестѣсненное властію твоею собраніе, дай имъ свои причины представить, они сего отъ Тебя и отъ народа требовали, они подъ защищеніе государственныхъ чиновъ прибѣгали, они требовали отъ нихъ рѣшенія ихъ сумнѣнія; да наставятъ ихъ,

ежели они заблуждаются, а не въ темницѣ безъ суда ихъ должно изнурять. Не согласитесь-ли Ваше Величество на сію святую истину, впечатлѣнную во всѣ сердца человѣческія, что въ добромъ правленіи послѣдній гражданинъ имѣетъ тоже право къ соразмѣрному по его состоянію, достоинству и дарованіямъ блаженству, какъ напотличнѣйшій, и яко самый Государь, а сіи не токмо блаженства. но и должнаго правосудія лишены.

Изреченіе Вашего Величества о коронѣ Густава Адольфа, украшающей главу вашу, болѣе важности въ себѣ замыкаетъ, нежели съ перваго взгляду примѣтить можно; корона, государь, дается Монархамъ въ знакъ ихъ сану, долженствующаго содѣловать счастіе подданныхъ содержаніемъ ихъ правъ. Во многихъ государствахъ тщательно блюдутъ тѣ короны, которыя именитѣйшихъ ихъ іроевъ украшали. Тако французскіе короли коронуются короною Кловиса, перваго христіанскаго государя той страны; венгерскіе — короною короля Стефана, коего они святымъ почитаютъ, и нѣкоторую святость, по обычаю послѣдующихъ папежскому закону, къ ней приписываютъ. Вы украшаетесь короною, которую носилъ Густавъ Адольфъ, но не по какой святости, приписуемой къ ней, а сохранена она токмо у насъ въ знакъ почтенія нашего къ сему великому государю. Мы желаемъ, чтобы короли наши, его потомки, ею украшались, дабы, нося ее, всегда воспоминали добродѣтели сего великаго мужа, его набожіе, его вѣрность содержать его слово, его усер-

діе сохранять наши древнія правы. Такъ, государь, она украшаетъ вашу главу, но и воспоминаетъ вамъ должности ваши. Ваше Величество являетесь нѣкое почтеніе къ ней приписывать, почтите-же и предметъ, съ чѣмъ она вамъ дана, ибо впротчемъ злато и каменье, чей бы главѣ ни прикасались, почтенія къ себѣ привлекать не должны.

Пусть хоть та судьба меня постигнетъ, каковая постигла въ 1520 году того шведскаго дворянина, который тогда осмѣлился о несчастіяхъ отечества своего со слезами провозглашать. Я Шведъ, родился воленъ, и свободу нашу, яко драгоцѣнный залогъ, преданный мнѣ отъ праотцовъ моихъ, священнымъ почитаю. Залогъ сей, для сохраненія котораго Шведы толико крови проліяли; почтенныя имена знатнѣйшихъ нашихъ мужей, въ разныхъ случаяхъ избіенныхъ, блистаютъ въ памятникахъ нашихъ; имена ихъ всѣмъ извѣстны, роды ихъ продолжаются, и воспоминаніе ихъ дѣлъ къ подражанію насъ побуждаетъ. Но я вижу здѣсь новаго Троля, который подъ именемъ маршала дворянства, забывъ себя, тщится подражать поступку того Упсалскаго архіепископа, который честолюбіемъ своимъ едва до разоренія и рабства Швецію не привелъ. Се онъ, подобно какъ Троль, подобно яко на отрѣшенныхъ отъ церкви, приноситъ несправедливыя жалобы на дворянство, злодѣй отечества, дворянства и Тебѣ, тщится содѣлать Тебя подобно Христіану Второму.

Увы! О горесть, о печаль! какое чудо и чудо въ просвѣщенномъ вѣкѣ, чудо въ XVIII столѣтіи, когда философія и просвѣщеніе смягчили сердца человѣческія! Близко подходящее позорище, которому и въ 1520 году удивлялись, намъ представляется, но отъ кого? отъ чуждыхъ-ли? нѣтъ, отъ своихъ. По бѣсновѣрію-ли, пріемлющему маску усердія къ вѣрѣ и прельщающему простыя души? несть, но по самымъ яснымъ государственнымъ причинамъ. Се врата градскія запираются, воинствы мѣщанскія, которымъ Ваше Величество препоручилъ храненіе вашей особы, въ предосужденіе государственныхъ войскъ, имѣвшихъ всегда право и честь хранить своихъ государей, подъ начальствомъ новаго персона (sic) посылаются; обнадежныхъ на утвержденныхъ правахъ и учрежденія правленія статьи 21 съѣхавшихся дворянъ берутъ подъ стражу, влекутъ въ темницы, отягощаютъ длани ихъ, готовыя для защищенія отечества, постыдными оковами.

Ни престарѣлыя лѣты Ферзена, ни чинъ его, ни знатность рода сенатора Браге, ни достоинствы генерала Горна, ни добродѣтель всѣхъ протчихъ жалости не содѣлываютъ. Народъ, поверженный въ нѣкоторое безуміе, зритъ влекомыхъ въ темницы своихъ защитниковъ и поборниковъ праотческихъ правъ. О времена, о нравы! Государь, Ты сіе сдѣлалъ, Ты возобновилъ намъ страшное позорище Христіана II, окончь дѣяніе твое, предай ихъ мучительной смерти, да пройскія ихъ души вознесутся на небеса, и тамъ у вышняго престола да испросятъ спасеніе Швеціи и сохраненіе нашихъ правъ. Предписанъ предѣлъ жизни человѣческой, и самая

длинная жизнь есть ничто въ разсужденіи вѣчности, а могутъ-ли они лучше умереть, какъ умереть за храненіе правъ отечества своего?

Но какая польза тебѣ въ томъ, государь? Ты мнишь-ли чужестранными войсками овладать Швецію? А если Шведами Ты Шведовъ хочешь покорить, если самыми ихъ собственными руками ты хочешь ихъ нѣдры раздирать, повѣрь мнѣ: тѣ чины, которые нѣкіимъ чадомъ объяты, которые лестными видами, предлагаемыми вами, прельщены, возвратятся къ мыслямъ, которыя отъ сосцовъ матерей ихъ имъ влагались; возвратятся къ любви отечества своего и праотчественныхъ законовъ.

Наглый поступокъ, учиненный съ сими, грозитъ подобнымъ и всѣмъ. Разрушилася тишина, разрушилось спокойство, разрушились законы, разрушилась безопасность,—то обратнымъ образомъ не все-ли тебѣ угрожаетъ. И сіе мнимое чиновъ собраніе возможетъ-ли хотя надъ маломыслящимъ какое дѣйствіе имѣть? Идѣже нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и совѣта. Мы собраны сюда для совѣта, а знатнѣйшихъ, за то что, ясно мысли свои осмѣливаются открывать, въ темницы заключаютъ. Несть уже здѣ живые люди, несть здѣ дѣйствующіе разумы, но мертвыя тѣла, прелагаемыя по волѣ гробохранителя,—то сильны-ли законоположеніи такого собранія могутъ быть? Ты нашъ законный государь, по наслѣдству на престолъ восшедшій, а поступаешь съ нами, якобы воинствомъ отечество наше завоевалъ.

Прочтенныя Тобою, Тобою однимъ и во время собранія государственныхъ чиновъ сочиненныя узаконеніи, въ противность статьи XL и XLII учрежденнаго правленія, въ ужасъ и въ трепетъ всѣхъ благоразумныхъ приводятъ: сказали Ваше Величество, что себѣ единому предоставляешь власть вести войну и заключить миръ. Краткія, но много знаменующія слова, начала неимѣющія, а влекущія множество слѣдствій. Себѣ Ты предоставляешь власть вести войну, но кому Ты предоставилъ власть ее объявлять? Если себѣ-же, зачѣмъ нарушилъ древнія наши узаконеніи, твои сугубыя клятвы и условіи, на коихъ родъ твой и Ты пріяли правленіе шведскаго государства, объявля ее ненужную и вредную, и тѣмъ самымъ явилъ опытъ, чего должно отъ честолюбія государей своихъ страшиться; если же собраніямъ государственнымъ,—ничего новаго не сказалъ, ибо что есть, что правами и древностію утверждено, то новаго утвержденія отъ короля, коего власть ограничена государственными законами, не требуетъ. Себѣ, паки говорю, предоставляешь Ты власть вести войну. Но война влечетъ съ собою убытки и тягости народныя; себѣ-ли предоставляешь напрасно зачатыми войнами и народъ изнурять, и, обольстя безвинныхъ земледѣльцовъ и мѣщанъ, влечи дѣтей ихъ на убіеніе, послѣдній платъ извлечи изъ кармана ихъ, дабы учинить имъ спокаиться о ихъ къ тебѣ снисхожденіи; если же не себѣ, то безъ войска и денегъ власть ваша во всемъ будетъ ничто. Себѣ предоставляешь ты заключать миръ. Отвергая всякой совѣтъ, всякое зна-

ніе протчихъ, мнишь, якобы особливо сотворенное естество, всѣ качествы и знаніи въ себѣ одномъ соединить. Подлинно, государь, слова твои инако растолковаться не могутъ, какъ что себѣ единому предоставляешь Ты власть войной и миромъ разорять государство, дабы не былъ никто тому виновникомъ кромѣ Тебя. Не слыхано еще на свѣтѣ подобное деспотичество, каковое истеченіе XVIII столѣтія въ особѣ вашей явило намъ, деспотичество, не токмо въ оказанныхъ дѣяніяхъ, гдѣ видимъ законнаго государя, вооружающагося той властію, каковою рѣдко и побѣдители съ побѣжденными употребляютъ; а въ словахъ своихъ и дальнѣйшія намѣреніи о распространеніи деспотичества съ презрѣніемъ народа изъявляешь. Кровь Густава Вазы и Густава Адольфа течетъ въ Тебѣ, государь. Первый отъ жестокости и деспотичества Датчанъ Швецію избавилъ, а вторый былъ хранитель ея законовъ. Первый, изгнанный, сокрывающійся въ минахъ, простой дворянинъ, веденъ любовію къ утѣшенному своему отечеству, или, лучше сказать, ангеломъ поборающимъ Швеціи, оную завоевавъ, былъ въ короли избранъ за его услуги; а вторый былъ строгій хранитель ея правъ. Но ни который ее собственною вотчиною не почиталъ, и ни одинъ народъ не считалъ насъ, якобы купленныхъ или взятыхъ невольниковъ, влекомыхъ въ американскія селенія, для исполненія воли и налагаемыхъ работъ, или для продажи купившимъ ихъ. Возри государь, когда очи отвращаешь отъ своихъ предковъ, отъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, возри хотя на новыхъ твоихъ союзниковъ, на Турковъ: и тамъ султанъ безъ дивана ни войны не начинаетъ, ни мира не заключаетъ; а Ты насъ хощешь въ вящее рабство привести, нежели Турки у своихъ падишаховъ суть.

Донынѣ нашъ сенатъ не изъ многихъ особъ составленный, но особъ, которыхъ вмѣстѣ знатное рожденіе, напоминающее имъ услуги отечеству ихъ предковъ, долговременная служба, разумъ и испытаніе украшалъ. Они были всегда подпоры короны, раздѣляющіе бремя королевское въ правленіи знатнаго народа; имя сенатора придавало уваженіе ихъ особамъ, а собственныя ихъ особы придавали уваженіе сенату. Ходатаи между народа и престола, остро-зрительные взиратели на нужды и обстоятельствы государственныя,—благосостояніе государства ихъ счастіе, а спокойствіе народное отдохновеніе ихъ составляло. Такое, изъ древнихъ лѣтъ составленное и многими столѣтіями испытанное засѣданіе противно Вашему Величеству учинилось; ибо предвидѣніе ваше простирается, что не всегда во всемъ повиновенныхъ почтенныхъ сихъ мужей себѣ найдете. Не снисхожденіе къ другимъ чинамъ, но паденіе сената есть вашъ предметъ. Вы камень претыканія сей вашего самовластія хотите низвергнуть, уподля его, введя духовенство и крестьянъ въ его засѣданіе, а отнявъ важность его предъ народомъ, повелѣвать имъ, яко въ домовой своей канцеляріи, повелѣвать имъ, яко махинамъ, подписывать все вамъ угодное, лишить подпоры своей государство, а себя

нужныхъ, безпристрастныхъ и дальновидящихъ совѣтниковъ.

Ваше Величество, объявили самовластное ваше намѣреніе сравнить всѣ состоянія вашего государства; объявили, чтобъ потомки Свантъ Стуровъ, Стеноновъ, Браге, Спаровъ, Оксенстирновъ и другихъ позабыли, отъ кого они происходятъ; хотите въ естественное положеніе равности привести часть роду человѣческаго, находящуюся подъ вашею державою. Пусть ошибочное положеніе, но положеніе однако хотя видъ имѣющее приближаться къ естественному закону; но искренно-ли оно? не уповательно, и знаковъ къ тому нѣтъ; ибо Ваше Величество равняете всѣхъ подданныхъ своихъ въ естественное право, а тогда же себѣ многую, противную законамъ, власть присвояете, яко бы Вы были какое существо, превышающее человѣчество, возлагающее на другихъ, чего самъ понести не хощешь. Ты, государь, человѣкъ, и не отречесся быть такимъ. Если естественное равенство толь духъ твой поражаетъ, оставь скипетръ и вѣнецъ, стань между послѣднія части народа, и яви, что можешь Ты единымъ своимъ разумомъ и убѣдительными твоими вѣщаніями, а если то не такъ, не суть убѣдительны вѣщаніи твои, и болѣе не показуютъ, что, сравнивая всѣхъ, у всѣхъ хощешь права Ты отнять и токмо несчастіями нашими равенство между всѣхъ подданныхъ твоихъ содѣлать.

Воззри, государь, на политическое состояніе государствъ, войди внутрь сердца твоего, разгни исторію свѣта, то узришь Ты, что либо отцы родовъ, либо оказавшіе важныя услуги обществамъ, были первые начальники онымъ, что благодѣянія ихъ были первая степень препорученія имъ власти; признаніе народное власть сію наслѣдственну учинило. Ты симъ пользуешься самъ, подобнымъ образомъ уже при начальникахъ обществъ другіе, оказавъ услуги, хотя не первостепеннаго достигли мѣста, но, по крайней мѣрѣ, почтеніе къ симъ изящнымъ мужьямъ на потомство ихъ преложилось, и тѣмъ Шведское дворянство пользуется. Лишаешь Ты насъ сихъ правъ, равнолѣтныхъ престолу,—лишаешься самъ права наслѣдствія престола. Что содѣлалъ знатнаго Карлъ XII, бывъ 16 лѣтъ, и Ваше Величество, хотя на двадцать пятомъ году своего возраста взошли на престолъ, но при родителѣ вашемъ ничего въ пользу отечества не содѣлали; а единственно право наслѣдія было причиною возведенія вашего, то самъ чинишь право свое сумнительно, отнимая тоже право наслѣдственное у дворянства.

Пусть въ сенаторы Тобою будутъ посаждены изъ священниковъ, имѣющихъ нѣкую науку и просвѣщеніе; но наука ихъ, государь, есть другого рода съ управленіемъ государства. Довольно тому, кому вручено проповѣданіе слова Божія, всѣ часы и минуты своея жизни употребить на познаніе Божія закона. Зачѣмъ тщиться часть святую, родъ посвященный Богу, у него отнять, дабы сдѣлать изъ нихъ честолюбцевъ и политиковъ; возобновить злоупотребленія папежскаго закону, толико нами ненавидимаго, чтобы духовный чинъ былъ употребленъ въ гражданскія дѣла, и можетъ быть довести духовный

чинъ нашего закону до того-же честолюбія и до той-же смутности, отъ коего Швеція толико претерпѣла. Честолюбіе, которое, конечно, они болѣе могутъ распространить, бывъ болѣе дворянъ связаны съ нижними чинами людей, коихъ могутъ ввергнуть въ бѣсновѣріе, и престолъ церкви въ противуборство царскому престолу поставить. Не мало труда праотецъ твой, великій Густавъ Ваза, имѣлъ истребить сіе зло, Ты же самъ его возобновляешь, чтобы восплакали твои преемники. И противу кого? противу тѣхъ, кои кровію и заслугами предковъ своихъ, и своими заслужили достоинства и преимущества, которыя Ты отнимаешь.

Вручишь ли Ты мечъ симъ людямъ, Богу посвященнымъ и учащихся токмо слову Божію? Поставишь-ли Ты ихъ начальниками войскъ? Повелишь-ли ихъ рукамъ, каплющимъ кровію человѣческою, раздавать хлѣбъ и вино причащенія? Возобновишь-ли Ты уже невидимое нынѣ въ Европѣ позорище—священника, облеченна въ латы и съ мечемъ въ рукахъ поражающа враговъ, которое къ стыду имени христіанскаго часто въ прежнія времена папежство намъ представляло; и содѣлаешь ли Ты изъ священниковъ Бога вышняго жрецовъ Юпитера, Марса или фламиновъ?

Однимъ словомъ, хочешь-ли учинить священниковъ Бога, снисшедшаго съ небеси, воплотившагося въ человѣчество, смирившаго себя даже до смерти крестныя, чтобы они, сѣдя на сѣдалищахъ судей и первыхъ правителей государства гордостью и честолюбіемъ упивались?

Вотъ, государь, колико сіе противно самому Божественному закону, чистотѣ святаго Евангелія, благопристойности и самой политикѣ государственной.

Но возведеніе крестьянъ въ сенаторы, людей по званію своему непросвѣщенныхъ, а непросвѣщеніе рождаетъ упрямство. Какіе совѣты, какую дальновидность, какое испытаніе въ дѣлахъ надѣетесь вы отъ сего состоянія людей имѣть. Конечно, государь, намѣреніе Вашего Величества состоитъ, чтобы числомъ симъ превышать другихъ сенаторовъ и устами сихъ деспотическія повелѣнія ваши раздавать. Но ошибаешься и въ семъ государь: уподля сенатъ, лишишь его того уваженія, которой къ нему народъ имѣлъ, то либо вѣщаніе ихъ согласія народнаго не произведутъ, и ропоты и бунты послѣдуютъ отъ того, или сами, бывъ упрямы, употребятъ себя въ противурѣчіе благожелательнымъ сенаторамъ и вамъ, а паче во всѣхъ, требующихъ издержекъ, узаконеніяхъ, и бывъ подперты многочисленнѣйшею частію народа, не легко ихъ будетъ преклонить, и они учинятся камень претыканія, о который не токмо деспотическія хотѣнія, но и самыя благонамѣренныя разобьются.

А симъ разрушеніемъ не токмо древнихъ нашихъ правъ, но и самаго 1772 году учрежденія о правленіи статьи LII, равно какъ и даніемъ права покупать мѣщанамъ и другимъ дворянскія имѣнія, духи дворянства удручатся, уподлятся ихъ сердца, нужная бодрость для сохраненія государства исчезнетъ; мѣщане, попы и крестьяне, всѣ восхотятъ въ сенаторы и

дворяне. Должность купца и ремесленника мимоходящія себѣ будутъ считать; исчезнутъ ремеслы, упадетъ торговля, пропадетъ кредитъ отъ выхожденія купцовъ во дворяне. Проповѣдники слова Божія, вмѣсто попеченія познать чистое ученіе евангельское, къ политикѣ устремятся; и не имѣя сего орошенія, завянетъ корень благоговѣнія въ народѣ, и нравы повредятся. Крестьянинъ не толь будетъ взирать на свое поле и соху, какъ на будущее состояніе, которое льстится получить.

Поля останутся не обдѣланы, и земля, наказующая всегда нераченіе тѣхъ, которыхъ питаетъ, и малый урожай хлѣба нашихъ странъ еще уменьшитъ. Се есть единственныя пользы, которыя вамъ и государству произойдутъ.

Окончу длинныя мои, но искреннія сына отечества вѣщаніи, приклоняя выю и главу мою предъ моимъ государемъ. Воспомни государь, что Ты человѣкъ, что въ нынѣшнемъ твоемъ санѣ равно какъ и другіе подверженъ суду Божію; воспомни свои клятвы, и что Богъ преступленіе ихъ наказуетъ; воспомни, что Ты нашъ соотчичъ, что родился, воспитанъ и живешь между нами, что нами обладаешь, и что яко государю, яко гражданину блаженство и счастіе отечества Тебѣ должно любезны быть; а не можешь Ты намъ его сохранить, не сохраняя нашихъ правъ и вольностей; воспомни твои слова, обѣщающія блаженство Швеціи: «отрѣкаюся, изрекъ Ты, днесь отъ всякаго ненавидимаго деспотичества, почитаю, что величайшая моя слава быть первымъ гражданиномъ народа прямо свободнаго». Воспомни, государь, что всегда нарушеніе оныхъ правъ послѣдуема была горшими несчастіями королямъ и народу, что Ерикъ, сынъ Густава Великаго, главне за нарушеніе нашихъ правъ въ темницѣ жизнь свою окончалъ; что Іоаннъ III спокойнаго дни въ царствованіе свое не зналъ; что Сигизмундъ, его сынъ, изгнаніе претерпѣлъ; что память Карла XI ненавидима учинилась, и что поступокъ его былъ первою причиною потери Лифляндіи; что Карлъ XII войною государство разорилъ и, наконецъ, самъ несчастно погибъ.

Воспомни, государь, что небогатой нашей странѣ всякая война тягостна и несносна, что самые таперя возвышающіе Тебя, за даваемыя имъ лестныя преимущества, почувствуя гладъ и налоги, противу тебя возопіютъ. Воззри на великихъ твоихъ предковъ, возьми въ примѣръ миролюбивое царствованіе родителя твоего, возьми въ примѣръ дядю твоего великаго Фридерика: не проходящею и легкою военною славою онъ имя великаго получилъ, но мудрыми узаконеніями, которымъ самъ за честь себѣ считалъ повиноваться, и великими учрежденіями, которыя онъ для пользы подданныхъ своихъ содѣлалъ. Возьми въ примѣръ Россійскаго Императора Петра Великаго, побѣдителя нашего,—не одна льющаяся войною кровь его великимъ содѣлала. Онъ жестокость своихъ воиновъ съ проліяніемъ ихъ крови при взятіи Нарвы укрощалъ, а Ты безвинныхъ подданныхъ въ темницы заключалъ. Онъ завоеваннымъ странамъ правы и преимущества сохранилъ, и похищен-

ное королемъ Карломъ XI старался возвратить, а Ты наши правы отнимаешь; онъ просвѣтилъ свой народъ, ввелъ науки и благонравіе, а Ты его истребляешь. Будь подобенъ Густаву Вазѣ, Густаву Адольфу и другимъ великимъ государямъ, осчастливь миромъ, тишиною и сохраненіемъ правъ твое отечество; проститъ Тебѣ потомство малый часъ заблужденія; и благодѣяніями твоими удостоишься отъ онаго имени великаго, тѣмъ наиболѣе Тебѣ принадлежащаго, что самыя страсти свои побѣдишь. Удостойся вѣнца славы не кровавыми токами, но побѣжденіемъ самого себя.

ОТВѢТЪ ГРАЖДАНИНА

на рѣчь, говоренную Ея Императорскому Величеству Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества Шведскаго мира 1790 г., Сентября 5 числа *).

Къ тебѣ пишу, служитель Сената, представляющему Сенатъ въ присутствіи его, и заставляющему по помаванію твоему, яко по знакамъ флигельманскимъ, кланяться мужей почтенныхъ, прямо народъ могущихъ или по крайней мѣрѣ долженствующихъ представлять, якобы они всѣ были невѣгласы; къ тебѣ пишу, не выбранному, но установленіемъ Сената утвержденному краснобаю; къ тебѣ пишу, вѣщуну отъ народа, незнающему — кто ты, и что будешь вѣщать.

Се есть первое твое званіе; коль оно законно и коль справедливо, то всякой благоразумный понять можетъ. Но казалось бы довольно тебѣ было, что ты предъ народомъ учинилъ себя, а не сенатъ, посредникомъ между государя и народа. Довольно бы тебѣ, что ты, бывъ приставомъ или воззрителемъ, иль лутче сказать подглядателемъ въ государственномъ правленіи, приносилъ за народъ благодареніи, что есть ничто иное, какъ бы кто самъ себя гладилъ; ибо ты называешься око государево, ибо ты его членъ, ибо членъ тѣла его, а не народъ благодареніи приносилъ и хвалы возсылалъ. Но зачѣмъ ты и тутъ въ хвалахъ твоихъ дерзнулъ основателя всего просвѣщенія Россіи, перваго содѣтеля нынѣшней ея славы и какая когда можетъ въ будущія времена случиться, ругательнымъ образомъ сравнивать съ сѣдящею на престолѣ Императрицею? Зачѣмъ ты, хотя принести лестный фиміамъ, вредъ самой славѣ сей Императрицы содѣлалъ; ибо самый чинъ твой, самое установленіе въ подобныхъ случаяхъ благодаренія есть дѣяніе Петра Великаго; а ты, дерзая охулять предсѣдящей на престолѣ содѣтеля всего сего, не ясно-ли изъявилъ, что лесть, а не искренность говорила, и что ты не болѣе ей самой вѣренъ, какъ тому, кто установилъ чинъ твой?

Но приступаю къ твоей безумной и подлой бесѣдѣ и къ преступному сравненію. Оставя неприличныя твои рѣ-

*) Печатается съ рукописи Имп. Публичной библіотеки (бывшей Эрмитажной).

ченія,—начинаешь ты говорить, что границы наши сѣверныя, токмо мирною стражею назираемыя, охраняемыя наипаче были святостію договоровъ; въ томъ и въ нашей невинности мы безопасность, а Швеція, поборница по агарянамъ, свою надежду полагала найти себѣ отверстой путь на покореніе страны, ей сопредѣльной. Единыя сіи твои краткія слова не показуютъ ли твое неразуміе? Упрекаешь ты шведскаго короля быть измѣнническимъ образомъ нарушителя святости, мира и защитника агарянамъ. Все сіе правда; можно бы про сего государя, одареннаго нѣкоторыми изящными качествами, но не добродѣтельми, и болѣе сказать; но не тогда, когда Россія его признаетъ уже своимъ союзникомъ, но не тогда, когда Императрица въ забвеніе предала безсовѣстные его съ нею поступки, и не тогда, какъ въ восьми статьяхъ состоящій трактатъ, безъ утвержденія прежде-бытныхъ, даетъ ему тысяча способовъ къ возобновленію войны. Царь Алексѣй Михайлычъ за одну написанную приватнымъ человѣкомъ книгу, гдѣ дѣдъ его былъ охуляемъ, войну Польшѣ объявилъ и Смоленскъ взялъ. Людвикъ XIV, король французскій, за картину и медаль приватнаго человѣка войну Соединеннымъ Нидерландамъ объявилъ, и едва ихъ въ разореніе не привелъ. А ты предъ трономъ, въ первые часы замиренія, государя, не разоружившаго свой флотъ, дерзаешь поносить. Но исполнялъ ли, по крайней мѣрѣ, ты предметъ свой, похваляя сѣдящую на престолѣ? Ты ясно признаешь, что недостаточная была (ея?) осторожность. Могъ-ли шведскій король въ единое мгновеніе построить галеры, вооружить корабли, собрать войско и прочее? убо не могло по пребыванію нашаго министра тамъ, или и по самымъ газетамъ, намѣреніе его сокрыто быть. Зачѣмъ-же токмо мирная стража оставалась? зачѣмъ не умножено было, хотя не на границѣ, но по крайней мѣрѣ въ близости, войска?

Не знаешь ты и знаменованія словъ; полки вслѣдъ велѣній летѣть не могутъ; ибо велѣніи идутъ на встрѣчу тѣмъ, кому повелѣваютъ, убо полки летѣли хоть безъ крылъ, но по велѣніямъ.

Если бы ты имѣлъ здравый разсудокъ, не вмѣстилъ бы то въ похвалу, что со вредомъ государства въ охуленіе можетъ обратиться. То правда, что поспѣшность собранія войскъ, вооруженія кораблей, строенія галернаго флота вѣчную славу Монархинѣ нашей содѣваютъ; то правда, что бодрость ея духу успокоила гражданъ и явила, коль онъ превыше нечаянныхъ случаевъ; то правда, что могла она давать нѣкоторыя общія наставленіи своимъ предводителямъ, весьма способствующія имъ въ морской и сухопутной сей трудной войнѣ, гдѣ мели и камни чинятъ плаванье опасно, гдѣ лѣса, горы, узины, озера и болота чинятъ всякое движеніе войскъ гибельнымъ: но могла ли она, сидя въ своемъ кабинетѣ, повелѣвать вѣтрами? могла ли она точно предузнать, какія мѣста неприятелемъ заняты, и нѣтъ-ли гдѣ по-

гибели, естли за нѣсколько сотъ верстъ дадутся непремѣнныя повелѣніи? Вождь за полчаса часто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать; а ты духъ пытливости, которой она себѣ не присвояетъ, ей приписалъ. И наконецъ, могла ли она въ ту минуту знать, когда повелѣніи ея дойдутъ, что непріятель не сдѣлалъ никакихъ противныхъ движеній? наконецъ, благоразуміе ея могло ли ей позволить, чтобы она связала такъ повелѣніями своими руки своихъ вождей, чтобы они противныя естеству вещей дѣлали движеніи по ея велѣніямъ, и не смѣли бы и полезнаго безъ повелѣнія ея предпріять; убо сіе не токмо похвала, но есть охуленіе ей, ежели бы то правда было. Само бы политическое благоразуміе должно тебѣ воспрепятствовать такой вздоръ предъ трономъ говорить. Ты сказалъ, что все учреждала наша Императрица, убо вожди были слѣпые исполнители. Не отнимаетъ ли сіе у нихъ славы? не лишаетъ ли сіе ихъ бодрости? не унываютъ ли всѣ разумы? не тухнетъ ли усердіе? Самыя награжденіи, учиненныя имъ, въ ничто обращаются, ибо алмазы и злато не замѣняютъ славы.

Какую нелѣпость ты наболталъ: «царь отецъ (т. е. отцевъ) нашихъ!» Не зналъ ты, что сказалъ. Онъ царь, императоръ и благодѣтель твой. Царь—по продолжающемуся наслѣдству его крови. Онъ умеръ, но кровь его царствуетъ, убо тоже почтеніе, какое ты имѣешь къ его потомкамъ, и къ предкамъ его долженъ сохранять. Яко побѣдитель, онъ—пока Россія пребудетъ—императоръ Россіи, ибо самой сей титулъ отъ даванія солдатами побѣдителямъ произошелъ; съ Россіей побѣждалъ, убо пребудетъ навсегда онъ у Россіянъ побѣдитель. Благодѣтель... Градъ, гдѣ ты болтаешь, сенатъ, гдѣ ты имѣешь чинъ, стулъ, на которомъ ты сидишь, кафтанъ, которой ты носишь, выбритая борода, которая тебя не безпокоитъ, великолѣпіе, которое ты зришь, войско, о которомъ ты говоришь, флотъ, котораго ты побѣды хвалишь, Императрица отъ древняго роду Ангальтовъ, владѣющая Россіей,—суть все его дѣяніи: то какъ онъ не будетъ вѣкъ благодѣтель Россіи?

Рѣченіи твои и дерзки, и несправедливы. Осмѣливаешься ты дѣлать сравненіе между великихъ государей; не стыдишься, предстоя предъ трономъ единыя, унижать другаго. Говоришь ты о Петрѣ Великомъ: ты велъ рукою власти; Екатерина II нравственнымъ убѣжденіемъ насъ поставила въ политическое бытіе. Дабы такое рѣшеніе сказать, надлежало бы разсмотрѣть, время и обстоятельствы: когда была суровость, когда были предъубѣжденіи и упрямство, власть конечно была нужна. Однако Петра Великаго обвинять не можно, чтобы онъ повсюду власть свою употреблялъ, и не старался бы и нравственнымъ просвѣщеніемъ народъ свой въ политическое состояніе приводить. Не имъ ли были устроены многія училища свѣтскія? не имъ ли учреждены многія семинаріи? не по повелѣнію ли его изданы катихизмы? не по повелѣнію ли его изданъ букварь для ученія юношеству, съ нравственными пра-

вилами для впечатлѣнія учащимся? не по повелѣнію ли его переведено множество книгъ? не имъ ли добродѣтель, правосудіе и искренность всегда были награждаемы? убо нравственные ли сіи способы? не могу я умолчать при семъ въ похвалу царствованія Екатерины II, что милосердіе ея и старанія исправлять нравы наши заслуживаютъ, какъ наше благодареніе, такъ и признаніе потомства; но рѣчью твоей показанной образцикъ по крайней мѣрѣ показуетъ, что ты благотворительными дѣяніями ея мало воспользовался.

Неприличныя твои изъясненія на всякой строкѣ умножаются. Говоришь ты: желалъ ли ты, чтобы созданіе твое, флотъ Балтійской, раченіемъ твоихъ преемниковъ усиленный, былъ твердою обороною твоему граду и побѣдоносенъ явился державѣ твоего соперника? Чудный вопросъ—спрашивать: желалъ ли кто, чтобъ то воспослѣдовало, для чего что дѣлается! Сіе подобно какъ спросить того, кто перо чинитъ, желаетъ ли онъ, чтобъ оно могло писать; и шпажника—для того ли онъ дѣлаетъ шпагу, чтобы она могла колоть. А первый предметъ Петра Великаго въ созданіи флота и состоялъ не токмо сопротивляться, но и превозмочь силу и наглость шведскаго короля. Не толь есть явно его намѣреніе, дабы проникнуть въ Средиземное море; а однако и о семъ заключать по поступкамъ его можно; ибо еще у любопытныхъ находятся грамоты, писанныя къ Черногорцамъ, дабы они взбунтовались противу врагов христіанскія вѣры; еще многіе изъ Черногорцовъ носятъ золотыя медали, данныя отцамъ ихъ отъ Петра Великаго. Побуждая ихъ къ бунту, конечно мыслилъ имъ и помочь учинить. Сіе не могъ онъ учинить сухимъ путемъ, ради многихъ другихъ областей, чрезъ которыя должно проходить; но море, соединяющее всѣ націи свѣта, ему открытой путь подавало; и начало послѣдней экспедиціи во многомъ въ подражаніи сему было учинено. Доказываются такія намѣренія Петра Великаго и тѣмъ, что подъ видомъ торговли, посылалъ на военныхъ своихъ корабляхъ товары для торгу въ Кадиксъ, дабы учинить знакомѣе своимъ морскимъ офицерамъ путь Средиземнаго моря. Но что я говорю? Далѣе еще онъ виды свои распространялъ. Отъ него были посланы тайные посланники, дабы учинить договоры съ морскими американскими разбойниками, называемыми флибюстьеры, обѣщать имъ свое покровительство, и чтобъ пріобрѣсти нѣкоторыя селеніи въ Америкѣ. Но какъ вся рѣчь ваша показуетъ незнаніе ваше въ вещахъ, и тщаніе токмо ваше состояло: высокія слова какъ ни есть сплетать, чтобы хотя не армоніей, но громкостію оглушить людей: по крайней мѣрѣ, естли бы вошли въ чувство человѣческое, узрили бы вы, что несть человѣка, который бы при начинаніи чего не далѣе бы виды свои простиралъ, нежели они въ самой вещи и могутъ быть; ибо надежда есть питательница человѣкъ. Земледѣлецъ, обсѣвая свое поле, мнитъ сторичную жатву получить, и дѣвка бас-

ни, несущая на продажу молоко свое, размышляла, какъ уже по степенямъ достигаетъ купить корову, и какъ теленокъ ея будетъ въ стадѣ прыгать. А ты лишилъ такія надежды мужа предпріимчиваго, дальномышленнаго, а потому и болѣе склоннаго простирать до безконечности свои надежды и желаніе.

Но къ чему и въ семъ случаѣ было сіе упоминовеніе? къ чему сравненіе прежней турецкой войны съ нынѣшнею? Флотъ нашъ, воспрепятствованъ Шведами, въ Архипелагу итти не могъ.

Россія тогда единая противу Порты Оттоманской содержала войну, и, не имѣя флота на Черномъ морѣ, съ малымъ войскомъ вездѣ поражала Турокъ, войски ея дошли вскорѣ до Дуная, небольшіе отряды проникли внутрь Булгаріи и до Варны. Бендеры, имѣющіе 30 тысячъ защитниковъ, четырнадцатью тысячами осаждающими были силою меча взяты. Но нынѣ Очаковъ, безъ правилъ укрѣпленная крѣпость и обнесенная ретраншементомъ, до полугоду въ осадѣ пребывала, и принуждены (мы?) были дѣлать апроши къ слабому ретраншементу, а наконецъ не расположеніемъ, не искусствомъ, но помощію Божіею, по потерѣ болѣе 20 тысячъ, была взята. Бендеры, хотя сіе дѣяніе и похвально есть, были не геройствомъ взяты, но куплены у измѣнника, который головою своею сіе заплатилъ. Въ четыре кампаніи еще многочисленныя войски наши не достигли до Дуная, Болгарія спокойна пребываетъ. Военный флотъ нашъ либо разбойническіе дѣлаетъ набѣги, или токмо при нападеніяхъ защищается.

Вѣдомости наши пусты о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противу Турокъ. А тогда зрили поденный журналъ, полный славныхъ дѣяній, могущій составить порядочную поучительную для военныхъ людей исторію, а нынѣ развѣ токмо можно узнать, во сколько времени мы сколько Молдавской земли неподвижнымъ нашимъ стояніемъ унавозили. А все сіе съ великими силами, а тогда онѣ были малы.

Однако не подумай, чтобы я нынѣшнія дѣйствія нашей арміи противу Турокъ охулялъ. Можетъ быть, недѣйствія ея причины суть глубокія и сокрытыя мнѣ и тебѣ политическія причины. Но здѣсь не объясненія ихъ ты говорилъ, а дѣлалъ похвалу, слѣдственно приводилъ къ сравненію знаемыя вещи; то коль оно есть невыгодно для настоящаго времени, а тѣмъ, противу желанія твоего, охулилъ сѣдящую на престолѣ, а не похвалилъ ее.

Наконецъ воспоминаешь ты несчастный случай Петра Великаго, тщася его унизить не токмо предъ монархомъ на престолѣ, но и предъ подданнымъ его, что графъ Румянцовъ заключилъ Канаржійской миръ въ самой тотъ день, когда былъ Прутской заключенъ; ибо въ такомъ отдаленіи, какъ есть Молдавія отъ Петербурга, думаю, не можешь ты уже Монархинѣ приписать, чтобы она всѣ дѣйствіи и станы учреждала. Миръ сей былъ нечаянной, слѣдствіе подступленія нашихъ войскъ подъ Шумлу и пораженія враговъ за Шумлою; а доказываетъ сіе и то, что ниже посланной съ характеромъ министра Обрѣзковъ могъ при ономъ находиться. Но къ чему нынѣ воспоминаніе о несчаст-

номъ прутскомъ дѣлѣ? и для того-ли, чтобы сей ошибкою озлословить твоего и нашего благодѣтеля? Исторія, вѣрная вѣщательница бывшихъ приключеній, не можетъ оправдать, чтобы Петръ Великій не учинилъ въ семъ случаѣ ошибку. Но воззримъ, каковъ онъ былъ въ ошибкѣ сей. Онъ хотѣлъ съ храбрыми и усердными своими войсками пробиваться сквозь враговъ, и лишь убѣжденъ просьбами его подданныхъ, ради опасности, которой подвергается, согласился вступить въ договоры. Не утверждаю я напечатаннаго его письма въ анекдотахъ, которое по крайней мѣрѣ видъ истины имѣетъ; геройскій его духъ, являющій, что не для себя, но для отечества воюетъ, учинилъ ему предписать своему Сенату, дабы, въ случаѣ несчастія, плѣнъ его никакого вреда Россіи не учинилъ, избрать въ россійскіе монархи кого изъ среды себя. Се есть геройство, се есть великодушіе, превосходящее все, что исторія намъ знаменитаго ни представляетъ. И я думаю, что вышняя десница, которая имъ руководствовала, позволила ему сію ошибку учинить, дабы болѣе явилось величество его духа и доброта его сердца. Но воззримъ на самый заключенный его миръ и въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Главнѣе состоитъ отдача Азова и пропущеніе короля шведскаго. Первое ничего для Россіи не значило; ибо самое Азовское море было признано симъ монархомъ за неудобное къ мореплаванію большими кораблями, каковое онъ хотѣлъ учредить, и зналъ онъ, что всегда можетъ градъ сей возвратить. Отпущеніе короля шведскаго въ разоренное и опустошенное государство токмо отнимало причины у завидующихъ державъ Россіи что важное предпринять. Но, какъ вы любите сравненія, то должны бы взглянуть на послѣдне-заключенный миръ со шведскимъ королемъ; нашли бы его, и при умноженіи силы Россіи, и при одержанныхъ побѣдахъ, едва не меньше ли выгоднымъ, нежели Прутской. Мы не уступили ничего; но и явили, что не могли укротить беззаконно - начавшаго войну. Мы не уступили ничего своихъ земель; но лишилися права, означеннаго въ Нейштадтскомъ трактатѣ, защищать правы и вольности Швеціи. Заключили мы миръ съ королемъ шведскимъ, не упоминая ни о какихъ прежде бывшихъ трактатахъ; убо оставили въ неподлинности всѣ другія обязательства, связующія насъ со Швеціею. Мы тщетно по старобытности границы утвердили; изодравъ крѣпости, оставили ему пространное поле ко всѣмъ требованіямъ, каковыя захватчивой и вѣроломной человѣкъ имѣть можетъ. Мы признали его самодержавнымъ, или, лутче сказать, деспотомъ, а самымъ тѣмъ навели на себя опасность новыя войны, которой (при) установленіи шведской вольности при сенатѣ и народныхъ собраніяхъ мы не страшились. Мы заключили миръ, не принудя его разоружить свой флотъ, ни отозвать своихъ офицеровъ, служащихъ у турокъ; убо мы, не пріобрѣтя надежнаго друга, побудили слабаго и предпріимчиваго врага какой новый вредный нечаянный ударъ произвести. Оставили его во всѣхъ его силахъ и союзникомъ враговъ нашихъ, а наложили на себя единственно тягость

и убытокъ всегда вооруженнымъ быть противу друга, яко противу непріятеля.

Конечно надобно думать, что политическія и сокрытыя причины понудили нашу самодержицу такой миръ заключить; но они намъ неизвѣстны, убо и ошибка, учиненная Петромъ Великимъ, и сравненіе миру сюда не шло.

Но общимъ образомъ сказать: въ состояніи, въ какомъ нынѣ находится Европа, безумно будетъ каждому учинять сравненія между живущимъ нынѣ государемъ и Петромъ Великимъ, а меньше еще въ Россіи, гдѣ все гласитъ его благодѣяніи. Я ни у кого не отъемлю, а меньше всѣхъ у нашей царствующей государыни, что бы не могъ кто сравняться разумомъ, величествомъ души и прочее (ибо щедръ Господь въ дарованіяхъ!) съ Петромъ Великимъ; но не имѣютъ они такого случая, чтобы сіе показать. Всѣ нынѣ царствующіе государи нашли народы свои просвѣщенные, основаніи положенныя, и токмо попеченіе ихъ состоитъ улутчать оные, и тотъ превзойдетъ другихъ славою, который приведетъ оные въ лутчее совершенство. Но Петръ Великій нашелъ грубость, суевѣріе, предъубѣжденіи, непросвѣщеніе, старые обычаи, законами и вѣками посвященные (освященные?); а долженъ былъ устроять, исправить нравы и привести ихъ въ тихость, отгнать суевѣріе, побѣдить предъубѣжденія отъ чужестранныхъ народовъ, и якобы все въ Россіи порядочно было —ввести просвѣщеніе, котораго боялись, яко больные очами страшатся лучей солнечныхъ,—превозмочь старые обычаи, законами утвержденные, помѣстной службы и учредить регулярную армію, научить инженеровъ, завести флотъ, учредить торговлю, отрѣшить противуборника монаршей власти — патріарха, установить синодъ, содѣлать разныя правительства и назначить имъ предѣлы, умножить доходы, и для сего всего создать людей, которыхъ оставилъ преемникамъ своимъ, и пр. и пр.. И все сіе среди бунтовъ и войны! То малое сіе начертанное, слабымъ перомъ изображенное, не умалитъ ли всякаго государя, нынѣ живущаго? уба хвала твоя не была хвала сѣдящей на престолѣ.

Не могу я окончить, чтобы еще не припомнить единаго неприличнаго вашего изъясненія. Въ самомъ началѣ вашея бесѣды сказали: с е р д ц а ж е р т в е н н ы я с ы н о в ъ е я (Россіянъ) п р и к л о н и т ъ к ъ л о н у м а т е р и с в о е я. Мнѣ кажется, что и «жертвенныя сердца» слишкомъ свысока сказано, ибо хотя въ амблематахъ и пишутся алтари съ горящими сердцами, но есть-ли вправду ихъ всѣ сожечь во всесожженіе, то тѣла мертвыя останутся. Но «приклонить къ лону» мнѣ кажется — того хуже, да и неблагопристойно, ибо лоно есть пазуха. А что сочиняетъ хорошій разумъ въ единомъ рѣченіи, или языкѣ, то должно и въ другомъ не смѣшно казаться. Лоно есть слово славянское, по русски же пазуха, то хорошо-ли будетъ рѣченіе: п р и к л о н и т ь к ъ п а з у х ѣ м а т е р и с в о е й. Думаю, всякой засмѣется, да и неблагопристойно; а вы предъ трономъ сіе сказали.

И тако заключаю, что конечно Россіяне хвалятъ и благодарятъ царствующую надъ ними Императрицу; но не въ такихъ изъясненіяхъ, какъ вы на нихъ затѣяли; и безъ униженія Петра Великаго, котораго жившіе отъ его времени, нынѣ живущіе и которые впредь будутъ жить, пока имя Россіянъ пребудетъ, всегда будутъ благодѣтелемъ своимъ и учредителемъ славы Россіи почитать.

О повреждении нравовъ

въ Россіи. *)

I.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивиться, въ коль краткое время повредились повсюдно нравы въ Россіи. Воистину могу я сказать, что естли, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей.—Но тогда же гораздо съ вящшей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что Вѣра и Божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны Божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ нетоль стали стараться, объясняя дѣло, учинить свои заключеніи на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же, не зная и не стараяся познавать узаконеніи, въ сужденіяхъ своихъ какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Несть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которыя не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Несть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостію отдаютъ воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ; часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ, и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей сво-

*) Печатается со списка, принадлежащаго Имп. Академіи Наукъ (№ ркпьи 1263). Этотъ изящно исполненный списокъ, по увѣренію Заблоцкаго-Десятовскаго, совершенно сходенъ съ оригиналомъ, найденнымъ въ 1855 году въ числѣ другихъ рукописей, въ имѣніи внукъ автора. Самый оригиналъ неизвѣстно гдѣ.

О сочиненіи «Поврежденіе Нравовъ въ Россіи», прежде всего появилось свѣдѣніе въ статьѣ Проф. Ешевскаго въ Атенеѣ 1858 г. № 3. Въ 1861 году «Поврежденіе Нравовъ» было издано въ Лондонѣ А. И. Герценомъ. Въ 1870 г. оно было напечатано въ «Русской Старинѣ» (ч. II—отъ 1 до 12).—

ихъ. Несть искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хладно терпя(тъ?) взаимственныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что разрушаютъ собою Церковью заключенный бракъ, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Несть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ ни за что почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ для пользы своея. Несть вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать своего Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточные награжденіи. Несть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истинну предъ Монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя во первыхъ я потщуся открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящія развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главною изъ сихъ я почитаю сластолюбіе. Ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ, и обожа внутри сердца своего свои охулительныя страсти, мало уже помышляетъ о Законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему, и сохранить нужную связь родства и дружбы? А какъ Государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденіи, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданной къ Самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ сремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то есть, что бы угождать во всемъ Государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположеніи не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмету, и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ? Іулій Цесарь, толь искусный въ познаніи сердецъ человѣческихъ, яко искусенъ въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побѣждать вооруженныхъ противу его враговъ и побѣжденныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное что ко утвержденію своея похищенныя власти употребилъ, какъ большія награжденіи; дабы, введши чрезъ сіе сластолюбіе, къ нему яко бы ко источнику раздаяній болѣе людей привязались. Не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъявлялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, яко бы онъ ихъ долженъ опасаться; от-

вѣчалъ, что онъ сихъ, въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствіи и роскошь, никогда страшиться причины имѣть не можетъ. Но сіи люди, продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ не радятъ,—сіи, иже роскошь презираютъ, и малое почти за излишное щитаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, вразсужденіи намѣреній его лишить вольности римскій народъ. Не ошибся онъ въ семъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской волности пожертвовали. И тако самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская волность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложа всѣ суровости слѣдствій непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и не истребленныя, вліянныя природою въ сердце человѣческое, добродѣтели. Худы ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательствы ихъ суть священны, и почти не слышно, что бы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть не вѣроятна, они за честь себѣ считаютъ не токмо безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все, что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобъ дикіе странствующіе и не просвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ (ихъ?) трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что несть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ, имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе; приступлю теперь показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ одноземцевъ. Но, дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго.

II.

Не токмо подданные, но и самые Государи наши жизнь вели весма простую; дворцы ихъ были не обширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіися древнія зданіи. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже доволное число для вмѣщенія Государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали Государя бояре и другіе сановники; столовая гораздо неболшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у Государя; а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая Палата. Не знаю я, была ли у Государей предспалная, но кажется по расположенію старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спалня, и оныя были не разныя съ Царицами, но всегда одна. За спалнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ, и обыкновенно оная была одна, и для малолѣтныхъ дѣтей царскихъ,

которые по два и по три въ одной комнатѣ живали; когда же возрастали, то давались имъ особливые покои; но и оные не болше состояли изъ трехъ комнатъ, то есть крестовой, спалны и за спалной комнаты. Самые дворцы сіи болшихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя, и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія; стѣны и своды вымазаны иконописнымъ писмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска; и естли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для Царя и Царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я точно утвердить и немогу, чтобы государи кушивали не на серебрѣ; но, потому что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда Государи кушивали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы на подобіе Синайскихъ, такъ же и другія столовыя украшеніи употреблялись токмо въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индѣйскія, утки, куры русскія, тетеревы и поросята были доволны для составленія великолѣпнѣйшаго стола съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поёныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее же великолѣпіе состояло, чтобъ кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить, и подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготовленій для побужденія аппетиту; но доволствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбной столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало, и не имѣли искусства изъ далныхъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить, да кому же государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ доволствовался. И тако въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обилство рыбы, доволствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ рѣкѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили, а какъ происходилъ чювствительный недостатокъ въ столѣ государевѣ, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ, сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ; впротчемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ дань оная была положена, какъ мнѣ случилось самому ви-

дѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальныхъ мѣстъ рыбу мерзлую и засолную, которая къ столу Государей употреблялась.

Десертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя постилы составляли оной, что касается до сухихъ вещей; свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали,—развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще и виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія неимѣли привозить, ибо оный уже на моей памяти въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжей привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ не много бы освѣщенія надобно; но и тутъ не токмо не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты салными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣшникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квасъ, кислые щи, пиво и разные меды, изъ простаго вина сдѣланная водка, вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское,—подъ симъ именемъ разумѣлся нетокмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино,—романея, то есть греческія сладкія вина, и аликантъ,—которые чюжестранные напитки съ великою бережливостью употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе, потому что какъ первыя оныя, а паче греческія, получались чрезъ франковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ вразсужденіи кушанья и напитковъ; посмотримъ, какіе были ихъ екипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда Государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государской великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской Палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена золотыя или съ каменьями, муштуки также драгоцѣнными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ или серебромъ, или низаныя жемчюгомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней; попоны тому же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ или съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубытошно было; ибо, сдѣланные единожды, таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родѣ каретъ, сдѣланныхъ снаружи не подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста, чтобъ сидѣть, ни окошекъ, но клали внутрь пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли та-

кія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, что-бъ наружную кожу мѣстами позолоченую и тисненную употребить. Каретъ же не токмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли; ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго, ближній мой свойственникъ, бояринъ кн. Михайло Ивановичъ Лыковъ, человѣкъ пребогатой, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою, карету, съ точеными стеклами; по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоцѣнной вещію, хотя и снова тысячи рублевъ не стоила, что К. М. (князь Меньшиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, что-бы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя бы надлежало ему наслѣдовать послѣ супруги кн. Лыкова.

Возримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчюгъ и каменья повсюдова блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя толь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носилныя одежды и почитать не должно; но были они яко какіе коронные сосуды, опредѣленные для показанія токмо великолѣпія монарша; и есть ли не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшеніи ихъ, бывъ содѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчюгу и каменей, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ Царь или Царица, то уже доволно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому (съ?) плеча своего платья пожалуютъ.

Главной же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли, но мѣхи сіи не купленные и не изъ чюждыхъ Государствъ привезенные были; но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, Царицы имѣли обычай носить длинные тонкіе полотняные у сорочекъ рукава, которые нaруку набирали, и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житья, выѣзду и одежды царской; а сіе самое и показуетъ, коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники по мѣрѣ ихъ состоянія подобную же жизнь вели, стараяся при томъ, изъ почтенія къ царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но, что дѣды нашивали, то и внучата, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя богатыя одѣ-

янія, которыя просто золо́тами называли, и не инако надѣвали, когда для какого торжественнаго случаю повелѣно имъ было въ золо́тахъ ко двору собираться; а по сему сіи одежды имъ на долго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдилися и сыновья по кончинѣ родителей своихъ тоже платье носить. Однако несть ни какого общества, куда бы великолѣпіе и роскошь не вкрадывались, то, колико кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведенное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воины государственные, и защитники въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре щитали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токмо куда въ знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣднѣ къ своему приходу стыдились безъ двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило давали имъ пищу и весма малое на сапоги жалованье, а въ протчемъ они содержались своимъ искусствомъ; дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кафтанъ сыщется; ибо тогда ливреи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званыхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единаго, кто бы имѣлъ открытой столъ; но развѣ ближніе самые родственники безо зву куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые, и могли сидѣть по утру до часа обѣденнаго, а ввечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякой по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія, ибо лучше никто и не зналъ. А ктому же воспитаніе въ набожіи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, которой утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ, и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать Божественное писаніе, и паче въ Вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконеніи государства, и за честь себѣ щитали младые люди хаживать сами въ судѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что князь Дмитрей Өедоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чюжимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князь Өедору Өедоровичю Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по причинѣ раззоренія дому его, купно съ убіеніемъ дѣда его князь Савы Щер-

батова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія, за него отдалъ; и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, которой послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Цареградѣ и Англіи, а наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена Святаго Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпріять, а тогда же и налагало узду, кому что недостойное имени своего содѣлать; ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ щиталъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симской-Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего не достойнаго роду своему не учинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лутше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ Царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгой обычай Царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего Государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидѣтельствуютъ сіе многіе сохраненные грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписки есть. И дѣдъ мой князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ не устрашился у разгнѣвленнаго Государя Петра Великаго, по Царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощенія просить, прося, что, естли не учинено будетъ милосердія, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и имени своего; и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода, и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ, такъ какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ. Самые еще хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые, въ младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобы молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобы ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе Государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа; такъ наши Государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтително предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ; и мы находимъ, въ родѣ князей Репниныхъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ околничего, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалося въ обиду другимъ; но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе Государей, получали они, что находили въ благородныхъ вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аѳонасій Нагой, бывъ посломъ въ Крыму, и многое претерпѣвая отъ наглостей Крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ Ханомъ изъ Крыму, чювствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанной будетъ вывезенъ изъ Крыму, и безъ того не поѣдетъ, хотя-бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ, и винному родственнику своему пощаду живота испросилъ. Прозоровской, во время трудныхъ обстоятельствъ начала Шведскія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя Государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда Государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ Царевичевъ не подписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему Государю, а не кровь его судить», и не устрашился гнѣву государева, которой нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя нещастнаго Царевича. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ многія дѣла, Государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему справедливые совѣты, и гнѣвъ Государской, за частое его противоборство воли его, на почтеніе обращалъ, а тѣмъ открывалъ путь обще и къ славѣ своего Государя, и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

III.

Воззримъ же теперь, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, Царствованіе отъ Царствованія они часъ отъ часу вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинитъ купно исторію правленій и пороковъ.

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, нетокмо тщился ввести

познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконеніи въ свое государство, также старался ввести и таковую людкость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не менше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мущинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ вмѣсто тѣлогрѣи—бостроги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подколковъ—фантажами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собраніи, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мущинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего неволницами въ домахъ своихъ, ползоваться всѣми удоволствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удоволствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны, пріятно было младымъ и не заматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ, волное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чювствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чювствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чюствующія красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошъ въ украшеніи. О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чювствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна толко уборщица для волосовъ женскихъ, и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзду сидя спать, что бы убору не испортить. Можетъ быть, сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сумнѣваться не должно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мущинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то то же тщаніе украшеній, ту же роскошъ рождало. И уже престали доволствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ понделпанами дѣлать начали.

Колико самъ Государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что, кромѣ простыхъ кафтановъ и мундировъ, никогда богатыхъ и не нашивалъ, и токмо для коронаціи Императрицы Екатерины Алексѣевны, своей

супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кафтанъ съ серебренымъ шитьемъ; да сказываютъ еще у него былъ другой кафтанъ дикой съ золотымъ шитьемъ, не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланной. Прочее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ(ся) его одеждамъ, которыя хранятся въ Кунстъ-Камерѣ при Императорской Академіи Наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его потреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городахъ въ одноколкѣ, а въ далномъ пути въ качалкѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него денщики, и даже караулу окромѣ какъ полковника гвардіи не имѣлъ. Однако, при такой собственной особы его простотѣ, хотѣлъ онъ чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій Государь, которой ничего безъ далновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметъ, чтобъ великолѣпіемъ и роскошію подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при Царскомъ Дворѣ. И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ голунами по швамъ, и другіе генералы, также богатые кафтаны имѣли; ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди изъ первосановниковъ его двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались богатыя имѣть платья. Парчи и голуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей во употребленіи, и хотя не часто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако они были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, не терпящихъ украшеній, появились уже кореты и коляски, начались уже цуки, которыхъ до того не знали, и приличныя украшеніи къ симъ екипажамъ. Служители переодѣты на нѣмецкій маперъ не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисъянты, которыхъ тогда еще весма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ Государь доволствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже во употребленіе прежде не знаемые въ Россіи напитки, которые предпочтително другимъ пивалъ. То есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась, и вины: ермитажъ и венгерское, до того не знаемыя въ Россіи.

Подражали сему его и велможи, и тѣ, которые близко были ко двору; да и въ самомъ дѣлѣ, надлежало имъ сіе имѣть; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданной чего для Госу-

даря не сдѣлаетъ? — Правда, сіе не токмо ему было угодно, но, напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащеную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удоволствія, до того ими не знаемаго, превозмогли и самое запрещеніе Государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися нетокмо анисовая приказная водка, но и гданскія; вины, нетокмо старинныя, о коихъ выше помянулъ, но также ермитажъ, венгерское и нѣкоторыя другія. Правда, что еще ихъ сначала весма бережливо подавали, и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились принести четвертную или сулею запечатанную и, наливъ изъ нея по рюмкѣ, опять запечатавъ, на погребъ отослать.

Однако, хотя самъ не любилъ, и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршествы, то оставилъ сіе любимцу-князю Меншикову, которой часто оныя какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ Министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великой домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее (ибо въ оной послѣ кадетской сухопутной корпусъ былъ помѣщенъ), и слыхалъ я, что часто Государь, видя изъ Дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чуствовалъ удоволствіе, говоря: «вотъ какъ Данилычъ веселится». Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники Имперіи также имѣли открытые столы, какъ генералъ-адмиралъ графъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ и бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ имперіи, во время отсутствія въ чужіе краи Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, т. е., что токмо произведеніи домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ. И конечно въ такомъ народѣ, въ коемъ страннопріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было ввестись въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяяся и съ собственнымъ удоволствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удоволствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ, что бы оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ асамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собирались. Но симъ асамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ. Симъ упреждая и излишнюю роскошъ, и тягость высшихъ себѣ принимать. Ибо

общество не въ обжиранiи и опиванiи состоитъ, и не можетъ оно быть приятно, гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ асамблеяхъ, и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сiи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбiе и роскошъ стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность. Въ присутствiи государевомъ учиненныя имъ предписанiи сохранялись въ асамблеяхъ, но въ простомъ житьѣ роскошъ и униженiе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многiе домы упадать, и упадающiе ожидать отъ милости государской и отъ защищенiя велможъ своего подкрѣпленiя. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ мнѣ случалось слышать о упадшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самой, которой послѣ сего былъ Василiя Федоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскiй неумѣреннымъ своимъ сластолюбiемъ такъ раззорился, что, продавъ всѣ деревни, оставилъ токмо себѣ нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сiи, ходя въ разныя мѣста играть, и получая плату, тѣмъ осталное время жизни его содержали. Воистину при древней простотѣ нравовъ музыканты не нашли бы доволно въ упражненiи своемъ прибыли, что бы и себя, и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ, но и многiе другiе, естьли не въ разоренiе отъ сей перемѣны жизни пришли, но покрайней мѣрѣ чювствовали не малую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ именитый своими дѣлами, обогащенный милостiю Монаршею, принужденъ однако былъ впередъ государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтелствуетъ самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разоренiе.

Перемѣнившiйся такимъ образомъ родъ жизни, въ началѣ первосановниковъ Государства, а въ подражанiе имъ и другихъ дворянъ, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и къ велможамъ, яко ко источникамъ богатства и награжденiй. Страшусь я, чтобы кто не сказалъ, что по крайней мѣрѣ сiе добро произвело, что люди наиболѣе къ Государю стали привязываться. Несть, сiя привязанность несть благо, ибо она не точно къ особѣ государской была, но къ собственнымъ своимъ ползамъ; привязанность сiя учинилась не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ Государя и его честь, и сображающихъ все съ ползою государства, но привязанность рабовъ наемщиковъ,

жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего Государя.

Грубость нравовъ уменшилась, но оставленное ею мѣсто лестію и самствомъ наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, оболщеніе Государя и прочія злы, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ велможей вогнѣздились. Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго Монарха, и сей Государь, строгъ и справедливъ до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ бывъ съ нимъ на асамблеѣ, выхвалялъ свое усердіе къ Государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, Государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему не повелѣваетъ, что бы онъ хотѣлъ, не разбирая случаю, для него умереть; но требуетъ токмо того, что бы въ случаѣ нужды или опасности его особы, что не можетъ быть не соединено съ ползою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякой часъ, когда угодно будетъ Государю.—Остроумной Монархъ, ничего не отвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ его поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда, ее опустя, сказалъ ему Государь, что когда онъ малой боли обозженія палца вытерпѣть не могъ, не по нуждѣ, но по волѣ Государя, то какъ онъ толь щедро обѣщаетъ съ радостію и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный же мною, доказуетъ, коль любилъ Государь истину. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывшій порутчикомъ во флотѣ прежде 1718 году, любимый Государемъ яко первый русской, въ которомъ онъ доволно знанія въ мореплаваніи нашелъ, и первой, которой командовалъ уже фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ Государемъ въ Кронштатѣ и напившись нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ Государя, о оказующемся слабомъ его здоровьѣ и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился Государь, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто гдѣ они сидятъ, градъ столичный близъ построенный, флотъ заведенный, множество русскихъ входящихъ въ мореплаватели, самый онъ, служившій во флотѣ и ощущающій его милости, суть дѣяніи рукъ его; то взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его, Государя и благодѣтеля, ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ не удержаться, прилагая при томъ простою рѣчью: «на кого ты насъ оставишь?» Отвѣтствовалъ Государь: у меня есть наслѣдникъ, разумѣя Царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ съ пьяна и не осторожно сказалъ: «охъ! вить онъ глупъ, все разстроитъ.»—При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ!

Чтожъ сдѣлалъ Государь? Почювствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову съ приложеніемъ: «дуракъ! сего въ бесѣдѣ не говорятъ».

Но, не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, не могъ Государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Болшая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хваля все содѣланное имъ, и не противурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашелъ въ супротивленіяхъ своихъ Государю въ сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя Государемъ, отмѣнилъ: о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи, на содержаніи народномъ, для дѣланія Ладожскаго канала; въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ; единый самъ Государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложеніи, и, хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, и Василій Никитичъ Татищевъ въ Исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши Государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единый князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, Государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумной и твердой мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго Государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги, и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: всѣ сіи труды, всѣ сіи установленіи не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ, начиналъ многое, но паче всего, что онъ сдѣлалъ, *уложенье*, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ; когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно будетъ сказать, что весма превзошелъ твоего отца. Государь восчювствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ, и нигдѣ индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойной, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе; желали чиновъ и имѣній. Ибо въ самомъ дѣлѣ не видно,

чтобы любимецъ его, князь Меншиковъ, когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврило Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембурхомъ, съ Герцомъ и съ англинскими и шотландскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину и написавшій требуемое писмо, несовмѣстность сего поступку представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ Государю. По всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ Государь и князь Яковъ Өедоровичъ Долгоруковъ противуборствовали. А съ другой стороны, духовной чинъ, которой его не любилъ, за отнятіе своей власти, гремѣлъ во храмахъ Божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичъ, которой изъ духовенства хотя ни любви (нелюбви?) къ Государю неимѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованіи ясно оказалъ, выспренный свой гласъ на хвалы Государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ; но желателно было бы, чтобы онѣ не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго закомъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ Церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе: *Правда воли монаршей*, памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую, вмѣстѣ съ холопями ихъ, писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла-ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали, которые инако, какъ подслугами, почтенія немогли пріобрѣсти; и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій

хотѣлъ истребить суевѣріи въ законѣ, ибо въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и Закону суевѣріе, но паче ругание. Ибо приписывать Богу неприличныя Ему дѣяніи, сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ щитали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, по всюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно-служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить; указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что Законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не ко истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ сvнода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволенно ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутикѣ подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнію своею, таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, а кромѣ (окромѣ?) что послѣднее нѣсколько сурово. Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ, и тако, отнимая суевѣріи у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ Божественному закону отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, которой у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Естли бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя, чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дуплы, грозящія погибелью древу. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣріи, но уменьшилась и вѣра. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его Закону; и нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чювствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ Царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преемниками его престола,—не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по пострижении первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть Монархъ имѣлъ къ тому сильныя

причины, которыхъ однако я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ и сопротивленія жены его новымъ установленіемъ; но подражатели его имѣли-ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егузинской, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ-ли государственныя причины стараться имѣть себѣ потомство, въ нарушеніе Божественныхъ Законовъ? Многіе и другіе сему подражали и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочиновныхъ людей, яко князь Борисъ Сонцовъ-Засѣкинъ сіе учинилъ. И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченіи сего Государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войски ея стали порядочнымъ образомъ учрежденны, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ; пріобрѣла знатныя области и морскія пристанищи; науки и художествы и ремеслы въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались Россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе, и позорищи благонравныя извѣстны имъ учинились: но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинствы стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено, и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко

вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста.

Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

Воззримъ теперь, колико при двухъ краткихъ царствованіяхъ Екатерины Первыя и Петра II-го пороки сдѣлали шаговъ, дабы наиболѣе утвердиться въ Россіи.

IV.

Женскій полъ обыкновенно болѣе склоненъ къ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что Императрица Екатерина Алексѣевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой. Камеръ-геръ у нея былъ Монсъ, котораго излишняя роскошь были первые знаки, доведшіе его до поносной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Ѳедоровичи Балковы, его племянники, которые также при нещастіи его отъ двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещено было другимъ женщинамъ подобныя ей украшеніи носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевые мѣхи съ хвостиками, которые одна она носила, и сіе не указомъ, не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе

единой Императорской Фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки его употребляютъ. А такое тщаніе не покажетъ ли, что естли лѣта зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными отъ другихъ, тщилась оную превозвысить.

Не знаю, справедливо-ли сіе мнѣніе было, и прилично-ли Государю ежечасно подобно какъ въ маскерадномъ платьѣ предъ подданными своими быть, якобы не доставало ему другихъ украшеній, могущихъ его отличить. По восшествіи ея на престолъ, доволно чюднымъ образомъ воспослѣдующемъ, ибо Петръ Великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобъ ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ; но умирая, не назнача наслѣдника, вельможи, а именно: князь Меншиковъ, зная слабость Императрицы, Толстой, боясь мщенія отъ сына Царевича Алексѣя Петровича, законнаго наслѣдника, за привезеніе и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи, надѣется-ли онъ на согласіе гвардіи полковъ, и получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками ее Самодержицею провозгласили. Тако взошла сія Государыня на Всероссійскій престолъ,—дѣйствія недостатку основательныхъ законовъ. И Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то есть наслѣдство его престола.

Восшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія, вельможи были честолюбивы и жадны, а изъ сего произошло: упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ, изъ которыхъ вскорѣ взялъ верхъ князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ, а мѣсто ея заступило рабольпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей Императрицы впрочемъ большихъ перемѣнъ не могло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ и винъ весма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло; умножило нужды, а умножа нужды, умножило исканіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить.

Какое тогда состояніе было сына Царевича Алексѣя Петровича, по несчастію отца своего, лишеннаго принадлежащаго ему наслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его не помышляли; наслѣдникомъ престола его не признавали, ниже моленія въ церквахъ о здравіи его было, яко бы надлежало о происшедшемъ отъ царскаго корня, и всѣ его поступки надзираемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать его слова и движеніи, опредѣленъ былъ къ нему младый, умной и честолюбивой человѣкъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Сей,

примѣчая жизнь Императрицы Екатерины Алексѣевны, и разсуждая, что не уповательно, что бы двѣ дщери Петра, Великая Герцогиня Анна и Цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на Россійской престолъ послѣ матери своей взойти, вмѣсто чтобъ подъ видомъ служенія Князь Петру Алексѣевичу быть предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность. Въ единый день, нашедъ его единаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣетъ, и къ его крови, изъяснилъ ему, что онъ по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, прося, да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненіи тронули сердце младаго, чювствующаго свое нещастіе Князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ со стороны Князя Петра Алексѣевича, сихъ младыхъ людей соединила.

Однако князь Меншиковъ, видя себя правителемъ государства и толь близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ пріобрѣсти, зная, что никто изъ Россіянъ не потерпитъ, чтобъ, имѣя еще многихъ царскаго рода, онъ могъ, происшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ престолъ, обратилъ мысли свои, естли не быть самому Государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣевичъ, оставленный отъ всѣхъ и непризнанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ обязаннаго ближнимъ родствомъ Вѣнскаго двора мысли о семъ узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе государства до возрасту Императора и дочь свою за онаго выдать. По бывшимъ переговорамъ съ графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ, и цесарской дворъ прислалъ 70 тысячъ рублевъ въ подарокъ госпожѣ Крамеръ, камеръ-фрау Императрицы Екатерины Алексѣевны, дабы она ее склонила именовать по себѣ наслѣдникомъ Князя Петра Алексѣевича. И тако въ семъ случаѣ Россійской престолъ сталъ покупаться, и не близость крови, но избраніе прежде бывшей плѣнницы, внука Петра Великаго и правнука Царя Алексѣя Михайловича на престолъ толь знатной Имперіи возводило.

V.

Вскорѣ по именованіи своемъ наслѣдникомъ россійскаго престола, Князь Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ Императора Петра II... *) лѣтъ, взошелъ по смерти Императрицы Екатерины Алексѣевны. Сила и могущество князя Меншикова умножились; Государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя не былъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое уже доказуетъ, колико упалъ духъ благородныхъ; при младенчествѣ Царя Іоанна

*) *Прим. Ред.* Въ рукописи оставлено мѣсто, вѣроятно, для вписанія числа. Извѣстно, что Петръ II вступилъ на престолъ 11-ти лѣтъ.

Васильевича, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ, выбраннымъ изъ среди самихъ ихъ, изъ среди знатнѣйшихъ родовъ государства, повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей Царь Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтнему сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну Государя своего присягать не хотѣли. Во время младенчества самого Петра Великаго на случай Нарышкиныхъ негодовали, а се нынѣ изъ подлости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ по сему, вѣрность ли сіе было къ Государю, или паденіе духу благороднаго.

Истинна заставила меня сіе сказать, но я не могу, послику мнѣ извѣстно, не похвалить поступокъ Меншикова. Онъ честолюбіемъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіи его о воспитаніи и наученіи младаго Государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первоса новниковъ государства и, наконецъ, часы для веселія. И можно сказать, что князь Меншиковъ былъ купно правитель государства и дядька государевъ. Еще бы похвальнѣе его поступокъ былъ, естли бы онъ не имѣлъ собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, чѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго Государя. Но онъ не имѣлъ толь героической души, и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго Государя, что наконецъ противу самой склонности Государя исполнено имъ было.

По семъ пріумножилъ свои стараніи о воспитаніи и наученіи Государя, взялъ его жить въ домъ свой, не отлучно при немъ пребывая, и домъ князя Меншикова учинился дворецъ государевъ. Во время сіе содѣлалъ онъ два дѣла, которыя, присоединенныя къ противу склонности государевой обрученія(ю?) его съ княжною Меншиковою, приключили наконецъ паденіе сего вельможи. Первое, былъ при Государѣ учитель, родомъ Венгерецъ, именемъ Зейкинъ. Сей противенъ учинился владычествующему министру, и сего онъ въ тайнѣ отъ Государя удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ Государь, но не оставилъ подозрѣвать, отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, не смѣя и вопрошать о немъ, дабы болѣе ему нещастія не приключить. Второе, принесено было отъ купечества нѣсколько тысячъ червонныхъ къ Государю, были благосклонно приняты, но тогда случившаяся тутъ сестра государева, Принцесса Наталья Алексѣевна, сихъ денегъ къ себѣ просила. Государь, который весма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести еще тогда, какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился Меншиковъ съ несомыми сими деньгами въ комнату Принцессы, ихъ немедленно возвратилъ, и, пришедъ въ комнату государеву, представлялъ ему, что таковый не-

медленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами показываетъ презрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его подданныхъ. Можетъ быть представилъ ему и правила бережливости, какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило Государя и сестру его, а подало случай наединѣ любимцу его князь Ивану Алексѣевичю Долгорукову представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ, и тако сіе оскорбленіе, тѣмъ наивящее, что отмстить за него не могъ, на сердцѣ младаго Монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствіями, частыми съѣздами ко двору, старался князь Меншиковъ благопристойнымъ образомъ въ праздные часы веселить своего Государя и зятя. А примѣръ двора, разливаясь сперва на вельможъ, а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они по мѣрѣ достатку своего, а иногда и свыше, старались сообществомъ веселиться, и простота нравовъ исчезала.

Наконецъ приходило время паденія князя Меншикова, и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа, всячески стараясь утѣшить своего Государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло, повезъ его со псовою охотою. Гоньба, травля, и прочее, что веселитъ въ сей охотѣ, весма полюбились младому Государю. Часто князь Меншиковъ отъѣзжалъ въ мызу свою Ораниnбаумъ, и случилось, что единожды въ небытность его въ Петербургѣ, въ пасмурной и холодной день, Государь поѣхалъ на поле. По возвращеніи своемъ, нашелъ онъ Меншикова весма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностію, каковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровье и отъ опасности потерею его лишиться толь великаго союза, ему представлялъ, коль неразсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненіи, но они отъ усердія происходили; однако младый Государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность, и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ, и кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, ищущій погибели Меншикова, дабы самому и родъ свой на ту степень возвести, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, поѣхалъ князь Меншиковъ въ мызу свою Оранинбаумъ для освященія созданныя имъ церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту кн. Ивана Алексѣевича Долгорукова, поѣхалъ въ Петергофъ, окруженъ гвардіей, и повелѣно было кн. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ не ѣздилъ, а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогда же двору Государеву велѣно было изъ дому кн. Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавшій сей министръ просилъ единыя милости, чтобы видѣть Государя и оправданіи свои принести; тщетно княжна Катерина Александров-

на, его дочь, невѣста Государева, писала къ Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, дабы она упросила у Государя, своего брата, прощеніе родителю ея. Первое, понеже опасались, чтобъ сохраняемая нѣкая кн. Меншиковымъ власть и сильныя его представленіи не тронули сердце государево, ему отказано было, а нелюбимыя невѣсты, отъ которой избавиться хотѣлъ самъ Государь, просьбы такъ же дѣйствія не возъимѣли, и князь Меншиковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербурхъ, на завтрее былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышной вельможа, примѣръ перемѣны и непостоянства щастія: изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій, и паки въ низость и нещастіе ввергнутый.

По семъ Петръ Вторый началъ править самъ государствомъ, естли можно назвать правленіемъ правленіе юноши Государя. Кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, другъ и наперсникъ государевъ, толь ему любимой, что даже на одной постели съ нимъ сыпалъ, всемогущій учинился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ-камеръ-геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи преображенскаго полку, гренадерской роты, и всѣ родственники его были возвышены, правя по изволеніямъ ихъ всѣми дѣлами Имперіи. Престали науки государевы; министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгналось отъ двора, и, пользуяся склонностію государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упражненій мѣсто заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрашило Долгоруковыхъ; они употребили стараніе, дабы имъ родственницу свою, княжну Екатерину Алексѣевну, дочь князь Алексѣя Григорьевича, сестру же князь Ивана Алексѣича, за Государя обручить. И въ семъ обрученіи нѣчто странное было, ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, но во время обрученія Государь и его невѣста были окружены преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ, подъ начальствомъ своего капитана князь Ивана Алексѣича Долгорукова, баталіонъ-каре составляли.

Князь Иванъ Алексѣичъ Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь и всѣми страстьми, къ каковымъ подвержены молодые люди, не имѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліи мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, ко стыду того вѣка, скажу, что слюбился онъ, иль лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ, между прочими, жену К. Н. Ю. Т., рожденную Г... и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ, но при частыхъ съѣздахъ у К. Т. съ другими своими молодыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-маіора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія своей жены сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единожды, бывъ

въ домѣ сего К. Т., по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ его выкинуть въ окошко, и естли бы Степанъ Васильичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабкѣ его, Лопухиной, первой супругѣ Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцовъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многими неудовольствовалось, согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало, и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не менѣе (не болѣе?) была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ. Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихова житія, которое отъ древнихъ нравовъ они еще сохраняли.

Отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ посредственнаго разума, и единственно страстенъ къ охотѣ,—для коронаціи Государи всегда бываютъ въ Москвѣ,—то послѣ оной и присовѣтовалъ ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербурхъ. Пріѣхалъ дворъ въ Москву, но распутство не престало, по мѣсяцу и по два отлученіе государево для ѣзды съ собаками, остановило теченіе дѣлъ; сила единаго рода учинила,

что токмо искатели въономъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступали. Желаніе *) угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ пиры со всею знаемою для нихъ роскошью дѣлали.

Воззримъ теперь, какія были сіи ѣзды Государевы на охоту, и какія были тамъ упражненіи. Ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣетъ. Ѣздилъ Государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ и другихъ уѣздахъ иногда и по мѣсяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холодъ; ѣзда съ собаками была отъ утра до вечера. Окромѣ, что охота государева, при которой и сокольники находились, и всѣ придворные, которые по неволѣ должны были охотниками сдѣлаться, со всей Россіи собранные знаменитѣйшіе охотники дворяне имѣли позволеніе быть при охотѣ государевой. То коль сіе должно было составить великую толпу людей; и коликое множество собакъ! Всякой изъ сего себѣ представить можетъ, пощажены-ли были тогда поля съ хлѣбомъ, надежда земледѣльца? стада скота, хотя и отгонялись, но немогли ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться? и окружающіе Государя вельможи, которыя были тогда же и охотники, для удовольствія своего не представляли молодому и незнающему Государю, колико таковые ѣзды вредъ земледѣлію наносятъ. Иззябши возвращался Государь ввечеру на

*) (Желавшіе?)

квартеру; тутъ встрѣчала его невѣста его княжна Долгорукова, со множествомъ женъ и дѣвицъ, и балъ начинался, который иногда гораздо поздно въ ночь былъ продолженъ. Младыя государевы лѣта отъ распутства его сохраняли, но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы со временемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ любимецъ его, кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, всѣмъ симъ пользовался, и утружденнаго охотою Государя принуждалъ по неволѣ представляемыя ему весельи вкушать.

Наконецъ возвратился Государь въ Москву изъ Коломенскаго уѣзду,—новыя начались весельи; ежедневно медвѣжья травля, сажаніе зайцовъ, кулашные бои, съ весельями придворными всѣ часы жизни его занимали, даже какъ, простудяся, занемогъ воспою, въ девятый день скончался, и вся надежда Долгоруковыхъ, яко скудельный сосудъ о твердый камень сокрушилась. Осталась токмо память сего царствованія, что неисправленная грубость съ роскошью и съ распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впали въ роскошь, жены стыдъ, толь украшающій ихъ полъ, стали оный забывать, а нижніе граждане пріобыкли льстить вельможамъ.

VI.

Однако по смерти Петра Втораго никого не было назначеннаго къ принятію Россійскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смѣли безъ взятія мнѣнія отъ именитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣніи были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надъ Россіею, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго,... *) и оную на престолъ возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, Принцесса Анна въ супружествѣ за Герцогомъ Голштинскимъ и Принцесса Елисавета въ дѣвицахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, но какъ уже законными признаны, то рожденіе ихъ не препятствуетъ взойти на Россійскій престолъ. Третьи представляли Принцессу Екатерину, Герцогиню Мекленбургскую, старшую дочь Царя Іоанна Алексѣича, наконецъ четвертые Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую.

Уже собиравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы Государству, и власть Государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили, тако, уменьшая излишнюю власть Монарха, предавали ее множества (многимъ?) велможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и, вмѣсто одного, толпу Государей сочиняли. Сіи вельможи пріяли въ разсужденіе разныя выше предложенныя мнѣніи о на-

*) Здѣсь въ подлинникѣ оставлено мѣсто, въ вершокъ длиною, для вписанія какихъ-то словъ (примѣчаніе г. Заблоцкаго).

слѣдствѣ престола. Были многіе и дальновиднѣйшіе, которые желали возвести Царицу Евдокею Ѳедоровну на Россійскій престолъ, говоря, что какъ она весма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣту сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предъосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженіи. Что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный, съ нея снять, и что она имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для щастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленіи. Дочерей Петра Великаго, яко незаконнорожденныхъ, отрѣшили. Принцессу Екатерину Іоанновну, Герцогиню Мекленбургскую, отрѣшили ради безпокойнаго нрава ея супруга, и что Россія имѣетъ нужду въ покоѣ, а не мѣшаться въ дѣла сего Герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ, думая, что толь знатное и нечаянно предложенное наслѣдство Герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ заставитъ искренно наблюдать полагаемыя ими статьи, а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, которой къ ней особливую склонность имѣлъ и, можетъ быть, мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступить. Всѣ сіи на сіе согласились, и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать ее на престолъ Россійскій, естли будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предъустановляемые законы.

Герцогиня Анна не отреклася подписать уменьшающія Россійскаго Императора власть статьи, которыя ее возводили изъ Герцогинь Курляндскихъ въ Россійскія Императрицы, и, поѣхавъ изъ Митавы, недоѣхавъ до Москвы за семь верстъ, остановилась въ селѣ Всесвяцкомъ, принадлежащемъ Царевичю Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи пріуготовленія торжественнаго ея вшествія въ Москву. А тогда же было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ пріѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія Государынѣ. Долгоруковы знали, что множество благородныхъ были весма не довольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали; и сего ради имѣли великую осторожность, дабы кто какой записки, подходя къ рукѣ, не подалъ, и сего ради всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ Государыни, повелѣвая всѣмъ подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назади, не принимая руку монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.

И подлинно еще прежде пріѣзда въ Москву Императрицы Анны, извѣстно было Долгоруковымъ и другимъ, что нѣкоторымъ уменьшеніе власти монаршей противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичъ Егузинской, генералъ - прокуроръ, зять же канцлера Гаврила Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера, Петра Спиридоновича Сумарокова, съ писмомъ, увѣ-

щающимъ Герцогиню Курляндскую не подписывать посланные къ ней съ князь Васильемъ Лукичемъ пункты. Сіе писмо было онымъ княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердно самъ билъ, о такомъ писаніи сообщилъ въ московской вельможъ совѣтъ, которой и намѣрялся Павла Ивановича немедленно казнить, но предложеніе князь Григорья Алексѣевича Долгорукова превозмогло *), чтобъ таковую щастливую перемѣну кровію подданнаго не обагрять, и онъ впредь до рѣшенія посажденъ былъ подъ жестокую стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатно-рожденныхъ Россіянъ; и тако, хотя великая часть ощущала неудовольствіе, но никто ни къ чему смѣлому приступити не дерзалъ. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлися такіе, которые предприняли разрушить сіе установленіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородцкій, мужъ исполненной честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василей Никитичъ Татищевъ, человѣкъ разумной и предпріятельной, искалъ своего щастія. Князь Антіохъ Дмитревичъ **), человѣкъ ученой, предпріятельной, но бѣдной по причинѣ права перворожденія брата своего князь Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся чрезъ умыселъ свой противу установленія получить, и тѣмъ достигнуть еще до (исполненія?) желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ князь Алексѣя Михайловича Черкаскаго, богатѣйшаго изъ россійскихъ благородныхъ. Сіи три, связанные дружбою и разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія дѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они во первыхъ открылись въ семъ князь Алексѣю Михайловичю Черкаскому, человѣку весма недовольному Долгорукими, а паче за причиненные ими оскорбленіи князь Никитѣ Юрьевичю Трубецкому, его шурину. Сей человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда ни въ великихъ чинахъ не блисталъ, но повсюду являлъ осторожность, не вошелъ точно самъ въ сей умыселъ, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ Императрицѣ сообщить. Сіе онъ исполнилъ чрезъ свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича (но Салтыковы нѣсколько въ свойствѣ съ Императрицею). Сія жена хитрая нашла способъ, бывъ при надзираемой Императрицѣ наединѣ, ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація, и Императрица Анна Іоановна, не яко самодержавная, но яко подчиненная нѣкіимъ установленіямъ была коронована. Долгоруковы и ихъ сообщники нѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной Императрицею при коронаціи, воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ

*) Слово «превозмогло» въ рукописи зачеркнуто (прим. г. Заблоцкаго).
**) Кантемиръ.

коронаціи своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолженіи умыслу возвратить ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоповичъ и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, на спѣхъ множеству недовольныхъ дали ее подписать, и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подъ предводительствомъ князя Черкаскаго представъ на аудіенцію къ Императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко снисходя на желаніе народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилась, а вскорѣ нещастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельствы сіи хотя казались бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія нравовъ, однако естли кто прилежно разсмотритъ оныя, то умоначертаніе народное и премѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ же теперь, какъ при правленіи сея Императрицы, наивящще упала твердость въ сердцахъ, и какъ роскошь наиболѣе стала вкореняться. А для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во первыхъ, обычай самой сей Императрицы; второе, обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго Герцогомъ Курляндскимъ, и его могущество, и третіе, состояніе двора, и какія были сдѣланы при сей Государынѣ учрежденіи въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здравый разсудокъ, которой тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ; съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась, и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному писму отъ ея матери, отвѣтственному на писмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою, сію Императрицу Анну. Грубой ея природной обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка; ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала; а можетъ статься и еще была къ тому побуждаема и любимцомъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла; но старалась старое учрежденное въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отъ чего всѣ ея узаконеніи суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но толико, по елику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства. Не можно оправдать ее въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у нея гофмейстеромъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а по-

томъ Биронъ и явно любимцомъ ея былъ; но наконецъ, при старости своихъ лѣтъ, является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея Биронъ, возведенной ею въ Герцоги Курляндскіе, при Россійскомъ же дворѣ имѣющій чинъ оберъ-камеръ-гера, былъ человѣкъ рожденной въ низкомъ состояніи въ Курляндіи; и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность его къ лошадямъ до смерти его сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ одаренной здравымъ разсудкомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золъ, кровожаждущъ, и не примирительной злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающе до Россіи, онъ никогда не старался во время жизни Императрицы Анны что либо въ ней пріобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами россійскими, однако зная, что онъ тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ, яко свидѣтельствуетъ единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ, сказалъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ для исправленія мостовъ положить. Сіе перваго правительства присутствующіе, къ которому Петръ Великій толикое почтеніе имѣлъ, принуждены были отъ любимца чужестранца вытерпѣть безмолственно. Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянъ.

Правленіе Императрицы Анны было строго, а иногда и тиранническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ тайную канцелярію, и въ стѣнѣ содѣланныя казармы петербургской крѣпости недовольны были вмѣстить сихъ нещастныхъ. Казни были частыя, яко Долгорукіе, бывъ прежде за тщаніе ихъ ограничить власть монаршу сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири привезены и переказнены въ Шлюсембурхѣ, а бывшій и несосланъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, назначенный уже въ польское посольство, за то что увѣдано было, что Долгоруковы—князь Алексѣй Григорьевичъ съ сыномъ и другіе—сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петръ Вторый признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ княжною Екатериною Алексѣевною, и оставлялъ ее беременну, и сего ради оказывалъ свое желаніе возвести ее на престолъ, духовную сію переписывалъ, но тогда же силою своихъ представленій учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчещущее княжну Долгорукову безъ всякія пользы, уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпѣлъ; и учиненъ былъ указъ, дабы Долгорукихъ не производить. Было гоненіе и на родъ Голицыныхъ; князь Дмитрій Михайловичъ, человѣкъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку, и напрасное его осужденіе доводьно видно по самому манифесту его сосланія; дѣти его: князь Сергій Дмитріевичъ, дабы отдалить его отъ двора,

посланъ былъ въ Казань въ губернаторы, а князь Алексѣй Дмитріевичъ, бывшій тогда уже штатскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда, изъ камеръ-геровъ посланъ былъ въ Нарымъ въ управители; и наконецъ Артемій Петровичъ Волынскій оберъ-егеръ-мейстеръ, по единой его ссорѣ и непріязни Бироновой, былъ съ принужденіемъ имъ воли самой Государыни, мучительными пытками пытанъ и потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какого наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей Императрицы, что она, прочетши его съ прилежностію, запечатавъ отдала въ сенатъ съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное безчеловѣчіе. Но можно сказать съ единымъ стихотворцомъ:

«На пышные верхи громъ чаще ударяетъ».

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, которой бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ нещастія, но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности: страшилися вельможи подать какую причину къ нещастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, или мздоимству коснуться. Былъ уставленъ Кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои

изъяснялъ, и осмѣливался самой Государынѣ при докладахъ противурѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды. И такъ по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была, да можно сказать, и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо, просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣты же ея и болѣзни ей не оставляли время что другое предпріимать; чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать по изволенію Бирона, Герцога Курлянскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Ѳедоровну Юшкову и Мелгариту Ѳедоровну монахиню, которыхъ еще Императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ, и были при ней князь Никита Федоровичъ Волконской, Балакиревъ и князь Михайло Голицынъ, которые иногда и съ бо́льными ѣсть шутками ее веселили. Се высшій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ея, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ. Единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ, но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и лести мѣсто давалъ. Однако были нѣкоторые преданные, то есть, графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и

уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты; и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ - шталмейстеръ, угождалъ ему лошадьми, яко умной человѣкъ льстилъ ему словами, и яко веселой, веселилъ иногда Государыню своими шутками, и часто содѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались. Петръ Ѳедоровичъ Балкъ шутками своими веселилъ Государыню и льстилъ Герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ не былъ.

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, серебро и злато на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярія, и экипажи придворные всемогущее блистаніе того времени возымѣли. Италіанская опера была выписана, и спектакли начались, такъ какъ оркестръ и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочныя и многолюдныя собранія, балы, торжествы и маскарады.

А все вышеописанное и показуетъ, какіе шаги обстоятельствами правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками, но дàкальщиками государевыми и его любимцовъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить; любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе, введенное у двора, понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ, умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить; такъ что самою Императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе, и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны. Но тщетное приказаніе, когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей Герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ сей роскошъ впалъ. Не токмо сей роскошъ виденъ былъ на торжественныхъ одѣяніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей, но даже мундиры гвардіи офицеровъ оной ощущали, а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладенные петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко фельдмаршалъ графъ Минихъ, вицъ-канцлеръ графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весма умѣренно жилъ; Гаврило Ивановичъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ и другіе. Число разныхъ винъ уже умножилось, и прежде незнаемыя шемпанское, бургонское и капское стали привозиться и употребляться на столы. Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей, стали не иные употребляться какъ англинскіе, сдѣланные изъ

краснаго дерева мегагене, домы увеличились, и вмѣсто, малаго числа комнатъ, уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданіи; зачали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обой; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и болшія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе восчювствовали: богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатые, тяжелые и позлащенные и посеребреные шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ; также богатыя ливреи стали употребляться. А паче таковой роскошъ былъ виденъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время свадьбы Принцессы Анны Мекленбургской, племянницы императрицыной, за Принца Антона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякой роскошъ приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою, и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюдова онъ началъ являться; вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Божію и къ гражданскому закону, и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать презрѣніе Божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать, и удовольствовать свои хотѣніи.

Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые, не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе естли не по склонности, но по крайней мѣрѣ по страху казней, исполняемое, еще въ довольномъ равновѣсіи вѣсъ свой сохраняло. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи Принцессы Анны, вмѣсто сына ея, Принца Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ Имперіи умирающей Императрицею Анною) Принцесса Елисавета, дщерь Петра Великаго и Императрицы Екатерины, взошла на Россійскій престолъ.

VII.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе ея на Всероссійскій престолъ гренадерскою ротою преображенскаго полку, и многія другія обстоятелствы, приступаю къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія Государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ; но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрей Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что

Великобританія есть островъ; съ природы веселаго права и жадно ищущая веселій, чювствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями; лѣнива и надокучлива ко всякому, требующему нѣкоего прилежанія, дѣлу, такъ что за лѣностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣсколько мѣсяцовъ, за лѣностію ея подписать ея имя, у нея лежали; роскошна и любострастна, дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она, при шествіи своемъ принять Всероссійскій престолъ, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщалась, что естли взойдетъ на родительской ей престолъ, то во все царствованіе свое повелѣніемъ ея никто смертной казни преданъ не будетъ, однако, принявъ престолъ, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить—въ чемъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда Государямъ были привязаны, и что, не почитая ее наслѣдницею престола, но опасаясь имени ея родителя и рожденія ея, давали сходственные съ пользою тѣхъ Государей предъосудительные ей совѣты, и оные были осуждены на смерть, приведены къ эшафоту, и хотя свобожденіе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ отличной своимъ разумомъ генералъ-адмиралъ графъ Остерманъ, который управленіемъ своимъ министерскихъ дѣлъ многія пользы Россіи пріобрѣлъ; таковъ былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, многажды побѣдитель надъ Турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанамъ народа. Сіи и нѣкоторые другіе были за усердіе ихъ къ Императрицѣ Аннѣ и Принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія четырнадцать лѣтъ въ томъ же преступленіи была, а окружающіе дворъ, послѣдуя изволеніямъ Императрицы Анны, и весма малое уваженіе къ Принцессѣ Елисаветѣ имѣли, слѣдственно и всѣ справедливо должны были опасаться ея мщенія, хотя не казни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При восшествіи на престолъ былъ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ графъ Петръ Семеновичъ Солтыковъ. Родственникъ же его Василей Өедоровичъ Солтыковъ, человѣкъ злой и глупой, имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніяхъ Принцессы Елисаветы. И когда вышеименованной дежурной генералъ-адъютантъ былъ, арестованной, приведенъ предъ вновь восшедшую Императрицу и палъ къ ней на колѣни, тогда родственникъ сей Василей Өедоровичъ Солтыковъ ему сказалъ, что вотъ теперь ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчерась и глядѣть бы не хотѣлъ, и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать. Пораженъ такими словами, не могъ графъ Петръ Семеновичъ ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой Государыни, запретившей врать Василью Өедоровичю, его одобрило.

Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣтъ твердости. Первый бывшій не весма любимымъ при дворѣ Принцессы Анны, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, вошелъ въ силу. Человѣкъ умной, честолюбивой, пронырливой, злой и мстительной, бывъ пожалованъ въ генералъ-прокуроры, льстя новой Императрицѣ, и, можетъ быть, имѣя свои собственные виды, представлялъ о возобновленіи всѣхъ законовъ Петра Великаго. Почитающая память родителя своего Императрица Елисавета на сіе согласилась, и всѣ узаконеніи Императрицы Анны, которыя были учинены въ противность указамъ Петра Великаго, окромѣ о правѣ перворожденія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многія весма полезныя обрѣтались. Льстя Государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичъ Разумовской, послѣ бывшій графомъ. Сей человѣкъ, изъ Черкасъ, изъ казаковъ, былъ ко двору Принцессы Елисаветы привезенъ въ пѣвчіе, учинился ея любовникомъ, былъ внутренно человѣкъ доброй, но недальнаго разсудку, склоненъ, какъ и всѣ Черкасы, къ пьянству; и такъ сей его страстію старались ему угождать. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ такъ же благодѣтельной и добраго расположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому, хотя не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать, и привезенной изъ ссылки графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ кабинетъ-министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ; человѣкъ умной, чрезъ долгую привычку искусной въ политическихъ дѣлахъ, любитель государственныя пользы, но пронырливъ, золъ и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое, пивъ съ нимъ вмѣстѣ и угождая сей его страсти, сочинили партію при дворѣ, противную князь Никитѣ Юрьевичю Трубецкому.

Были еще другіе, носящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицыны, по ея матери Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по бабкѣ ея Натальи Кириловнѣ, и оные первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; поумнѣе или, лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изо всѣхъ былъ, но и тотъ былъ не далекъ, Николай Наумовичъ Чеглоковъ, за котораго ближняя свойственница государынина Марья Симоновна Гендрикова была выдана; а Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, женатой на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ Императрицы, послѣ пожалованной графомъ и бывшій канцлеромъ, коего тихой обычай не дозволялъ оказывать его разумъ, но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности въ душѣ его обиталъ, яко самыми опытами онъ имѣлъ случай показать. Вторые были Нарышкины, и хотя родъ сей и

довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ щитала Императрица Александра Львовича Нарышкина, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ Императрицы взойти на престолъ, и сіи были, окромѣ Михаила Ларіоновича Воронцова, Князь Гессенъ-Гомбурской и его супруга Княгиня Катерина Ивановна, и Василей Өедоровичъ Солтыковъ съ его женою.

Признательность Императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностію ей служили, и сіи были: два брата Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть; Скворцовъ, Лялинъ, Возжинской и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденіи получили, а недостаточные стали обогащены, и какъ не одно рожденіе, и по долголѣтнымъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состояніи смѣшались, и что изъ подлости или изъ не знатныхъ дворянъ прошедшій, обогащенной, по пышности дѣлалъ, того знатной, благородной или заслуженной, но не награжденной человѣкъ, за стыдъ почиталъ не дѣлать.

Когда смѣшались состояніи, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться, единые, отъ Монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе, имѣя токмо рожденіе и службу и не большой достатокъ, съ ними восхотѣли равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбіе сверху внизъ стали преходить и раззорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи начали изыскивать умножить оное въ домахъ своихъ. Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ златотканныя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ питьѣ все, что рѣже; въ услугѣ возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столько для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими меблями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ (почтенъ?) по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду жизни и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великой погребъ, что онъ знатной капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ

графомъ (графамъ?) Орловымъ. Палатки, которыя у него становливались на его загородномъ дворѣ на Каменномъ Острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великой столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ; въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміею противу прусскаго Короля, всѣ спокойствіи, всѣ удовольствіи, какія возможно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошію при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сперва камеръ-геръ, а потомъ генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителѣ своемъ графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, такъ и по супругѣ своей графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, рожденной княжнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ князь Алексѣя Михайловича Черкаскаго, человѣка также весма богатаго. Человѣкъ весма посредственной разумомъ своимъ, лѣнивъ, не знающъ въ дѣлахъ, и, однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя, и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, въ угодность Монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ; одежды его наносили ему тягость отъ злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи; екипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣетъ, окромѣ что лучшаго вкусу, были выписаны изъ Франціи, были наидрагоцѣннѣйшіе; столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его, однимъ словомъ, было таково, что не единожды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему Императрицу съ не малымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи яко бы изготовляясь, могъ угощать. А сіе ему достоинствомъ служило, и онъ во всякомъ случаѣ у двора, не взирая на разныя перемѣны въ разсужденіи его особы (въ разсужденіи особъ?), былъ особливо уважаемъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человѣкъ не толь разумной, коль быстрой, увертливой и проворной, и словомъ вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качествы придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ нещастію Россіи, онъ немалое время путешествовалъ въ чюжіе краи, видѣлъ все, что сластолюбіе и роскошь при другихъ европейскихъ дворахъ наипріятнѣйшаго имѣютъ, онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію, и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился. Одѣяніи его были особливаго вкусу и богатства, и ихъ толь много, что онъ единожды вдругъ двѣнадцать кафтановъ выписалъ; столъ его, со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланной, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; екипажи его блистали златомъ, и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ; вины у него были на столѣ

наилучшія и наидражайшія. И подлинно онъ симъ нѣкоторое преимущество получилъ, яко человѣкъ имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора; женился на богатой невѣстѣ Еѳимовской, роднѣ Государыни и любимой ею, потомъ учинился другомъ фавориту Ивану Ивановичю Шувалову, чрезъ него прежде другихъ, тогда весма въ почтеніи находящуюся, ленту польскую бѣлаго орла получилъ, а симъ же защищеніемъ, чрезъ сенатъ, за малую цѣну, т. е. не болѣе 90,000 рублевъ, получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на сто тысячъ готовой мѣди было, и которые, чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ раззоренье, съ великимъ искомъ на нихъ, за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и въ такія состояніи людей, которыя бы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ее употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, сперва отбѣгающій отъ службы порутчикъ или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ колико возможно оказывалъ; богатыя одѣяніи его и жены его, ливреи, екипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житье привлекало ему нѣкоторой родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, такъ какъ и дѣйствительно онъ, какъ отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренной умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду, въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ разоренію домовъ и къ повреждению нравовъ. Но гдѣ оно намъ наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяяся съ пышностію и властолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа памятно въ Россіи не токмо всѣмъ вредомъ, которой самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ къ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ, и отецъ сего Шувалова, Иванъ Максимычъ, въ младости своей у дѣда моего, брата роднаго моего дѣда князь Юрья Ѳедоровича Щербатова, у князь Ѳедора Ѳедоровича былъ знакомцомъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генералъ-маіорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откудова отецъ мой его смѣнилъ, и оттуда былъ употребленъ въ губернаторы или въ Ригу или въ Ревель, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ умной и честной, имѣлъ двухъ сыновей—Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ приличное воспитаніе, опредѣлилъ ихъ въ службу ко двору Цесаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны старались наполнять дворъ сей Цесаревны такими людми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имѣли, и тако сіи

достигли изъ пажей даже до камеръ-юнкеровъ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ былъ человѣкъ умной, быстрой, честолюбивой, корыстолюбивой, роскошной, былъ женатъ на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ исполненной многими пороками, а однако любимицѣ императрицыной. Онъ, пользуясь напамятованіемъ прежней своей службы, когда, бывъ при дворѣ ея, яко Цесаревны, раздѣлялъ ея утѣсненія, и милостію Императрицы къ женѣ его, съ самаго начала приятія престола Императрицы Елисаветы Петровны отличную сталъ имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры, и разумомъ своимъ, удобнымъ къ дѣламъ и ко льсти, силу свою умножилъ, пожалованъ былъ въ генералъ-порутчики и присутствовалъ въ сенатѣ. Тутъ соединяя все, что хитрость придворная наитончайшаго имѣетъ,—то есть, не токмо лесть, угожденіе Монарху, подслуживанье любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при Императрицѣ, и которыя единыя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, иныя гладили ея ноги,—къ пышному не многознаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ, что доходы государственные не имѣютъ порядочнаго положенія, а Императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда сенатъ, не имѣя свѣденія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно, и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши Императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ, и лѣса олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей Государынѣ учредилъ родъ инквизиціи, изыскующей корчемство, и обагрилъ россійскія области кровію пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ, а пустыни сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги, такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары безъ разбору, и тѣмъ пріумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при умноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ разореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты, возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣешники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, и бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ, хотя не вдругъ, но три пятыхъ капитала своего потеряли; по его предложенію дѣлана была монета мѣдная по осми рублевъ изъ пуда, а потомъ опять передѣлывана по шестнадцати рублевъ изъ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину генералъ-фелцехмейстера, и бывъ подкрѣп-

ляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любовники къ любострастной Императрицѣ, тогда когда повсюдова въ Европѣ умножали артиллерію, и Россія, имѣя тысячи пушекъ, могла бы токмо ихъ переливъ снабдить армію и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обращающееся обратилъ. Не могши скрыть свои желанія корыстолюбія, силою и властію своей и пользуяся узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы, и между прочими, лучшій въ государствѣ, Горо-благодатской, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ рублевъ, былъ оцѣненъ въ 90 тысячъ рублевъ, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу сенату и получилъ его по новой перецѣнкѣ, гдѣ не справедливость и не польза государская были наблюдаемы, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 тысячъ рублей,—заводъ, при которомъ было приписныхъ до двадцати тысячъ душъ; заводъ, приносящій послѣ ему до двухъсотъ тысячъ рублевъ, и которой послѣ взятъ былъ обратно короною за его долги за безцѣнокъ, за 750 (?) рублей. Откупы, монополіи, мздоимствы, торговля, самимъ имъ заведенная, и грабительствы государственныхъ имѣній не могли однако его жадность и сластолюбіе удовольствовать: учредилъ банкъ, по видимому могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оной состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по два процента и чрезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? онъ самъ, взявъ милліонъ;—Готъ, взявшій у него на откупъ олонецкіе лѣса, и взятыя деньги отдавшій ему; Армяне, взявшіе въ монополію астраханскій торгъ и большую часть взятыхъ денегъ давшіе ему; князь Борисъ Сергѣичъ Голицынъ, который толь мало взятіемъ симъ пользовался, что увѣряютъ, яко бы въ единое время изъ 20 тысячъ, имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его, равно какъ и корыстолюбіе, предѣловъ не имѣло. Не довольствуясь, что онъ былъ генералъ-фелцехмейстеръ, генералъ-адъютантъ и сенаторъ, восхотѣлъ опричную себѣ армію содѣлать. Представленіе его, такъ какъ и все чиненное имъ, было принято, и онъ сочинилъ армію, состоящую изъ тридцати тысячъ пѣхоты, раздѣленную въ шесть легіоновъ, или полковъ, каждый по пяти тысячъ человѣкъ, которые ни отъ кого, окромѣ его, не зависѣли. Является, что въ Россіи рокъ таковыхъ безнужныхъ затѣй есть скоро родиться и еще скорѣе упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей государства, пошла въ походъ противу прусскихъ войскъ, много потерпѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его же начальствомъ

фузилерные полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я не забылъ, исчисляя честолюбивыя затѣи сего чюдовища, помянуть о изобрѣтенныхъ имъ, иль лучше сказать, въ подражаніе старинныхъ и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались, и коихъ коническая камера чинила, что весма далеко отдавали, а елипсической калиберъ — что разметисто и близко картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легости ихъ. Онъ, выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ изобразилъ; гнавъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко между прочими содержалъ подъ арестомъ князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго по пріѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весма близко, не можетъ быть инако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ, что отдача назадъ голбицъ можетъ самимъ дѣйствующимъ ими войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ, а что тягость ихъ не удобна ни къ воженію, ни къ постановленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто, и наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретными почитаютъ, и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ скрываютъ сей мнимый секретъ съ обидою оныхъ, коимъ ввѣрено начальство арміи, а не могутъ они знать ни секрета, ни дѣйствія употребляемыхъ въ оной орудій; а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ; что введенные въ сіе таинство, яко бы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишніе чины получаютъ и болѣе другихъ ихъ всемощнымъ начальникомъ уважаемы суть.

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты однако были два по его предложеніямъ, то есть, генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истинну должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чювствителенъ бываетъ. Хотя не можно сказать, чтобы намѣреніе генеральнаго межеванья не полезно было государству, и чтобы межевая инструкція не содержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній, но многія въ ней находятся и такія, которыя не сходственно со справедливостію, но по дальновидности, его ли самого, или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ пользъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца человѣкъ выбиралъ порочныхъ людей для исправленія разныхъ должностей; тѣ, не на пользу общественную, но на свои прибытки взирая, также порочныхъ людей одобряли, отъ чего множество тогда же произошло злоупотребленій, и не пользою обществу сіе межеванье учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ нажитку опредѣленныхъ и къ грабежу народа. Сочиненіе уложенья не лучшій успѣхъ имѣло, ибо были къ сему толь полезному дѣлу государству опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе государ-

ства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи (познали?), а равно и съ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества. Но Емме, человѣкъ ученой, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупой, наметливой на законы человѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а къ тому же корыстолюбивой; Юшковъ, доброй и не мздоимщикъ, и знающій по крайней мѣрѣ россійскіе законы человѣкъ, но лѣнивой, праздной и не твердой судья; Козловъ, умной и знающій законы человѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія по мздоимствамъ и воровствамъ; Глѣбовъ, угодникъ графу Шувалову, умной по наружности человѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ, Петръ Ивановичъ, имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они сочиненное свое уложеніе множество (многими?) пристрастными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свои дѣла рѣшить, или начавши новыя, воспользоваться разореніемъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что, когда по сочиненіи оное было безъ чтенія сенатомъ и другихъ государственныхъ чиновъ поднесено къ подписанію Государыни, и уже готова была сія добросердечная Государыня не читая подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать. Тако чюдеснымъ образомъ избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ развратность и на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія хотя были взятки, были неправосудіи, и былъ развратъ, но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ, хотя малое что и давая, не могъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его неправосудіе чинилось съ наглостію, законы стали презираться, и мздоимствы стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, графомъ Шуваловымъ, иль его метресами, иль его любимцами Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы, не страшася ничего, всякія неправосудіи дѣлать и народъ взятками разорять. Самый сенатъ трепетавъ его власти, принужденъ былъ хотѣніямъ его повиноваться, и онъ первый, иже правосудіе и изъ сего вышняго правительства изгналъ. Чрезъ исканіе Анны Борисовны графини Апраксиной, дочери князь Бориса Васильевича Голицына, при княгинѣ Аленѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между князя Голицына и княгини Елены Васильевны Урусовой въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ сената была приведена въ разоренье. Защищалъ онъ, сообщася съ графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, князей Долгорукихъ, по дѣлу о деревняхъ Анны

Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго князь Якова Өедоровича Долгорукова, чтобы лишить—не право—принадлежащія части князь Якова Александровича и сестру его княжну Марью Александровну Долгорукихъ, и тесть мой на сіе голосъ подалъ, то сказано ему было отъ вышеименованнаго графа Бутурлина, что если онъ отъ сего дѣла не отступитъ, они найдутъ способъ толико его обнести у Государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылкою заплатитъ.

Не могу я упустить, чтобы не помянуть объ единомъ узаконеніи сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытку и разрушающемъ супружественную связь, которая до сего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами, связующими супруговъ, и, сходственно съ Божіимъ закономъ, подчиняющими женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего недвижимаго своего имѣнія продать и заложить не могла, и мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Графу Петру Ивановичю Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головиной *), живущей особливо отъ мужа своего, а по сему и не могущей его согласія имѣть. Предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женѣ уничтожить; по предложенію его, яко всесильнаго мужа въ государствѣ, былъ учиненъ указъ; онъ деревню купилъ, а симъ подалъ поводъ по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей, и отшедшимъ разоряться.

*) Этотъ же фактъ разсказанъ княземъ М. М. Щ—вымъ въ статьѣ: «Размышленія о законодательствѣ вообще» (см. т. I, стр 365.).

Довольно думаю описалъ я разные клонящіяся къ своимъ собственнымъ прибыткамъ предпріятіи графа Шувалова, наводящія тогда же мнѣ огорченія не токмо по самому злу, чинившемуся тогда, но и по даваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ найдетъ. Яко дѣйствительно воспослѣдовало. К. В. (генералъ-прокуроръ князь Вяземскій?) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со стенаніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ законами и сенатомъ. К. П. (князь Потемкинъ?) не токмо всю армію по военной коллегіи подъ властію своей имѣетъ, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ, а нерегулярныя всѣ войска въ опричнину себѣ прибралъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойти графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходилъ.

Мнѣ должно теперь помянуть о его правахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытова дому и роскошь свою великолѣпнымъ житьемъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его былъ убранъ колико возможно лучше по тогдашнему состоянію, столъ его маленькой наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему наивеликолѣпнѣйшій, ибо тогда какъ многіе, из-

живши вѣкъ, вкусу ананасовъ не знали, а о бананѣ и не слыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ, и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемыя имъ, не токмо были лучшія, но, не довольствуяся тѣми, которыя обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блистающъ златомъ, и онъ первый цугъ англинскихъ, тогда весма дорогихъ, лошадей имѣлъ; платье его соотвѣтствовало также пышности; злато, сребро, кружевы, шитье на немъ блистали, и онъ первый по графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ имѣлъ бриліантовые пуговицы, звѣзду, ордена и еполетъ, съ тою токмо разностію, что его брилліантовые уборы богатѣе были. Во удовольствіе своего любострастія, всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошію, принималъ ежедневно горячія лекарствы, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400 тысячъ рублей доходу, но на его роскошь, любострастіе и дары окружающимъ Императрицу недоставало, и онъ умеръ, имѣя болѣе милліона на себѣ казеннаго долгу.

Примѣры таковые не могли не разлиться на весь народъ, и повсюдова роскошь и сластолюбіе умножились. Домы стали великолѣпно убираться и стыдились не англинскіе мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повара, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались, стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поваръ императрицынъ, и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованье получалъ по 800 рублевъ въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублевъ по пяти сотъ, окромѣ содержанія. Лимоны и померанцы не могли быть дороги въ Петербурхѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больнаго или для особливо великаго стола ихъ покупали,—учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогія и до того незнаемыя не токмо въ знатныхъ домахъ вошли во употребленіе, но даже и низкіе люди ихъ употреблять начали; и за щегольство щиталось ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать; даже, что многіе подъ тарелки въ званые столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждой могъ попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсѣмъ не бывшее во употребленіи, но введенное во употребленіе графиней Анной Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя до сего по большей части употреблялися сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ, и то передъ господами, употребляли вощеныя, но и тѣ изъ желтова воску, стали вездѣ, да и во множествѣ употребляться бѣлыя восковыя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошолъ: парчевыя, бархатныя, съ золотомъ и серебромъ, платья шитыя золотомъ, серебромъ и шелками, ибо уже

галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ почти равной капиталъ съ прочимъ достаткомъ какого придворнаго или щеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было. Да можно ли было сему инако быть, когда самъ Государь прилагалъ всѣ свои тщанія ко украшенію своея особы, когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждой день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платей послѣ нея осталось. Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей не нашивали, и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ. Екипажи были умѣреннаго (соразмѣрнаго?) съ прочимъ великолѣпія, уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, а надлежало имѣть, съ заплатою нѣсколькихъ тысячъ рублевъ, французскую, и съ точеными стеклами, чтобъ шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебреныхъ, да и тѣ большая часть жалованныхъ Государемъ; Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ пышной и роскошной, помнится мнѣ, до конца жизни своей на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуяся имѣть чаши серебреныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукъяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебреной. При сластолюбивомъ и роскошномъ Государѣ не удивительно, что роскошъ имѣлъ такіе успѣхи, но достойно удивленія, что при набожной Государынѣ, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствіи были учинены. Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства по исповѣданію нашея вѣры. Толь есть истинно, что единый порокъ и единый проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей. Не знаю я обстоятельствъ перваго страннаго разводу; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ не знаю, имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Степанъ Өедоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника, и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили. Потомъ Анна Борисовна графиня Апраксина, рожденная княжна Голицына, бывшая же въ супружествѣ за графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради она оставила своего мужа, которой подлинно былъ человѣкъ распутнаго житія. Но знаю, что разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посажденъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ, а именоваться ей по прежнему княжною Голицыною. И тако, отложа имя мужа своего, приведши его до посажденія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась, по тому токмо праву, что отецъ ея князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ нѣ-

которой случай у двора, а потомъ, по разводѣ своемъ, она сдѣлалась другомъ К. К., любовницѣ графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны именовалъ, а нынѣ ихъ можно сотнями щитать.

Еще Петръ Великой, видя, что законъ нашъ запрещаетъ князь Никитѣ Ивановичю Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу, и дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Такъ же князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ Шведами, имѣлъ любовницу, сказываютъ, единую благородную женщину, въ Стокгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ былъ вдовъ, и отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ, и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи Императрицы Елисаветы, в ъ Князь Василья Владимировича Долгорукова Рукинъ наравнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая, холопку свою, отнявши у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, нынѣ толико сихъ в овъ дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицины, Ранцовы, и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить и честь законнаго рожденія, и, не закрытно содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостію закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея Императрицы, и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за Герцогомъ Голстинскимъ, Петру Ѳедоровичю, Государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ человѣкѣ, не имѣющемъ ни разума, ни нравовъ, ибо впрочемъ онъ, не токмо имѣлъ разумъ весма слабой, но яко и помѣшанной, погруженной во всѣ пороки: въ сластолюбіе, роскошь, пьянство и любострастіе. Сей, взошедшій на Всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ, бывъ самъ съ излихвою поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія Императрицы Елисаветы старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

VIII.

Сей Государь имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца Льва Александровича Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣлъ, труслив, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ, и словомъ, по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить, болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.

Взошедши сей Государь на Всероссійскій престолъ безъ основательнаго разуму и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ, восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его голстинскіе, которыхъ онъ малой корпусъ имѣлъ, и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы? Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны, тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, продолженіе пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой трактиръ, нежели домъ государскій; коротко одѣтой и громко кричащій офицеръ выигривалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала прусскому Королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ составляли достоинство пріобрѣсти любленіе государево; и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, при бывшей пробѣ россійской и прусской, взятой въ плѣнъ, артилеріи, за то, что старался доказать, и доказалъ, что россійская артилерія лучше услужена, не получилъ за сіе андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ Государь любовницу, дурную и глупую, графиню Елисавету Романовну Воронцову; но сю, взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ, а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ вожделѣніе его были подвергнуты. Увѣряютъ, что . . ., тогда бывшій генералъ-прокуроръ, подвелъ падчерицу свою, и уже помянутая мною выше К. К. была привожена къ нему на ночь Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, и я самъ отъ него слышалъ, что безстыдство ея было таково, что, когда по ночеваніи ночи онъ ее отвозилъ домой по утру рано и хотѣлъ, для сохраненія чести ея, и болѣе чтобы не учинилось извѣстно сіе графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ, закрывши гардины ѣхать,—она, напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, что она съ государемъ ночь переспала.

Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ расказывалъ мнѣ Дмитрей Васильевичъ Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ Третій, дабы сокрыть отъ графини Елисаветы Романовны, что онъ всю ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла; Государь пошелъ веселиться съ К. К., сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ дацкою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія государскаго, не зналъ, о чемъ зачать писать, а писать надобно. Но, какъ онъ былъ человѣкъ догадливой, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженіи Государю, отъ графа Романа Ларіоновича Воронцова, о вольности дворянства. Сѣдши, написалъ манифестъ о семъ. По утру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ Государемъ опробованъ и обнародованъ.

Не токмо Государь, угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ для удовольствія себѣ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю-ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдилися впадать въ такія любострастія, съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ? Нѣтъ, да сокроются отъ потомства имена ихъ, и роды ихъ да не обещещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако, довольствуяся описать, какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну. Ибо въ самомъ дѣлѣ, съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ, гдѣ необходимо должно, поминать именуя таковыхъ, по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи.

И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе Государю, всякаго роду роскошь и пьянство составляло отличныя умоначертаніи двора, а оттуда они уже нѣкоторыя разлилися и на другія состояніи людей въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начинали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангалтъ-Цербская, Екатерина Алексѣевна, взошла съ низверженіемъ его на Россійскій престолъ.

IX.

Не рожденная отъ крови нашихъ Государей, жена, свергнувшая своего мужа возмущеніемъ, (и) вооруженною рукою, въ награду за столь добродѣтельное дѣло, корону и скиптръ Россійскій получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя Государыни, яко въ церквахъ о нашихъ Государяхъ моленіе производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Имперіей, естли женщина возможетъ поднять сіе иго, и естли однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одарена довольной красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предпріятельна, и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть не утвержденная на твердомъ камени Закона Божія, и потому, какъ на колеблющихся свѣтскихъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ же того, ея пороки суть: любострастна, и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ, исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности, и не могущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить, принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи и, наконецъ, толь перемѣнчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ.

Совсѣмъ тѣмъ, взошедши на престолъ и не учиня жестокова мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досаждали, имѣла при себѣ любимца своего *, который и вспомоществовалъ ей взойти на престолъ, че-

*) Идетъ рѣчь о Гр. Гр. Орловѣ. *Ред.*

ловѣка взросшаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего неучившагося и ведущаго до того развратнаго младаго человѣка жизнь, но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданной можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правилы, равно какъ и братья его. Оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить Государю, выискивать людей достойныхъ, и не производить какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши,—которыя правилы сей Григорей Григорьевичъ, послѣ бывшій графомъ, а наконецъ княземъ, до смерти своей сохранилъ. Находя, что картошная азартная игра можетъ привести другихъ въ раззоренье, играть въ нее престалъ. Хотя его явные были непріятели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а напротиву того, во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣяніи, и защищалъ ихъ отъ гнѣву Государыни. Изрубившему измѣнническимъ образомъ брата его Алексѣя Григорьевича *), не токмо простилъ, но и милости сдѣлалъ, множество льстецовъ которые тщились обуздать (взнуздать, осѣдлать?) его самолюбіе, никогда успѣху не имѣли, и напротиву того, болѣе грубостію можно было снискать его любовь, нежели лестью; никогда въ управленіе непринадлежашаго ему мѣста не входилъ, а естли бы и случилось ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали; никогда не льстилъ своей Государынѣ, къ которой не ложное усердіе имѣлъ, и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многажды самовидцомъ бывалъ; старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, поелику (поскольку?) понятіе его могло постигать; но не токмо такихъ, которыхъ по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ниже ближнихъ своихъ любимцовъ не любилъ инако производить, какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія мѣста употреблять, яко учинилъ съ Всеволодомъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, котораго въ пущую въ Москвѣ язву съ собою взялъ, и тамъ употребилъ его къ дѣлу. Хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его не видно было; а именно, домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ; столъ его не равнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; екипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли, и наконецъ, какъ сначала, такъ и до конца никогда ни съ золотомъ, ни серебромъ платья не нашивалъ. Но всѣ его хорошія качествы были затмены его любострастіемъ: онъ

*) Здѣсь въ подлинникѣ оставлено мѣсто въ полъ вершка длиною, для вставки какого-то слова (Примѣчаніе г. Заблоцкаго)—вѣроятно «Шванвичу.» *Ред.*

презрилъ, что должно ему къ своему Государю и къ двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ распутія; не было почти ни одной фрелины у двора, которая не подвергнута была бы къ его исканіямъ, и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на оныя преклониться, и сіе терпимо было Государыней, а наконецъ тринадцати-лѣтнюю двоюродную сестру свою, Екатерину Николаевну З., иссилничалъ, и, хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ порокъ свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе, и въ самой женитьбѣ нарушалъ всѣ священные и гражданскіе законы.

Однако во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и Государь, подражая простотѣ своего любимца, снисходилъ къ своимъ подданнымъ; не было многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей, и пріятство государево вмѣсто награжденій служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбіе государево истиннами любимца укрощаемо часто было.

Однако, понеже добродѣтели не тольесть удобны къ подражанію сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ; но женщины, видя его и братей его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ Третьемъ долгою привычкою, во время случаю Орловыхъ, совсѣмъ ее погасили, тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ Государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любовника, подало случай другимъ его мѣсто для любострастныя Императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовникъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію (окромѣ Васильчикова, который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру; Потемкинъ—властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и, слѣдственно, роскошь въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость, и, можно сказать, всѣ другіе знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или (и?) самъ преисполненъ, и преисполняетъ окружающихъ его, и тако далѣ въ Имперіи. Завадовскій ввелъ въ чины подлыхъ Малороссіянъ; Корсаковъ пріумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ *) не успѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаяніи чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примѣрами своими, но и самымъ ободреніемъ пороковъ,

*) Александръ Петровичъ Ермоловъ родился въ 1754 году. Въ 1767 году, когда Екатерина ѣхала изъ Симбирска въ Москву сухимъ путемъ, она провела день (Іюля 10-го) въ селѣ Черновскомъ (Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда) въ домѣ прапорщика Петра Леонтьевича Ермолова. Тринадцатилѣтній сынъ его Александръ Петровичъ понравился тутъ же Екатеринѣ; она его обняла, поцѣловала, сказавъ: «поздравляю тебя, дружокъ, съ чиномъ капрала конной гвардіи»,—и взяла въ Петербургъ, но въ которомъ году въ любовники его опредѣлила, того доподлинно неизвѣстно; извѣстно лишь то, что она его изъ Черновскаго заблаговременно для своего любострастія взяла. Съ этого времени пошли въ ходъ Ермоловы. Нынѣшняго Ермолова, Алексѣя Петровича, отецъ—двоюродный братъ фавориту.

является, желаетъ ихъ силу умножить. Она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе. Изъ окружающихъ ее Бецкой, человѣкъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобы ее обмануть, зная ея склонность къ славолюбію, многія учрежденіи сдѣлалъ, яко сиропитательные домы, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи кадетской сухопутной корпусъ и академію художествъ, ссудную и сиротскую казну, поступая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій фару, на коемъ зданіи на алебастрѣ имя Птоломея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ на мраморѣ свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы времянъ алебастръ отпадетъ, единое его имя видно было. Такъ и Бецкой, хотя показывалъ видъ, что все для славы императрицыной дѣлаетъ, но не токмо во всѣхъ проектахъ его, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его, яко перваго основателя является, но ниже оставилъ Монархинѣ и той власти, чтобы избрать правителей сихъ мѣстъ, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ до паденія его кредиту. Дабы закрыть сіе, всѣ способы были имъ употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ, и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ при представленіи въ кадетскомъ корпусѣ балета чесменскаго боя, что она сказала мнѣ: il me loue tant, qu'enfin il me gâtera. Щастлива бы была, естли бы движеніи душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ; но несть, когда сіе изрекала, душа ея пышностію и лестію упивалась. Не меньше Иванъ Перфильевичъ Елагинъ употреблялъ старавій приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоръ театру, разныя сочиненіи въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвѣщали ея дѣла, иногда слава возвѣщала пришествіе россійскаго флота въ Морею, иногда бой чесменской былъ похваляемъ, иногда воспа съ Россіею плясала. Также кн. А. А. Вяземской, генералъ-прокуроръ, человѣкъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, бывшій генералъ-прокуроромъ и имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственные, искуснѣйшій способъ для льщенія употребилъ. Притворился быть глупымъ, представлялъ ей совершенное благоустройство Государства подъ властію ея и, говоря, что онъ, бывъ глупъ, все едиными ея наставленіями и бывъ побужденъ духомъ ея, дѣлаетъ, премудрость ея не токмо равнялъ, но и превозвышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властитель надъ нею; Безбородко, ея секретарь, нынѣ уже графъ, членъ иностранной коллегіи, гофмейстеръ, генералъ-почтъ-директоръ, и все въ разсужденіи правительства за правило имѣетъ никогда противу ея не говорить, но похваляя исполнять всѣ ея велѣніи, и за сіе непомѣрныя награжденіи получилъ.

Дошедшая до такой степени лесть при дворѣ, и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образами льстить. Построитъ ли кто домъ, на данныя отъ нея отчасти деньги, или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на лю-

менаціи пишетъ: «твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая»; или подписываетъ на домѣ: «щедротами Великія Екатерины», забывая приполнить: «но разореніемъ Россіи»; или, давая праздники ей, дѣлаютъ сады, нечаянныя представленіи, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющія.

Къ коликому разврату нравовъ женскихъ и всей стыдливости примѣръ ея множество имѣнія любовниковъ, единъ другому часто наслѣдующихъ, и равно почетныхъ и корыстными *) снабженныхъ, обнародовая чрезъ сіе причину ихъ щастія, подалъ другимъ женщинамъ! Видя храмъ сему пороку, сооруженный въ сердцѣ Императрицы, едва ли за порокъ себѣ щитаютъ ей подражать; но паче, мню, почитаетъ каждая себѣ въ добродѣтель, что еще столько любовниковъ не перемѣнила!

Хотя при поздыхъ лѣтахъ ея возрасту, хотя сѣдины уже покрываютъ ея голову, и время нерушимыми чертами означило старость на челѣ ея, но еще не уменьшается въ ней любострастіе. Уже чювствуетъ она, что тѣхъ пріятностей, каковыя младость имѣетъ, любовники ея въ ней находить не могутъ, и что ни награжденіе, ни сила, ни корысть, не можетъ замѣнить въ нихъ того дѣйствія, которая младость можетъ надъ любовникомъ произвести. Стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенной, отъ простоты своего одѣянія отстала и, хотя въ молодости и не любила златотканныхъ одѣяній, хотя осуждала Императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое воинство одѣть, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и къ богатому ихъ украшенію страсть свою оказывать; а симъ, не токмо женамъ, но и мужчинамъ подала случай къ таковому же роскошу. Я помню, что, вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитой золотомъ красной суконной кафтанъ —у Василья Ильича Бибикова; въ 1769 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Императрица разгнѣвалась на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кафтанѣ въ Сарское село пріѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣяніи носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы Императрица была прихотлива въ кушаньѣ; но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но бывшій ея любовникъ, а оставшись всемогущимъ ея другомъ, князь Григорей Александровичъ Потемкинъ не токмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность оберъ-гофъ-маршала князь Николая Михайловича Голицына (не?) приготовить ему какого-то любимаго блюда подвергла его подлому ругательству отъ Потемкина и принудила итти въ отставку; то послѣ сего каждый разсудитъ, наслѣдники князя Голицына, Григорей Никитичъ Орловъ и князь Ѳедоръ Сергѣичъ Борятинской не употребляютъ ли теперь все свое тщаніе, дабы удовольствовать сего всемогущаго въ

*) Должно быть: корыстями (*Примѣчаніе г. Заблоцкаго*).

государствѣ обжору. И подлинно столъ государевъ гораздо великолѣпнѣе и лучше нынѣ сталъ. А также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ (хотя и до него оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сея роскоши и желаніе лучшими вещами насытиться распространилось.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мущины; о сей же со справедливостію можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда, докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашла никого, кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей, что можетъ яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной. Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе. 1) Возвращеніе Марьѣ Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ. 2) Дѣло дѣтей князь-Бориса Васильевича Голицына о прадѣда ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, беззаконно отписанныхъ. Сенатомъ сіе беззаконіе признано, и докладомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратить, и подпись на докладѣ: быть по сему, являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ; но послѣ изъ комнаты было истолковано, что «быть по сему» знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ивановичъ Апухтинъ докладывалъ ей по военной коллегіи о отставкѣ одного генералъ-маіора,—получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но, какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣваютъ генералъ-маіорамъ давать чины при отставкѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ, и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковые примѣры, видимые въ самомъ Государѣ, не побуждаютъ-ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневные знаки представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ государской.

Такое расположеніе мыслей, а паче въ особѣ, преданной своимъ любимцамъ, естественно влечетъ за собою пристрастіе и неправосудіе. Многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому; но довольно, ежели я скажу, что, не любя Сахарова, яко человѣка дурныхъ нравовъ (которой однако долгое время былъ камердинеромъ ея, пользовался довѣренностію, хотя не лучше былъ) дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, яко бы дурные нравы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ какомъ случаѣ и развратной человѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не нравы и расположеніе судятся, но что кому принадлежитъ, исключительно до всего другова. И дѣло Вахмейстера о беззаконно отписанныхъ у дѣда его лифляндскихъ имѣніяхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами Сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы

генералу Броуну, за которымъ и осталися. Графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, во все время своей жизни признанной мздоимцомъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники во Владимиръ и не преставалъ обыкновенные свои мздоимствы производить; не сокрыты оныя были отъ Государя, который токмо двоезнаменующимъ знакомъ: присылкою большаго кошелька—его укорилъ. Но какъ онъ уже умеръ, и разоренье народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторской поступокъ, но хотя и семь лѣтъ разоренье народное продолжалося, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковые примѣры часто случающіеся не подаютъ-ли подданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользъ своихъ подражать? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясной примѣръ, что тщетно будешь стараться начертить вѣрной кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга точно несойдется; и слова Священнаго Писанія, ясно же означающія должность начальниковъ: учителю, исправься самъ!

Можно ли подумать, чтобы Государь, чинящій великія раздаяніи, Государь, къ коему стекаются большей частію сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ? Однако сіе есть, ибо инако я не могу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычаю чины за деньги продавать. А сему есть множество примѣровъ. Развратной нравами и корыстолюбивой откупщикъ Лукинъ, давъ восемь тысячъ двору изъ наворованныхъ денегъ и, подаря его (ихъ?) въ народное училище, чинъ капитанской получилъ; и Прокофей Демидовъ, привоженный подъ висѣлицу за пашквили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битье въ домѣ своемъ секретаря юстицъ-коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоучрежденному правленію, за то, что, съ обидою дѣтей своихъ, давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генералъ-маіорскій получилъ, а за даніе пяти тысячъ въ пользу народныхъ школъ учинено ему, всенародно объявленное чрезъ газеты, благодареніе. Яко бы Государь не могъ полезныхъ учрежденій завести, безъ принимания денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы! Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всѣ продажны, должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе вымѣщать. Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получили, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ, и не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ коммисаріатской суммы, чины штапскіе получилъ. Ѳалѣевъ, въ подрядахъ съ Государемъ взимая вездѣ тройную цѣну, не токмо самъ штапскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штапъ-офицеры и въ офицеры произвелъ. Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, а все подъ очами и знаніемъ Государя, то можно ли

послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе сей самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію.

Множество учиненныхъ ею заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ не суть, какъ токмо знаки ея славолюбія, ибо, естли бы дѣйствительно имѣла пользу государственную въ виду, то, учиня заведенія, прилагала бы стараніи и о успѣхѣ ихъ. Но, довольствуяся заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ вѣчно будетъ почитаться, о успѣхѣ нерадила и, видя злоупотребленіи, ихъ не пресѣкала. Свидѣтельствуетъ сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьева монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадетскаго корпуса, и проч., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и понынѣ чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце и нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ, и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ. По пристрастію возвели на польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противу вольностей польскихъ прибавить самовластія; взяли въ защищеніе дисидентовъ, и вмѣсто чтобы стараться сихъ утѣсненныхъ за законъ въ Россію къ единовѣрнымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію, чрезъ сіе подали причину къ турецкой войнѣ, щастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе стоящей, нежели какая прежде бывшая война; послали флотъ въ Грецію, которой Божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу, а тѣмъ усилили аустрійской и бранденбургской домы, и потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшею. Пріобрѣли или, лучше сказать, похитили Крымъ, страну, по разности своего климата служащею гробницею Россіянамъ. Составили учрежденіи, которыя не стыдятся законами называть, и сдѣланныя намѣстничествы наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго (прежняго?), ко вреду общества, ко умноженію ябеды и разоренья народнаго, да и за тѣми надзиранія не имѣютъ, исправляютъ-ли точно по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу. Таковое необузданное славолюбіе также побуждаетъ стремиться къ созиданію неисчетнаго числа и по всюду великихъ зданій; земледѣльцы многою работою стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы; доходы государственные едвали достаютъ на такія строеніи, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и приватные, подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ чрезъ многіе вѣки пребывающее въ зданіи имя свое сохранить,

безумно кинулись въ такія строенія и украшенія ихъ. Единые отъ избытка многія тысячи для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіе домовъ, огородовъ, бесѣдокъ полагаютъ; другой изъ пышности, а третій наконецъ, послѣдуя вредному примѣру, то же сверхъ достатку своего дѣлаетъ, и чтобъ не отстать отъ другихъ; а всѣ обще, находя себѣ спокойствіе и удовольствіе, мало по малу въ разоренье сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство, и часто недостатокъ своихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охулительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что всѣ коль не есть черны мои повѣствія, но они суть не пристрастны, и единая истина, и развратъ, въ которой впали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонетъ, принудилъ меня оныя на бумагу преложить. Итако по довольному описанію нравовъ сея Императрицы, довольно можно расположенія души и сердца ея видѣть. Дружба чистая никогда не вселялась въ сердце ея, и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любовника своего. Не имѣетъ она материнскихъ чювствъ къ сыну своему и обо всѣхъ за правило къ себѣ имѣетъ ласкать безмѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ, по пословицѣ своей, выжатый лимонъ кидать. Примѣры сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, вспомоществующій ей когда она была Великою Княгинею во всѣхъ ея намѣреніяхъ, и претерпѣвшій за нее нещастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился, и послѣ смерти его она его бранила. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, вспомоществующій взойти ей на престолъ, при старости отъятіе всѣхъ должностей своихъ видѣлъ, и, можетъ быть, сіе кончину его приключило. Николай Ивановичъ Чечеринъ, служившій ей со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, только наконецъ отъ нея гнанъ былъ, что безвременно животъ свой окончилъ. Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ; ибо, хотя и извѣстно еще по утру было о его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла, и давъ время своему веселію, отходя спросила любовника своего Ланскаго, каковъ князь Александръ Михайловичъ? и, получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показуетъ, колико фальшивое при томъ имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея любимица и другъ, наконецъ была отъ двора отогната и съ печали умерла. По сему да судитъ каждый, могутъ ли чистыя чювствованія дружбы вогнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется, что уже не настоитъ нужды оказывать, имѣетъ ли она вѣру къ Закону

Божію, ибо, естли бы сіе имѣла, то бы самый Законъ Божій могъ исправить ея сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но несть: упоена безразмыслительнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, Законъ Христіанскій (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но онѣ многажды въ бесѣдахъ ея открываются, а дѣяніи иначе (и паче?) доказуютъ: многія книги Вольтеровы, разрушающія Законъ, по ея велѣнію были переведены, яко Кандидъ, Принцесса Вавилонская, и прочія, и Белизеръ Мармонтелевъ, не полагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея велѣнію, былъ переведенъ, — но и сама участницею перевода онаго была. А терпѣніе, или лучше сказать, позволеніе противнымъ закону бракамъ, яко князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ и генерала Баура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуетъ, и тако можно сказать, что въ царствованіе ея, и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.

Такими степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я помянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобы лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было. А до сего дойти инако не можно, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть Государя искренно привязаннаго къ Закону Божію, строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя — умѣреннаго въ пышности царскаго престола, награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки, показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденія на совѣты умныхъ людей, тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства, мягкосерда и постоянна въ дружбѣ, показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своей супругою, и гонящаго любострастіе — щедра безъ расточительности для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качествы и заслуги безъ всякаго пристрастія, умѣющаго раздѣлить труды, что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ, и что Государю на себя взять — и наконецъ могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права государству, и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять.

Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ среди градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой, правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго; мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся, любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія; и будутъ не пышностію житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностію. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ, и кто упадаетъ, но, имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель, будутъ почитать ихъ яко компасомъ, могущимъ ихъ довести и до чиновъ, и до достатка. Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ служить съ при-

личною ревностію званію ихъ; купцы престанутъ желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится въ свое состояніе, и торговля уменьшеніемъ ввозу сластолюбіе побуждающихъ чужестранныхъ товаровъ, а отвозомъ россійскихъ произведеній процвѣтетъ; искусствы и ремеслы умножатся, дабы внутри Россіи сдѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

Оправдание моихъ мыслей

и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ*).

Нерѣдко случалось, что, говоря о дѣлахъ государственныхъ, самые ближніе мои пріятели меня охуждали въ смѣлости изреченій моихъ и даже иногда въ тонкомъ изысканіи пороковъ правительства. Хотя я съ природы рожденъ и гораздо горячего или, лутче сказать, чувствительнаго нраву, однако сдерживать его умѣю, а особливо имѣю привычку ежедневно размышлять о всѣхъ дѣяніяхъ моихъ. А потому, если бы я примѣтилъ, что сіе есть порокъ сердца моего, то бы легко могъ отъ него воздержаться, ибо нѣтъ ничего легче, какъ молчать, или вздоръ говорить, или половину рѣчи своей сдѣлать изъ словъ: да, да, очень хорошо, изрядно, и подобное. Но какъ въ моемъ поступкѣ и словахъ нахожу я токмо нѣкоторое нетерпѣніе и чувствительность, происходящія отъ любви моей къ отечеству, въ противномъ-же слабость, лесть, неучастіе о пользѣ ближняго и подлое подобострастіе, то, кажется, если въ изъясненіяхъ моихъ есть порокъ, онъ конечно меньше другихъ означенныхъ мною; а понеже несть человѣка, который бы не подвергнутъ пороку былъ, то я и почитаю за лучшее остаться при моемъ порокѣ, нежели забыть отечество, не быть чувствительну къ тягостямъ ближняго, лгать изъ лести и подло раболѣпствовать. Я пріемлю во свидѣтели Бога, а потомъ всѣхъ моихъ пріятелей, слышали-ли они когда выходящее изъ устъ моихъ что ни есть такое, которое бы имѣло въ предметъ собственныя мои пользы, со вредомъ другимъ? Свидѣтельствуюсь на всѣхъ, которые имѣли до меня дѣло, какъ по возложеннымъ на меня по благости монаршей дѣламъ, такъ и приватно, не видѣли-ль они меня всегда расположенна содѣлать каждому услугу, даже съ ущербомъ счастія моего и съ нарушеніемъ моего покоя? И не съ чувствительностію-ли я и самаго несправедливаго просителя отпускалъ, когда правосудіе воспрещала мнѣ его съ удовольствіемъ отпустить? Хвалу воздаю Господу, отъ него же все благо происходитъ, что въ теченіи пятидесяти шести лѣтъ моей жизни не содѣлалъ я умышленно вреда ни единому человѣку.

Однако не скажу я, чтобы я не имѣлъ ни любочестія, ни желанія удовольствій и моихъ спокойствъ. Но любочестіе мое

*) Статья напечатана съ рукописи Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной). Изъ словъ автора видно, что онъ писалъ статью эту 56-ти лѣтъ отъ роду, т. е. въ 1789 г.— приблизительно за годъ до своей кончины.

состоитъ: возможно быть полезну обществу, а желаніе моихъ спокойствъ и удовольствій подчиняю моей должности. Се уже, хотя не лѣтами, но болѣзнями до старости достигъ, и видя неотдаленное приближеніе конца жизни моей, нелестны мнѣ чинятся всѣ почести свѣта, за коими толпы людей бѣгаютъ, роскошь меня отягощаетъ и вредитъ мое здоровье; то что же мнѣ остается желать, какъ то, чтобы и остатокъ дней моихъ, елико судьба мнѣ опредѣлила, быть полезну ближнему.

Се есть общее вступленіе предпріемлемой мною притчины, въ подробность которыя таперя я вступаю строгимъ изслѣдованіемъ моихъ глаголовъ.

Я охуляю самой составъ нашего правительства, называя его совершенно... самовластнымъ и такимъ, гдѣ, хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго его поведенія (зависитъ?), но отъ мановенія... злостнаго вельможи. Тысячи сему можно представить примѣровъ, колико людей несчастіи претерпѣло; самые манифесты, правительствомъ издаваемые, сіе доказуютъ. Артемью Петровичу Волынскому вмѣнено было въ оскорбленіе величества, что вмѣстилъ въ родословную свою картину то, что всѣми нашими лѣтописцами и самыми соборными синодиками засвидѣтельствовано; и что онъ, изъясняя самое поврежденіе нашего сердца, говорилъ, что не можемъ мы въ Господней молитвѣ Отче нашъ говорить: и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, не призывая самымъ тѣмъ мщенія Божія на себя, но должно намъ говорить: хотя мы и не оставляемъ должникомъ нашимъ, что въ самомъ дѣлѣ будетъ сходственно съ нашими поступками. И сіе ему было вмѣнено въ вину для погубленія его, хотя въ самомъ дѣлѣ то было единственно злость на него Герцога Курляндскаго Бирона, любимца Императрицы. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ за то былъ сосланъ, что онъ съ знающимъ человѣкомъ въ дѣлахъ совѣтовалъ о дѣлѣ своемъ; а какъ Дворъ, учиня того несчастнымъ, началъ привязываться къ нему, говорилъ, что онъ, совѣтуя о своемъ дѣлѣ, не имѣлъ въ виду характера человѣка, но свѣдѣніе его въ дѣлахъ сего рода: то хотя бы и чортъ ему добрые совѣты подалъ, не отрекся бы онъ имъ послѣдовать, — а былъ за сіе сосланъ. Тако деспотичество, не взирая ни на законы, ни на благоразуміе, ни на самую благопристойность, играетъ жизнію и честію подданныхъ. Самое наслѣдство престола не утвержденно, и бѣдная Россія, яко вотчина, или какого приватнаго человѣка имѣніе—не по крови и не по праву рожденія—можетъ по самовластнымъ прихотямъ царствующаго Государя въ наслѣдство переходить. И опытъ доказалъ, что со времянъ царя Ѳеодора Алексѣевича донынѣ никогда порядочнымъ образомъ престолу не наслѣдовали. То такой недостатокъ въ самомъ основательномъ правѣ не подвергаетъ-ли государство къ смятеніямъ, не возбуждаетъ-ли честолюбія въ сильныхъ и вражды въ царскомъ домѣ,

всегда грозящія междоусобною бранію и разореніемъ государства? Воззримъ на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ-ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражнены въ дворскихъ проискахъ—имъ некогда и не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать; мысли заняты единымъ своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ—не оставляютъ ни времени, ни мѣста на глубокое размышленіе, и увлечены быстротою дѣлъ—лишь токмо дѣйствуютъ тогда, какъ размышлять надлежало; равно любочестны, какъ лѣнивы на дѣла, толико несвѣдущи, коль горды. А подъ сими-то правителями россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться...и вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Несть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе! Подумайте по самымъ предложеннымъ мною вамъ примѣрамъ и по тысячѣ другимъ(хъ?), извѣстнымъ(хъ?) всѣмъ вамъ, о любезные мои охулители, и скажите, хорошо-ли состояніе ваше?

Охуляю я наши законы; поелику они не токмо съ согласія народнаго, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуляю тѣмъ, что оные ясно показуютъ, что при составленіи ихъ ни о состояніи, ни о пользахъ, ни о нуждахъ народныхъ ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается. Охуляю я, что въ дѣлахъ, касающихся до жизни и до чести гражданина, не учинено никакія преграды ко утѣсненію сужденнаго, и бѣдный гражданинъ ввергается часто въ руки почти пристрастныхъ людей, безъ знанія, уторопленный, не имѣя ни совѣтника, ни защитника. Охуляю я 81 статью учрежденія (о губерніяхъ?), дающую власть намѣстникамъ укрощать всякое распутство и мотовство, безъ подробнаго изъясненія сихъ вещей. Охуляю я законовъ нашихъ явныя противурѣченіи и еже (еще?) страшныя недописки. А какъ все сіе клонится къ отнятію безопасности, спокойствія и благосостоянія гражданъ, то охуленіи мои есть справедливы, и не собственно мою пользу имѣютъ предметомъ; ибо искренно желаю не одинъ я безопасенъ и спокоенъ быть, но обще со всѣми моими соотчичами плодами благаго правленія наслаждаться.

Надлежало бы мнѣ таперя говорить о правительствахъ; но какъ у насъ по самому непомѣрному деспотичеству не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить.

Осмѣливаюсь я охулять и самую Монархиню за поспѣшное отнятіе деревень отъ монастырей и у архіерейскихъ домовъ, которыя съ толь малымъ были порядкомъ отняты, что не учинено разсмотрѣнія, какія отъ кого и съ какими усло-

віями были даны; а самымъ симъ вся вѣрность договоровъ, издревле учиненныхъ, была нарушена; что при отнятіи ихъ не было учинено воззрѣнія, какъ бы не уронить земледѣлія, какъ бы не истребить разные заводы и лѣса, что все и воспослѣдовало; не учинено было и того расположенія порядочно, по чему по состоянію каждаго монастыря отпускать на починку строеній, отъ чего многія велико лѣпныя зданіи, памятники набожія нашихъ прежнихъ Государей, въ развалины обращаются; не учинили и того воззрѣнія, чтобы монахамъ, по состоянію цѣны хлѣба и другихъ вещей, давать довольное содержаніе, отъ чего оные нынѣ крайнюю нужду претерпѣваютъ. Охуляю я учрежденіе военныхъ штатовъ, при началѣ ея царствованія учиненной убавки войскъ и положенія на нихъ. Россія никогда не имѣла и нынѣ не имѣетъ довольнаго числа войскъ, дабы охранить свои границы; то надлежало-ли дѣлать убавку войскъ? А денежныя суммы на провіантскую часть и на артиллерію положены такъ малы, что никакъ оными войска и артиллерія содержаться не могутъ; дана власть и преимуществы полковникамъ—удобныя, чтобы они могли злоупотребленіи дѣлать и богатѣть, не размысля, что въ полковники должно сыскивать людей изъ нижнихъ офицеровъ, и что изъ всѣхъ чиновъ капитанской есть тотъ, въ коемъ болѣе служащіе пребываютъ, а сему и никакой выгоды не учинено, а отъ сего полковники разорили полки, себя обогащая, и повредили нравы, а изъ капитановъ множество хорошихъ офицеровъ вышло въ отставку, и сословіе офицерское, къ крайнему повредденію службы, весьма развратилось. Охуляю я стараніи о возведеніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, коего возведеніе произвело въ Польшѣ конфедераціи, для укрощенія которыхъ Россія принуждена была непрестанно немалое число войскъ въ Польшѣ содержать, дабы онымъ сопротивляться, и все не безъ убытку и не безъ проліянія многія крови. Охуляю я стараніе о дисидентахъ, что также польскія безпокойства произвело, учинило многое огорченіе Полякамъ и Литовцамъ, много убытковъ Россіи, не учиня довольной помощи имъ,—вмѣсто что, открывая страны свои симъ угнетаемымъ единовѣрнымъ нашимъ, могли бы многія тысячи народу пріобрѣсти. Охуляю я взятіе подъ стражу въ самой Варшавѣ и въ сенатѣ архіепископа Краковскаго, сенатора Аржеуцкаго (Ржевускаго?), и другихъ сенаторовъ, чѣмъ стали нарушены всѣ народныя права; охуляю я, что и князь Репнинъ, учинившій сіе безъ позволенія Двора, не токмо какое наказаніе претерпѣлъ, но, напротиву того, былъ чиномъ награжденъ. Охуляю я, что стараніями Россіи отнята власть у польскихъ гетмановъ, чѣмъ унижены сіи, власть королевская возвеличена и можетъ вредна Россіи учиниться. Охуляю я согласіе Россійскаго Двора и спомогательство для установленія рады не устоитъ(?) въ Польшѣ, чѣмъ также увеличивается власть королевская, польское неустройство уменьшается, и сей народъ можетъ современемъ опасенъ Россіи быть. Охуляю я собраніе депутатовъ для

сочиненія уложенія, поелику оно не съ тѣми мыслями было учинено, чтобы вольность тутъ владычествовала, и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію коммиссію довести. Охуляю я, что оная въ началѣ турецкія войны была распущена съ торжественнымъ обѣщаніемъ, чтобы по окончаніи войны паки собраться, которое безъ исполненія осталось, къ безчестію и отнятію вѣры словамъ монаршимъ, и къ оскорбленію Россіи. Охуляю я притчины начала турецкой войны, понеже оная отъ вступленія нашего въ дѣла польскія произошла, и окромѣ денегъ, болѣе 500 тысячъ народу истребила. Охуляю я заключенный Канаржинской трактатъ, поелику онъ присвоилъ Россіи ненужныя и тягостныя для содержанія ей мѣста, то есть Керчь и Еникуль, нѣкоторыя условіи о Молдавіи, и озера соленыя на Кинбурнской сторонѣ, яко всѣ вещи всегда могущія возжечь паки пламень военный. Охуляю я несдержаніе слова монарша, торжественно обѣщающаго при торжествѣ мира съ Турками похвальныхъ грамотъ, за ихъ подвиги, фельдмаршалу графу Румянцову и генералъ-аншефамъ графамъ Панину, Орлову и князю Долгорукову, которыя не даны. Охуляю я непопеченіе правленія о сохраненіи Калмыкъ, отъ чего семьдесятъ тысячъ кибитокъ оныхъ ушло, границы наши со стороны горъ откровенны остались, и богатство скота, котораго множество у сего народа было, весьма убавилось въ Россіи. Охуляю я безпечность правленія во время бунта Пугачева, отъ чего болѣе тысячи дворянскихъ фамилій и множество народа истреблено было, и многія области разореніе претерпѣли. Охуляю я самую его казнь, яко весьма облегченную по соразмѣрности его преступленій. Охуляю я безпечность правленія о вкрадшейся моровой язвѣ внутрь Россіи и въ Москву, за невѣроятія репортамъ графа Петра Семеновича Салтыкова, отъ чего до сту тысячъ въ одной Москвѣ людей померло, не считая, что конечно гораздо болѣе, въ другихъ областяхъ Россіи. Охуляю я весь поступокъ въ разсужденіи Турокъ послѣ Канаржинскаго миру; то есть: строеніе Херсоня и корабельной верфи въ такомъ мѣстѣ, откудова и невозможно не мимо турецкаго града корабли проводить, да и то невооруженные; попеченіи наши спомоществовать тщетнымъ намѣреніямъ о исправленіи Татаръ Саипъ-Гирей-ханомъ; завладѣніе Крыму и неисполненіе по трактату въ допущеніи Туркамъ брать соль на Кинбурнской сторонѣ. Охуляю я учрежденіе о составленіи губерній, яко раздѣляющее Россію, дающее во многомъ непомѣрную власть намѣстникамъ, распространяющее повреждение нравовъ и роскошь; охуляю я данную власть незнающимъ намѣстникамъ рѣшить по уголовнымъ дѣламъ судьбу людей; охуляю ѣзду чрезъ три года депутатовъ для принесенія благодаренія за учрежденіе, яко наносящую убытокъ дворянамъ, показующую лесть отъ подданныхъ, а самолюбіе и гордость въ Государѣ; охуляю я подчиненіе губернскихъ предводителей подъ власть намѣстниковъ, яко разрушающее преграду власти намѣстниковъ надъ дворянами. Охуляю я учрежденіе толь многихъ судеб-

ныхъ мѣстъ, для которыхъ не можно найтить довольно и съ малыми достоинствами судей. Охуляю я учрежденіе нижнихъ и верхнихъ расправъ, гдѣ несмышленные и упрямые крестьяне засѣдаютъ, съ отнятіемъ ихъ отъ землѣдѣлія и съ поврежденіемъ ихъ нравовъ, отъ коихъ и другіе повреждаются. Охуляю я данную власть исполнительную гражданскимъ палатамъ, власть, каковую прежде одинъ сенатъ имѣлъ, отъ которой множество по неправымъ рѣшеніямъ разоряются. Охуляю я дворянское право въ самомъ его порядкѣ и расположеніи книгъ; позволеніе дѣвкамъ благороднымъ выходить въ замужество и за низкаго состоянія людей съ сохраненіемъ своего права, отъ чего нравы повреждаются, и смѣшиваются состояніи; вмѣщеніе въ разные классы дворянства всякихъ чиновъ людей, чрезъ что самое сословіе дворянское уподляется; также и разборъ дворянской, по частямъ въ разныхъ губерніяхъ производимый, отъ чего множество могутъ подъ разные знатные роды подобраться и современемъ наслѣдниками ихъ учиниться. Охуляю я дворянскія собраніи, гдѣ не старшинство родовъ и не чины даютъ предсѣдательство, но скорѣйшій пріѣздъ, то есть доброта лошадей. Охуляю я право городовъ, дающее преимущество не подвигамъ о размноженіи торговли къ пользѣ государства, не доброй вѣрѣ и добронравію, но единому богатству, и стѣсняющее самую торговлю; охуляю я данныя преимуществы именитымъ; охуляю я безвременно учрежденіе цеховъ, истребляющее ремеслы въ самомъ началѣ; охуляю я отдачу многихъ коронныхъ оброчныхъ статей въ пользу городовъ, на которыя излишнюю дань купцы наложили ко отягощенію жителей; охуляю я учрежденіе городскія думы, яко составляющей почти неподвластное правительство общему начальству. Охуляю данную великую власть генералъ-прокурору и приведеніе сената почти въ ничтожное состояніе, и наполненіе онаго такими людьми, которые общимъ образомъ ни повѣренности, ни почтенія отъ Государя не имѣютъ; а сіе отнимаетъ общимъ образомъ у народа повѣренность къ правительству; оно само стало повреждено, правители сіи и законы пришли въ ослабленіе, а не меньше повредя, всѣ въ разсужденіи суда начальствуютъ надъ народомъ. Охуляю я безъ разбору чинимый выборъ въ намѣстники, а паче изъ военныхъ, незнающихъ законовъ, ни судебныхъ обрядовъ, и терпѣніе ихъ пороковъ при такой великой данной имъ власти, чрезъ что они почти деспоты въ своихъ намѣстничествахъ учинились и удручили разумы народные, истребляютъ благородныя мысли и въ родъ рабства благородныхъ приводятъ. Охуляю я толь великое число судей опредѣленныхъ и выбираемыхъ, чрезъ что самое не могутъ они быть хороши; охуляю я и трехлѣтнее перемѣненіе всѣхъ судей по выборамъ въ нѣкоихъ присутственныхъ мѣстахъ, чрезъ что каждые три года новые незнающіе засѣдаютъ и, не успѣвъ познать законовъ, ни обрядовъ, паки выходятъ. Охуляю я чинимыя наказаніи по уголовнымъ преступленіямъ, производящія мучительную смерть, яко несоразмѣрныя съ преступленіями, въ про-

тивность закона чинимыя, губящія душу и тѣло и показующія не столь злости на преступленіе, какъ на преступника. Охуляю я писаніе законовъ самою Монархинею, писанныхъ во мракѣ ея кабинета, коими она хощетъ исполнить то, что невозможно, и уврачевать то, чего не знаетъ; охуляю я безпрестанныя противурѣчіи и недописки въ ея законахъ, яко между прочимъ въ законѣ правъ дворянскихъ—о дареніи благопріобрѣтенныхъ имѣній; охуляю я ея, можно сказать, упрямство, написавъ что несовмѣстное съ обстоятельствами и съ естествомъ вещей, оное поправить. Не охуляю я, что имѣетъ всегда при себѣ любимцевъ, ибо до внутреннихъ дѣяній Государя касаться не смѣю; но охуляю я, что сокровищами коронными ихъ до крайности богатитъ и даетъ имъ такія преимуществы, которыя ни долговременная служба, ни полезные подвиги пріобрѣсти не могутъ, и такую власть, что всѣ предъ ними должны трепетать, чрезъ что и усердіе уменьшается, и робость и подлость духу часъ отъ часу вселяется. Охуляю ея путешествіе въ Херсонь и Крымъ, стоющее народу до шести миліоновъ, а не принесшее ни малыя пользы, развѣ, можетъ быть, всегда вредную намъ турецкую войну. Охуляю я ея удовольствіе, показуемое во всякомъ случаѣ, когда ей льстятъ и ее возвеличиваютъ, а паче въ семъ путешествіи, гдѣ могла она примѣтить, что всѣ ей угожденіи были чинены трудами и пòтомъ ея воиновъ. Охуляю я безразсмотрительныя похвалы, ею учиненныя учрежденіямъ, войскамъ и флоту на Черномъ морѣ, которыя нынѣ по самымъ дѣйствіямъ быть тщетны открываются. Охуляю я неучастіе ея въ бѣдности народной, происходящей отъ недороду хлѣба, которой она сама очевидный была свидѣтель, ибо въ пространствѣ болѣе тысячи верстъ не видала ростущей ржи; охуляю я самые способы, которые она изобрала для разсужденія о сей нетерпящей времени нуждѣ народной—повелѣніемъ частнымъ начальникамъ разныхъ губерній, то есть намѣстникамъ, разсуждать о сей важной всеобщей государственной нуждѣ, и сіе въ присутствіи сената, а симъ показала неблагопристойное и ненужное презрѣніе къ сенату; но когда они и разсуждая подали ей заключеніе, то ничего въ пользу страждущаго народа не содѣлала. Охуляю я тогда же выданной милостивой манифестъ, которой своими недописками подалъ притчину къ недоумѣнію всѣхъ правительствъ, которой не одною казною государскою... жалуетъ, но жалуетъ единыхъ имѣніями другихъ гражданъ, полагая, что десятилѣтнее молчаніе о завладѣніи чьего имѣнія уже похитителю неоспоримое право составляетъ, не разбирая, что по пространству имперіи и по отдаленности на службѣ отечества многіе могутъ и не имѣть возможности просить. Охуляю я уничтоженіе коллегій, которыя могли быть лутчими людьми наполнены, которыя содержали стеченіе, а потому и соединеніе между сословія благородныхъ, и были посредственной властію между сената и нижнихъ правительствъ, силою своею связующія всѣ части съ вышнимъ правительствомъ и сочиняющія цѣлое порядочное.

Наконецъ охуляю я всѣ поступки, учиненные какъ въ пріуготовленіи давно предвидимой войны турецкой, и при объявленіи ея, такъ что по объявленіи оной ни войскъ комплетныхъ, ни флота, которой столько лѣтъ сооружали, и котораго нѣкое призрѣлище казано было, ни пороху, ни провіанту не было запасеннаго; а отъ самаго сего собранныя уже войска тотчасъ по объявленіи войны противу обнаженныхъ отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ непріятельскихъ областей дѣйствовать не могли; войска, пребывающія въ границахъ, изнурились отъ голоду и изнурили жителей; зимою, бывъ поставлены въ сырыя землянки, множество померли; порохъ съ трудомъ и убыткомъ должно было доставать; дали время непріятелю усилиться, пріѣхать капитанъ-пашѣ, вытти съ флотомъ, снабдить Очаковъ,—все къ совершенному предвозвѣщенію, коль тягостна и кровопролитна сія война будетъ. Можетъ статься, любители все похвалять и оправдывать во всемъ Государя скажутъ, что не она, но вельможи, носящіе ея повѣренность, всему сему злу притчиною. Оспорить въ семъ неможно; но кто вельможѣ сему такую силу далъ, чтобы содѣлывать таковыя злы? Чего ради онъ не спрошенъ съ строгостію, приличною любящему своихъ подданныхъ Государю, чего ради нѣтъ провіанту? Чего ради при ежегодныхъ рекрутскихъ наборахъ армія некомплетна, и со ста душъ должно было наборъ сдѣлать, и еще не вступая въ дѣло, и другой такой же учинить? Куда люди всѣ дѣвались, коихъ съ нынѣшнимъ наборомъ будетъ болѣе 200 тысячъ человѣкъ? Отъ чего армія, можно сказать, истребилась? Гдѣ показываемые въ Севастопольскомъ портѣ корабли, ибо не видно, чтобы они дѣйствовали? Чего ради немедленно не началось дѣйствія противу непріятеля, а паче по нѣкоимъ пораженіямъ его? Чего ради нѣтъ пороху у насъ въ такой землѣ, гдѣ множество родится селитры, и котораго въ прежнія войны всегда съ обильствомъ доставало? Чего ради не сравнить нынѣшнія наши тихія военныя операціи, при объявленіи предвидимыя войны, съ скорыми операціями прошедшія войны, непредвидимо объявленной, и когда мы были одни противу Турокъ, и войска ихъ раздѣлены не были такъ, какъ нынѣ между насъ и Германскаго Императора? И чего ради съ надлежащею строгостію не вопросить о притчинахъ такой разности? Чего ради, при начатіи турецкой войны, не взято было попеченія, дабы отъ другихъ сосѣдственныхъ державъ себя обезпечить и имѣть довольныя войска на границахъ для сопротивленія въ случаѣ какого отъ нихъ нападенія? Чего ради, и получа уже извѣстія о пріуготовленіи Шведскаго Короля, не хотѣть имъ повѣрить и не взять нужныя мѣры для сопротивленія ему, а симъ ослабленіемъ впустить непріятеля въ свои земли? Но «чего ради?» я долго не окончу; а все сіе не клонится-ли ко вреду государства?

Я долженъ вѣрностію, почтеніемъ и любовію моей Государынѣ. Все сіе въ вышней степени я имѣю. Но не долженъ ли я еще и преимущественно вѣрностію и благонамѣреніемъ къ моему

отечеству, котораго пользы не могутъ быть отъ пользъ Государя моего отдѣлены; то и стражду за него, стражду о самой моей Государынѣ, которую люблю и считаю моей благодѣтельницею; стражду желаніемъ, чтобы отечество мое было благополучно, стражду, чтобы Государь мой былъ любимъ народомъ и славенъ. Но сіи ли суть пути до достиженія до всего онаго? Въ презельномъ страданіи сердца моего, не утерпя, горестный гласъ испускаю; во рвеніи якобы показываю озлобленіе; но се есть озлобленіе отъ истинныя любви происходящее — озлобленіе подобное друга искренняго, терзающагося о проступкахъ своего друга,—озлобленіе сердца родительскаго, терзающагося видя проступки сына своего; то озлобленіе-ли сіе? то преступленіе-ль сіе? И не болѣе ли есть преступленіе на все сіе неучастнымъ окомъ взирать?

Охуляю я правительствы, стѣсненный сенатъ властію генералъ-прокурора, умноженныя по губерніямъ присутственныя мѣста, утопленныя намѣстниками. Охуляю я всѣ сіи именованныя правительствы за наполненіе ихъ незнающими и мало совѣсти имѣющими людьми; охуляю я ихъ за малое трудолюбіе, такъ что можно сказать о всѣхъ присутствующихъ въ нихъ судьяхъ, что болѣе для поговорки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздятъ, да и то пріѣзжаютъ поздно, а выѣзжаютъ рано. Охуляю я, что нигдѣ, окромѣ канцеляріи генералъ-прокурора, нѣтъ порядочно собранныхъ законовъ, и нѣкоимъ образомъ ихъ въ тайнѣ содержатъ. Охуляю я, что нѣтъ нигдѣ знающихъ секретарей и протчихъ служителей. Охуляю я, что повсюдова духъ твердости, угрызеніе совѣсти и рвеніе къ справедливости пропали; но всѣ единственно стараются токмо примѣчать въ рѣшеніи дѣлъ — какъ угодно то двору, или какому вельможѣ, нимало не обращая взора своего ни на справедливость, ни на законы. Всѣ имѣющіе дѣла чувствуютъ всѣ сіи злы надъ собою, и воплями на продолженіе дѣлъ и на неправосудіе всѣ мѣста наполнены; но никто смѣло охулить сіе не смѣетъ, а робость сія наипаче умножаютъ сіи злы. Слѣдственно охуленіи мои суть справедливы, и я въ семъ случаѣ ничего другаго не чиню, какъ являю чувствительность патріотическаго сердца.

Наконецъ охуляю я и вельможъ и правителей: охуляю ихъ лѣность, теряющую время — должное бы употребить для пользы отечества; охуляю ихъ безпечность, видя, что и доходящія до нихъ чиненныя несправедливости никогда въ движеніе кровь ихъ не приводятъ. Охуляю ихъ нечувствительность о благѣ государства, войнами, рекрутскими наборами и податями, недостаткомъ монеты и дороговизною хлѣба въ крайнее изнуреніе приведеннаго, чему отъ нихъ никакого споможенія нѣтъ, но благополучными и нужными тягостныя и безполезныя войны проповѣдуютъ; не облегчаютъ ничѣмъ рекрутскіе наборы и, чтобы самимъ, яко содѣлователямъ прибыли, награжденіи получать, налогами народъ отягощаютъ; доведши государство до рѣдкости серебряной и мѣдной монеты, воз-

можное сіе исправить зло не поправляютъ, и при недородахъ хлѣба ни помощи не даютъ, ни о земледѣліи государственномъ не рачатъ. Охуляю я ихъ роскоши и сластолюбіе, которыя, не взирая на великія имъ чинимыя даяніи отъ короны, не взирая на ихъ взятки и на продажу правосудія, удовольствоваться не могутъ; а къ тому примѣромъ своимъ развращаютъ нравы народа. Охуляю я ихъ безстыдство ввергаться во всякія преступленіи; содержаніе явнымъ образомъ метрессъ, воспитываніе в въ своихъ и защищеніе плутовъ у нихъ уже за пороки не считаются. И тако охуляю я даваемое дворянство и чины незаконнымъ дѣтямъ, яко служащее нѣкіимъ воздаяніемъ за преступленіе и побужденіемъ къ нему, и мѣшающее незаконно-происшедшихъ съ знатными благородными, чрезъ что уподляется самое благородство; охуляю я почти явную чинимую продажу чиновъ, даваемыхъ купцамъ и другимъ разночинцамъ безъ всякія заслуги, чѣмъ они и до дворянства достигаютъ, отъ чего сословіе дворянское развращается, уподляется, правы и служба пропадаетъ. Охуляю я ихъ трусость у двора, недерзающую никогда противурѣчить Монарху, и лестію своею ведущую его на путь безславія, а государство къ гибели. Охуляю я ихъ неблагодарность къ отечеству и Государю, что, получая толь великія награжденіи, не имѣютъ привязанности ни къ отечеству, которое разоряютъ, ни къ Государю, коего лестію своею къ безславію ведутъ. Наконецъ охуляю я ихъ глупость и непредвидѣніе, что, дѣлая толикіе вреды государству, не представляютъ себѣ, что если они, милостію монаршею подпертые, въ общенародныхъ тягостяхъ сами не чувствуютъ, но дѣти ихъ и потомство со временемъ будутъ то же, что и другіе, ощущать.

Противу справедливости всѣхъ сихъ охуленій никто, уповаю, имѣющій чувствы благородныя спорить не будетъ; никто, думаю, не скажетъ, чтобы въ сихъ моихъ охуленіяхъ крылася моя собственная польза или зависть, но является токмо, что я люблю отечество и желаю его благополучія, дабы и мнѣ, равно и потомству своему, обще со всѣми оное раздѣлять. Люблю своего Государя, введеннаго не толико по собственному своему расположенію, коль по лести и похлѣбству окружающихъ его, въ такіе поступки, которые предъ всѣмъ потомствомъ славу его отнимаютъ, и коего царствованіе будетъ всегдашнимъ епокомъ (эпохой), если не разоренія Россіи, то по крайней мѣрѣ крайняго ея истощенія, отъ коего ни во сто лѣтъ не справится; а исправленіе нрововъ безъ нѣкоего чудеса я и невозможнымъ почитаю. Люблю самыхъ сихъ вельможъ и желалъ бы, чтобы они доброе себѣ имя и благодѣяніи, содѣланныя ими народу, превыше своей пышности и сластолюбія почитали, и чтобы тщалися, чтобы имя ихъ было благословенно, а не проклято послѣ смерти ихъ. Люблю своихъ согражданъ и не могу безъ чувствительности видѣть дворянство униженное и разоренное, купечество извлеченіемъ отъ него въ чины и въ дворяне богатѣйшихъ людей службами отягощенное и кредитъ

подорванной, крестьянъ разоренныхъ рекрутскими наборами, податьми и неурожаями, безъ всякія помощи и вниманія отъ правительства. Ежели же мнѣ пріятели мои скажуть, что къ чему служатъ всѣ мои слова? Они несчастіямъ народнымъ не помогають, деспотичество не менѣе дѣйствуетъ, любимцы и вельможи не менѣе сластолюбивы, лѣнивы, незнающи и злы становятся, и правительствы не меньше наполнены незнающими законовъ грабителями народными пребываютъ. Знаю все сіе, но знаю, что все сіе отъ нашего рабскаго и подлаго терпѣнія происходитъ; а мое желаніе и есть, показывая твердость, постараться вдохнуть ее и въ другихъ, недовольно чувствующихъ отягчающее ихъ иго,—оное имъ чувствительно содѣлать, дабы, сопрягшись любовію къ отечеству и искреннею вѣрностію къ Государю, неповредившіеся еще всеобщею заразою люди потщились страждущему отечеству руку помощи подать. Да не примутся мои слова за какое намѣреніе возмущенія; несть, мысли мои весьма далеки—и тотъ, кто любитъ свое отечество и Государя, кто не желаетъ другаго блага, какъ въобще съ своими согражданами вкушать, не можетъ имѣть возмутительныя мысли. И мы имѣемъ дворянскія собраніи, которыя донынѣ токмо въ тягость нашу обращаются; мы робостію своею возлагаемъ сами на себя неудобь-носимое иго, не смѣемъ ни о пользѣ своей, ни о тягости ничего представить, и даже губернскихъ предводителей по повелѣнію, кого назначать, выбираемъ. Пріимемъ духъ благородный, духъ твердости и любви отечества, представимъ предъ престолъ монаршій тугу состоянія отечества нашего, покажемъ ей истину, сокрытую отъ нея, и воплями, слезами и покорствомъ нашимъ подвигнемъ сердце ея къ содѣянію блага отечества и къ поспѣшенію имени ея къ негиблющей славѣ. Мы не имѣемъ ничего страшиться; покорность подданническая наша, изъясненная въ нашемъ прошеніи, будетъ ограда наша противу всякаго сумнѣнія, а вѣрность наша явится въ самомъ изглаголаніи истины...

ПИСЬМО КЪ ВЕЛЬМОЖАМЪ
ПРАВИТЕЛЯМЪ ГОСУДАРСТВА *).

Милостивые государи! Достигши до старости моихъ дней и видя приближающуюся мою смерть, сила ваша, ни мщеніе, не страшны мнѣ становятся. Ибо что вы можете у меня отнять? Остатокъ малаго числа дней, изъ коихъ каждый означенъ новыми болѣзненными припадками. Да хотя бы и сего не было, изъ юности своей привыкши разсуждать о состояніи смертныхъ тварей и о неизбѣжности отъ всякихъ несчастій, я и тогда уже душу мою укрѣпилъ противу ударовъ счастія. Я видѣлъ падшихъ въ несчастіе вельможъ, снизложившихъ свою гордость, слабость свою и подлость являть. Видѣлъ другихъ вельможъ, утѣсняющихъ себѣ нижнихъ, лишать ихъ имѣній и жизни; но зрилъ въ ихъ дѣяніяхъ не болѣе силы и могущества, каковыя самый разбойникъ можетъ имѣть, который грабитъ и убиваетъ, или пресмыкающійся червь, поядающій плоды зѐмные, надежду тщательнаго земледѣльца, или какого насѣкомаго, умерщвляющаго своимъ ядомъ человѣка. Я видѣлъ царей и вельможъ, умирающихъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея младости, коихъ, вмѣстѣ съ жизнію, исчезала вся надежда, пышность и великолѣпіе; и они въ пепелъ обратились, и память ихъ не по тому судилась, какое они мѣсто на грязномъ маломъ кому **) нашей стихіи, что мы землею называемъ, занимали, но по тому, каковы они были. Я видѣлъ надъ собою многія несчастіи, былъ обманутъ счастіемъ, претерпѣлъ въ имѣніяхъ своихъ ущербъ; лишился моихъ ближнихъ, которыхъ не престаю оплакивать. Вижу нынѣ вами народъ утѣсненной, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостію вашею лишенныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся, и даже отнятія смѣлости страждущему жалобы приносить.

Се первое изъ сихъ паче укрѣпило меня противу суровостей рока или, лучше сказать, вашихъ самопроизвольствъ, а второе побудило меня мысли мои вамъ начертать.

Не злобою я на васъ дышу, не страстію какою побужденъ; истинна и чело-

*) Печат. съ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной).
**) Отъ слова комъ-комокъ. *Ред.*

вѣколюбіе суть путеводители мои. А по сему не могу я васъ щитать извергами природы, рожденными отъ какихъ свирѣпѣйшихъ звѣрей, питанныхъ млекомъ бабры или медвѣдицы, и воспитанныхъ среди льдистыхъ бугровъ Кавказа. Вы человѣки, рожденные отъ подобныхъ намъ, воспитанные между нами, съ млекомъ матерей своихъ питалися ученіемъ нашего Святаго Закона; а посему не природа есть притчиною вашихъ пороковъ, но незнаніе самаго объясненія вашея должности, забвеніе самихъ себя и страсти ваши, иже содѣлываютъ изъ васъ не людей, но нѣкіихъ чудовищей, созданныхъ на несчастіе и на погибель вашихъ сограждан.

Первое объясненіе, долженствующее впечатлѣнно быть въ сердцахъ вашихъ, что есть вельможа? Се есть не иной кто, какъ человѣкъ по роду ли своему, по достоинству ли, или по случаю, возвышенный превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей; приближенъ къ престолу царскому и обогащенной щедродаровитостію *) Монарха отъ сокровищъ народныхъ.

Самыя сіи объясненіи не показуютъ-ли каждому вельможѣ и должности его? Возвышенъ онъ превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей. Но сіе несть механическое возвышеніе, коимъ можно и навозъ на верхъ высокой башни положить, но возвышеніе метафизическое, знаменующее, что кто возвышенъ предъ другимъ саномъ, тотъ долженъ возвыситься и добродѣтельми. Но гордость, самохотѣніе, презрѣніе законовъ, сластолюбіе, праздность, нераченіе и невѣжество возвышаютъ-ли человѣка? Поелику онъ есть человѣкъ предъ другими, а впадая въ сіи погрѣшности, не становитесь-ли изъ знатнѣйшихъ Богомъ созданныхъ тварей, т. е. человѣкъ, подлѣйшими изъ всякихъ животныхъ? Не чинитесь-ли вы сей самой кучею навозною, на верхъ великолѣпной башни вознесенною? Не чинитесь-ли вы изъ человѣкъ, и человѣкъ изящныхъ, подобны жукамъ, подобно какъ они любящихъ (любятъ?) жить въ навозѣ, такъ вы въ порокахъ?

Приближены вы къ престолу царскому. Но для чего? Не для того-ли чтобы вѣрно ему служить, и чтобы его милосердія чрезъ васъ къ нижайшей части подданныхъ отражались? А могутъ-ли они имѣть такое отраженіе, когда сему отраженію гордость, лѣность, своехотѣніе, и прочее сопротивляется? Вы къ престолу царскому приближены съ тѣмъ, чтобы учинить любима вашего Государя, но вы его дѣлаете ненавидима народу.

Вы обогащены щедродаровитостію Монарха отъ сокровищъ народныхъ; то чѣмъ же вы можете ему и народу воздать? Не совершенной-ли то вѣрностью къ тому, кто васъ обогащаетъ, усердіемъ и нелицемѣрнымъ откровеніемъ своихъ мыслей, хотя бы онѣ противны ему были, являя симъ, что въ подвигахъ вашихъ къ его службѣ вы не сами себя въ предметъ имѣете, не собственный вашъ прибытокъ, но славу Монарха, которому служите. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровищи служатъ къ обогащенію вашему?

*) Очевидно въ смыслѣ «щедростію».

Не тѣмъ-ли, что явите ему снисхожденія, окажете попеченіе ваше о его блаженствѣ и явите, что вы достойны благодѣтелями народа именоваться?

Обыкновенно вельможи суть и правители государства. Воззримъ же, что сіе именованіе разумѣетъ, и какія замыкаетъ въ себѣ должности?

Самое именованіе *правитель* являетъ, что онъ долженъ быть тотъ, кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему благоустройству. Ибо не зачѣмъ бы имѣть правителей, если бы они токмо для развращенія и поврежденія употреблялись. Монархъ есть одинъ; все видѣть и все обнять въ государствѣ, а паче въ пространномъ, не можетъ. Онъ опредѣляетъ разныхъ правителей, коимъ удѣляетъ часть своея власти, дабы способомъ и посредствомъ оныхъ повсюдова законы были исполняемы; дабы знаки его милостей повсюду разливались; дабы каждый безопасенъ былъ о своей жизни, чести и имѣніяхъ. Но власть сія препоручается не на самопроизвольность каждаго но есть предписаніи законовъ, которыхъ частные правители должны токмо исполнителями быть, и исполнители не злостные, ищущіе вины, преступленія и наказанія; но исполнители, представляющіе лицо отца народа, т. е. милосердые и снисходительные, а къ тому справедливые и тщательные, нисходительные и всѣми способами тщащіеся, не токмо силою законовъ, но и своимъ примѣромъ, ввести благонравіе въ народъ, утвердить его умоначертаніе, возвысить его душу, безъ чего никакая добродѣтель быть не можетъ, и не токмо законными дѣяніями своими, но и каждымъ малѣйшимъ своимъ поступкомъ должны показывать свое благосердіе и снисхожденіе.

Но какъ все сіе вами исполняемо?

Вы опредѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы прилежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ, вникнуть въ притчины сочиненія каждаго изъ нихъ? Оставляете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или для собственныхъ своихъ пользъ васъ обманываютъ, или вы сами, не справяся и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ законахъ, самопроизвольно судите—похищаете надъ властію монаршею; не правите, но въ разстройку приводите правительство; отнимаете у подданныхъ извѣстныя имъ правилы, которымъ должны послѣдовать; въ презрѣніе приводите самые законы, и жизнь, честь и имѣніи гражданъ во всегдашней опасности становятся.

Вы говорите, что се есть для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Но все, что скоро, еще хорошимъ назваться не можетъ. Природа намъ представляетъ примѣры: нужныя тварямъ произрастеніи не на спѣхъ ростутъ, но всему надлежитъ время и спѣлость, дабы совершенство свое получило. Какъ же вы думаете безумной вашею поспѣшностью какую пользу сдѣлать. Пусть совѣсть ваша чиста, пусть желаніе ваше есть скорѣе содѣлать судъ обиженному; пусть бы знали и законы, но возможно ли безъ мучительства требовать, чтобы каждый подданный подвергался къ единому вашему суду; чтобы иногда тѣлес-

ные припадки, иногда оттого, что не выспитесь ночь, препроводя ее въ роскоши, иногда совсѣмъ посторонней вещью бывъ раздражены, сужденіи бы ваши зависѣли отъ вашего веселаго и огорченнаго расположенія. Но пусть, повторяю, вы бы и знаніе законовъ имѣли, есть ли такая на свѣтѣ память, которая бы могла упомнить содержаніе и точный разумъ всѣхъ законовъ, которые у насъ многія листовыя книги сочиняютъ, изъ коихъ большая часть писаны на неупотребительномъ языкѣ? Какъ же скорохватныя ваши рѣшеніи, безъ справокъ и сличенія учиненныя, могутъ быть справедливы?

Видны въ сужденіяхъ вашихъ предубѣжденіи къ лицамъ. Въ самой-ли истиннѣ или напрасно вы ихъ получили, не стыдитеся и не страшитеся на ономъ сужденіи свои основывать, а иногда и не судя отнимаете честь людей. Войдите сами въ себя, подумайте о слабостяхъ человѣческихъ; коль часто и яснѣйшія вещи намъ темны кажутся, то можно-ли кому благоразумному человѣку понадѣяться на единое свое сужденіе, и страстью или предубѣжденіемъ пораженной человѣкъ есть вполовину безумной, а вы въ семъ то вашемъ безуміи судите судьбу и честь людей. Законы для того составлены, что они лицепріятія не имѣютъ; пристрастія въ нихъ нѣтъ; да судится каждый по законамъ, да отступленіе человѣка отъ извѣстныхъ ему правилъ накажется, а не потому, что кто внушилъ управляющему вельможѣ о комъ худо, или ему что показалось. Но вы на сіе говорите, что хитрость развратныхъ людей есть такая, что никакіе законы не могутъ предупредить ихъ коварства и злости, и часто они, за недостаткомъ законовъ, безъ наказанія остаются. Сему оспорить не можно. Но не лучше-ли, еслибы кто винной и избѣжалъ наказанія, нежели когда, отъ вашего самохотѣнія, упрежденія или худаго воззрѣнія, безвинной кто претерпитъ, и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами? Вы тщитесь наказать другихъ за проступокъ противу законовъ или за вредный подъ нихъ подборъ, нарушая сами оные, и, считая ихъ достойными наказанію, сами уже ясно злѣйшими извергами, разрушителями законовъ, и злодѣями, достойными жесточайшаго себѣ наказанія, учиняетесь.

Въ самомъ исполненіи вами законовъ я вижу такія нелѣпости, которыя, конечно, въ слезы и содроганіе каждаго добраго гражданина приводятъ. Лучшіе изъ васъ, затвердя, какъ сороки, слово *милосердіе*, не знаете, что оно знаменуетъ, послабляете вящимъ преступленіямъ. Поймите, что милосердіе есть единое изъ приписаній, приличныхъ Божеству, равно какъ и правосудіе, то можетъ-ли что въ Божествѣ быть противурѣчительно. А потому милосердіе есть то, когда, взирая на обстоятельствы, на слабости человѣческія и пр., самое правосудіе смягчается, а не есть ослабленіе. Титъ, императоръ, нареченный благопріятный роду человѣческому, примѣръ милосердія въ земныхъ владыкахъ, обливался слезами при подписаніи кому казни, но ее подписывалъ, когда необходимо то правосудіе требовало.

Другіе, напротиву того, думая строгостью одною все привесть въ порядокъ, якобы удобно было какія кому дѣла исполнять, озлобя прежде всѣхъ, съ кѣмъ онъ ихъ исполнять долженъ, не взирая ни на слабости, ни на обстоятельствы, ни иногда на невозможность, за удовольствіе считаютъ токмо наказаніи налагать. Не знаютъ они сего правила, долженствующаго бы быть начертаннаго въ сердцахъ правителей. Слабости препятствуютъ милосердію и покоряются ему; беззаконіи сопротивляются милосердію и вооружаются противу него. Слабости человѣчествомъ извиняются беззаконіи изверствомъ (извергствомъ или изувѣрствомъ?) самимъ извиняться не могутъ. Се есть правилы, иже составляютъ самыя основаніи законовъ. Симъ бы вы должны послѣдовать, и если бы нашли самые законы, противорѣчущіе вашимъ добрымъ намѣреніямъ, могли бы принести предъ престолъ монаршій, ко власти законодательной, ваши представленія о поправленіи самыхъ законовъ, а не самимъ вамъ чинить похищенія надъ вышнею властью, коей вы есть хранители: прописавъ законы въ глупыхъ вашихъ писаніяхъ, давать прощеніе или усугублять самую строгость законовъ, являя первымъ себя несмышленными похитителями высшей власти, а вторымъ—злодѣями, приличнѣйшими быть палачами, нежели правителями государства.

Разныя встрѣчаются вамъ дѣла, а между тѣмъ и такія, которыя требуютъ особливаго разбору актовъ. Вы вступаете своими особами, не войдя ни въ обстоятельствы, ни въ силу актовъ, иже составляютъ безопасность гражданскихъ имѣній; судите въ единую минуту, рѣшите безъ справокъ и гражданъ въ разореніе приводите. Не учиняетесь ли вы симъ совершенно сходны разбойникамъ, которые наглостію имѣніе чужое похищаютъ. Но вы въ оправданіе говорите, что вамъ точно извѣстно, что акты сіи несправедливы; что то имѣніе похищено или у Государя, или у приватныхъ людей. Не спорю, но вы ли есть законъ? Оставьте такія дѣла теченію закона, пусть несправедливость ихъ докажется. Если же и такъ вещи сокрыты, или такія обстоятельствы приведены, что похититель останется владѣтелемъ похищеннаго, не лучше-ли, чтобъ Государь или нѣкоторые граждане отъ хитрости такой претерпѣли, нежели бы вашимъ скоропостижнымъ сужденіемъ похитилась власть у Государя, разрушились законы, и погибла бы безопасность подданныхъ, а вы бы разбойниками учинились?

Пристрастіи ваши суть наиболѣе очевидны въ опредѣленіи вами судей. Едва вы входите въ начальство, уже несмышленная родня ваша важныя мѣста получаетъ, другіе—ваши искатели, хотя ихъ прежнее пребываніе въ судьяхъ противу ихъ свидѣтельствуетъ, паки въ мѣста опредѣляются; въ единыхъ мѣстахъ, тогда какъ отрѣшаете однихъ, другіе, не меньше участвующіе въ злоупотребленіи законовъ, тогда же повышеніе получаютъ. Пусть вы себѣ въ оправданіе скажете о сродникахъ, что ваше надзираніе надъ ними научитъ ихъ должности, и добрыми вы

ихъ судьями содѣлаете; пусть скажете о прежде бывшихъ у дѣлъ, что ваше строгое наблюденіе возвратитъ ихъ къ правосудію; пусть скажете о участвующихъ въ злоупотребленіяхъ, что обстоятельствы не дозволили имъ онымъ сопротивляться,—оправданіи ваши тщетны. Если вы по пристрастію родства опредѣлили кого, то не можетъ ли быть то же пристрастіе и въ наблюденіи за нимъ? и какъ возможно вамъ, бывъ главными начальниками, входить во всѣ подробности нижнихъ чиновъ? Кто на ближняго вашего родственника или свойственника осмѣлится вамъ принести жалобы? и слѣдственно большая часть дѣлъ его сокрыты отъ васъ будутъ. Какъ вы надѣетесь привыкшаго къ распутству человѣка обратить къ порядку, когда и надъ собою толь мало власти имѣете, что не стыдитеся его опредѣлить? Какъ вы можете извинить обстоятельствами злоупотребленіе законовъ? Какъ вы можете въ доскональность знать, и какъ вы можете понадѣяться на человѣка, сказывающаго вамъ, что онъ для товарищества плутовалъ? А опредѣленіе такихъ, выводя васъ пристрастными на позорище и показуя, что вы не достоинства, но прихоти своей ищите, развратитъ не токмо сихъ, но и множество другихъ, и вы, если бы и хорошія имѣли намѣреніи, коихъ, по крайней мѣрѣ, знаковъ не видно, безуспѣшны въ предпріятіяхъ останетесь, а народъ увидитъ въ васъ пристрастнаго себѣ злодѣя.

Не хочу я васъ обвинять въ мздоимствѣ, ибо сіе обвиненіе является мнѣ мерзко, и не могу я подумать, чтобъ души ваши до того были уподлены. Охотно желаю васъ хотя добрымъ намѣреніемъ оправдать, возлагая болѣе худые ваши поступки на невѣжество ваше, нежели на умышленныя развращеніи вашего сердца. Однако, если вы не мздоимцы, то, по крайней мѣрѣ, вы толь малоумны, что тщитесь показывать себя такими предъ народомъ. Ибо что можетъ сказать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскоши, превосходящія ваши доходы? Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ? видя похлѣбствы ваши ко зловреднымъ откупщикамъ? Колико каждый изъ васъ содѣлалъ имъ благодѣяній, вспомоществуя, якобы для своего прибытку, всѣхъ ихъ разореніямъ и притѣсненіямъ народа? Вы, иже во всемъ строгіе смотрители являетесь, пресѣкли ли вы несправедливую продажу соли, несправедливый ея вѣсъ, подмѣшанія самаго песку и прибавленія цѣны? Пресѣкли ли вы въ откупѣ табаку разныя вкрадшіяся злоупотребленіи, яко недовѣсы, подмѣсь худаго и прочее? Нѣтъ, все сіе въ прежнемъ злоупотребленіи остается. Тщетно народъ жалуется, тщетно онъ вопіетъ. Вездѣ онъ притѣсненъ и нигдѣ отъ васъ защиты не обрѣтаетъ. Что сіе знаменуетъ? Вы говорите, что для пользы коронныхъ доходовъ вы принуждены вспомоществовать откупщикамъ. Да развѣ корона отдавала имъ откупъ на тѣхъ основаніяхъ, чтобы они разоряли народъ, повредили бы вѣсы и мѣры и испортили бы примѣсомъ вещей самыя нужныя вещи для жизни человѣческой? Если такія суть ваши мысли, то вы разрушаете связь на-

родную съ Государемъ и государствомъ и суть побудители возмущенія. Если же не такія, чего ради вы толь во всемъ имъ способствуете? Никто изъ гражданъ не долженъ быть притѣсненъ. Откупщики есть зло, но зло, по обстоятельствамъ государства нужное. Не утѣсняйте ихъ, исполните съ ними точно тѣ условіи, на которыхъ они обязались. Не утѣсняйте ихъ, но не давайте имъ и народъ утѣснять. И тѣмъ болѣе сіе заслуживаетъ вашего вниманія, что сіи люди изъ давныхъ лѣтъ привыкли, для своего корыстолюбія, отягощать и притѣснять народъ. Зачѣмъ же вы дѣлаетесь соучастниками такихъ притѣсненій? Зачѣмъ вы потворствуя откупщикамъ, разрываете неразрывную цѣпь, связующую народъ съ Государемъ? Зачѣмъ вы въ недѣйствительность, ради откупщиковъ, приводите законы? Убо либо мздоимство въ васъ дѣйствуетъ, либо вредомъ власти монаршей, по неразумію вашему, хотите симъ богатымъ людямъ угодить. Въ первомъ случаѣ вы злодѣи, а во второмъ—безумные.

Нерѣдко случалось мнѣ примѣтить въ тѣхъ изъ васъ, которые наиболѣе хватаются оказывать дѣятельности: они во все входятъ; то, что должно исправлять полицейскому офицеру, что должно дѣлать нижнему судьѣ, все на себя пріемлютъ. Бѣгаютъ какъ безумные по городу; на все сами взираютъ; принимаютъ множество бумагъ; корпятъ съ глупыми или съ плутами своими секретарями ихъ разсматривать и, въ малостяхъ упражняясь, отъ великаго время отнимаютъ, и народъ въ существительныхъ вещахъ своего блаженства страждетъ. Сіи похожи на тѣхъ лошадей, которыя на нашихъ фабрикахъ ходятъ въ колесѣ—хотя кажется ей, что великое пространство пути прошла, но она все на одномъ мѣстѣ пребываетъ,— а въ самомъ дѣлѣ показываетъ васъ быть мелочными людьми, удобными токмо къ нижнимъ чинамъ, а не въ большіе правители государства. Ибо что вы бѣганіемъ своимъ дѣлаете? Примѣтите самое малое число злоупотребленій, которое велите исправить. Они на малое время, и то частно, исправятся, дабы послѣ со вреднѣйшею силою умножиться.

Не та ваша должность. Она состоитъ въ наблюденіи, чтобы подначальствующіе ваши каждый исправлялъ свою должность. Не совсѣмъ охулительно очей вашихъ наблюденіе; но не тотъ, кто мѣры и вѣсъ неправые держитъ, не тотъ, кто поврежденные товары продаетъ, толико наказанія достоинъ, ибо онъ сіе дѣлаетъ для своей прибыли, для обогащенія своего торгомъ; но тотъ, кому повелѣно за симъ надзирать, сугубое содѣлываетъ преступленіе; ибо безъ взятковъ такого бы упущенія не содѣлалъ и народъ бы не допустилъ быть обмануту. Но малоуміе ваше до того простирается, что вы и не знаете, кого какъ должно наказать. Достоинъ нѣкоего наказанія продавецъ за такое злоупотребленіе, но сугубаго наказанія достоинъ надзиратель.

А симъ вы и упускаете. Бѣганье ваше становится тщетно; труды ваши пропадаютъ; злоупотребленіе, послѣ малой частной поправки, умножается, и вы достойно заслуживаете имя людей, не знаю-

щихъ, къ чему свой трудъ, къ чему какія наказанія употребить, и въ презрѣніе народу впадаете. Случалось мнѣ видѣть, когда по таковымъ обѣганіямъ, съ усталыми ногами, принудя долго себя нужнымъ ожидать, приходите запыхавшися домой, обираете у просильщиковъ разныя жалобы, кладя подъ пазуху ихъ, уже думаете, что колико бумагъ, толико судебъ человѣческихъ въ рукахъ вашихъ держите. Бѣдные, прижимаете рукою своею судьбы другихъ людей! подумайте прижать крѣпко свою судьбу, свою добрую славу, если вы ее когда имѣли! Уходите съ важнымъ видомъ, оставя множество другихъ, отъ коихъ ничего не выслушали, еще нѣсколько часовъ васъ дожидаться. Подумайте сами, не суть ли вы таковымъ поступкомъ достойны смѣха и поруганія. Возможно-ли вамъ сдѣлать выписки и точное разсмотрѣніе на сто, или болѣе, просьбъ, которыя вамъ попадутся въ каждую недѣлю. Вы себя изнуряете; похищаете должность нижнихъ судей; требованіемъ отъ тѣхъ мѣстъ объясненій отнимаете у нихъ время исполнять теченіе правосудія и, наконецъ, по незнанію вашему, подвергаетесь (опасности?) несправедливо еще рѣшить. Но вы говорите, что каждый притѣсненный долженъ имѣть къ вамъ прибѣжище, и просящаго не отженете отъ себя. Похвально правило, но вы его не понимаете. Не тѣмъ не отвергается просящій, не тѣмъ обидимый защищается, чтобъ между многихъ бумагъ принять мало дѣльныхъ, лишить себя нужнаго времени на важныя рѣшенія, затруднить судебныя мѣста справками и запросами, и малоразумныя повелѣнія учинить.

Не отвергни просящаго, но тѣмъ, чтобы, въ назначенный день и часъ тобою, онъ нашелъ тебя готоваго жалобы выслушать, а не долженъ бы нѣсколько часовъ былъ тебя ожидать; ибо, какъ скоро ты таковой день и часъ назначилъ, онъ не твой, а просителевъ,—и ты не имѣешь права имѣніемъ другихъ, въ огорченіи самымъ тѣмъ, ожиданіи тебя распредѣлять. Принявъ ихъ просьбы, можешь-ли ты всѣхъ удовольствовать? можешь-ли безъ справокъ положить свои рѣшеніи? можешь-ли ты справки взять, не остановя теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ? можешь-ли предложеніями твоими не подать поводу къ узнанію твоихъ расположеній, а потому и не побудить судей, трепещущихъ предъ вами, судить сходственно съ вашими мыслями? А все сіе въ ущербъ правосудія.

Не лутче-ли бы было вамъ отречься отъ принятія такихъ просьбъ, которыя къ судебнымъ мѣстамъ принадлежатъ? Пусть происходитъ на самыя тѣ судебныя мѣста жалоба. Посѣщайте, вмѣсто бѣганья вашего по площадямъ и по улицамъ, судебныя мѣста. Отрекитесь таковыя просьбы на судебныя мѣста въ домѣ своемъ принимать, но лутче принимать жалобы въ самыхъ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ; тогда проситель бывъ введенъ вами въ самое судебное мѣсто, судьи словесно, съ показаніемъ производства, объяснять обстоятельствы дѣла, и вамъ, безъ переписки, безъ затрудненія судебныхъ мѣстъ, останется наблюдать, ведя

особливую записку о жалобахъ, чтобы вездѣ въ порядкѣ и безволокитно дѣла производились. Вы будете покойны, просители васъ въ домѣ не будутъ отягчать; судебныя мѣста, страшася вашего присутствія, будутъ въ порядкѣ и безволокитно дѣла производить и не затруднятся многими переписками, а и самые просители получатъ себѣ удовольствіе; противной же сему поступокъ не показуетъ-ли ясно въ васъ, что вы ниже и спокойствія своего съискать не умѣете.

Грубой и властной вашъ обычай, а паче, когда несчастный народъ видитъ васъ подкрѣпленныхъ какими временщиками, до того доводитъ народъ, что онъ впадаетъ въ нѣкое онѣмѣніе, видя себя вами обижена, видя вами разрушенные законы, видя преимуществы, отъ монарховъ данныя, вами отнятыя, претерпѣвая угнетеніе и разореніе, не смѣютъ даже жалобу на васъ производить. Что я говорю на васъ, но ниже не смѣютъ и вамъ справедливости своей изъяснить! Таковое ослабленіе народа, вами причиненное, не точно ли есть такое, о каковомъ Цицеронъ, при паденіи Римскія республики, говоритъ въ письмѣ своемъ къ Куріону: «Sed, me hercule, ne cum veneris non habeas jam quod cures, ita sunt omnia debilitata jam prope et extincta,» но страшуся, что не можешь ты найтить способовъ употребить твоихъ попеченій, ибо толикое есть здѣ ослабленіе разумовъ, и скажу почти истребленіе. А по семъ: «Miseris temporibus ac perditis moribus»—отъ нещастныхъ временъ и развратa нравовъ. Се

есть обыкновенныя слѣдствіи утѣсненія: разумы придутъ въ ослабленіе, сердца въ уныніе, и нравы развратятся, и люди, желающіе своего счастія, не могши получить оное прямыми и законными путями, обратятся къ подлости и обману.

Какая же вамъ польза отъ сего происходитъ?

Вы подвергнуты къ тысячѣ обмановъ, чинящихъ васъ подверженныхъ презрѣнію самыхъ тѣхъ, которые вамъ наиболѣе раболѣпствуютъ; законы приходятъ въ ослабленіе, ибо находятъ ихъ безсильныхъ безумные ваши поступки исправить; сердца и разумы уподляются, нравы повреждаются, и приключенное вами зло не мимоходящее, но долговременное становится; а все сіе или отъ вашего неразумія, или отъ желанія быть превыше законовъ. А самое сіе уже безуміе ваше и показуетъ; ибо, если вы не взираете на защищеніе законовъ, если счастіе перемѣнится, если васъ непостоянная фортуна будетъ угнетать, въ чемъ вы найдете себѣ защищеніе? Но какая вамъ и честь повелѣвать безсловеснымъ и порабощеннымъ народомъ? Вы человѣки, за честь себѣ считаете повелѣвать равными себѣ; но, приведя ихъ въ скотское состояніе, становитесь не правители равныхъ себѣ, но дурные пастухи безсловесныхъ скотовъ!

Тягостно мнѣ, а иногда и смѣшно, видѣть вашу надменность, мерзко мнѣ видѣть ваши прихожіи, наполненныя людьми, ожидающими вашего явленія. Укрѣпивъ себя противу досады, я иногда хочу видѣть сіе глупое и безчестное роду человѣческому позорище, гдѣ, купно, съ

одной стороны подлость, а съ другой, то есть съ вашей, глупая гордость является. Если бы вы взяли трудъ размышлять, нельзя бы вамъ себѣ не представить, что непріятно бы вамъ было другаго ждать; зачѣмъ же вы сіе непріятство на другихъ налагаете? Но войдемъ въ подробности о семъ вашемъ поступкѣ. Двоякіе люди къ вамъ приходятъ. Единые для изъявленія почтенія вамъ—то скажите, какого вы почтенія болѣе желаете: того-ли, которое относится къ вашему сану и украшеніямъ, или того, которое относится къ вашей особѣ? Если перваго, то выставьте ваши знаки и патенты въ вашихъ прихожихъ и подпишите: господинъ сего дома есть токмо сіе, а впротчемъ онъ чючело. Если вы хотите, чтобы оно къ особѣ вашей относилось, то можете-ли вы получить его, проповѣдывая своимъ поступкомъ, что вы и жить не умѣете, ибо почтеніе почтеніемъ платится. Вторые приходятъ съ просьбами своими; но и тѣ должны-ли васъ ожидать? Вы возведены на высокую степень правленія для того-ли, чтобъ, подобно павлинамъ, которые въ числѣ умныхъ птицъ не считаются, распустя хвостъ свой, собою красоваться?

Вы возведены для пользы народной, убо каждая нужда человѣка есть нужда ваша. Зачѣмъ же униженнаго самою нуждою еще долгимъ ожиданіемъ васъ унижать? Зачѣмъ, если онъ имѣетъ тогда другія нужды, ожиданіемъ васъ сдѣлать ему упустить нужное время? Если не справедлива его просьба, зачѣмъ прежде законовъ его наказывать? Если же спра-

ведлива, зачѣмъ хотѣть, чтобы онъ и справедливость униженіемъ получилъ?

Я знаю вашъ отвѣтъ, ибо часто случалось мнѣ съ таковыми о семъ говаривать. Вы говорите, что «не гордость ваша и не тщеславіе притчина сему, но обязанность исполнять дѣла, которыя занимаютъ васъ и не позволяютъ вамъ тотчасъ выттить ко ожидающимъ васъ». Отвѣтъ вашъ во всей своей ясности безуміе ваше и неспособность открываетъ, ибо, понеже вы не умѣете распредѣлять время, какъ же можете благоразумно рѣшить дѣла?

Я самъ имѣлъ счастіе быть въ такихъ должностяхъ, что множество людей до меня нужду имѣли. Я самъ всегда обязанъ былъ многими дѣлами; но никогда никто меня пяти минутъ не ожидалъ, и дѣла мои нимало упущены не были. Не въ похвалу ума моего я принужденнымъ нахожусь сіе сказать; ибо сіе мнѣ стоило малаго размышленія но чувствованія человѣка, ожидающаго того, до кого ему дѣло есть.

Вотъ, что я тогда придумалъ и исполнялъ, не дѣлая ни себѣ помѣхи, и не принуждая никого себя ждать. За первое себѣ поставилъ я правило, что, если кто имѣетъ нетерпящую время нужду, тотъ во всякое время, хотя бы то было ночью, имѣлъ право даже велѣть меня разбудить; ибо и сонъ мой и успокоеніе не должны повреждать состояніе послѣдняго гражданина. По семъ назначилъ я дни для моего успокоенія и для исправленія дѣлъ въ моемъ кабинетѣ, въ которые просилъ всѣхъ, чтобы меня въ сіи

дни, окромѣ крайней нужды, не безпокоили. Наконецъ и во дни, когда я принималъ всѣхъ, назначилъ часы, въ которые принималъ, и каждой, зная тотъ часъ, приходилъ и меня уже не дожидался; если же кто пришелъ ранѣе, безъ крайней нужды, тотъ уже долженъ былъ винить или свои часы, или себя, если нѣсколько подождетъ. А симъ способомъ я имѣлъ все нужное время для своихъ дѣлъ, и просители никогда меня не ожидали.

А посему оправданіе ваше есть тщетно, и поступокъ вашъ ясно показуетъ малость вашея души. Хотя вы сколько ни силитесь скрывать малость вашу, она самимъ вамъ чувствительна. Сами вы себѣ дивитесь, какъ вы могли вельможами и правителями государства учиниться, а потому, не имѣя ничего въ себѣ, но взаимствуя все отъ высшихъ чиновъ, вы оными и гордитесь.

Я окончу наконецъ сіе непріятное вамъ писаніе показаніемъ еще единыя вашея малости. Вы, по всему вышеописанному, оказываете себя врагами нижнихъ себя, оказываете же себя врагами и равныхъ вамъ. Насилу кто изъ васъ бываетъ въ правительство возведенъ на мѣсто другова, то первое ваше попеченіе состоитъ охулять всѣ поступки того.

Войдите въ себя и подумайте: не совершенную ли подлость души вашей сіе знаменуетъ?

Вы, бывъ не въ чинахъ, являли тому почтеніе, можетъ быть и льстили его слабостямъ; вошедъ на его мѣсто, вдругъ стали его укорять, не сдѣлавъ еще ничего лучшаго. Тщеславіе ваше уже льстится, унижа его, возвысить себя. Но подумайте: не тѣмъ другихъ унижаютъ, что ихъ злословятъ; будьте предъ малымъ предшественникомъ своимъ велики,—онъ безъ злословія вашего унизится, а вы возвышены будете. Безумное ваше хвастовство не будетъ васъ погонять какъ плетью что нибудь явное сдѣлать, чѣмъ бы злословіи ваши оправданы быть могли, а потомъ (потому?) часто и безъ разсужденія что содѣлаете; а симъ, хотя того превратить въ карлу, сами пигмеи становитесь!

Хотите ли вы быть великими и почтены? Старайтеся послѣдовать вѣщанію законовъ; ничего на спѣхъ и по произволенію токмо своему не дѣлайте; исправляйте отъ слабости или отъ обстоятельствъ людей падшихъ; наказуйте упрямыхъ преступниковъ; явите, что вы превыше чину вашего; отвергните гордость, явите ласку и снисхожденіе; любите правду и благонравіе и сами примѣромъ тому будьте и, наконецъ, старайтесь устроить безопасность и спокойствіе и выгоды народныя.

Безъ хвастовства слава васъ увѣнчаетъ, и чины не будутъ вамъ украшеніемъ, но вы особою своею ихъ будете украшать, и благословеніе имени вашего народомъ переживетъ вашъ вѣкъ и будетъ сопротивляться непостоянству счастія.

САТИРА КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА *).

О мужъ почтенный ты, украшенный звѣздами,
Подобно какъ корабль, обвѣшанъ лоскутками,
Скажи мнѣ: для чего толико испещренъ?
Созвѣздьемъ на тебѣ какой знакъ положенъ?
Всѣ знаки видимы вещь должны означати.
—Какъ знаковъ честныхъ сихъ не можешь ты поняти?
Вельможа съ гордостью спѣшитъ мнѣ отвѣчать.
Услуги чтобъ мои предъ всѣми оказать,
Трезвѣздія сего мнѣ дали украшенье:
Сія въ верху значитъ о вѣрѣ попеченье,
Сія—какъ съ храбростью враговъ я поражалъ,
А низняя звѣзда—какъ правость защищалъ.
—Какъ вѣришь въ сердцѣ ты, того я, сей, не знаю;
Изъ словъ твоихъ однихъ противно понимаю.
Когда кто говоритъ, что вѣра есть лишь бредъ,
Лишь мыслитъ о себѣ и брату творитъ вредъ,
Кто въ лѣнь и въ роскоши толь любитъ погружаться,
Поборникъ вѣры тотъ возможенъ-ли назваться?
Я подлинно слыхалъ — начальникъ ты войскъ былъ,
Слыхалъ я и про то,—враговъ ты побѣдилъ;
Но купно же слыхалъ, что войски претерпѣли,
Что кровію солдатъ поля тѣ воскипѣли,
Въ походахъ тяжкихъ тѣхъ ихъ зельной гладъ терзалъ;
О дѣйствіяхъ твоихъ и повѣсть я читалъ:
Не могъ примѣтить тутъ я мудра учрежденья,
Искуснаго нигдѣ не зрилъ я ополченья;
Случаевъ никогда впередъ ты не позналъ,
Тюрену въ маршахъ ты отнюдь не подражалъ;
Ни мудрости его устроить ополченья,
Кондеева въ тебѣ нѣтъ храбраго стремленья.
На рокъ единъ лишь ты, на счастье уповалъ,
И отчичевъ твоихъ ты къ смерти подвергалъ.

*) Печатается по рукописи, принадлежащей Императорской Публичной библіотекѣ (бывшей Эрмитажной).

Ихъ храбрость превзошла, попрала всѣ преграды:
Они забвенны всѣ, тебѣ лише награды.
О правдѣ говоришь, и стыдъ тя не терзаетъ?
Да кто больше тебя всю правость разрушаетъ?
Отъ края до конца пространныхъ нашихъ странъ
Все жертвуешь себѣ: права, и честь, и санъ;
Въ желаніяхъ своихъ препоновъ ты не знаешь,
И судъ, и истину безстыдно попираешь;
Довольствуя свою единую кичливость,
Возводишь все плутовъ и гонишь всю стыдливость.
Народъ въ молчаніи на небо вопіетъ,
И воинъ, и мужикъ кровавы слезы льетъ.
Правосудья знакъ къ тебѣ хоть прикрѣпленъ,
А ты отъ правости бываешь озлобленъ.
Постой, притчину я сему таперя понимаю
И истинный знакъ звѣздъ тебѣ я возвѣщаю.
Во младости своей предавшися страстямъ,
Въ роскошахъ, въ пышности кто оную проводилъ,
Къ весельямъ жаденъ былъ и жаденъ къ почестямъ,
Проступками свой духъ раскаяній свободилъ,
И во вѣкъ на себя свой взоръ не обращалъ,
Чрезъ низости однѣ вельможемъ быть добился;
Законовъ не учась, законникомъ вдругъ сталъ:
Се духъ его еще сильнѣе возгордился!
Ужъ многи годы онъ вельможею живетъ,
Дѣла ломаетъ онъ, ломаетъ какъ лукошки,
Богатство, почести въ обильствіи онъ жнетъ,
И въ темныхъ онъ дѣлахъ имѣть мнитъ глазы кошки.
Почтенной сѣдиной вельможа ужъ покрытъ,
Онъ подвиги свои предъ всѣми исчисляетъ;
Безъ знанія себя, онъ—гордостью набитъ—
Испытанье свое трусящимъ нахваляетъ.
Такую гордость зря, тогда ему сказалъ:
Постой, сѣдой ты мужъ, украшенъ лоскутками!
Разумный никогда тя мудрымъ не назвалъ.
Хвалимъ лишь только ты роднею и трусами.
Не спорю, что ты есть давно уже въ дѣлахъ,
Что худо-ль, хорошо-ль, ты оны исполняешь,
Что имя твое всѣмъ наводитъ зельной страхъ,
Что властію своей даришь и разоряешь;
Но токмо ты при семъ позволь себя спросить:
О сдѣланномъ тобой ты много-ль размышляешь?
Ты мыслишь-ли впередъ, чтобъ вредъ не наносить?
И часто-ли дѣла свои ты осуждаешь?
Познай ты истину! дерзну тебѣ сказать,
Что и тысячи лѣтъ съ дѣлами обращенья
Прямаго знанія не могутъ тебѣ дать,
Если не будешь ты имѣти размышленья!

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О СМЕРТНОМЪ ЧАСѢ *).

Во всякомъ состояніи людей, когда кто хочетъ выгодно себѣ что содѣлать, то прежде стараются достигнуть до сего нѣкоторою приличною наукою. Тако, риторъ препровождаетъ нощи во бдѣніи, читая изящныхъ писателей, примѣчаетъ ихъ лутчія мѣста, воспоминаетъ предложенныя правилы, и устремляетъ весь умъ и разсудокъ свой, трудяся въ своихъ сочиненіяхъ. Стихотворецъ старается изыскать пристойныя мысли, привести ихъ въ такія реченіи, которыя бы мѣру, согласіе и рифму составляли. Комедіантъ трудится выучить хорошо данную ему ролю, декламируетъ ее съ размышленіемъ, роли даетъ произношеніе гласа, какого требуетъ обстоятельство представляемаго имъ лица, и часто предъ зеркаломъ располагаетъ свои тѣлодвиженіи, дабы и они благопристойны и соотвѣтствующія съ гласомъ и словами его роли были. Живописецъ, предпріемля изобразить какую картину, начертываетъ карандашемъ не токмо ее всю, но и каждый членъ особливо, и избираетъ, который лутчее дѣйствіе учинитъ. Однимъ словомъ, онъ учится, какъ бы непостыдно ему явить обществу трудъ свой. Подобно такъ и во всякихъ низшихъ ремеслахъ, столяръ, плотникъ, каменщикъ, пешникъ, всякой учится своему мастерству. Единое токмо есть, чему малое число людей учатся, а что, однако, всѣ знаютъ, что имъ исполнить должно. Сіе есть: какъ бы хорошо и безъ страху умереть.

Сіе воистинну достойно удивленія, какъ, зная всѣ необходимость сего часа, единственное токмо помышляютъ, чтобы память о знаемости сей у себя загладить, яко бы, отвращая свои мысли, и спѣшащій сей часъ могли отвратить. И вмѣсто, чтобы самыми разглагольствованіями о немъ и видѣніемъ мертвецовъ приучить мысль и взоръ свой къ приближающемуся сему часу, убѣгаютъ отъ напоминанія имени смерти и очи свои отъ тѣлъ мертвыхъ отвращаютъ. Есть же такіе, которые толь укрѣпили свой духъ, чтобъ никогда о смерти не размышлять, что можно о нихъ сказать, яко глубокомыслящій Юнгъ говоритъ: что они, получая карту о объявленіи чей смерти, съ

*) Статья эта была напечатана въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ (1860 г. кн. I). Здѣсь печатается по автографу, принадлежащему кн. Б. С. Щербатову. Изъ словъ автора о его лѣтахъ слѣдуетъ, что время написанія статьи около 1788 г.

толикимъ неучастнымъ окомъ ее читаютъ, яко бы то была повѣстка о оперѣ, или видятъ погребальное позорище съ равными чювствіями, яко какое увеселительное зрѣлище. Не отъ безстрашія смерти сіе въ нихъ происходитъ; ибо при малой болѣзни охладѣваетъ кровь, трепещутъ всѣ ихъ члены, и несть довольно врачей для призванія, чтобы имъ помощь учинить и избавить отъ неизбѣжнаго часа, и при послѣднихъ минутахъ чювствованія своего совершенное являютъ отчаяніе. Я думаю, что сіи люди прелестями и суетами свѣта толь омрачили свои очи, что они, можно сказать, съ закрытыми глазами шествуютъ ко гробу.

Достигая до пятьдесятъ шестаго года отъ рожденія моего, я, благодаря Бога, не подражалъ такимъ поступкамъ, но часто размышлялъ о смерти, и разглагольствіи о ней никогда не дѣлали мнѣ отвращенія. Старался я научиться хорошо жить, дабы чрезъ самое сіе научиться хорошо и умереть. Да въ самомъ дѣлѣ слабость моего сложенія и частые болѣзненные припадки заставляютъ меня болѣе другихъ о часѣ смертномъ размышлять, и можетъ статься, что они меня и научили не съ такою ужестію взирать на сію минуту, яко я вижу, что взираютъ другіе.

А посему, дабы утвердиться въ самыхъ моихъ мысляхъ, и чтобы смерть моя, которая не можетъ уже быть весьма отдаленна, соотвѣтствовала учиненнымъ мною стараніямъ, какъ жить и умереть, предпринялъ я кратко начертать въ разныя времена учиненныя мною о ней размышленіи.

А посему и надлежитъ учинить разсмотрѣніе о трехъ главныхъ притчинахъ боязни нашей смертнаго часу: 1) Какъ мы приближаемся къ смерти? 2) Что покидаемъ? и 3) Какъ умираемъ?

I.

Страшащіеся смертнаго часа вопіютъ, коль страшно есть душѣ оставить сіе тѣло, которое она одушевляетъ; пресѣченіе движеній крови, запоры во всѣхъ малыхъ скважинахъ ея проходовъ, остановленіе зиждительныхъ соковъ, онѣмѣніе всѣхъ чювствъ, приключаютъ найжесточайшія движеніи въ тѣлѣ человѣческомъ, которыя разными образами оказываются: или несноснымъ жаромъ, отнимающимъ всѣ естественныя движеніи, или сильнымъ занятіемъ духа, вздыманіемъ груди, или несносными больми во всемъ тѣлѣ, конвульзіями, и другими, но всѣ изъявляющими страданіе и мученіе человѣка, приближающагося къ послѣднему его часу. Да и естественно есть, когда прерывается тѣсный союзъ между души и тѣла, когда остановляются всѣ движеніи машины человѣческой, не можно, чтобы сія машина, въ минуты своего разрушенія, жестокое не почювствовала потрясеніе, приключающее несносную и неудобосказанную болѣзнь. Свидѣтельствуетъ сіе самое видѣніе человѣка умирающаго: терзаніе, вздыманіе груди, охладѣніе его частей и стенаніе, — страданіе его представляетъ; почему и справедливо сіе названо страданіемъ. То какъ не страшиться сего часу, которой совокупленъ съ толикою болѣзнію и терзаніемъ?

Внимаю и разумѣю ваши изображеніи.

страшливые смерти, и тѣмъ паче, что во время жизни моей не единожды случалось мнѣ быть очевиднымъ свидѣтелемъ таковыхъ печальныхъ позорищъ. Ближніе и друзья мои, коимъ долгъ дружбы и почтенія заставлялъ мнѣ воздавать мои старанія, многіе предъ очами моими скончались; я видѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ таковыя страданія; но все, что я видѣлъ сихъ страданій, я видѣлъ въ страданіяхъ сихъ болѣзнь, а не смерть; а потому и должно различить страданіе, происходимое отъ болѣзни, съ тѣмъ, которое уже послѣдній ударъ смерти приключаетъ. Никто изъ мертвыхъ не воскресалъ, чтобы намъ сказать, коль труденъ и болѣзненъ послѣдній часъ, когда душа исходитъ изъ тѣла; но, судя по видимости и взявъ себѣ въ проводники науку и наивѣрнѣйшія испытанія, можно смѣло сказать, что часъ сей есть безболѣзненъ. Ибо что есть смерть? Она не иное что, какъ лишеніе всѣхъ зиждительныхъ движеній въ тѣлѣ и, слѣдственно, всѣхъ чювствъ. А потому, по мѣрѣ, какъ зиждительныя движенія въ тѣлѣ ослабѣваютъ, ослабѣваютъ и чювствы; а ежели чювствія ослабѣваютъ, то и боли уменьшаются, даже какъ обое совсѣмъ исчезнутъ. Господинъ Боергавъ въ своей химіи говоритъ, что излишный жаръ производитъ сгущеніе и непорядочное обращеніе крови, отъ чего малыя жилы въ мозгѣ и въ другихъ мѣстахъ запорошаются и приключаютъ человѣку лишеніе чювствъ и смерть. Я тоже скажу и о самомъ охладѣніи, которое противное содѣлываетъ, и охладѣвшая кровь, тихостію движенія своего во онѣмѣніе и въ нечювствіе приводя члены, приключаетъ смерть. А по всему сему я заподлинно могу сказать, что, ближе человѣкъ къ концу своему приближается, то менѣе болѣзни ощущаетъ. Въ примѣръ сему скажу, что, хотя я видѣлъ многихъ умирающихъ, но видѣлъ всегда боль ихъ предсмертную умаляться, и сіе показывалось уменьшеніемъ ихъ стона. Возьмемъ въ примѣръ отъ параличной болѣзни, соединенной съ апоплексіей, умирающаго человѣка, яко я единому такому случаю свидѣтель былъ. Пораженной сей болѣзнью человѣкъ вдругъ теряетъ языкъ, память и чювствы; въ леченіяхъ употребляютъ кровопусканіе, шпанскія мухи, рвотное, електризацію, но сильно пораженной сею болѣзнію, въ безпамятствѣ лежа, никакого знаку ни вздрогапіемъ, ни движеніемъ никакимъ не показываетъ своей чювствительности, хотя оказываетъ тягость дыханія; но рѣдко, или и никогда, стенанія не слышно, а потому и ясно есть, что уже толь сильныя болѣзни, яко себѣ изображаютъ, онъ не ощущаетъ. И за главный знакъ приближенія смерти дохтора щитаютъ, когда человѣкъ престанетъ вдругъ чювствовать всю боль. А посему чювствіе болѣзни есть не смерть; въ послѣднюю же секунду, и когда умретъ человѣкъ, то уже и болѣзнь власти надъ нимъ не имѣетъ.

Не всѣ же тяжкія и мучительныя болѣзни есть предзнаменованіе смерти, но многія, которыя и жесточайшія терзанія тѣлу производятъ, смерти не приключаютъ. Въ примѣръ сему можно представить болѣзнь каменную, подагру, пле-

резію, колики, мигрень и зубную, кои суть, такъ можно сказать, натуральныя; но есть другія, которыя суть случайныя, яко: разныя раны, изломленіи кости, вывихнутіе какого состава, всѣ сіи, которыя я именовалъ, а есть и другія, которыя несносную боль приключаютъ. И естьли бы въ самыхъ жестокихъ терзаніяхъ единой изъ сихъ болѣзней вопрошенъ былъ человѣкъ: лутче ли онъ желаетъ, чтобы нѣсколько сутокъ продолжилось его мученіе, или въ нѣсколько минутъ онъ, лишася всѣхъ чювствъ, умретъ,—не уповаю, чтобы нашлося много тѣхъ любителей жизни, которые бы скорую смерть долго продолжительному и часто возвращающемуся мученію не предпочли. А потому не всякое жестокое мученіе есть къ смерти, и самая смерть не есть толь болѣзненна, какъ страшливые себѣ представляютъ.

II.

Что мы покидаемъ, лишаясь жизни? Сіе достойно разсмотрѣнія. Я же думаю, ничего. Сія притчина, кажется, требуетъ двухъ раздѣленій. Первое: что мы покидаемъ въ разсужденіи нашихъ ближнихъ, которыхъ мы любимъ, и которые насъ любятъ, и коимъ наше естествованіе есть нужно? и второе: какихъ мы удовольствій, ощущаемыхъ нами въ жизни, лишаемся?

Не могу я оспорить, чтобы не приносило нѣкоторыя тягости разлученіе оставить своихъ ближнихъ и друзей. Воспоминаніе удовольствій, которыя съ ними вмѣстѣ вкушали, изображеніе ихъ сожалѣнія, а паче естьли чювствуешь, что самое твое естествованіе есть нужно для нихъ, суть такія обстоятельствы, которыя и лишающаго (лишеннаго?) всего чювствительнаго человѣка могутъ тронуть.

Но прежде, нежели намъ вдаться въ совершенное огорченіе о семъ, разсмотримъ и самыя сіи толь жестокія являющіяся намъ обстоятельствы, съ тѣмъ твердымъ духомъ, которой прямое любомудріе производитъ, и съ тою безпристрастностію и предвидѣніемъ, какого требовать надлежитъ отъ просвѣщеннаго разума.

Жалѣетъ человѣкъ при часѣ смертномъ о ближнихъ своихъ и о друзьяхъ. Но сіи ближніе и друзья суть ли сами безсмертны? А понеже они не суть, то тотъ же рокъ самихъ ихъ угрожаетъ; и колико, каждый доживши, не говорю до поздой старости, но и въ среднемъ возрастѣ, если подумаетъ, лишился родственниковъ, свойственниковъ и друзей своихъ, да исчислитъ всѣ сіи огорченіи, приключенныя ему ихъ смертію, и да подумаетъ тогда, восхочетъ ли еще множество ихъ претерпѣть, и подъ видомъ, яко бы желалъ себя сохранить для сихъ ближнихъ людей, остаться послѣднимъ изъ всего своего поколѣнія и знакомства. А естьли учинитъ такія размышленіи, и послѣ сего будетъ оставшихъ сожалѣть, то явно будетъ видно, что не толь сожалѣетъ о томъ, что оставляетъ естествующихъ, какъ о томъ, что самъ естествовать престалъ.

Что же касается до того, чье естествованіе есть нужно остающимся, сіе важнѣйшее обстоятельство представляетъ; ибо, хотя Законъ насъ и научаетъ, что должны мы судьбу свою предати въ волю Выш-

няго, хотя зримъ множество примѣровъ, что сироты, оставленныя, казалось, безъ всякой помощи, непредвидимыми случаями величайшее щастіе себѣ содѣлали; но, пока душа наша не разлучилась съ тѣломъ, по взаимному ея союзу съ плотью, мы яко плотскіе и помышляемъ, и подлинно можемъ сожалѣть, что ближніе наши приключенною намъ смертью помощи лишаются. Но нѣтъ ли при семъ нашего и самолюбія, что мы иногда себя и тогда полезными почитаемъ, когда въ самомъ дѣлѣ вредъ наносимъ? Не одиножды мнѣ случалось слыхать, что по умертвіи главнаго въ домѣ, всѣ вопіяли, что домъ сей исчезнетъ; но, напротивъ того, въ совершенномъ возрастѣ бывшіе, вступя въ правленіе дому, къ трудамъ состарѣвшагося родителя труды свѣжей юности прилагая, привели въ лутчее состояніе домъ, нежели онъ когда бывалъ; оставшіяся малолѣтныя сироты нашли себѣ опекуновъ, которые исправили ихъ дѣла, иногда и запутанныя, и они при возмуженіи въ лутчемъ состояніи себя нашли, нежели когда родители ихъ бывали. Вдовы, хотя не могли содѣлать толико прибыли, но, по крайней мѣрѣ, бережливостью своею то наградили. Юноши, не имѣя надежды на родителя, искали достоинствами своими по службѣ себѣ щастіе получить. Правда, что много можно представить и противныхъ сему примѣровъ, гдѣ во всѣхъ частяхъ свѣтскаго щастія кончиною родителя дѣти потеряли, но какія? Такія, которыя, надѣясь на родительское защищеніе по службѣ, и по должностямъ своимъ ни къ чему не прилежали, пока достойной, или случайной, родитель ихъ поддерживалъ, по тѣхъ мѣстъ недостоинствы ихъ закрывались, но, вмѣстѣ съ смертію того, и всѣ пороки ихъ явны всѣмъ стали. Другіе, которые при родителяхъ своихъ накопили множество тайныхъ долговъ, вскорѣ оставленное родителемъ имѣніе размотали, то сему уже не смерть родителя притчиной, но худые нравы сихъ, которые бы долго ли, или бы коротко, всегда въ такіе проступки ввалились, и тѣмъ бы неисправнѣе, что молодой можетъ очювствоваться, а заматерѣвшій въ порокѣ никогда, да и некогда будетъ.

Но за всѣмъ симъ предѣлъ положенъ, его же прейтить не возможно, что всякій родившійся долженъ умереть: страшливой смерти человѣкъ тужитъ, что оставляетъ дѣтей, родственниковъ и друзей своихъ; но тужитъ онъ, зная, что и они, долго ли, или коротко, ту же судьбину вкусить должны. А потому, естьли онъ не умретъ прежде, то тѣ должны прежде его жизни лишиться; естьли прямую имѣетъ къ нимъ любовь, возжелаетъ ли онъ быть погребателемъ всѣхъ себѣ любимыхъ? Возжелаетъ ли при старости дней своихъ, яко другова вѣку человѣкъ оставшійся одинъ, по гробахъ и пеплахъ ихъ, смоченныхъ его слезами, безъ помощи и безъ сожалѣнія проживши въ горести послѣдніе дни своея жизни, воздать послѣдній долгъ природѣ? Да воззритъ кто именитой, кои наиболѣе ощущаютъ страхъ смерти, на множество портретовъ его предковъ, служащихъ украшеніемъ его комнатамъ: они безмолвственно ему вѣщаютъ, что жили и умерли, и что онъ къ той же судьбѣ

долженъ изготовляться; да, отгнавъ мірскія мысли, войдетъ таковый въ ту свою комнату: онъ узритъ въ ней не украшеніи, но погребательные знаки, показующіе тлѣнность естества человѣческаго.

Но воззримъ, чего лишаемся изъ благъ свѣта? Да разсмотритъ каждый человѣкъ прилежно свою жизнь, да исчислитъ всѣ свои приключеніи съ самаго своего младенчества; болѣзни, которыя его отягощали; труды, которые онъ подъялъ; огорченіи, которыя онъ въ домѣ своемъ и внѣ имѣлъ; слезы, которыя онъ по ближнимъ своимъ изліялъ; неудачи во многихъ его предпріятіяхъ, неправосудіи и гоненіи, которыя претерпѣлъ, и наконецъ недостатки, которые его отягощали; да исчислитъ, говорю я, то сколько найдется такихъ дней, которые онъ спокойствіемъ и удовольствіемъ чистымъ пользовался? Не скажутъ ли многіе, что оно имъ почти не знаемо есть, и естьли когда его они ощущали, то сіе было подобно лучю солнечному, на краткое время являющемуся изъ среди грозныхъ тучъ; или блеску молніи, въ единое мгновеніе являющейся и въ единое мгновеніе исчезающей. Господинъ Монтескье, говоря о самоубійцахъ, никакъ не удивляется дерзновенію ихъ. Онъ говоритъ, что сіе есть дѣло, отъ исчисленія зависящее: что естьли человѣкъ найдетъ по исчисленію, что то, что онъ претерпитъ, разставшись съ свѣтомъ, есть менѣе онаго, что онъ претерпитъ, оставаясь на свѣтѣ, то естественно изберетъ себѣ то, гдѣ меньше надѣется претерпѣть. Симъ я, однако, не побуждаю кого къ самоубійству; ибо не сказалъ я однако, какъ и господинъ Монтескье, чтобы учинено было сравненіе съ тѣмъ, что потеряетъ; а потеря дѣйствительно есть ненаградимая, то есть, потеря своей должности съ терпѣніемъ сносить то состояніе, въ которое Богъ насъ предопредѣлилъ; потеря, которую уже мы наградить никакъ не можемъ, ибо, лишася жизни, преступленіи наши неисправляемы становятся. Но когда не нашимъ преступленіемъ, но порядкомъ природы, достигаемъ мы до того конца, который освобождаетъ насъ отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, нещастій и суетъ, изводитъ насъ отъ того свѣта, гдѣ даже всѣ блага наши суть растворены нѣкоей горестью, а злы наши суть часты, то не должны ли мы, естьли не возрадоваться, по крайней мѣрѣ, съ терпѣніемъ и безъ ропоту вкусить неизбѣжныя чаши, изготовленной всѣмъ смертнымъ, и не почитать сіе какимъ зломъ? ибо ничто Богомъ не содѣлано ко злу, но къ благу; и сей Отецъ милосердый, создавшій насъ, питающій, снабжевающій, отъ коего все благо зависитъ, конечно бы не учинилъ сего часу, естьли бы онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ благъ и полезенъ роду человѣческому.

III.

Приступаю къ третьему вопросу. Какъ умираемъ? Я уже выше сказалъ, что умираемъ мы безболѣзненно; ибо сохраненіе и лишеніе чювствъ не можетъ быть въ единое время. Но со всѣмъ тѣмъ чювствованіе, что мы изъ бытія въ небытіе преходимъ, дѣлаетъ ужесть душѣ нашей. Является, что сіе есть чювствіе

естественное души нашей, омраченной соединеніемъ ея съ тѣломъ, почему она и не можетъ яснаго понятія о самой безсмертности своей имѣть. Ибо не душевное чювствованіе, но разсудокъ нашъ, увѣряетъ душу нашу въ ея безсмертіи. Но какъ остается, однако, въ ней ощущеніе ея безсмертія, то представленіе какого уничтоженія ея бытія ее возмущаетъ? Но, оставя безсмертіе души, основанное на философическихъ доказательствахъ и на преданіи святыя нашея Вѣры (ибо не богословскій трудъ пишу), представимъ хотя себѣ, что смертію въ ничто обращаемся. То и въ семъ случаѣ я не знаю, чего трепетать. Естьли я довольно доказалъ, что время нашего житья въ свѣтѣ несть иное что, какъ трудъ и болѣзнь, то, кажется, и самое уничтоженіе не страшно; потомучто, естьли лишаемся мы имъ какихъ удовольствій, лишаемся тогда же и всѣхъ злоключеній, которыхъ, конечно, болѣе въ свѣтѣ есть. Страждущій въ болѣзни или въ тяжкой работѣ находящійся рабъ, не съ удовольствіемъ ли ожидаетъ, чтобъ сонъ чювства его успокоилъ? Не щастливыми ли щитаетъ тѣ минуты, когда, погруженный во снѣ, лишенъ пребываетъ своихъ чювствій? То, страшливые смерти, почтите, что вы засыпаете на неизвѣстное вамъ время, или навѣкъ; почтите, что, естьли симъ крѣпкимъ сномъ вы лишаетесь малыхъ благъ, лишаетесь и большихъ золъ. Естьли вы лишаетесь безконечныхъ вашихъ мірскихъ надеждъ, зависящихъ отъ щастія, лишаетесь и всѣхъ нещастій, которыя васъ могутъ постигнуть.

Но коль превосходно долженъ тотъ въ бодрости укрѣпиться при семъ послѣднемъ часѣ, который есть увѣренъ въ безсмертіи души и въ правосудіи и милосердіи своего Создателя; который вѣкъ свой направлялъ, колико могъ, по Его Закону; который въ смертномъ часѣ не иное что зритъ, какъ преселеніе въ лутчее состояніе того, что прямо его существо составляетъ; не съ дерзостію, однако, полагаетъ сію надежду, но утверждаяся найболѣе на благости Божіей. Упоенной такими чювствіями человѣкъ, конечно, возрадуется о приближеніи того часу, которой, разрѣша души его бренные узы, есть путь къ приближенію до Вышняго Естества. Се есть истинная побѣда вѣры, иже и надъ самою смертію восторжествуетъ.

РАЗГОВОРЪ

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ *).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обыкновенно, когда читают̂ъ какое сочиненіе, то хотятъ знать имя сочинителя и причины, побудившія его къ сему сочиненію. Я, колико возможно, удовлетворяя всѣмъ тѣмъ, кто возьметъ трудъ слѣдующее сочиненіе прочесть, на первое скажу: что не нахожу нужнымъ имя мое провозгласить, образъ же мыслей моихъ довольно виденъ въ самомъ семъ сочиненіи; но что касается до причины, побудившей меня, человѣка, мало упражняющагося въ метафизикѣ и богословіи, сему предложу здѣсь повѣствіе.

Еще въ 1781-мъ году, бывъ въ деревнѣ, случилось мнѣ занемочь жестокою коликою, которая трои сутки у меня безпрерывно продолжалась. Среди мученій и терзаній сей тяжкія болѣзни препровождая ночи безъ сна, и считая, что болѣзнь сія можетъ и смерть мнѣ приключить, размышлялъ я о безсмертіи души. Благодатію Господнею отъ сей болѣзни я свободился и хотѣлъ тогда-же во время болѣзни содѣланныя мною размышленіи положить на бумагу, что мною и зачато было; но многіе другіе застигшіе меня недосуги не дозволили мнѣ тогда сего окончить, и тако протекло седмь лѣтъ до сего 1788-го года. Нынѣ же, читая труды Платона, греческаго философа, особливо восхищенъ я былъ его бесѣдою, именуемою Федонъ, гдѣ онъ представляетъ Сократа, осужденнаго на смерть и, прежде нежели выпить ядъ, въ самый тотъ день съ друзьями своими бесѣдующаго о безсмертіи души. Во истинну сія преизящная бесѣда долженствовала бы у меня отнять охоту, чтобъ о такой же причинѣ писать; но я, удивляясь мудрости Платоновой и изящности сей бесѣды, примѣтилъ, что поелику человѣкъ, и человѣкъ Эллинъ, онъ все нужное по утвержденію безсмертія души вмѣсти; но недостаетъ въ сей бесѣдѣ того, чему и быть не можно, то есть просвѣщенія Христіанскимъ Закономъ и послѣ учиненныя (хъ?) въ естествѣ откровеніи (й?). Сіе побудило меня, въ подражаніи Платону, сочинить подобную же бесѣду о безсмертіи души. Но первая мнѣ трудность предстала, кого я для сего изберу разглагольствователями, чтобъ люди были невымышленные, обстоятельствы ихъ извѣст-

*) Печатается съ подлинной рукописи, нынѣ принадлежащей кн. Б. С. Щербатову. Годъ написанія статьи—1788—указывается самимъ авторомъ.

ныя, и особы бы ихъ довольно именитыя, дабы привлечи вниманіе читателей.

Размышляя о разныхъ случаяхъ, бывшихъ въ отечествѣ моемъ, представился мнѣ случай несчастныя смерти оберъ-егермейстера и кабинетъ министра, Артемья Петровича Волынскаго, мужа именитаго своими заслугами, учиненными еще Петру Великому, дѣлами, въ которыя онъ былъ употребленъ, и своимъ разумомъ, и который, наконецъ, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и при бывшемъ тогда при ней Герцогѣ Курляндскомъ, оберъ-камергерѣ Биронѣ, жестокую и поносную смерть претерпѣлъ. Не буду я изъ почтенія къ Монархинѣ, тогда царствующей, описывать о дѣлѣ сего Волынскаго, ибо безпристрастному и разумному человѣку по самому обнародованному тогда манифесту можетъ видимо быть, преступленіе-ли или несчастіе есть виною его поносной смерти. Купно съ нимъ многіе другіе погибли и претерпѣли, о которыхъ колико до свѣдѣнія моего дошло, всѣ были люди отличной честности и разума, и сіе, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ честь Артемью Петровичу Волынскому, что друзья его таковы были.

Не упоминаю я о прочихъ, дабы не подать причины огорченія ихъ потомкамъ; но долженъ я именовать Андрея Федоровича Хрущова, мужа отличной добродѣтели, разума и ученія, любящаго философію и прилежавшаго къ ней, переведшаго тогда изящное сочиненіе Ламота Фенелона «Похожденіе Телемака, сына Улиссова». Сего я избралъ въ разглагольствователи въ моей бесѣдѣ, которая тѣмъ еще болѣе имѣетъ сходствія съ Федономъ Платоновымъ, что и Хрущовъ сей въ такихъ же обстоятельствахъ находился, какъ Сократъ.

Трудность мнѣ настояла сыскать втораго разглагольствователя, ибо легко было въ Аѳинахъ то сыскать, гдѣ осужденные на смерть были посѣщаемы ихъ друзьями и родственниками; но въ тайную канцелярію никто, кромѣ судей, пристава, стражей и палачей, не проникалъ. И тако избралъ я для сего пристава, который былъ у всѣхъ несчастныхъ, содержащихся по сему дѣлу,—Никиту Федоровича Коковинскаго, тогда бывшаго гвардіи офицеромъ. Сей человѣкъ былъ честной, разумной и при наблюденіи порученнаго ему дѣла сострадателенъ, и съ самою опасностью себѣ за его состраданіе къ несчастнымъ, содержавшимся подъ его стражею.

Сія есть исторія сего сочиненія и объясненія о разглагольствующихъ; какъ же я исполнилъ, сіе предаю на судъ читателей.

Мая 12 дня 1788.

О безсмертіи души.

РАЗГОВОРЪ.

Хрущовъ, Коковинскій.

Хр. Кто тутъ?

Кок. Я.

Хр. Вы необыкновенно рано меня посѣтили.

Кок. Увы! возложенная на меня должность, къ огорченію моему, меня дѣлать сіе заставляетъ; и я истинно сожалѣю, если покой вашъ помѣшалъ, ежели вы его имѣли.

Хр. Я очень спокойно спалъ, но приходъ вашъ приведши въ движеніе сол-

дать, отъ шуму я проснулся. Который часъ?

Кок. Два часа пополуночи. А какъ еще рано, то я спѣшу отъ васъ отойтить, дабы дать время вамъ успокоиться.

Хр. Если вы не имѣете другой нужды, какъ токмо мое успокоеніе, то, на противу того, я вами одолженъ буду, чтобы вы побыли здѣсь, дабы я имѣлъ удовольствіе съ вами побесѣдовать, ибо старается отягченное тѣло подкрѣпить сномъ, кто къ новымъ трудамъ его изготовляетъ; а какъ уже се есть послѣдніе часы моей жизни, то мнѣ лопостья сего душѣ моей беречь нечего.

Кок. Хотя во все время вашего несчастія находилъ я въ васъ удивляющій меня твердый духъ, но изъ словъ послѣднихъ вашихъ начинаю я примѣчать, что приближеніе жестокаго часу васъ смущаетъ, а сего ради не могу оставить, чтобы не сдѣлать вамъ напоминанія, что въ толь злоключительномъ состояніи, въ какомъ вы таперь находитесь, еще есть двѣ надежды, которыя васъ должны подкрѣплять: первая—милосердіе Монарше, вторая—благость Божія.

Хр. Я не знаю, государь мой, съ чего Вамъ показалось, что я таперь смущенъ, ибо я вамъ уже сказалъ, что я весьма сладко спалъ; а смущенный, каковымъ вы меня представляете, не можетъ толь сладкаго вкушать успокоенія. Что же вы мнѣ представляете двѣ причины ободренія, то повѣрь мнѣ, милостивый государь, что на первую я никакъ надѣяться не могу, ибо мои или, лучше сказать, Волынскаго непріятели никогда не дозволятъ, чтобы мы живы остались. Да хотя-бы, и противу всякаго чаянія, я и живъ остался, то размученное мое тѣло, которое я со справедливостью лопостьемъ назвалъ, заставитъ въ счастіи-ли или въ несчастіи, съ стенаніемъ и мученіемъ, препровождати остатокъ дней моихъ тягостнѣе человѣческому естеству, нежели единый часъ смерти. Правда, что смерть ко мнѣ приходитъ неестественно, а при томъ и поносная, но мы-ли управляемъ своею судьбиною, и нѣтъ-ли на свѣтѣ неисчетнаго числа случаевъ, въ которые мы прежде, нежели бы природой опредѣлено было, жизни лишаемся? Поносность приближающейся ко мнѣ смерти конечно можетъ устрашить благородно рожденнаго человѣка, но, любезный мой, преступленіе дѣлаетъ стыдъ, а не казнь; истинна, долго-ли или скоро, явна можетъ быть. Но я прекращу сіе, дабы и вамъ не нанести бѣды слушаніемъ и сихъ невинныхъ моихъ словъ, и первое тѣмъ заключу: что понеже каждый человѣкъ долженъ умереть, то что въ томъ нужды, сегодня или завтра сіе воспослѣдуетъ, и какимъ-бы образомъ то ни было: на постели-ли спокойно, или какъ инако. Что же касается до втораго предложеннаго вами мнѣ ободренія, то повѣрь мнѣ, государь мой, яко человѣку, всегда ненавидящему ложь, и который и еще въ таперешнихъ обстоятельствахъ отдаленнѣе отъ нея находится, что я во все время моея жизни полагался на благость Божію и безсмертіе души почиталъ яко драгоцѣннѣйшій даръ нашего создателя, а потому не реку, что умираю, но преселяюсь, или, лучше сказать, заста-

ляютъ душу мою преселиться, разруша домъ, гдѣ она пребываетъ.

Кок. Искренно радуюсь, что нахожу васъ въ такихъ мысляхъ, которыя вамъ Божіе милосердіе обѣщаютъ.

Хр. Неужли-ли вы, государь мой, о семъ когда сомнѣвалися?

Кок. Нѣтъ, но однако.

Хр. Я понимаю: можетъ быть найденныя въ моей библіотекѣ нѣкоторыя вольномыслящихъ писателей сочиненіи и нѣкоторыя мои разглагольствіи, гдѣ, хотя я никогда ни Вышняго Естества, ни безсмертія души не отвергалъ, но разсуждалъ общественно, чему мы можемъ и чему трудно вѣрить, не понимающимъ людямъ подали причину такое о мнѣ заключеніе учинить.

Кок. Можетъ быть; а къ тому же всѣ почти нынѣ, которые наиболѣе къ чтенію прилежатъ, каковы есть вы, многія мысли весьма смѣлыя и несогласныя съ тѣмъ, что вы теперь говорите, имѣютъ.

Хр. Простите мнѣ, что я вамъ оспорю. Вы сказали, каковъ я; нѣтъ, государь мой, каковы они; ибо извольте быть увѣрены, что тѣ только, кто безъ основанія и размышленія читаетъ, могутъ сіи великія истины испровергать; но я читалъ съ основаніемъ и не съ тѣмъ, чтобы предъ вящими себѣ невѣждами, поправши дерзко что въ бесѣдѣ, похвалиться; но для познанія самыхъ тѣхъ истинъ, о которыхъ думаютъ, что я сумнѣваюсь. А какъ никакого знанія не можно пріобрѣсти, не познавъ ему противнаго, то сіе и заставляло меня читать многія такія дерзкомыслящія сочиненіи, которыя истинно не

развратили моихъ мыслей, но паче самыми слабыми своими доводами противу превѣчныхъ истинъ меня въ оныхъ утвердили.

Кок. Не время таперя какими возраженіями толь утѣшительныя вамъ мысли истреблять, но какъ я признаюсь, что весьма мало въ жизнь свою читалъ, а еще меньше и о толь важныхъ причинахъ размышлялъ, то не уповаю васъ поколебать, а паче желаю отъ васъ научиться, и сіе будетъ лучшее возмездіе, каковое я получу за тяжкую и непріятную должность, на меня нынѣ наложенную, и ежели поступкомъ своимъ я вамъ доказалъ все мое соболѣзнованіе, коликое мнѣ возможно было доказать.

Хр. Охотно, государь мой, хочу я въ пріятное сіе разглагольствіе вступить, а желаю токмо слышать ваши сумнѣнія.

Кок. Я ихъ собственно самъ не имѣю, а для того токмо предложу тѣ возраженія, каковыя мнѣ въ бесѣдахъ случалось слыхать.

Хр. Очень хорошо, я на все согласенъ.

Кок. Говорятъ, что безсмертія души окромѣ вѣры и откровенія понять не можно. Почему же вы увѣрились въ семъ?

Хр. Я уже сказалъ вамъ, что чтущіе безъ основанія и не размышляющіе находятъ въ сихъ истинахъ сумнѣніе, но не тѣ, которые противнымъ тому образомъ читаютъ. И тако я вамъ, государь мой, скажу, что я въ семъ не токмо вѣрою и откровеніемъ увѣренъ, но 1-е почти математическими доказательствами, 2-е собственными моими чувствіями, 3-е согласіемъ всѣхъ народовъ свѣта, 4-е со-

гласіемъ почти всѣхъ мудрецовъ, 5-е собственнымъ поступкомъ тѣхъ, которые сіе испровергаютъ, 6-е правосудіемъ Божіимъ и, наконецъ, 7-е не токмо яко христіанинъ вѣрою, но и вѣрою, основанною на преданіяхъ такихъ, которымъ здравый разсудокъ и самая строжайшая философія вѣрить повелѣваютъ.

Кок. Всякое слово ваше приключаетъ мнѣ новое удивленіе и сожалѣніе, что я не могъ, въ молодости моей прилежа къ наукамъ и чтенію, достигнуть до яснаго познанія толь великихъ истинъ. Однако позвольте мнѣ, государь мой, вамъ сказать, что, хотя я и не ученъ, однако довольно знаю, что математика есть наука протяженія тѣлъ или ихъ содержанія, то какъ возможно, чтобы вы чрезъ науку, имѣющую себѣ въ предметъ единыя тѣла, могли до познанія невещественныхъ вещей достигнуть?

Хр. Когда я, государь мой, говорю въ семъ случаѣ о математическихъ доказательствахъ, то сіе не разумѣется, чтобы я могъ линіями или какими исчисленіями безсмертіе души доказать. Высокая сія причина есть совсѣмъ несовмѣстима съ чювственными какими доказательствами; но, какъ математика имѣетъ оныя всегда ясныя, на происхожденіи и на сопряженіи линій основанныя, утвержденныя на маломъ числѣ аксіомовъ, такъ и мои доказательствы будутъ основаны на чювствіяхъ самыя души, на ея дѣйствіяхъ и на неоспоримыхъ истиннахъ; и тако не сказалъ я точно, что докажу математикою, но почти математическими доказательствами, сирѣчь по методѣ математической.

Кок. Желаю весьма я слышать оныя, и сіе не изъ одного любопытства, но также и для самыя моея пользы, ибо истинно считаю, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть совершенно спокоенъ, если не увѣренъ твердо въ безсмертіи души.

Хр. Расположеніи ваши суть честнаго человѣка, каковымъ вы оказали себя во все время моего несчастія. Но я и въ семъ нѣсколько вамъ оспорю. Первая часть вашего предложенія есть справедлива, но вторая несправедлива; ибо честной человѣкъ подлинно имѣетъ пользу желать безсмертія души; но развратной и злой, не предвидя въ безсмертіи ея какъ токмо тягость и наказаніе отъ Вышняго Естества, конечно предпочтетъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣломъ и душа ихъ (его?) исчезала.

Кок. Правда, государь мой, и я признаюсь въ моей ошибкѣ; но пожалуйте, приступите къ вашимъ доказательствамъ.

Хр. Охотно, государь мой! но для сего надлежитъ сперва, чтобы вы на нѣкоторые мои вопросы согласились.

Кок. Я ихъ съ прилежаніемъ буду слушать и открытно мысль мою скажу.

Хр. Они весьма легки, и первый: чувствуете-ли вы, что вы есть?

Кок. Удивительный вопросъ! о чемъ о семъ и спрашивать? Я сижу съ вами, разглагольствую, слѣдственно, какъ мнѣ сего не чувствовать?

Хр. Такъ, милостивый государь, и аксіомы математическія сперва не важнѣе сего кажутся; ибо подлинно кто не знаетъ, что часть менѣе, нежели цѣлое? иль, что равныя количествы, на равныя раздѣлен-

ныя, равное составляютъ? А однако сіи толь простыя положеніи всю превыспренную науку математику произвели. Подобно и сей вопросъ, являющійся толь простъ, можетъ до многаго познанія насъ довести. Но я продолжаю: а кто вамъ сказалъ, что вы есть?

Кок. Часъ отъ часу вы меня удивляете; но я вамъ повинуюсь: потому что я чувствую.

Хр. Да чѣмъ же вы чувствуете?

Кок. Всѣмъ.

Хр. Простите, я помогу вашему отвѣту: вы видите очами, вкушаете языкомъ, обоняете носомъ, слышите ушами, чувствуете всѣмъ тѣломъ. Не такъ-ли?

Кок. Такъ, государь мой.

Хр. Слѣдственно, государь мой, чрезъ нѣсколько часовъ, когда окончится моя жизнь, я все еще чувствовать буду.

Кок. Ахъ, государь мой, мертвый уже чувства не имѣетъ.

Хр. Но по вашему положенію или, по крайней мѣрѣ, въ чемъ вы на объясненіе мое согласились, когда члены человѣческіе чувство производятъ, слѣдственно пока они еще цѣлы пребываютъ, чувствіе въ нихъ должно сохраниться, а потому очи мои и у отсѣченной головы могутъ видѣть, носъ обонять и проч.?

Кок. Вы приводите меня въ смущеніе, и я не знаю, что вамъ отвѣчать; но истинна есть, что сего не будетъ, и тѣло, лишенное души, лишается своихъ чувствъ.

Хр. Сего то я отвѣту отъ васъ и хотѣлъ. Слѣдственно, истинно есть, что безъ души мы чувствъ не имѣемъ, а потому и всѣ наши чувствы происходятъ отъ нея чрезъ орудія тѣла, и тако ясно есть, что бытіе наше намъ чинится чувствительно чрезъ душу нашу.

Кок. Сіе вы для меня толь ясно доказали, что я ничего лучше и доказательнѣе не слыхалъ. Но не могутъ-ли вамъ нѣкоторые сказать, что чувствіе происходитъ отъ крови, которая когда истекаетъ или охлаждается, то и чувствы пропадаютъ?

Хр. Сіе возраженіе мнѣ извѣстно; но изъ сего слѣдуетъ, что чувствы наши или душа суть разліенныя во всей крови и по всѣмъ членамъ.

Кок. По сему мнѣнію такъ является.

Хр. Но ежели кто на баталіи или какимъ другимъ случаемъ потеряетъ какой членъ, яко руку или ногу, уменьшается ли въ другихъ частяхъ его тѣло, или разумъ и разсудокъ его меньше-ли становится?

Кок. Нѣтъ.

Хр. А ежели у кого пустятъ кровь, уменьшается-ли его разумъ и чувства?

Кок. Нѣтъ.

Хр. Слѣдственно не отъ крови единыя сіи чувствы происходятъ, но отъ нѣкоего естества, которое въ насъ обитаетъ и распространяетъ свои дѣйствіи по всему тѣлу, употребляя члены наши яко орудія къ принятію чувствованій, ибо не меньше душа премудра въ томъ, кто лишенъ зрѣнія или слышанія, и сіе токмо знаменуетъ, что орудіи сіи неисправны.

Кок. Конечно такъ, и никто, кажется, противу сего спорить не можетъ.

Хр. Понеже вы согласились, что душа

обитаетъ въ человѣкѣ то гдѣ-же она обитаетъ?

Кок. Я истинно не могу отвѣтствовать на сей вопросъ.

Хр. Ни я; но должны, кажется, мы сіе стараться съискать.

Кок. Да какимъ образомъ?

Хр. Пошедши по степенямъ отъ того, что мы ощущаемъ.

Кок. Сіе мнѣ все кажется непонятно.

Хр. Можетъ статься, что разглагольствіе наше и приведетъ сію темную причину въ нѣкоторую ясность. А я и начинаю вопросомъ. Вы уже прежде согласились, что чувствіи, которыя мы ощущаемъ, не отъ единаго тѣла или чего вещественнаго происходятъ, но начально отъ души.

Кок. Конечно.

Хр. И въ томъ мы согласились, что урѣзаніе единыя части не отнимаетъ чювствія другихъ частей и не дѣлаетъ помѣшательства разуму?

Кок. Точно такъ.

Хр. То и кажется, что душа есть разліянна по всему тѣлу, но какъ скоро отрѣзывается какая часть, то она отступаетъ въ другую?

Кок. По симъ обстоятельствамъ такъ является.

Хр. Мы также въ разглагольствіи своемъ видѣли, что тѣло, лишенное души, чювствъ уже не имѣетъ?

Кок. Конечно такъ.

Хр. Но каждаго ли члена усѣченіе производитъ изгнаніе души изъ тѣла? яко ежели у кого отрубятъ палецъ?

Кок. Нѣтъ, но отсѣченіе или повреждeніе главныхъ членовъ, яко головы, или прободеніе сердца и подобное.

Хр. А посему не ясно-ли, что душа должна токмо обитать въ нашихъ главныхъ членахъ, которые вы наименовали, и въ подобныхъ?

Кок. Сіе кажется неоспоримо.

Хр. Прежде ужь мы согласились, что усѣченіе небольшихъ членовъ, яко руки и ноги, не лишаетъ человѣка разсудка.

Кок. Конечно такъ.

Хр. А на противу того многіе опыты доказываютъ, что приключившіеся припадки въ головѣ лишаютъ насъ разума.

Кок. Сіе самая правда; да и случающееся въ самыхъ горячкахъ, когда жаръ великій отягощаетъ голову, тогда насъ не токмо въ безпамятство, но и въ изумленіе приводитъ.

Хр. А посему, кажется, и можемъ мы заключить, что хотя душа чювствованіями своими и все тѣло занимаетъ, но главное ея сѣдалище или престолъ есть глава человѣческая, яко знатнѣйшая часть тѣла.

Кок. Я всегда такъ слыхалъ, да и быть инако не можно.

Хр. Народныя мнѣніи суть часто на глубокомъ испытаніи основаны, но поступаю далѣе. Видалъ-ли кто душу, и какой она фигуры?

Кок. Какъ, государь мой, сему можно быть, понеже душа есть духъ, не имѣющая видимой нами плоти!

Хр. Но если отсѣчется часть отъ тѣла, отсѣкается-ли часть и ея, или, когда трепанируютъ голову, повреждается-ли она?

Кок. Я думаю, государь мой, что она не убавляется.

Хр. А если она не убавляется никакимъ отсѣченіемъ, убо она есть неудобна ко всякому раздѣленію.

Кок. Такъ кажется.

Хр. Но что есть знаки мертвеца, т. е. лишеннаго души человѣка?

Кок. Сіе есть безчувствіе.

Хр. Нѣтъ-ли еще другихъ признаковъ?

Кок. Наконецъ тѣло зачнетъ согнивать, развалится и исчезнетъ.

Хр. Но согніеніе есть ничто иное, какъ раздробленіе частей, яко всѣ любомудрые признаютъ.

Кок. Сіе мнѣ кажется справедливо, ибо, пока части цѣлы и здоровы пребываютъ, по тѣхъ мѣстъ нѣтъ согніенія; но какъ скоро оно начнется, то и тѣло раздробляется.

Хр. Душа же, какъ мы уже изслѣдовали, не имѣетъ частей, а потому и не можетъ раздробиться, а не могши раздробиться, не можетъ исчезнуть, убо она есть безсмертна.

Кок. Вы подлинно, государь мой, начавши отъ вещи, которой никто оспорить не можетъ, изъ самаго простаго положенія довели показать ясно, что душа не можетъ быть инако, какъ безсмертна въ человѣкѣ. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать два возраженія: первое, что человѣкъ, бывъ въ параличѣ, является частью умеръ, а потому кажется, яко бы и душа имѣла раздробленіе; а второе, что все, что вы ни сказали о душѣ человѣческой, можетъ также приложиться и къ душѣ скотской, ибо и скоты имѣютъ чувствы, желанія, память, предвидѣніи и разсудокъ.

Хр. На первый вашъ вопросъ мнѣ легко отвѣтствовать. Правда, что человѣкъ, пораженной параличемъ или другой какой болѣзнью, можетъ почитаться половину мертвымъ, но однако душа его несть уменьшена. Сему есть доказательство, что многіе отъ сихъ болѣзней свобождаются и получаютъ прежнія чювствы и другія силы душевныя, а потому безчювствіе въ членахъ, забвеніе и прочее ничего болѣе не показуютъ, какъ токмо, что органы или орудіи, коими дѣйствуетъ душа, въ тѣлѣ ослабѣваютъ, и душа становится яко художникъ, лишившійся его орудій. На второй же вашъ вопросъ, простите мнѣ, что—я ради трудности его и ради долгаго времени, которое онъ требуетъ,—отвѣтствовать не буду, а токмо примѣчу, что, хотя мы примѣчаемъ и въ малѣйшихъ животныхъ тѣже чювствованіи и тѣ же силы душевныя, которыя въ себѣ ощущаемъ, а, можетъ статься, нѣкоторыя и болѣе, но примѣчается та разность между человѣка и другихъ животныхъ: ласточка съ удивительнымъ искусствомъ вьетъ гнѣздо, кротъ и сурокъ дѣлаютъ норы и заготовляютъ себѣ пищу, паукъ дѣлаетъ свою паутину, а пчелы медъ. Но отъ начала свѣта до нынѣ всѣ они дѣлаютъ по одному образцу, не простирая далѣе своего искусства, вмѣсто, что всякій вѣкъ въ родѣ человѣческомъ ознаменуется какимъ полезнымъ откровеніемъ, и можно сказать о каждомъ человѣкѣ, что если онъ хочетъ, то и каждый день жизни его можетъ ему новыя познаніи пріобрѣтать,

чего въ другихъ животныхъ не примѣчается, а посему и должны мы заключить, что душа человѣческая имѣетъ превосходныя свойствы и силы предъ душею животныхъ.

Кок. Вы такъ обстоятельно о чювствіяхъ души человѣческой изъяснили въ прежде сказанномъ вами, что едва остается ли вамъ что сказать о другой причинѣ вашего увѣренія, которыя—вы сказали—были собственныя ваши чювствованіи.

Хр. Нѣтъ, государь мой, хотя я нѣчто и сказалъ, но много еще остается къ тому прибавить.

Кок. Весьма желаю я сіе слышать.

Хр. Простите мнѣ, если я для сего нѣсколько назадъ возврачуся.

Кок. Охотно.

Хр. Когда вы видите мужа или жену, престарѣлаго или младенца, различаете-ли вы между причинами видовъ вашихъ?

Кок. Безъ сумнѣнія.

Хр. А когда вы видите лошадь или корову, различаете-ли?

Кок. Конечно.

Хр. Такъ же мню, когда вы видите церковь или домъ или крестьянскую хижину?

Кок. Сіе уже не идетъ къ вопросу.

Хр. Такъ-же безъ сумнѣнія различаете между большаго и малаго?

Кок. Конечно.

Хр. Но ежели въ большей отдаленности узрите вы нѣчто, различаете-ли все такъ совершенно, какъ въ близости?

Кок. Нѣтъ, ибо я не могу того различать, что не ясно взору моему представляется.

Хр. Но если вы узрите вдали нѣчто съ подъятою главою, прямо идущее, и нѣкоей извѣстной величины, то что вы заключите?

Кок. Я заключу, что то идетъ человѣкъ.

Хр. Почему?

Кок. По соображенію вещей.

Хр. А если вы услышите великій звукъ, отрывно чинящійся, то что вы заключите?

Кок. Сіе есть по свойству звука, и я заключу, что то есть или громъ или пушечная стрѣльба.

Хр. А когда услышите пріятное согласіе и разные гласы, изъявляющіе разныя ноты?

Кок. Заключу, что то есть музыка.

Хр. Но если услышите также пріятное согласіе и изглагольствіе словесъ въ ономъ, что вы заключите?

Кок. То, что тутъ поютъ хорошіе пѣвчіе.

Хр. То есть люди?

Кок. Конечно.

Хр. Такъ можно сказать и о всѣхъ чювствахъ, а по всему сему не ясно-ли есть, что не токмо мы получаемъ вещественное чювствованіе, но тогда же соображаемъ, воспоминаемъ и судимъ о вещахъ? Ибо зрѣнія жены и мужа, лошади и коровы, дому и крестьянскаго шелаша, звуку пронзительнаго, грома или пушечныхъ выстрѣловъ, музыки и пѣнія гласами человѣческими, не могли бы мы понять, если бы мы не памятовали, какъ

все оное различно намъ является, а потому бы тотчасъ и учинить своего сужденія, что сіе есть то или другое. Также издали видимой вдали человѣкъ, котораго едва мы фигуру узрѣть можемъ, представлялся бы намъ вещію непонятною, если-бы воспоминаніе не пришло направить нашъ разсудокъ, что по фигурѣ и по величинѣ, въ какой въ отдаленности онъ быть является, то долженъ быть человѣкъ. Подобнымъ образомъ, услыша звукъ грома, мы воспоминаемъ, какое удареніе въ ушеса наша бываетъ, когда оный случается, и безъ ошибки, напоминая сіе, скажемъ: громъ гремитъ и туча есть. Когда слышимъ пушечную стрѣльбу, то такъ же помогаемы тѣмъ же воспоминаніемъ,— стрѣляютъ изъ пушекъ; а сіи единыя слова и вмѣщаютъ въ себѣ многіе силлогизмы. Яко, понеже стрѣляютъ толь громко, а пушки единыя могутъ производить толь громкіе удары, слѣдственно есть пушки. Стрѣляютъ изъ пушекъ, а орудіи сіи безъ пороха стрѣлять не могутъ, слѣдственно тутъ есть порохъ; а какъ и самой порохъ и все сіе безъ огня дѣйствовать не можетъ, то есть тутъ и огонь, и огонь въ фитилѣ или зажигательной звѣчкѣ, а наконецъ, что понеже и пушки, и порохъ, и заряжанье, и стрѣлянье производится руками человѣческими, да и руками человѣкъ искусныхъ, а потому и есть тутъ люди, то извольте представить, колико единый пушечный выстрѣлъ напоминаніемъ и соображеніемъ идей въ насъ производитъ. Подобнымъ же образомъ и звукъ музыки, и гласъ поющихъ.

Кок. Подлинно, государь мой, я удивляюсь, что какъ толико разъ я, слышавъ звукъ пушечный, гласъ музыки и гласы пѣній, не ощущалъ всѣхъ сихъ слѣдствій; однако должно, чтобы они въ душѣ моей были, ибо безъ того бы я и заключенія сдѣлать не могъ, но всѣ прежнія въ затмѣніи остаются, и токмо единое первое воображеніе и послѣднее воображеніе, то есть слышу звукъ и какой, ясно являются; но если-бы когда кто хотѣлъ меня о междомѣтныхъ вопрошать, то бы я почювствовалъ, что они мнѣ извѣстны, и что послѣднее заключеніе я правильно учинилъ.

Хр. Я далѣе поступаю: когда идете вы по пристани и дойдете до воды, видя сію текущую воду предъ вами и множество тягостныхъ судовъ, плывущихъ по ней, вы, иже легче сихъ судовъ, ступите-ли смѣло въ воду, чтобы пройтить на Московскую сторону?

Кок. Нѣтъ, государь, я утопиться никакъ не намѣренъ.

Хр. Да кто-же вамъ сказалъ, что вы утопитесь? и развѣ ваше тѣло есть тяжеле сихъ огромныхъ и отягощенныхъ судовъ, которыя ходятъ по Невѣ?

Кок. Да они уже такъ содѣланы, что могутъ плавать по водѣ.

Хр. Но какъ же вы переѣзжаете на ту сторону?

Кок. Въ шлюпкѣ.

Хр. Да шлюпка и сама собою тяжеле, васъ и съ вами купно многихъ гребцовъ и квартирмейстера вмѣщаетъ.

Кок. Но я вамъ сказалъ, что суда такъ содѣланы, и тягость ихъ такъ рас-

положена въ разсужденіи жидкости воды, что тутъ, гдѣ я, какъ ключъ ко дну, пойду въ водѣ, тутъ безопасно на шлюпкѣ переѣзжаю.

Хр. А посему на ясно-ли, что кромѣ заключеній, которыя въ то мгновеніе, какъ приближится къ водѣ, учините о легости дерева, изъ чего шлюпка содѣлана, о искусствѣ мастеровъ, о надежности судна, о правленіи его и о греблѣ, еще и въ предосторожность вашу предупредительное учините заключеніе, что на шлюпкѣ не подвергается опасности, а если-бы самъ восхотѣлъ перейтить, то бы конечно утонулъ?

Кок. Конечно такъ.

Хр. А потому душа ваша не токмю чрезъ чювствіи напамятованіемъ прошедшее, присутствіемъ настоящее, но сообраненіемъ и будущее вамъ представляетъ?

Кок. Безъ сумнѣнія.

Хр. Могутъ, кажется, и скоты, хотя не точно такія, но по крайней мѣрѣ приближающіяся чювствіи имѣть?

Кок. Я было токмо хотѣлъ сіе сказать.

Хр. Но познаніе тягости воды и сравненіе пространностью съ онымъ тѣлъ, могущихъ на ней плавать, и содѣланіе сихъ орудій—не есть-ли дѣло полезное и изящное?

Кок. Конечно.

Хр. Изобрѣтеніе минераловъ и способовъ изъ нихъ вынимать металлы, ихъ разными образы очищать и обдѣлывать, не есть-ли дѣло изящное?

Кок. Безъ сумнѣнія.

Хр. Но въ пространномъ океанѣ по звѣздамъ и по солнцу познавать мѣста, гдѣ корабль обрѣтается, не есть-ли дѣло чудное?

Кок. Конечно.

Хр. Но познаніе небесныхъ свѣтилъ, познаніе ихъ путей, затмѣній, отдаленій и проч., не есть-ли дѣло преизящное?

Кок. Сіе бы, казалось, превосходитъ силы человѣческія.

Хр. Однако оно есть. А потому, видя сіи громады, обращающіяся въ безмѣрномъ пространствѣ, все въ такомъ благоустройствѣ, что древніе сіе гармоніею или музыкальнымъ согласіемъ назвали; и познаніе, что ни что ни отъ чего быть не можетъ, ведетъ къ познанію, что есть превышній Творецъ всему сему, не есть-ли дѣло превыспреннее?

Кок. Конечно, государь мой, сіе есть дѣло самое высокое, чтобы душа по самымъ чювствованіямъ своего тѣла и видимыхъ вещей могла достигнуть до могущаго ей познанія своего Создателя; и сіе единое, кажется, должно утвердить то, что Моисей повѣствуетъ, что Богъ самъ вдунулъ въ Адама душу живу.

Хр. Все сіе, кажется, превосходитъ понятіе и силы другихъ животныхъ, а потому и утверждается преимущество души человѣческой и особливое, какъ кажется, безсмертіе, дарованное ей, и хотя бы и сего доказательства было довольно, однако я еще и другія предложу, еще ощутительнѣйшія каждому.

Кок. Охотно желаю ихъ слышать.

Хр. Самый сонъ нашъ, сонъ, иже творитъ тѣло наше нѣкоимъ образомъ мер-

тво и нечювствительно, доказуетъ намъ, что мы имѣемъ душу, неподвергнутую къ слабостямъ тѣлеснымъ и всегда бдящую.

Кок. Какъ?

Хр. Развѣ вы никогда ничего во снѣ не видали?

Кок. Какъ не видѣть сновъ?

Хр. Да чѣмъ же вы тогда видите, когда очи ваши затворены?

Кок. Конечно не очами, но вижу, а какъ—изъяснить сего не могу.

Хр. А коли не очами, то конечно душею.

Кок. Сіе конечно имѣетъ великую вѣроятность.

Хр. А потому и можемъ мы заключить, что душа устали не знаетъ и есть не причастна сну.

Кок. Потому что и прежде мы заключили, что душа есть естество духовное, конечно она слабостямъ тѣлеснымъ не подвержена, и сонъ ее точно отяготить не можетъ.

Хр. Убо, что слабостей тѣлесныхъ не имѣетъ и не можетъ быть иное существо, какъ безсмертное.

Кок. Но, государь мой, встрѣчаются мнѣ два возраженія о семъ. Первое— не всегда мы имѣемъ сновидѣніи, но токмо когда въ легкомъ снѣ бываемъ; слѣдственно, когда мы крѣпко засыпаемъ, то должны заключить, что и душа спитъ.

Хр. Заключеніе сіе будетъ несправедливо и противно тому, что мы уже нашли, что душа дѣйствуетъ надъ тѣломъ нашимъ чрезъ способы органовъ, иже суть ея орудіи, которыя когда крѣпкимъ сномъ ослаблены, тогда, хотя душа не спитъ, но дѣйствіи ея нечювствительны; но, какъ скоро сонъ нашъ тонѣ становится, то тотчасъ восчювствуемъ дѣйствіе ея; отчего и происходитъ, что никогда въ сновидѣніи начала мы не видимъ, но вдругъ въ срединѣ дѣйствія находимся; а сіе намъ и доказуетъ, что душа не преставала бдѣть, но бдѣніе ея токмо тогда чювствительно намъ чинится, когда органы чювствъ нашихъ могутъ ей способствовать.

Кок. Второе мое возраженіе есть: что часто намъ въ сновидѣніи представляются такіе вздоры и нелѣпыя дѣяніи, не связанныя единыя съ другими, что сами не можемъ ни разобрать, ни изъяснить, а понеже душа есть существо разумное, то могутъ-ли такія нелѣпицы отъ нея происходить?

Хр. Не вините въ семъ душу, но также наше тѣло и органы. Душа прелагаетъ токмо то чювствамъ, что могутъ они изобразить, но, что изобразить они не могутъ, то изъ направленій души пропадаетъ. Въ примѣръ сему можно сказать: естьли бы человѣкъ разсудилъ въ большой бесѣдѣ и при многихъ разговорахъ записывать все, что можетъ услышать и понять, то между многихъ рѣчей, имѣющихъ нѣкую связь, не нашлося-ли бы еще болѣе, которыя ни разума, ни связи не имѣютъ, потомучто не все услышалъ, не все понялъ и не все записалъ?

Кок. Мнѣ случилося въ бесѣдахъ самому сіе дѣлать для шутки, и подлинно, записавъ для шутки, когда станешь читать, то приваживалъ все собраніе въ смѣхъ.

Хр. Подобно такъ дѣлается и съ тѣломъ. Не всѣ сномъ отягощенные органы наши могутъ прелагать; и тако, прелагая токмо вырывомъ части, чинятъ намъ видѣть толь странныя сновидѣніи.

Кок. Я очень доволенъ вашими доказательствами и не могъ думать, чтобы, говоря прежде толико о чювствіяхъ, еще бы столько нашли ихъ къ доказательству о безсмертіи души употребить; и думаю, что уже болѣе не имѣете о сей части ничего сказать.

Хр. Нѣтъ, государь мой, еще имѣю продолжить мое доказательство.

Кок. Охотно желаю слышать продолженіе сего.

Хр. Когда вы читаете исторію Александра Великаго, Цезаря, или слышите знатныя дѣяніи Петра Великаго, или наконецъ дѣла какого знатнаго мужа, не возбуждается-ли въ васъ нѣкой духъ ревности, побуждающій васъ имъ подражать и учинить, чтобы и ваше имя, подобно ихъ, въ свѣтѣ и по смерти вашей знаемо было?

Кок. Конечно; да уповаю, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы сей похвальной ревности не былъ причастенъ.

Хр. А самое сіе движеніе души вашей и показуетъ, что она есть безсмертна, и что, вы хотя ясно сего не чювствуете, однако стремится она къ безсмертію.

Кок. Сіе подлинно вѣроятно.

Хр. Хотя я впрочемъ и не утверждаю вліянья въ насъ познанія, но что касается до сего, то, кажется, сіе есть толь обще, что окромѣ самыя души его приписать ничему не можно. Для сего разсмотримъ всѣ состояніи на земли. Цари созидаютъ огромныя зданіи, на коихъ изваяваютъ свои имена, строятъ въ свое имя грады, становятъ статуи, сочиняютъ законы, производятъ войны, вельможи и богатые также содѣлываютъ строеніи и, статуями и живописью прелагая образъ свой, стараются, чтобы имена ихъ въ какіе памятники были вмѣщены, и повелѣваютъ себѣ содѣлывать великолѣпныя гробницы. Художники и ученые истощеваются отъ трудовъ, чтобы что изящное содѣлать, и имена свои при сочиненіяхъ своихъ полагаютъ. Самые земледѣльцы желаютъ, чтобы хотя камень какой на ихъ могилу былъ возложенъ, дабы, сколько ни есть, память ихъ осталась; радуются имѣть дѣтей, яко о прелагающихъ (потомству) имя ихъ.

Кок. Конечно, сіе чювствованіе кажется быть всеобще, хотя и не всякій причину или начало его понимаетъ.

Хр. А ко всему сему, душа, яко безплотная, частей не имѣющая, дѣйствующая сама собой, удобная къ познаніямъ и къ откровеніямъ, проникающая даже до познанія Божества и не могущая отяготиться ни сномъ, ни другими тягостями тѣлесными, должна безсмертна быть.

Кок. Вы подлинно двѣ статьи вашея бесѣды весьма съ хорошими доказательствами окончали; и казалось бы уже не требовалося болѣе доказательствъ о безсмертіи души, но, пожалуйте, удовольствуйте мое любопытство сказаніемъ мнѣ, какіе народы полезное сіе ученіе принимали, и которые отвергали.

Хр. Охотно, государь мой. Я первыми буду считать Египтянъ, яко древнѣйшій народъ, если не естествованіемъ своимъ, то, по крайней мѣрѣ, мудростью. Они не токмо безсмертіе души принимали, чего ради и состроивали огромныя пирамиды и другія зданіи для погребенія ихъ мертвецовъ, въ которыя намащенныя тѣла полагали, мня, что, пока тѣло цѣло пребываетъ, душа его часто посѣщаетъ; но также и наказаніе злымъ и награжденіе благимъ полагали, яко мы видимъ по взаимствованной отъ нихъ Греками богословіи. Вавилонцы и Сиріане также признавали безсмертіе души, ибо безъ того бы не могли они древнихъ своихъ героевъ живыми почитать. Персы получившіе ученіе свое отъ Зороастра или Зердука, оное также принимали, яко самыя бредни Манеса*), взаимствующаго отъ нихъ въ христіанскій Законъ нѣкоторыя мнѣніи, показуютъ. Греки, какъ я выше сказалъ, иже отъ Египтянъ принесли свое богословіе, также безсмертіе душъ сужденіе ихъ послѣ смерти тремя адскими судіями, награжденіе благихъ въ поляхъ елисейскихъ и казнь въ тартарѣ принимали. Латинцы, пріявшіе отчасти отъ Грековъ ученіе свое, также безсмертіе душъ, рай и адъ признавали, яко свидѣтельствуетъ сіе Виргилій и даже уставленныя отъ нихъ жертвованіи тѣнямъ мертвыхъ душъ. Самые вновь узнанные нами народы, изъ коихъ древнѣйшіе суть Индіане; брахманы ихъ безсмертіе душъ принимаютъ и, хотя, заблуждаяся, содержатъ догматы прехожденія ихъ въ разныя тѣла, но сіи мудрецы ихъ, издревле прилежавшіе къ наукамъ, токмо изобрѣли, не зная, какое-бы наказаніе или награжденіе учинить разнымъ образомъ жившимъ на землѣ смертнымъ, не хотя однако къ вѣчному мученію души грѣшниковъ осудить. Китайцы, равнымъ же образомъ единый изъ древнѣйшихъ народовъ, сіе утверждаютъ. Американцы, Мексиканцы и Перуанцы считали души праотцевъ ихъ живыми и живущими въ нѣкоихъ блаженныхъ островахъ, и общимъ образомъ всѣ народы древніе и новые сію истину за основательную ихъ вѣры согласно почитали.

Правда, случилось мнѣ нѣгдѣ читать, что новыми путешественниками на нѣкоторыхъ островахъ найдены были такіе малые народы, которые никакого понятія ни о какомъ законѣ не имѣютъ, и ниже въ языкѣ ихъ находится именованіе соотвѣтствующее Богу. Но первое, я не знаю, чтобы нѣсколькимъ семьямъ скитающимся, каковы сіи суть, можно было и имя народа приписать; второе, должно изслѣдовать, что повѣствующіе сіе путешественники могли-ли подлинно и знать ихъ мнѣніи о вѣрѣ и о Вышнемъ Естествѣ; третіе, знали-ли ихъ языкъ, и потому нѣтъ-ли у нихъ какого другого слова, которое метафорою наименованіе Божества изъяснясть, а съ слѣдствіемъ сего влагаетъ имъ

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Очевидно авторъ говоритъ о Мани, основавшемъ секту Манихеевъ (III в. по Р. Х.) Въ ученіи Манихеевъ соединялись нѣкоторыя положенія Христіанской вѣры съ представленіями Зороастра о борьбѣ царствъ свѣта и тьмы, или добра и зла. Ученіе Манихейское св. Василій Великій (I правило изъ I посланія къ Амфилохію Иконійскому) называетъ ересью—а не расколомъ —«ибо здѣсь есть явная разность въ самой вѣрѣ въ Бога».

и мысли о безсмертіи души. Но, хотя бы и все сіе точно такъ было—подобно какъ между Европейцами заблужденіе нѣкоторыхъ лжемудрыхъ, отвергающихъ безсмертіе души, не можетъ содѣйствія на всѣхъ Европейцовъ имѣть — тако и незнаніе сихъ въ нуждѣ и въ невѣжествѣ скитающихся малаго числа семей, безъ правленія, безъ закона и безъ всякаго порядка, не можетъ учинить исключеніе моему предположенію, что всѣ народы свѣта утверждаютъ оное.

Кок. Но, государь мой, между многими народами, которыхъ вы мнѣ именовали, вы ничего не упомянули о Іудеяхъ, а сіе обстоятельство многіе и пріемлютъ за важное, что въ данномъ имъ отъ Бога Законѣ отъ самого Бога ничего о безсмертіи души не помянуто, но всѣ наказаніи и награжденіи суть для настоящія жизни.

Хр. Суесловятъ сіи. Не могу я припомнить всѣхъ словъ Священнаго Писанія, но, сколько мнѣ теперь на память придетъ, вамъ предложу, съ показаніемъ, чего ради и еще не яснѣе въ Ветхомъ Завѣтѣ изъяснено оное; и для сего хочу васъ вопросить, помните-ли вы первую заповѣдь изъ десятословія?

Кок. Конечно помню.

Хр. А какъ она начинается?

Кок. Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя изъ земли Египетскія изъ дому работы.

Хр. Сіи реченіи суть праведны для того роду, который былъ изведенъ, но не для того, который черезъ сто или двѣсти лѣтъ послѣ жилъ, ибо тотъ родъ не былъ изведенъ изъ земли Египетскія и отъ дому работы.

Кок. Какъ, государь мой, развѣ вы отвергаете сію первую заповѣдь, сочиняющую основаніе Христіанскаго Закона, яко доказующую Естество Божіе?

Хр. Сохрани мя, Боже, когда сіе и подумать, но самою ею я и доказываю безсмертіе души; ибо, говоря Богъ въ настоящемъ времени, что извелъ ихъ изъ земли Египетскія, говоритъ купно къ прешедшему роду, хотя умершему тѣлами, но живущему по безсмертію души, равно какъ къ настоящему роду, разумѣя при томъ не токмо плотское изведеніе изъ Египта, но и духовное, яко освобождающее ихъ отъ соблазна идолослуженія, и не токмо давшаго имъ въ наслѣдіе землю обѣтованную, но и Законъ свой Божественный.

Кок. Простите мнѣ, государь мой, что я усумнился о мысляхъ вашихъ. А теперь я узнаю тонкое ваше разсужденіе; но я не думаю, чтобы каждый противурѣчащій на сіе могъ согласиться.

Хр. Лишенный зрѣнія да пребудетъ слѣпъ, если слѣпота ему пріятна. Но есть еще яснѣйшія выраженіи въ Священномъ Писаніи о безсмертіи души.

Кок. Какія они?

Хр. Не во многихъ-ли мѣстахъ Богъ себя называетъ Богомъ Авраама, Исаака и Іакова?

Кок. Конечно такъ, и я сіе помню.

Хр. То, если души ихъ купно съ тѣломъ исчезли бы, Богъ, взявъ въ Зако-

нѣ сіе именованіе, назвалъ бы себя Богомъ того, чего уже нѣтъ; но онъ называетъ себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, показуя чрезъ сіе, что, хотя они плотію и умерли, но въ самомъ дѣлѣ души ихъ живы суть. А дабы и еще отнять всякое сумлѣніе, то еще прилагаетъ: «Нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ»; то все сіе недоказываетъ-ли, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ преданіе о безсмертіи души есть утверждено?

Кок. Я признаю силу вашихъ доказательствъ, однако совсѣмъ тѣмъ несть нигдѣ упоминовенія ни о награжденіи и наказаніи въ будущей жизни, но все обращается на плотское.

Хр. Да и быть сему инако было не можно, потому что Христіанскій Законъ открылъ намъ, что мы всѣ были подъ клятвою законною, что Христосъ искупилъ насъ кровію своею, разрушилъ вереи адовы, содержащія связни; то, не могши лгать, Богъ не могъ и обѣщать тогда безплотныя имъ награжденіи, какъ тогда, когда совершится отъ вѣка положенное искупленіе рода человѣческаго. Непонятно бы и странно было такое обѣщаніе грубому и предавшемуся единой плоти Іудейскому народу, а потому, нѣкоими изъясненіями внушивъ имъ безсмертіе души, довольствовался таинство искупленія открыть нѣкоимъ своимъ избраннымъ, кои и о жизни вѣчной, о награжденіяхъ и наказаніяхъ ясное понятіе имѣли; обще же народу обѣщалъ тѣлесныя и плотскія возмездіи и наказаніи и, поелику почти всегда самъ чудесами своими управлялъ сей народъ непосредственно, то воздаяніи сіи исполнялись побѣдами и обильствомъ во времія ихъ повиновенія, побѣжденіями же, плѣномъ и гладомъ во время ихъ ослушаній.

Кок. А изъ сего и выходитъ, что въ обще Іудейскій народъ не имѣлъ понятія о безсмертіи души.

Хр. Извините меня, государь мой, вышепомянутыя мною слова извѣстны были всему народу, въ моленіяхъ своихъ они быть племенемъ Авраама, Исаака и Іакова воспоминали, яко угодниковъ Божіихъ и сущихъ живыхъ предъ Богомъ; гордились предъ другими народами симъ своимъ происхожденіемъ, и въ доказательство сему ясно намъ есть, что и нынѣ живущіе между насъ Іудеи, сохранившіе все преданіе отцевъ своихъ, купно съ вышеписаннымъ, и безсмертіе души обще принимаютъ.

Кок. Я не могу не доволенъ быть всѣми вашими изъясненіями, доказывающими мнѣ, съ коликимъ тщаніемъ вы изслѣдовали сію важную причину; но помянули вы мнѣ мнѣніи народныя; а вамъ извѣстно, что часто и политическія обстоятельствы могутъ производить нѣкоторые догматы въ вѣрѣ, яко безсмертіе души и угрозы, что не токмо въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ вѣчное наказаніе за преступленіе человѣкъ претерпитъ; равно какъ и воздаяніе за благія дѣла весьма могло послужить лучшими народы содѣлать; ибо, помнится мнѣ, единый мудрый мужъ нѣгдѣ сказалъ, что гражданскіе законы могутъ токмо отвратить внѣшнія преступленіи; увѣреніе же

о безсмертіи души, о раѣ и адѣ и въ мысляхъ учиненныя преступленіи предупредитъ. Къ тому же извѣстно вамъ, что не всегда и общія народныя мнѣніи бываютъ справедливы, то желалъ бы я отъ васъ узнать, что о безсмертіи души мнили изящнѣйшіе мудрецы, сирѣчь тѣ, кои добродѣтелью, разумомъ и проницаніемъ своимъ отъ другихъ отличались; жили въ обществѣ, не бывъ участники порокамъ онаго, и, можно сказать, составили на любомудріи своемъ себѣ законъ, которому повиновались, и который не могъ быть противенъ никакому благоустроенному правленію.

Хр. Развѣ вы запамятовали, что я и при началѣ сея бесѣды сказалъ, что и мнѣніемъ сихъ самыхъ увѣреніе мое утверждаю?

Кок. Простите мнѣ, государь мой, я истинно то позабылъ, но таперь желаю о семъ со вниманіемъ слушать.

Хр. Если бы я вамъ именовалъ токмо Пиѳагора, который вѣрилъ безсмертію души, но, какъ онъ почерпнулъ свое ученіе отчасти отъ Индіанъ, то, не зная лучше что сказать, увѣренъ былъ о преселеніи душъ; также бы Сократа и ученика его Платона, также утверждающихъ безсмертіе души,—то бы и сего казалося быть довольно, но я не сокращусь на сихъ трехъ изящнѣйшихъ философахъ, а представлю вамъ еще многихъ другихъ, какъ изъ Грековъ и Латинцевъ, такъ и изъ другихъ народовъ.

Кок. Я весьма охотно желаю сіе слышать.

Хр. И тако, окромѣ трехъ именитѣйшихъ, о которыхъ я Вамъ уже выше упомянулъ, колико могу упомнить, утверждающіе безсмертіе души суть слѣдующіе любомудрцы, коихъ имена ни время, ни премѣна закона, обычаевъ и языковъ загладить не могли. Перваго и древнѣйшаго изъ сихъ считаютъ Фалеса Милезіанскаго, Фересида Сиріанина, учителя Пиѳагорова, Зенона и послѣдователей его—стоическихъ философовъ, которые, хотя не смѣли точно утвердить душу быть безплотну, однако считали, что она несравненно долѣе пребываетъ въ существѣ, нежели тѣло, а самымъ симъ нѣкоимъ образомъ и безсмертіе ея утверждали; ибо положить ея естествованіе безъ тѣла съ такимъ тонкимъ существомъ, которое не можетъ ни отъ чего чювственнаго поврежденіе имѣть, не толи сіе есть самое, что и безсмертіе ея утвердить, яко они твердымъ и для безсмертія единаго клонящимся поступкомъ и доказывали.

Аристотель, толь изящный философъ—причина толикихъ распрей въ позднія времена, что единые его яко совсѣмъ не здраво разсуждающаго отвергали, другіе же его яко истолкователя самого Священнаго Писанія почитали и мнили всю истинну въ единой его философіи найтить, не смѣя и покуситься болѣе ее изыскивать,—подалъ причину пристрастнымъ толкователямъ разнственно его мнѣніе о безсмертіи души толковать; но подлинно есть, что онъ въ единомъ мѣстѣ сказалъ, что душа есть первое естественное дѣйствіе органическаго тѣла, иже имѣетъ жизнь въ своей власти, а пото-

му, что власть надъ жизнію имѣетъ, не есть-ли безсмертно?

Цицеронъ, сей политикъ, военно-начальникъ, риторъ и философъ, коего единое имя составляетъ нѣкое утвержденіе, помнится, нѣгдѣ говоритъ: «не обрѣтаю ничего въ вещественномъ существѣ, что бы могло помнить, думать, воспоминать прошедшее, разсматривать настоящее и предвидѣть будущее. Сіи силы суть божественны, и не можно обрѣсти, откуда бы человѣкъ могъ ихъ почерпнуть, кромѣ какъ отъ Бога, а потому сіе нѣчто, иже чувствуетъ, вкушаетъ и хощетъ, есть небесно и божественно, слѣдовательно и должно быть безсмертно».

Такія были мнѣніи древнихъ философовъ, изъ которыхъ я токмо малое число вамъ именовалъ. Но, какъ и стихотворцы у древнихъ не токмо философами, но и вдохновенными Божественнымъ духомъ считались, то не за безполезное нахожу и о нихъ упомянуть: Мусей и Орфей, иже древнѣйшіе были изъ греческихъ стихотворцевъ, сіи, колико намъ извѣстно, утверждаютъ безсмертіе души, равно награжденіи и наказаніи въ будущей жизни; тоже чинитъ Омиръ и изящнѣйшій изъ латинскихъ стихотворцевъ Виргилій. У Китайцевъ славный Конфуцій утверждалъ безсмертіе души, а брахманы, иже суть индѣйскіе философы, всѣ за непоколебимый догматъ сіе поставляютъ.

Кок. Я не могу довольно, государь мой, надивиться памяти вашей и твердости вашего духа, что при такихъ обстоятельствахъ вы можете толь много различныхъ вещей и съ таковымъ порядкомъ воспоминать. Но вы все мнѣ говорили о тѣхъ философахъ, которые утверждаютъ безсмертіе души, а ничего мнѣ не сказали о тѣхъ, которые ее смертью считаютъ. Я думаю, что сіе васъ не отяготитъ, если вы мнѣ о семъ изъясните.

Хр. Охотно сіе учиню, государь мой, и твердость моей души, которой вы удивляетесь, новую пищу отъ самого и сего, служащаго къ показанію истинны безсмертія души, получитъ. И тако я начинаю. Весьма находилось мало такихъ, которые не признавали безсмертія души, въ сравненіи съ тѣми, которые сіе утверждали, и, колико я могу упомнить, главнѣйшіе изъ нихъ суть четыре: Эпикуръ, Лукреційй изъ древнихъ и Спиноза и Гобесъ изъ новыхъ, которые всѣ на единой системѣ, противной существу вещей, мнѣніе свое утверждали. Они считали единакость во всемъ веществованіи, и токмо разные атомы, разными образами сопряженные, составляли разныя существа, въ томъ числѣ и душу не иное, какъ атомомъ или сопряженіемъ атомовъ почитали. А понеже по математическому правилу каждый атомъ, какъ бы малъ ни былъ, долженъ имѣть верхъ, низъ и бока, убо есть удобенъ къ раздробленію, а потому и душа могла чрезъ раздробленіе погибнуть и въ неисчетно малые атомы возвратиться. Но безуміе сей системы ясно видно: понеже все изъ атомовъ составлено, и душа самая; атомы суть равно свойственны, —слѣдственно и все есть душа, а потому и выходитъ, что либо все душа въ свѣтѣ

и душа равносвойственная, а токмо имѣющая разныя образованiи, или во всемъ ея нигдѣ нѣтъ.

А посему не смѣю я симъ философамъ имя мудрыхъ, по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ, дать. Ибо окромѣ, что несообразная такая система никакой мудрости не показуетъ, но, напротиву того, и есть вредна всякому обществу людей, ибо тщетно строгiе законы будутъ чинить преграды преступленiямъ, никогда не могутъ ихъ совсѣмъ истребить, ибо законы управляютъ единую внѣшность людей, а безсмертiе души и увѣренiе награжденiй и наказанiй ея по смерти управляютъ самою внутренность человѣка.

Кок. Истинно удивляюсь я, государь мой, какъ въ прочемъ являющiеся люди разумные могутъ испровергать безсмертiе души?

Хр. Не вѣрьте имъ, государь мой,—они сiе по внѣшности токмо творятъ, но въ самомъ дѣлѣ они чувствуютъ, что утвержденiи ихъ несправедливы.

Кок. Какъ, государь мой, и чѣмъ вы можете сiе доказать?

Хр. Самымъ ихъ ежедневнымъ поступкомъ.

Кок. Какимъ?

Хр. Всѣ тѣ, которые безсмертiе души отвергаютъ, не меньше намъ являются попечительны сохранить имя свое и по смерти своей, а самое сiе и не доказуетъ-ли, что непреоборимое чувствiе души ихъ о своемъ безсмертiи, противу воли ихъ, въ нихъ пребываетъ, и самые тѣ, названные философами, которые я именовалъ, сочиняя книги во изъявленiе своихъ мыслей, полагая тщанiе свое ихъ исправлять, и надписывая имена свои, не точно-ли свидѣтельствуютъ, что они безсмертiя желаютъ, и что душа ихъ ощущенiе сiе имѣетъ; ибо безъ того, зачѣмъ бы и желать имя свое потомству преложить? ибо къ чему пользуетъ исчезшему пару память, что онъ былъ?

Кок. Позвольте мнѣ, государь мой, на сiе вамъ возразить. Обое сiе ихъ внутренное ощущенiе о безсмертiи души не доказуетъ; ибо первое могли они чинить по любви къ роду человѣческому, дабы отвратить души простыхъ людей отъ боязни, каковую имъ наноситъ увѣренiе о безсмертiи души, и знаемыя имена свои на трудахъ своихъ подписали, дабы тѣмъ болѣе придать силы своимъ вѣщанiямъ; а второе—желанiе ихъ безсмертiя и паче показуетъ, что не предубѣжденiе какое ихъ нудитъ безсмертiе души опровергать, но слѣдствiе ихъ разсужденiй.

Хр. Возраженiи ваши имѣютъ довольную силу. Но въ семъ случаѣ, если и таковыя ихъ мысли, они не имѣютъ слѣдствiя сходнаго съ ихъ намѣренiями; ибо первое, ежели они хотятъ людей избавить отъ безпокойства, каковое имъ приключаетъ безсмертiе души, то, слѣдственно, все и должны относить къ плотскимъ удовольствiямъ; вмѣсто того, что ученiе ихъ въ разсужденiи души есть плотское, въ разсужденiи же нравственныхъ добродѣтелей есть духовное; ибо и самъ Эпикуръ въ право-ученiи своемъ за прiятнѣйшую роскошь исполненiе добродѣтели полагалъ, а потому и приготовлялъ душу къ безсмертiю, отвергая его. Второе—

не болѣе есть сообразенъ ихъ поступокъ въ разсужденіи рода человѣческаго, о коемъ Вы почитаете, что они сожалѣли и хотѣли его отъ страху будущія жизни свободить. Взирая на родъ человѣческой и дѣлая сравненіи между наслаждающимися счастіемъ и спокойствіемъ съ тѣми, которые разными несчастіями обременены суть, коль мало первыхъ найдется, и коль великое число другихъ. Благоразуміе же требуетъ, чтобы дѣлать добро большему числу предпочтительно предъ малымъ, а сіи отверженіемъ безсмертности души въ самомъ дѣлѣ счастливымъ едвали прибавили счастья, а у несчастливыхъ послѣднюю надежду отняли, оставляя токмо имъ концемъ ихъ золъ совершенное уничтоженіе изъ бытія. Когда они толь неосновательно и въ ощутительныхъ вещахъ разсуждали, то, разсудите, государь мой, какой они вѣры достойны, когда о неощутительныхъ разсуждаютъ? Желаніе ихъ содѣлать себѣ безсмертіе подлинно является показывать ихъ безпристрастіе, да я никогда и не думалъ, чтобы какое пристрастіе въ ихъ ученіи было, но худая логика, затмившая ихъ разумъ, сквозь который, яко сквозь густую тучу, проникаютъ лучи истинны чувствованіемъ самыя души ихъ, желающей безсмертія; ибо, въ самомъ дѣлѣ, есть-ли что ни есть противурѣчительнѣе: чрезъ нѣсколько часовъ окончится жизнь тѣла моего, съ нимъ вмѣстѣ исчезнетъ душа моя, и я буду ничто иль въ нечувствительное вещество претворяюсь, а однако жить хощу нещетные годы?

Наконецъ представимъ мы себѣ въ примѣръ такого наисильнѣйшаго испровергателя безсмертія души, но имѣющаго нравы честные и ведущаго жизнь свою сходственно съ установленными законами, но обремененнаго несчастіями; и скажемъ ему, что, дабы онъ могъ поправить свое состояніе, надлежитъ ему содѣлать какое ужасное преступленіе, которое не токмо не будетъ въ жизнь его наказано, но и никѣмъ увѣдано; но, какъ скоро онъ умретъ, такъ скоро вся мерзость его поступка откроется наружу, тѣло его лишено будетъ погребенія и повергнуто, яко недостойное, и память его обезчещена, и наконецъ имя его изъ роду въ родъ, яко имя мерзкаго преступника, будетъ прелагаться; мните ли вы, — ибо я исключаю такихъ изверговъ, каковъ былъ Еростратъ, и такихъ, которые, не мня ни о смертности, ни о безсмертіи души, всякія злодѣяніи и не страшась наказаній содѣлываютъ, — что бы кто сіе исполнилъ?

Кок. Во истинну сумнѣваюсь.

Хр. А я заподлинно увѣренъ, что сего никто такой не учинитъ по неизвѣстному ему чювствію безсмертія души, о которомъ онъ думаетъ, что сіе есть чювствіе о своей славѣ. Но къ чему тому слава, который совсѣмъ исчезнетъ, и коего душа вмѣстѣ съ тѣломъ погибнетъ? А посему и ясно видно, что равно доказательствы ихъ не имѣютъ слѣдствія, какъ и поступокъ ихъ противурѣчителенъ есть.

Кок. По симъ вашимъ словамъ я истинно удивляюсь: какъ толь ощутительныя истинны не проникнутъ въ сердце отвергающихъ толь полезное и святое мнѣніе!

Хр. Еще удивительнѣе вамъ покажется, ежели мы обратимъ взоръ свой на небеса и на все творенiе; когда воззримъ на сiе неизмѣримое пространство, идѣже толпы громадныхъ тѣлъ толь странно обращаются въ предписанномъ имъ пути, пресѣкая окружныя свои теченiи и никогда не сталкиваясь между собой; на благоподательные лучи солнца, оживляющiе всю тварь, на взаимственный свѣтъ лунный, дающiй свѣтлость во время мрака нощнаго, на теченiе и полезность водъ, на населяющихъ разныхъ животныхъ вселенную, имѣющихъ каждаго нужные члены для снисканiя себѣ пищи, на растенiи древесъ, былей и травъ, производящiя сѣмена; и когда, яко восхищенны удивленiемъ, вмѣстѣ со псаломникомъ возопiемъ: «вся премудростью сотворилъ еси», и паки: «небеса повѣдаютъ славу Божiю», ибо въ самомъ дѣлѣ, видя толикое устройство природы, не все-ли намъ возвѣщаетъ, что есть Вышнее Естество, сотворившее непонятною премудростью все видимое и невидимое нами; а сiе естество есть Богъ. Сiе первое заключенiе и ведетъ насъ, купно съ познанiемъ, уразумѣть, что онъ есть во всемъ совершенъ, а потому благъ и правосуденъ.

Таперь отъ сего начала слѣдуетъ наше заключенiе относительно къ человѣку. Мы видимъ его одареннаго премудростiю, единаго изъ животныхъ могущаго собственнымъ своимъ разсудкомъ достигать до познанiя Божества, открывшаго множество тайностей природы, составившаго обществы и законы, по коимъ жить ему подобаетъ; но тогда же видимъ его рождающагося слабаго, безоружнаго. Открывши первый разъ очи свои на свѣтъ, воплемъ первые знаки жизни изъявляетъ, въ слабости и болѣзняхъ препровождаетъ свое младенчество, во изученiи младость, въ трудахъ совершенныя лѣты, а наконецъ въ болѣзняхъ и въ ослабленiи паки до конца жизни своей достигаетъ. Колико въ теченiи жизни его онъ долженъ претерпѣть? Болѣзни его отягощаютъ, премѣна времянъ, дѣлая чувствительность его тѣлу, наводитъ ему безпокойство, недостатки снѣдаютъ его внутренную, власть сильнѣйшихъ его терзаетъ; однимъ словомъ нѣтъ возможности выдумать такихъ золъ, коимъ бы каждой человѣкъ не подвергнутъ былъ. Между сими еще должно учинить раздѣленiе; единые, которые, возложа надежду свою на Вышняго, по правиламъ добродѣтели направляютъ всѣ стопы жизни своей, и сихъ есть меньше, и они же наиболѣе другихъ претерпѣваютъ разныя несчастiи; напротиву того большая часть другихъ, жертвуя все хотѣнiю своему, изъ страстей своихъ составляютъ себѣ кумира, которому единому тщатся угодить; оттуда происходятъ неправосудiи, грабежи, злобы, мщенiи, убивствы и прочее. Стенятъ несчастные, раззорены отъ злобы и мщенiя, трепещутъ безсильные, кровь безвинныхъ ручьями льется, и несчастныя вдовы и лишенные родителей своихъ младенцы, спознавъ прежде дѣйствiя несчастiя, нежели имя свое изрещи могутъ, злосчастной вѣкъ свой начинаютъ. Однако видимой судъ Божiй ихъ не постигаетъ, и продолженiе часовъ та-

кихъ жизни есть продолженіе ихъ преступленій и соплетеніе нещастій народныхъ. Такъ развѣ нѣтъ правосудія Божія? Такъ развѣ безъ всякаго попеченія Творецъ оставляетъ свои твари? И не таковое-ли обращеніе свѣта подало причину къ таковымъ мнѣніямъ нѣкоимъ суемудрымъ? Но несть сего. Трепещу, что, побужденъ самою причиною, дерзнулъ слова сіи изрещи. Богъ есть совершенъ, а потому благъ и правосуденъ. Благостью своею онъ насъ никогда не оставляетъ; питаетъ насъ щедростью своею и милосердіемъ утѣшаетъ. Правосудіе его есть, но не такое, какое мы хотимъ по бреннымъ нашимъ чувствіямъ установить. Не машины онъ, но разумныхъ тварей сотворилъ, а потому и далъ намъ свободу послѣдовать или нѣтъ его святому Закону, да не отъ рабовъ, но отъ вольныхъ востребуетъ слово въ дѣлахъ ихъ, предоставляя же себѣ учинить благимъ воздаяніи и злыхъ наказаніи, соразмѣрныя по дѣяніямъ ихъ и вѣчныя, яко безсмертенъ есть. А по сему и ясно есть, что видѣніе наше намъ всесильнаго и премудраго Создателя представляетъ, а увѣреніе о его естествѣ увѣряетъ насъ о его совершенствахъ; совершенствы же его изъявляютъ намъ о его правосудіи, а правосудіе, въ разсужденіи свѣтскаго обращенія,—награжденіе и наказаніе, слѣдственно, и безсмертіе души. И тако не можно сіе отвергнуть, не отвергнувъ и естествованіе Божіе или, по крайней мѣрѣ, его правосудіе, и слѣдственно, его совершенствы, что есть совершенно безумно.

Кок. Я истинно, государь мой, удивляюся, съ какою силою и ясностью текутъ ваши доказательства. Гласъ вашъ, произношеніе и самый видъ показуетъ, коль истиннами сими душа ваша тронута.

Хр. Можно бы, государь мой, приписать сіе къ моему таперешнему состоянію; оно есть то, въ какомъ многіе и не вѣрившіе въ раскаяніе приходятъ. Но я могу васъ увѣрить, что мысли сіи всегда въ сердцѣ моемъ находились, и что я со всѣмъ усердіемъ привязанъ къ той вѣрѣ, въ которой рожденъ и воспитанъ, не по единой привычкѣ, но утвердилъ преданіи, учиненныя мнѣ отъ родителей моихъ и отъ церкви, въ ней же родился, не малыми размышленіями и изысканіями. Я зрилъ противуборниковъ святому Божія Сына Закону; но зрилъ ихъ суесловіи, исчезающія въ моей мысли, яко дымъ или яко прахъ, разгоняемый вѣтромъ отъ основательныхъ истинъ нашего Закона.

Кок. По всему, что я слышу, не могу усумниться, чтобы вы не учинили благоразумныхъ изысканій о сей важной причинѣ.

Хр. Благоразумными не инако я ихъ могу почесть, какъ токмо по намѣренію; ибо кто совершенно можетъ проникнуть всѣ таинствы Божіи? Но употребилъ я для изысканія исторіи нашего Спасителя и его, равно и предложенныхъ учениками его намъ догматъ, образъ судебный.

Кок. Какъ сіе?

Хр. Не правда-ли, государь мой, что въ судебномъ обрядѣ требуется: 1-е чтобъ дѣло было вѣроятное, и какія были къ нему приготовленіи, 2-е какъ оно было

исполнено; 3) чтобы были не подозрительные свидѣтели всему сему.

Кок. Такъ расположенныя доказательствы меня истинно удивляютъ, и я конечно любопытенъ ихъ услышать.

Хр. Я къ тому и приступаю. Первое, коль дѣло искупленія рода человѣческаго, воплощеніе Сына Божія и Его страданія превосходитъ всѣ понятіи разума человѣческаго, а потому являлося бы невѣроятно, но строеніе Божіе тако сіе расположило, что и самый простой человѣкъ, которой восхочетъ токмо размыслить съ нѣкоимъ знаніемъ, всю нужную вѣроятность въ семъ обрящетъ. Тѣмъ: Священное Писаніе Ветхаго Завѣта есть книга древнѣйшая, каковая намъ донынѣ извѣстна на свѣтѣ. Что она по большей части Боговдохновеніемъ писана, то самый ея слогъ, простота и безпристрастіе доказуетъ. Сія книга, долго сокрытая у единаго токмо народа, прежде Рождества Христова была уже переведена на общайшій тогда ученый языкъ, то есть на греческій, и находилася уже не токмо въ рукахъ въ не маломъ числѣ разсѣянныхъ по разнымъ странамъ Іудей, но и у самыхъ язычниковъ; а потому уже всѣмъ извѣстна учинилася. А сія книга какъ въ писаніяхъ Моисеовыхъ, такъ и въ пророкахъ, содержитъ въ себѣ обѣщаніи и пророчествы пришествія Мессіи, описуетъ его низкость, изъявляетъ чудеса, предвѣщаетъ невѣріе Іудей, страданіе Спасителя, Его воскресеніе и славу. А дабы самое сіе еще вѣроятнѣе учинить, примѣшаны тутъ и другія пророчествы какъ о Іудеѣ, такъ о Сиріи и Египтѣ, которыя толь точно уже собылись, что противники вѣры нашея не могли иного сказать, какъ суемудренно и противно всей истиннѣ содержали, что они послѣ исполненія были писаны; яко сіе учинилъ Порфирій. Сіи книги находятся въ рукахъ у нашихъ злѣйшихъ противниковъ, тѣхъ, кои содѣяли преступленіе распять Іисуса Христа; сіи книги, толь ими почтенныя, что даже они описываютъ число строкъ и литеръ, находящихся въ нихъ, свидѣтельствуютъ противу ихъ, что ожидаемый Мессія уже пришелъ и исполнилъ все. Самое ихъ расточеніе по лицу земли, гдѣ безпрестанно продолжающимся чудомъ ненавидимы отъ всѣхъ, гонимы и, живущіе среди другихъ народовъ, съ ними не смѣшались, а живутъ между другихъ съ книгами своими и суть проповѣдники сея великія истины, что Христу надлежало прійти, и что онъ уже пришелъ. Довольны ли вы сими предупредительными доказательствами?

Кок. Совершенно.

Хр. Что оно было исполнено и со многими чудесами, свидѣтельствуютъ сіе не токмо евангелисты и апостолы, но и самые враги вѣры нашея. Обращеніе множества народа послѣдовать ученію того, которой яко преступникъ на крестѣ умеръ, и сіе безъ всякихъ обѣщаній земныхъ благъ, но паче съ прореченіемъ гоненій и несчастій, среди казней и гоненій, въ противность изволенія начальствъ, и сіе самое не составляетъ-ли такого чуда, которое единое должно увѣрить въ истинѣ всего того, что евангелисты и апостолы намъ возвѣщаютъ? Чудо и донынѣ пре-

бывающее, ибо низвергнулись идолы, раззорилися ихъ храмы, и, если видны еще нѣкіе остатки, то они служатъ знаменіями побѣды нашего Закона надъ прелестью діавольскою. Кѣмъ же все сіе по вознесеніи Спасителя учинено? Бѣдными и неученными людьми, не имѣющими ни знанія, ни краснорѣчія, а однако они и силу, и науку, и краснорѣчіе побѣдили и на всѣхъ сихъ суетахъ мірскихъ воздвигли основаніе всегда воюющей, но никогда не побѣжденной церкви Христовой!

Слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какіе суть свидѣтели всему тогда собывшемуся. Сказалъ уже я, что евангелисты и апостолы были люди простые и неученные, не имѣющіе никакого честолюбія и по плотскому болѣе бы могли себѣ найтить пользы послѣдовать тому закону, въ коемъ родились, и быть согласны со мнѣніемъ того народа, гдѣ они жили. Но несть. Истинна, ихъ избравшая ко уловленію человѣковъ, заставила ихъ оставить все плотское, чтобы истину проповѣдывать.

Предъ кѣмъ и когда они ее проповѣдывали? Предъ тѣми, которые за нѣсколько предъ симъ недѣль видѣли самого Іисуса Христа, слышали его ученіе, зрили его распятіе, бывшее затмѣніе солнца при ономъ и ощущали бывшій трусъ; предъ тѣми, изъ коихъ не малое число видѣли его воскресшаго изъ мертвыхъ и вознесшагося на небеса; предъ тѣми учителями, которые, распявши его и сказавъ, яко бы ученики его украли, видя оныхъ самыхъ проповѣдающихъ его воскресеніе, не учинили ни слѣдствія, ни наказанія, но токмо довольствовались имъ запрещать проповѣдывать Іисуса Назорея; то сіи самые противники, слыша ихъ свидѣтельство и не имѣя ничего возразить, не учинились ли и сами свидѣтелями сему? Обратя многихъ во Іерусалимѣ, и уже слава проникнула въ другія страны, пошли апостолы проповѣдывать слово Божіе по другимъ ихъ разсѣяннымъ собратіямъ, и тамо вѣрныя извѣстіи, уже предшествующія имъ, Богу же поспѣшающу, учинили, что повсюду сѣмена Евангелія произростали, и стадо Христово умножалось. Все сіе, утвержденное многими чудесами, чистѣйшимъ нравоученіемъ, вскорѣ и язычниковъ зачало привлекать и, не взирая на суевѣріе и строгость начальствъ, по всюду крестъ сталъ побѣдоносенъ; а наконецъ и кровію своею истинну свидѣтельства своего запечатлѣли.

Суесловятъ нѣкоторые, яко бы мученическая смерть апостоловъ не составляетъ непреоборимаго доказательства; ибо де несть вѣры, которая-бы своихъ мучениковъ не имѣла. Сіе правда. Но должно разсмотрѣть, какихъ мучениковъ. Весьма возможно есть, что человѣкъ, утвердяся и во лживыхъ догматахъ, восхочетъ лучше быть умерщвленъ, нежели отстать отъ нихъ. Но здѣсь свидѣтельство есть въ видимости, то есть, видѣли-ли они Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ и восшедшаго на небеса; то не въ естествѣ человѣческомъ есть, чтобы кто, послѣдуя какому обманщику, былъ имъ отвлеченъ отъ своего дому, льстяся нѣкою надеждою, зрилъ его поносной казнію умерщвленнаго, вмѣсто

бы озлобленія, какое долженствовалъ на него имѣть, еще паче привязанъ къ нему сталъ; отложилъ прежде являющуюся въ немъ робость и смертной страхъ, началъ проповѣдывать, что онъ живъ и вознесся на небеса; лишаясь тѣмъ всѣхъ плотскихъ своихъ удовольствій, подвергаясь мучительской смерти и умирая съ радостію, и сіе не единъ, но многіе. А посему свидѣтельство апостольское есть справедливо, и ученіе ихъ свято, увѣряя меня въ безсмертіи души и въ воздаяніи благимъ.

Но се слышу — выстрѣлила пушка, возвѣщающая намъ восхожденіе солнца сегодняшняго дня, котораго захожденіе я уже не увижу. Я знаю, что должность ваша влечетъ васъ отсюда къ принятію рапортовъ о всѣхъ насъ несчастныхъ, подъ стражей вашею находящихся; а мнѣ позвольте, собравъ всѣ мысли души моей, принести моленіе мое Господу, да исправитъ сегодняшній послѣдній путь мой. Вамъ же, благодѣтель мой, приношу мое благодареніе за все соучастіе, которое вы оказывали въ несчастіи моемъ. Но, хотя безъ робости духа я умираю, однако не могу не признаться, чтобъ состояніе жены моей и малолѣтняго моего сына не наносило сердцу моего прискорбія. Препоручаю ихъ въ защищеніе Божіе, а притомъ, зная благосердіе ваше, и васъ прошу: ежели вамъ можно будетъ, утѣшьте ихъ въ горести сей; подайте помощь не чувствующему еще своего несчастія младенцу и, когда достигнетъ онъ до такихъ лѣтъ, когда можетъ слушать повѣствованіе ваше о моей смерти, скажите ему, что я безъ робости умираю; скажите ему, чтобъ онъ главнѣйшую свою надежду полагалъ на Бога, и, если мщеніе на него не распространится, если судьба его получитъ премѣну, скажите ему, чтобы онъ старался быть достоинъ любви и сожалѣнія людскаго, и чтобъ поступкомъ своимъ тщился загладить и то, что есть поноснаго въ смерти отца его, безвинно умирающаго. Прости.

Кок. Ахъ! государь мой, языкъ мой цѣпенѣетъ отвѣтствовать вамъ. Я все сіе исполню.

РАЗСМОТРѢНІЕ

О ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ. *)

Когда уже зима лѣтъ нашихъ одѣляетъ тѣло наше бѣлыми власами, когда ослабленные члены едва могутъ намъ служить, когда очи наши принуждены взаимствовать помощь искусника, чтобъ ясно видѣть вещи, когда страсти наши отъ охлажденія крови ослабѣваютъ, и, не взирая на все, что дѣлаемъ мы, чтобъ себя обмануть, зримъ скорыми стопами приближающуюся смерть: тогда человѣкъ размышляетъ о своемъ прежнемъ состояніи, воспоминаетъ прошедшіе случаи, и можно сказать, что онъ ясно, чрезъ отраженіе лучей, начинаетъ познавать вещи. Ужь страсти его не колеблютъ, происшедшія приключеніи просвѣтили его разумъ, и самолюбіе ослабленное позволяетъ ему и о самихъ прежде бывшихъ совмѣстникахъ его съ такимъ холоднымъ духомъ разсуждать, что якобы онъ никакого участія въ дѣлахъ тѣхъ совмѣстительствъ не имѣлъ.

Какъ несчастливы человѣки, что надлежитъ почувствовать имъ въ себѣ ослабленіе и вблизи узрѣть смерть, дабы всегда нужныя размышленіи учинить. Ибо въ крѣпости лѣтъ своихъ, бывъ увлечены дѣлами и страстьми, болѣе дѣйствуютъ, нежели размышляютъ, и весьма много есть такихъ, которые, многіе годы препроводя въ исполненіи важныхъ дѣлъ, испытанія не пріобрѣли, ибо они болѣе дѣйствовали, нежели размышляли. Присутствіе настоящихъ причинъ закрывало отъ нихъ ихъ начала и слѣдствіи. Оттого происходили ошибки, которыя съ небольшимъ размышленіемъ исправляли(сь бы?), и часто видимъ состарѣвшаго мужа въ дѣлахъ, который всегда дѣйствовалъ, а никогда не размышлялъ, можно сказать, въ младенческомъ невѣдѣніи при старости остающагося.

Се старость, иже насъ приводитъ къ размышленіямъ. Счастливы еще тѣ, которые и въ сихъ позднихъ лѣтахъ, не привыкши къ размышленію въ юности своей, великой сей наукѣ, хотя поздно, тщатся научиться.

Не подражая тѣмъ, которые, закрывъ очи отъ прежняго, настоящаго и будущаго своихъ состояній, яко слѣпые, ко двери гроба приходятъ, воззримъ на человѣка отъ рожденія его, разсмотримъ его воспитаніе, юношество, зрѣлыя лѣта и старость. Пробѣжимъ картину жизни человѣческой въ естественныхъ, политиче-

*) Печатается съ рукописи, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

скихъ и нравственныхъ его состояніяхъ. Сравнимъ его крѣпость и слабость; подивимся его мудрости и безумію и узримъ въ немъ купно тварь, снабженную превыспренними дарованіями и благороднѣйшую, а тогда же лишенную всего, слабѣйшую и подлѣйшую. Разсмотримъ наше рожденіе и все теченіе жизни и, бывъ научены нашимъ собственнымъ испытаніемъ, потщимся сохранить данныя намъ отъ Неба изящныя дарованіи и избѣжать отъ всѣхъ пороковъ нашей природы.

Самое свойство сложенія нашего, при рожденіи нашемъ, является чувствіемъ членовъ нашихъ намъ показывать, что мы къ трудамъ, терпѣнію и несчастію рождаемся. Лишь токмо рождающійся младенецъ узритъ свѣтъ, первое его движеніе состоитъ испускать вопли, яко бы при рожденіи очамъ его встрѣтилась вся громада бѣдствій, которыя, всходя на позорище сего свѣта, онъ будетъ ощущать и, кажется, онъ съ ужасомъ отвергаетъ столь многими злоключеніями наполненную жизнь. Я знаю, что сіе не иное что, какъ естественное дѣйствіе надъ нѣжными членами рождающагося младенца, но самымъ симъ чувствованіемъ природа не является ли въ самое первое мгновеніе его выхожденія на свѣтъ ему предвѣщать, глаголя: «въ первый часъ твоей жизни не удовольствіе, но болѣзнь почувствовалъ ты,—такъ знай, что и вся жизнь твоя болѣзнями и печалями наполнена будетъ!»

Какое начало его жизни! Слабъ членами: ни ходить, ниже ползать не можетъ; языкъ его не можетъ изрещи слова; руки не могутъ и не умѣютъ нетолько ничего пріобрѣсти, но ниже пріобрѣтеннаго донести до устъ его. Единыя слезы изъявляютъ его хотѣніи, часто непонятныя тѣмъ, кто-бы и желалъ помощь ему подать. Сего еще недовольно: множество болѣзней приходятъ терзать нѣжные его члены, болѣзни тѣмъ труднѣйшія, что ни самъ онъ о нихъ изъяснить не можетъ, и что трудно имъ помогать. Коль жестоки сіи записки, хранимыя о мертвецахъ, которыя намъ доказуютъ, что въ первой годъ жизни человѣческой едва пятой живъ остается. Увы! къ чему было видѣть свѣтъ, когда должно толь скоро лишиться! Но нѣтъ, счастливы сіи, которые въ пеленахъ умираютъ; они неподвержены были ко многимъ зламъ, терзающимъ родъ человѣческій. Въ безвинности младенчества своего душа ихъ страстями не упоилась, члены ихъ не сопричастники были никакому злу; жестокая ихъ судьбина, изнурившая ихъ слабостію и болѣзнью, по крайней мѣрѣ предохранила ихъ отъ вящшихъ золъ, которыя бы въ жизни своей претерпѣли. Не странное чиню я предложеніе, называя счастливыми младенцевъ, въ самой ихъ молодости умирающихъ, но основанное на самой чувствительной каждому справедливости. Желающій сему противурѣчить да разсмотритъ теченіе своей жизни, да исчислитъ прилежно всѣ счастливые и исполненные удовольствіемъ ему часы и да сравнитъ ихъ съ болѣзнями, огорченіями, несчастіями, обманами и злоключеніями, которые онъ претерпѣлъ, то коль первыхъ въ сравненіи съ другими будетъ мало. И подлинно, яко говоритъ

единый нашихъ дней любомудрецъ, если бы человѣку при рожденіи его представилось все собраніе золъ, которыя въ теченіе жизни своей претерпѣть долженъ, со ужасомъ бы отвергнулъ дарованную ему жизнь, а какъ онъ сего учинить не можетъ, то счастливъ онъ, по крайней мѣрѣ, что, не много претерпя, чистъ отъ преступленій оную покидаетъ.

Такое есть первое состояніе младенчества человѣческаго. Но се уже члены его укрѣпляются, разсудокъ его начинаетъ хотя слабые лучи являть, языкъ его уже глаголетъ, и онъ отческимъ языкомъ уже можетъ нужды свои изъяснить. Тогда новыя ему огорченіи настаютъ. Чадолюбивые, желающіе здравія и добра своимъ чадамъ родители берегутъ его здравіе, лишаютъ его во многомъ свободы, укрощаютъ его рѣзвость и склонность къ веселію, прилагаютъ стараніе его изучити. Часто слезы младенца орошаютъ сохраняющую его руку, и книга, преподающая наставленіи, оными смочена бываетъ. Не справедливы суть сіи огорченіи и ясно показуютъ слабость еще разума, отвергающаго то, что и въ настоящемъ и въ будущемъ состояніи ему полезно есть, но они суть огорченіи, и онъ въ тѣ часы несправедливыхъ своихъ слезъ конечно веселія и удовольствія не ощущаетъ, а потому и самое сіе время, клонящееся къ его полезности, должно изъ времени удовольствій человѣческихъ исключить. Но увы, какъ долго такое младенчество въ насъ пребываетъ, въ которое мы ожидаемъ имѣть вредныя намъ удовольствіи и сокрушаемся, что ихъ не получили, или что имъ препятствуютъ!

Когда уже въ лѣта юности достигаетъ человѣкъ, когда хорошее сложеніе предвѣщаетъ ему удовольствіи, когда человѣкъ яко цвѣтъ сельный, прозябшій на доброй землѣ, красотою, бодростію и, испещреніемъ.... (?) своихъ, привлекаетъ взоръ мимоходящаго: тогда страсти его колеблютъ, тогда преклонность къ веселіямъ влечетъ его въ распутство, любовь сердце его занимаетъ, праздность и забавы отнимаютъ время отъ размышленія, и всѣ другія страсти, яко испущенныя изъ пещеръ вѣтры, приводятъ всѣ мысли его въ волненіе и часто къ погибели влекутъ. Но, по крайней мѣрѣ, пользуется ли онъ хотя настоящими удовольствіями? Ахъ, и того нѣтъ! Часто обманутъ мнимыми друзьями; часто веселій по желанію своему не находитъ; часто измѣненъ любовницею; страдаетъ среди удобностей къ забавамъ; остающееся ему праздное время, по отвычкѣ упражняться, въ скукѣ препроводитъ; самыя ему веселіи скучны становятся, и тщетно, подобно какъ бабочка съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаетъ, такъ онъ стремится искать и перемѣнять свои веселіи: то бѣжитъ въ какое многочисленное собраніе, то бѣжитъ на балъ, то въ концертъ, чтобъ усладить свои чувствы, то въ театръ зрѣть какое представляемое драматическое сочиненіе, то въ тѣ дома, гдѣ играютъ въ карты, то къ любовницѣ своей. Пусть и все ему удается по его желаніямъ, пусть достатокъ его на все сіе доволенъ, но

все сіе оставляетъ такую пустоту въ его сердцѣ, которая въ самыхъ веселіяхъ начинаетъ ему скучать. Онъ въ большомъ обществѣ, слыша токмо тщетный разговоръ, не трогающій его сердце, удовольствія не обрѣтаетъ; музыка, часто повторяемая, наконецъ скучаетъ его ушамъ; танцы, хотя составленные сначала для увеселенія народнаго, а потомъ обращенные открытно безъ зазору нѣжностей между двухъ половъ изъявлять, ему надокучаютъ; трагедія слезами своими и печальными приключеніями въ душѣ, непривыкшей соучаствовать чувствамъ другимъ, ему скуку производитъ; игра самыми своими обращеніями и должною приложить къ ней прилежностію ему скучаетъ, а наконецъ и въ объятіяхъ самой своей любовницы, въ требованіяхъ частаго съ нею свиданія, онъ обрѣтаетъ себѣ стѣсненіе и скуку. И такъ, можно сказать, онъ ищетъ и суетится сыскать полное удовольствіе, но никогда его не зритъ.

Но рѣдко толь счастливые люди бываютъ, кои бы могли, и коимъ бы счастіе помогало всѣми сими удовольствіями безпрепятственно пользоваться. То коль суета и заботы такого умножаются, когда страсти, по мѣрѣ трудности удовольствовать ихъ, влекутъ юношу къ исканію себѣ удовольствій, а тогда же случаи и недостатки ему возбраняютъ; когда находитъ онъ трудности въ желаемыя сообществы быть введенъ; когда въ любовныхъ своихъ страстяхъ или несклонныхъ, или невѣрныхъ обрѣтаетъ, то истинно не токмо таковой не пользуется удовольствіями своихъ лѣтъ, но есть яко невольникъ въ тяжкую работу осужденный—всегда желать свободы и удовольствія, но никогда ихъ не обрѣтать. День его наполненъ суетою, а въ ночь безпокойныя мысли прогоняютъ его сонъ, и я многихъ видалъ такихъ, которые столь были въ юности своей удручены такою судьбиною, что пріобрѣли болѣзни, которыя и въ другихъ ихъ состояніяхъ жизни чинили имъ воспоминать по самую смерть, которую иногда и поспѣшили, о безуміяхъ своей цвѣтущей молодости.

Терпѣвъ въ младенчествѣ, страдавъ въ юности, научась многіе годы испытаніямъ, благоразумнѣе ли учинится человѣкъ, вошедши въ совершенныя лѣта, когда разсудокъ его получитъ равновѣсіе съ его страстями, и судьба перестанетъ его гнать? Ахъ, нѣтъ еще! Возрастая возрастомъ и мня разсудкомъ возрастать, начавъ уже смѣяться заблужденіямъ своей юности, въ совершенныхъ лѣтахъ колеблютъ его новыя страсти, и онъ, премѣнивъ своихъ мучителей, думаетъ въ другихъ друзей и благодѣтелей себѣ найти, даже какъ они ему покажутъ еще злѣйше мучить его изготовляются.

Минулась уже суета бѣгать, безъ мысли, веселій искать, уже мнимо-основательныя мысли пріемлетъ человѣкъ, желаетъ содѣлать твердое свое благосостояніе. Увы! Есть ли оно на землѣ? Честолюбіе приходитъ сердце его занимать; желаніе пріобрѣсти себѣ болѣе имѣнія, дабы спокойнѣе и болѣе съ удовольствіемъ жить, и попеченіе о пріобрѣтенномъ содѣлываетъ причину его заботы; появъ жену, по страсти-ли, по избранію или по прибы-

точнымъ причинамъ, обязуется съ нею и вручаетъ ей свое сердце, не страшася болѣе невѣрности; имѣя уже дѣтей, обѣщающихъ увѣчнить его родъ и дать ему утѣшеніе въ старости, обращаетъ мысли свои на сохраненіе и воспитаніе ихъ.

Такія есть расположеніи благомудрымъ называемаго человѣка въ совершенномъ его возрастѣ, ибо о распутныхъ я неговорю,—они вѣкъ въ безпорядкѣ пребываютъ и любятъ пить распаляющій ихъ ядъ. Увы! я видалъ людей согбенныхъ старостію, предъ коими гробъ уже стоялъ, и на нихъ уже смерть косу свою взмахнула, пребывать въ такомъ же развращеніи нравовъ, какъ въ юности бываетъ человѣкъ, и не токмо стыдиться своими слабостями,—предъ всѣми величаться своими пороками. Сіи люди, забывшіе, что они есть человѣки, тварь разумомъ одаренная, опредѣленная естествомъ жить въ обществѣ, котораго жизнь необходимо требуетъ.... (?) сообщительныхъ добродѣтелей; сіи люди, иже повергнувъ потоптали стыдъ и благопристойность, не достойны, чтобъ о нихъ и говорить. Но и самымъ своимъ развратомъ счастія себѣ не получаютъ, ибо страсти развратнаго юноши.... мучатъ безъ всякой надежды удовольствовать ихъ; они имъ служатъ спекулаторами за презрѣніе ихъ благопристойности. И часто я видалъ такихъ низвергнувшихъ всѣ должности людей признаваться, что прямаго удовольствія никогда не ощущали.

И такъ, оставя сихъ, воззримъ, если благомудрыя расположеніи достигшаго въ совершенныя лѣта человѣка могутъ со-

дѣлать ему удовольствіе. Ахъ, нѣтъ, весьма далеко отъ сего! является, безпокойствы и несчастіи его умножаются по мѣрѣ самой благоразсудности его расположеній, представляющихъ ему всѣ справедливости его желаній: презрѣнъ, отринутъ или обманутъ вельможами, въ коихъ съ раболѣпствомъ ищетъ, онъ зритъ недостойнѣйшихъ себѣ возведенныхъ въ тѣ должности, которыя онъ себѣ искалъ. Трудъ, стараніе, прислугу и всѣ исканіи свои зритъ потерянными предъ сими гордыми кумирами рода человѣческаго, или, если что и получитъ отъ нихъ, то сколь великимъ обяжетъ себя долгомъ предъ ними пресмыкаться. Не учиня же сего, все усердіе его, все попеченіе исполнять свою должность во вредъ и въ причины пагубы его обратятся предъ человѣки, которые даютъ свое покровительство не тому, что полезно обществу, но что (кто?) угоденъ и полезенъ имъ. Найдешь ли благопріятность единаго вельможи, другіе, ненавистники того, за то только его будутъ гнать, что онъ любимъ непріятелемъ ихъ, и часто и на жертвѣ его самого между собою помирятся. Но пусть способный вѣтръ счастія надуваетъ паруса такого искателя почестей, пусть онъ и самъ достигнетъ въ вельможи; пусть предохранится онъ отъ тѣхъ пороковъ, которые по большей части существуютъ съ большими чинами и съ большою властью, пороки, которые имѣютъ удобность удовлетворять, пороки, которые, ихъ обвиняя внутрь совѣсти ихъ, чинятся ихъ первые мучители; но и при самыхъ добродѣтельныхъ расположеніяхъ человѣкъ, живши между завистли-

выми его мѣсту и чину, между людьми. по большей части на паденіи другихъ основывающихъ свое счастіе, — къ коликимъ подвергнутъ поставленнымъ ему мрежамъ! Попеченіи о должности своей, суеты и стараніе все возложенное на него сохранить, отнимаютъ и тамъ его спокойствіе, а къ тому же должное ему имѣть стараніе и безпрестанную осторожность отъ его враговъ много ли ему спокойныхъ часовъ оставляютъ? И такъ въ исканіи въ среднемъ состояніи возведенія въ вельможи счастливъ ли человѣкъ?

Въ содѣланіи прибыточнаго его благосостоянія не меньше препятствій и огорченій встрѣчается. Является, что со стороны естественныхъ приключеній всѣ стихіи суть вооружены на произведеніи земли и на достаткомъ пріобрѣтаемое благоденствіе человѣкомъ. Непогоды времени угрожаютъ потеряніемъ его жатвы и плодовъ, росы повреждаютъ разныя растеніи и на стада наводятъ болѣзни, хладныя и безпорядочныя зимы истребляютъ корень сѣмянъ, жары непомѣрные засушаютъ траву и растеніи, часто пламя пожираетъ собранное и пріобрѣтенное, море, вѣтромъ взволнованное, пожираетъ сокровищи. Равно и со стороны нравственныхъ обстоятельствъ не менѣе есть препятствій: облѣнчивость, нераченіе, хищничество, а иногда и незнаніе служителей часто и собранныя сокровищи истребляетъ. Невѣрность должниковъ, коварство людей, завидующихъ собраннымъ богатствамъ, часто и богача въ скудость приводятъ; не токмо не безопасны суть его ежегодныя произведеніи, небезопасенъ плодъ трудовъ его, но ниже самыя недвижимыя имѣніи отъ похищенія не могутъ избѣжать. Часто ябедники наносятъ безпокойство и убытки, а судьи еще чаще, лишая praваго ему принадлежащаго, и бумагой, дурнымъ слогомъ и безъ отточенія писанной, гдѣ на всякой страницѣ по нѣскольку противорѣчій обрѣтаются, не токмо отнимаютъ у человѣка достояніе его, но и наводятъ истинную досаду, по безграмотству или по поврежденію ихъ нравовъ, человѣку. Вельможи хотя къ сему послѣднему и мало подвергнуты, а меньше еще быть обмануты ихъ должниками, ибо чаще имъ и недолжные должными становятся; но если и таковой, получая по желанію своему богатствы, когда въ себя войдетъ, когда разсмотритъ свою совѣсть, не изобличитъ ли она его въ несправедливостяхъ его, если онъ разуменъ и можетъ имѣть предвѣдѣніе? не представится ли ему, что самыя его дѣти къ той же судьбѣ подвергнуты будутъ, ибо не дано, чтобы изъ рода въ родъ случай у двора продолжался? Но что я говорю «дѣти»? не долженъ ли онъ ожидать, чтобы и самъ при перемѣнѣ обстоятельства не долженъ былъ отдавать другимъ вельможамъ то, чѣмъ прежде его дарили. Я слышалъ сему примѣръ. Единый вельможа, бывъ въ случаѣ, получилъ многіе подарки, изъ коихъ великое число состояло въ узорчатой работѣ серебра. Перемѣнились обстоятельствы, случай его упалъ, случайнымъ другой учинился, и въ единомъ посѣщеніи, которое сей послѣдній первому учинилъ, видя прекрасной работы стоящіе великіе серебряные сосуды,

не могъ искусству содѣланія ихъ не подивиться. Тогда упадшій изъ случая своего вельможа чистосердечно ему сказалъ, что онъ всѣ сіи во время случая своего получилъ въ даръ и лучшіе отъ единаго, прежде его бывшаго въ случаѣ, вельможи, прилагая: мой случай теперь прошелъ, а твой насталъ, я бралъ у другаго, возьми теперь ты ихъ отъ меня. Остроумное изреченіе, показывающее суету свѣта. И въ самомъ дѣлѣ, что есть случай? Легкій дымъ, который каждымъ вѣтромъ бываетъ прогоняемъ. И на позорищѣ свѣта сего, видя многихъ случайныхъ, шатающихся безъ случая, тѣмъ болѣе презрѣнныхъ, что не по заслугамъ, но по нечаянности счастія и случай имѣли, мнѣ кажется, зримъ извѣтшалые корабли, которые токмо для разломанія въ портъ введены. Но и бездушныя сіи суда едва не достойнѣе ли почтенія извергнутыхъ временщиковъ: они исполнили то, для чего были содѣланы, они служили въ защищеніе отечества; а какъ мало изъ временщиковъ найдется, которые бы могли искренно сказать, что они оказывали какія услуги кому другому окромѣ себя! Но что же, развѣ полученіе знатнаго сана воспрещаетъ гражданину стараться достояніе свое сохранить и, явяся нерачивымъ къ собственному своему, какъ можетъ тотъ рачивъ быть къ общему благу; ибо, колико ни любомудрствуй въ нравственной наукѣ, истинна есть неоспоримая, что любовь наша ко всему насъ окружающему начинается съ самихъ себя. Однако видѣлъ я примѣръ великодушія, учиненной единымъ вельможей въ разсужденіе защищенія его правъ по недвижимымъ его имѣніямъ. Онъ былъ богатъ, а потому и могъ болѣе сдѣлать, нежели другой. Имѣлъ многія дѣла въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ. Какъ скоро достигъ онъ до такого чина и должности, въ которой имя его могло многое содѣйствіе имѣть надъ рѣшеніями судей, то, опасаясь, чтобы неправосуднаго въ пользу его не было учинено, приказалъ стряпчимъ своимъ оставить хожденіе за всѣми дѣлами, говоря, что, если онъ имѣетъ справедливость, то и послѣ него сіи дѣла могутъ возобновиться, и потомки его получатъ удовольствіе, если же въ чемъ у него справедливости недостаетъ, то не хочетъ, чтобы данный ему отечествомъ чинъ служилъ къ удрученію кого. Похвальный примѣръ, показывающій добродѣтельнаго и достойнаго подражанію человѣка, но кажется, что надлежитъ имѣть и довольный достатокъ, чтобъ сіе исполнить.

Ни пышный чинъ, ни богатство счастія прямаго не содѣваютъ. Среди всѣхъ благополучій, увы! въ объятіяхъ самой философіи домашнія безпокойствы колеблютъ разумъ человѣческій; а напротивъ того, и въ самыхъ несчастіяхъ имѣя вѣрнаго соучастника, и раздѣляющаго его удовольствіи, первыя сноснѣе становятся, а послѣднія пріятство свое умножаютъ. Сего то ищетъ человѣкъ въ понятіи себѣ супруги. Правда многіе, и ничего подобнаго не разбирая, женятся по страсти, и соломенный огонь вскорѣ погаснетъ, оставя токмо пепелъ и смрадъ. Дру-

гіе или по прибыточнымъ причинамъ, или для случая въ узы сіи вступаютъ: таковые ищутъ не домашняго удовольствія, но или пышности, или богатства, то они и недостойны домашнимъ удовольствіемъ пользоваться. Но разсмотримъ, каково есть благополучное состояніе четы любовію соединенной, четы благонравной и добродѣтельной, а потомъ воззримъ, колико и самыя сіи огорченіи претерпѣваютъ, потомъ воззримъ, хотя съ содроганіемъ, на такую чету, гдѣ частые раздоры и безпокойствы изъ спокойнаго дома самый адъ сочиняютъ.

Потщимся украсить мы печальную картину жизни человѣческой начертаніемъ счастливаго супружества, гдѣ совершенное благонравіе, добродѣтель и согласіе царствуютъ, супружества, могущаго усладить многія несчастіи нашей жизни. Я вижу въ сей любезной и добродѣтельной четѣ совершенную вѣрность, любовь и взаимное уваженіе, не на одной должности, но на любви основанныя; сердца ихъ соединены; они оба единаго человѣка въ двухъ тѣлахъ представляютъ, слѣдственно не могутъ они имѣть раздѣленія имѣній, и твое и мое отъ мысли и чувствъ ихъ отогнаны; оба другъ другу стараются угодить; раздѣлять другъ другу малѣйшія удовольствіи и тѣмъ цѣну имъ придать; самыя случающіяся огорченіи подъемлютъ вмѣстѣ, и жена утѣшаетъ мужа своего, изъявляя ему ту ласку и ту нѣжность, которая есть прилична женскому полу, и тѣмъ самымъ услаждая его горесть. Всю тягость домоводства старается она подъяти на себя, дабы въ другихъ дѣлахъ супруга своего облегчить. Даютъ другъ другу совѣты, но совѣты не повелительные, а самая любовь ихъ нудитъ скорѣе согласиться. Если же бы и не согласился кто, другой не токмо безъ огорченія пріемлетъ, но самому исполненію споспѣшествуетъ. Веселятся они о рожденіи дѣтей своихъ, яко (наслѣдующихъ?) ихъ имя, живыхъ залоговъ ихъ союза и памятниковъ ихъ любви, и въ каждомъ мнятъ видѣть начертаніе образа любимаго своего сотоварища. Подобно какъ въ другихъ дѣлахъ, такъ и въ воспитаніи и наставленіи ихъ суть одинаковы, и никогда единый другому не противорѣчитъ. Любовь ихъ къ дѣтямъ ко всѣмъ равна, или, по крайней мѣрѣ, не изъявляютъ они никакого преимущества одному противу другихъ и не изготовляютъ причины ненависти и распри между дѣтей своихъ. Сами стараются воспитывать ихъ, не предавая ихъ въ руки чуждыя и не дѣлая усилія отъ нихъ отвыкать. Въ младенчествѣ поступаютъ съ ними яко съ друзьями, но съ такими, надъ которыми лѣта и испытаніи даютъ имъ преимущество. Въ возрастѣ же, сокрытаго или нѣкотораго притворнаго съ ними поступка не имѣютъ, но открытностію своею и прямою любовью любовь и повѣренность ихъ пріобрѣтаютъ. Не можетъ быть, чтобы между двухъ различныхъ тварей иногда нѣкоторой досады не произошло, но сія досада есть вящшее побужденіе удовольствія и никогда долго не пребываетъ, и никогда лучи солнечные не скрываются, чтобы и оная не миновалась, то самое примиреніе, учиня

имъ потерпѣть горесть досады, чинитъ имъ новое удовольствіе, и сіе есть яко лучи солнца скрывающіеся на нѣсколько минутъ за облако, которые съ вящшею свѣтлостію блистаютъ.

Такое есть счастливое состояніе мужа, имѣющаго благонравную и добродѣтельную жену, и жены, имѣющей такого мужа. Картина сія ихъ жизни является рай земной представлять; но есть ли онъ на землѣ? Увы, самая сія пріятнѣйшая жизнь со многими огорченіями смѣшана! Естественно есть человѣку бояться того, отъ чего онъ отвращеніе имѣетъ, то всякая болѣзнь мужа или жены или кого изъ ихъ дѣтей приводитъ всю семью въ крайнее огорченіе; малѣйшій припадокъ смертельнымъ является очамъ, страшащимся лишиться любимой особы; малѣйшее разлученіе тоску, скуку и жестокое огорченіе наводитъ. Самое время беременности супруги колико терзаетъ ея мужа, всего страшащагося объ ней! приближеніе радости его, видя возрождающагося себя въ своемъ потомствѣ, наводитъ ему страхъ; время рожденія, естественно безъ болѣзни не бывающее, приводитъ его въ отчаяніе; время слабости послѣ родинъ, хотя бы и не было какихъ припадковъ, ему безпокойство приключаетъ. Что-же чувствуетъ, когда хотя что малое воспослѣдуетъ? Однимъ словомъ, любящій свою жену супругъ забываетъ, что всѣ жены родятъ, что члены ихъ для сего содѣланы природою, и что рѣдко прямо отъ родовъ умираютъ. Забываетъ онъ на сей часъ себя и всѣхъ рожденныхъ благополучнымъ образомъ, чтобъ вспомнить о нѣкоторыхъ лишившихся жизни отъ родовъ, и представляетъ, что тоже и съ его супругою случится.

И такъ самыя розы и лиліи пріятнаго супружества человѣкъ, или по взаимной привязанности, или по страху потерять любимаго себѣ, слезами обмочаетъ, и ниже въ семъ благополучномъ состояніи не находитъ себѣ истиннаго блаженства.

Но что же терпитъ тотъ, которой по несчастію находитъ въ сотоварищѣ своемъ не помощника, но злодѣя, не друга, но измѣнника, не успокоителя дома, но возмутителя, не соучастника, но небрежливаго, не родителя или родительницу, но часто злодѣя. Я уже не буду говорить о такихъ, которые, оба другъ друга возненавидя, едино имя супруговъ сохраняютъ; живутъ подъ одною крышкою, не участвуя ни мало въ томъ, что до другаго касается; но разсмотрю состояніе такой четы, гдѣ единая половина ищетъ общаго спокойствія и услажденія своей жизни, тогда какъ другая во всемъ хочетъ противное содѣлать. Дано есть отъ природы, что, хотя жены болѣе имѣютъ быстроты разума и чувствительности, но постоянство, слѣдствіе (послѣдовательность?) намѣреній, глубочайшее предвидѣніе мужьямъ принадлежитъ, то разсмотрю о такой четѣ, въ которой мужъ, исполненной добродѣтельныхъ мыслей, любитъ свою супругу, все для нея дѣлаетъ и желаетъ обрѣсти удовольствіе и спокойствіе въ своемъ домѣ, но, совсѣмъ противоположнымъ нравомъ оной, нетокмо сего не находитъ, но паче ежедневное себѣ мученіе зритъ.

Какое спокойствіе тому бѣдному су-

пругу, которой сохраняетъ любовь къ своей супругѣ; которой, видя и самые недостатки, старается ей угодить; когда, не токмо въ важныхъ вещахъ, но и въ самыхъ бездѣлицахъ, зритъ себѣ противорѣченна; когда лишеніе его покоя, труды и бдѣніи единымъ токмо неудовольствіемъ заплачены. Когда ни въ благополучныхъ случаяхъ не зритъ ее въ себѣ обрадованною, ниже въ печаляхъ пріемлющею участіе; когда малѣйшій разговоръ рождаетъ распрю, многія недѣли пребывающую; когда среди семьи своей супругъ долженъ, убѣгая въ свои особливыя комнаты, уединенъ пребывать. Когда въ самыхъ болѣзняхъ его прилагаемыя о немъ попеченіи являютъ не столько знаки любви, какъ отвращеніе, скуку видѣть страждущаго его, когда въ самый оный суровой поступокъ (?) и къ задыхающемуся отъ болѣзни являешься. Когда толь малое есть попеченіе объ общемъ ихъ домѣ, что, хотя онъ въ разореніе приходитъ, она взираетъ на сіе съ неучастнымъ окомъ, довольствуяся во всемъ обвинять своего супруга, согбеннаго уже отъ трудовъ, не хотя взять ни малаго попеченія сама. Когда рождающихся дѣтей своихъ ненавидитъ и огорчается, что предлагаетъ потомству свою и мужа своего кровь; когда въ воспитаніи дѣтей, бывъ исполнена незнаніемъ, во всемъ супругу противорѣчитъ; сердится, если при ней зачнетъ давать имъ какія наставленіи, и ихъ испровергаетъ; скучаетъ и смѣется, если о какихъ наукахъ ихъ будетъ вопрошать, и всячески старается своими вѣщаніями загладить благія впечатлѣніи, которыя слова и наставленіи родителя въ нихъ могутъ учинить. Старается отдавать своихъ дѣтей для воспитанія чуждымъ, дабы избавиться скуки ихъ видѣть предъ собою, и чтобъ они не помѣшали чѣмъ ни есть ея праздности. Взростя ихъ, чинитъ въ любви, въ ласкѣ и въ повѣренности различіе, чѣмъ вселяетъ междоусобную вражду въ сердца дѣтей своихъ, и даже радуется и побуждаетъ ее. Когда самое время обѣденное, вмѣсто того, чтобы дать вкусить, по крайней мѣрѣ, съ удовольствіемъ отъ Бога данную пищу, препровождается въ спорахъ, раздорахъ и озлобленіи; когда ничего не находитъ въ домѣ своемъ хорошаго, гонитъ по страстямъ служителей, а за все, яко на единый предметъ ея ударовъ, безпокойство и злоба на супруга упадаетъ.

Я уже не говорю о невѣрности, ибо такой поступокъ или разрушаетъ узы брака, или незнаемъ супругу остается.

Воззримъ же и на воспитаніе дѣтей, рожденіемъ которыхъ родители толико обрадованы, коими льстятся кровь свою въ дальніе вѣка сохранить, учинить имя свое долго пребывающе, и отъ нихъ въ старости помощи и утѣшенія себѣ ожидаютъ.

Подверженное къ жестокимъ болѣзнямъ, первое младенчество мало время на удовольствіе родителямъ сихъ дѣтей оставляетъ; ибо то единая, то другая болѣзнь отягощаетъ сію юную тварь. Кислоты, колики, жаръ къ зубамъ, корь, оспа, другія сыпи, лихорадки, горячки, кашель, коклюшъ и другія на него устремляются и часто, къ сожалѣнію родителей, пожи-

раютъ. Увы, я видѣлъ не единожды въ моей семьѣ, что по два и по три въ краткое время, къ огорченію родителей, жизни своей лишились. Но се настанетъ юношескій возрастъ, когда укрѣпившіеся уже члены менѣе опасности чинятъ, однако еще она во многажды случается, ибо есть-ли время въ жизни человѣческой, въ которое бы болѣзни и смерть не устремлялись на нее, и многажды, когда юноша уже зачнетъ показывать знаки естественныхъ своихъ дарованій, когда родительская надежда станетъ возрастать, когда они ожидаютъ уже, по яснымъ знакамъ его разума, утѣшенія себѣ и опоры въ старости своей, таковыхъ безъ жалости жестокая смерть въ объятіи ихъ поражаетъ. Но кромѣ болѣзни и смерти, къ скольким безпокойствамъ, стараніямъ и печалямъ родители для дѣтей своихъ подвергнуты. Сколько требуютъ заботы, тщанія ихъ изучить и вложить въ нихъ добродѣтельныя мысли. Сколько стоитъ труда и попеченія, чтобы ихъ опредѣлить и содѣлать имъ то, что называютъ счастіе. Сколько для сего должно разъ унижаться предъ вельможами. Сколько должно прилагать попеченія о домостройствѣ, часто и безполезно. Сколько и малые ихъ проступки, необходимые въ младыхъ лѣтахъ, огорченія наносятъ. Сколько самыя должныя по званію ихъ отлучки наносятъ безпокойства. Сколько опасности, въ которыя подвергаются, терзаютъ родительское сердце. Я говорю болѣе, нежели самихъ тѣхъ, которые къ онымъ подвержены, ибо тѣ токмо тогда ее чувствуютъ, когда она настоитъ, родители же во все время отлучки всякій часъ представляютъ дѣтей своихъ въ опасности. Се есть и лучшее состояніе родителей, имѣющихъ достойныхъ дѣтей и могущихъ имъ содѣлать утѣшеніе.

Но что же мы скажемъ о такихъ родителяхъ, которые имѣютъ дѣтей недостойныхъ, которые непочтеніемъ своимъ родителей огорчаютъ, которые ежедневно впадаютъ въ проступки, надъ сердцами коихъ царствуютъ страсти и увлекаютъ ихъ въ бездну пороковъ. Престанетъ ли родительская къ нимъ любовь, престанетъ ли сожалѣніе, и можетъ ли родитель неучаствующимъ окомъ на нихъ взирать? Ахъ нѣтъ! Кровь его въ таковыхъ течетъ, они имя его носятъ; онъ воспоминаетъ всѣ свои старанія о нихъ, но все сіе чувствуетъ и воспоминаетъ къ вящшему своему терзанію; сердце его стремится къ нимъ, но не обрѣтаетъ въ нихъ утѣшенія; пустота любви и горесть безъ всякой отрады въ немъ вселяются, и онъ нищъ, со вздохами и слезами, (оплакиваетъ?) ихъ рожденіе, воспитаніе и всѣ свои попеченія, не преставая ихъ любить, терзается.

Довольно ли смутный вѣкъ протекъ (провелъ?) до старости своей человѣкъ, и можетъ ли надѣяться, чтобы, по крайней мѣрѣ, приближающіеся его часы къ смерти спокойны ему были? Ахъ, нѣтъ! Не меньше онъ подвергнутъ ко всѣмъ неподлинностямъ рока человѣческаго. Оставляетъ его честолюбіе, оставляютъ его страсти, по болѣзни, слабость и попеченіе паче умножаются. Если онъ не покоенъ въ своемъ семействѣ, то огорченіе сіе его, яко такое, которое чувствительно его ко гробу

приближаетъ, ему чувствительнѣе становится. Если оскорбленъ онъ своими дѣтьми, то, не ожидая уже видѣть исправленія ихъ, отчаяніе его терзаетъ; если видитъ ихъ непочтеніе,—крушится, что вмѣсто утѣшенія печаль отъ нихъ имѣетъ; ежели его состояніе худо, то исчезаетъ въ немъ надежда оное поправить. Присоединяется еще къ сему скука, ежедневно онъ ищетъ своихъ сверстниковъ и друзей, не ожидая себѣ новыхъ пріобрѣсти, ибо тщетно льстятся престарѣлые сыскать любовь въ младыхъ людяхъ: несходство ихъ лѣтъ, несходство въ расположеніяхъ мысли сему суть непреодолимыя препоны. Младые ежели когда и посѣщаютъ старца, то либо изъ какого уваженія, или, почитая его яко памятника, дабы познать отъ него время протекшихъ приключеній, часто смѣяся еще изветшалому его разсудку. И такъ, въ слезахъ родившись, въ болѣзняхъ и въ прискорбіи живши, наконецъ отягченной лѣтами, пораженной болѣзнями и дряхлостію, человѣкъ въ мученіи умираетъ.

Прочитавъ столь печальныя, но истинныя, начертаніи о несчастіяхъ жизни человѣческой, состоитъ вопросъ: должны ли мы жаловаться на Бога, совершившаго насъ, что столь жестокой судьбѣ подвергнуты, и чѣмъ мы можемъ усладить сіе горестное теченіе наше?

Конечно многое бы можно на первый вопросъ сказать, взимая доказательствы изъ богословія, но какъ не сей есть нашъ предметъ, и не то мое званіе, чтобъ богословскія наставленіи подавать, то я сокращуся на показаніи нашего сложенія и чувствованія удовольствій и на разсмотрѣніи: всѣ ли наши несчастіи то, что отъ сложенія естества человѣческаго происходитъ, и не суть ли мы сами причиною многихъ изъ нихъ?

Воистину достойно удивленія, что при таковыхъ тягостяхъ, возложенныхъ на насъ природою, колико тщилася она умножить наши удовольствіи. Если мы разсмотримъ, то она составила члены наши такъ, что мы должны ежедневно необходимо получать оныя. Необходимая нужда удовольствовать нашъ голодъ, для возобновленія силы нашей, и жажду составляетъ удовольствіе. Большая часть его не чувствуетъ для того, что привыкли ежедневно его имѣть, или что уже сіе удовольствіе, неизощренное нуждою, имѣютъ. Но если бы спросить человѣка, нѣсколько дней голодъ или жажду претерпѣвающаго, великихъ ли онъ хощетъ сокровищъ и чести, или голодъ и жажду утолить, хотя бы кускомъ хлѣба и чашею воды,—несомнѣнно, что онъ послѣднее предпочтетъ, не токмо въ разсужденіи сохраненія своей жизни, но и въ разсужденіи ожидаемаго имъ удовольствія. Члены наши такъ расположены, что возрѣніе очей нашихъ на пріятныя вещи производитъ въ насъ удовольствіе; слышаніе пріятныхъ звуковъ услаждаетъ наши чувствы, осязаніе мягкихъ вещей чинитъ пріятное чувствованіе, обоняніе благовоней насъ яко ободряетъ, и гортань чувствуетъ съ пріятностію вкушаемое. Правда, что и противныя, т. е., непріятныя чувствованіи подобнымъ же образомъ чувствы наши поражаютъ. Но

рѣдко намъ случается видѣть чудовищъ и страшныя воображенiи, а видѣнiе неба со всѣми украшенiями, зеленѣющiе луга, испещренные цвѣтами, а густыя рощи, украшающiя природу, прiятныя перспективы, краса и прiятный видъ прекрасныхъ женъ намъ повседневно встрѣчаются. Рѣдко слышимъ мы трескъ грома, шумъ бурный и другiя подобные непрiятные или страшные звуки; всегда обонянiе наше или ничего не ощущаетъ, или ощущаетъ благовонiе, а рѣдко случается чувствовать ему зловонiе, отъ котораго и множество есть способовъ удалиться. Вкусъ нашъ прiемлетъ или прiятныя вещи, или, по крайней мѣрѣ, не отвратительныя, окромѣ нужды въ предвидѣнiи какого блага. Осязанiе наше рѣдко уязвлено бываетъ, и хотя не весьма и особенную намъ прiятность сочиняетъ, особливо если сiе разсмотримъ удовольствiе, каковое чувствуемъ во время жару прикасаться къ холодному или, когда озябли, согрѣваться, то не можемъ сказать, что и сiе довольно часто не имѣемъ. А можно за удовольствiе и самую нечувствительность почесть. Приложимъ къ сему удовольствiе, которое мы имѣемъ въ чемъ упражняться и размышлять, когда мысль и руки наши, можно сказать, почти новыя естества раждаютъ, которыя исполненiемъ своимъ полезно занимаютъ наше время и, можно сказать, нечувствительно чинятъ его теченiе и веселятъ насъ хорошими успѣхами; или когда мысль наша въ единое мгновенiе, быстрѣе прехожденiя лучей, проходитъ въ отдаленныя страны, сверхъ естества человѣческаго въ прошедшiе вѣка или воздымается гдѣ до неподвижныхъ звѣздъ, видитъ огромныя тѣла подъ стопами своими, назидаетъ ихъ движенiе и приближается къ Престолу Вышняго, познавая Его по творенiямъ Его. Не се ли суть естественныя удовольствiи, которыя даны каждому человѣку? Правда, подвергнутъ онъ ко многимъ болѣзнямъ, но во многихъ изъ нихъ можно ли еще самое сложенiе наше или, лучше сказать, сотворенiе наше обвинять? Изъ великiя толпы сихъ золъ, устремляющихся на родъ человѣческiй, если исключить тѣ, которыя отъ роскоши, сластолюбiя и облѣнчивости нашей происходятъ, то вдругъ сiя великая куча болѣзней нашихъ весьма убавится. Воззримъ мы на дикiе народы, странствующiе по пустынямъ, подвергнутые къ трудамъ, ко гладу и ко всѣмъ немилосердiямъ перемѣны воздуховъ, и сравнимъ тѣлесную ихъ крѣпость съ тѣлесною нашею крѣпостiю; сравнимъ случающiяся съ ними болѣзни съ тѣми, которыя претерпѣваютъ во градахъ и обилiи живущiе народы, то конечно найдемъ, что сiи послѣднiе болѣе ими отягчаются. Отъ чего же сiе? Конечно ни отъ чего другаго, какъ отъ излишней роскоши и спокойствiя. Чего же ради намъ природу обвинять въ болѣзняхъ нашихъ, когда прихотями, облѣнчивостью, мы сами себѣ ихъ прiобрѣтаемъ!

По прилежному моему разсмотрѣнiю о состоянiи жизни человѣческой я нахожу, что всѣ удовольствiи въ насъ болѣе запечатлѣваются, нежели бывшiя съ нами

злоключеніи. Единый часъ счастія замѣняетъ намъ многое терпѣніе. Можно сему привести въ доказательство многіе примѣры изъ дѣяній человѣческихъ. Человѣкъ, имѣя себѣ въ предметѣ какое благополучіе, забывая опасности и могущія быть съ нимъ злоключеніи, до онаго достигаетъ. Въ примѣръ сему сказать, работникъ, подвергая себя или хладу зимнему или зною лѣтнему, трудяся до изнуренія силъ своихъ, не щитаетъ себя несчастнымъ, лишь бы хорошую получить плату, исполняющую его предметъ — наконецъ достатокъ получить. Купецъ, нагрузя свои сокровища на корабль, дерзаетъ въ бурливыя моря; проходитъ полуденную линію, или стремится въ средину льдовъ, полярныхъ круговъ; страждетъ отъ худой пищи, отъ недостатка пресной воды, отъ жаровъ, холоду и бурь, гдѣ между его жизни и смерти единая токмо доска преграду полагаетъ; въ злоключеніи ли онъ? Онъ сего не скажетъ, лишь бы достичь до своего предмета и обогатиться. Воинъ, терпя всю военную нужду, подвергая себя къ ранамъ и смерти, на все сіе съ удовольствіемъ стремится, лишь бы славу, честь и производство получить. Подобно такъ и во всѣхъ почти случаяхъ человѣкъ, ради желаемаго имъ благополучія, забываетъ опасности, труды и несчастіи, къ которымъ подвергается, а слѣдственно удовольствіе болѣе впечатлѣвается въ его сердцѣ, нежели могущія быть несчастіи. Распространимся еще далѣе. Хотя мы знаемъ, что нѣкоторыя кушаньи могутъ повредить, однако уповаю, что не найдешь ни кого, которой бы отъ всякія такія яствы воздержался (для настоящаго удовольствія презирая будущее зло); жена, рождая чадъ, часто, окромѣ обыкновеннаго мученія, претерпѣваетъ жестокіе припадки, подвергающіе къ самой опасности жизнь ея, однако, получа здравіе, паки въ сожитіе съ супругомъ вступаетъ. Толь есть справедливо, что чувство удовольствія гораздо болѣе впечатлѣвается, нежели несчастій и самой болѣзни; и мы вкушаемъ съ жадностью настоящія удовольствіи по надеждѣ: авось либо зла никакого не послѣдуетъ, и сія то надежда, которая, примѣшиваясь во всѣ наши дѣяніи, чинитъ, что мы и въ самыхъ злѣйшихъ своихъ несчастіяхъ мнимъ видѣть лучъ блестящій....(?), обѣщающій намъ все то, чего мы желаемъ. Таковое положеніе и чинитъ, что, хотя мало есть такихъ, которые бы, совсѣмъ предавшись волѣ Божіей, не сѣтовали на приключеніи своей жизни, однако никто почти умирать не желаетъ; не говорю я о такихъ, которые боятся смерти въ разсужденіи суда Божія и несовершенства своей природы, но даже и тѣ, которые или въ нѣкоторой онѣмѣлости о будущей жизни пребываютъ, или по слѣпому мудрствованію и совсѣмъ ее отвергаютъ. А посему и ясно есть, колико ни исчисляютъ злоключеніи жизни человѣческой, конечно въ ней есть нѣчто превосходное всѣхъ несчастій и горестей, которое людей любить ее заставляетъ.

Показавъ зло, которое во всю его жизнь стремится на человѣка, и разсмотрѣвъ, какъ, помогаемъ надеждою, еще онъ болѣе на-

ходитъ удовольствій, нежели несчастій, часто и мысленнымъ счастіемъ услаждая горестное свое состояніе, потщимся днесь, вошедъ въ подробность страстей человѣческихъ, показать, какъ онъ можетъ дѣйствительно, колико возможно человѣку, отъ всѣхъ золъ избѣжать и спокойнѣйшее себѣ состояніе содѣлать.

Взирая на человѣка, на его рожденіе и младенчество, требующихъ безпрестанной помощи, на слабость его самому собою защищаться и на невозможность, чтобъ могъ и самое нужное къ своему естествованію безъ помощи другихъ пріобрѣсти, все намъ показуетъ, что предметъ природы есть, чтобы человѣкъ жилъ въ обществѣ, а самое общество требуетъ отъ него многихъ должностей, дабы взаимно и ему за оныя воздать.

Взирая на самую природу, на теченіе солнца, луны и звѣздъ, на облака, громы, дожди и вѣтры, на теченіе рѣкъ, на животныхъ, на ихъ рожденіе, удобство каждому къ пропитанію; на растеніе деревъ,... (кустарниковъ?) и травъ, на ихъ стебли, цвѣты, плоды и сѣмена, однимъ словомъ на все и малѣйшее, что насъ окружаетъ, не можно человѣку не восчувствовать, что есть высшее Естество, сотворившее все и пекущееся о благѣ человѣка и, слѣдственно, требующее нѣкоторыхъ должностей и отъ него.

И такъ всѣ должности человѣческія происходятъ отъ двухъ началъ: отъ требованія его въ обществѣ и отъ познанія и благодаренія Богу. Я сію послѣднюю положилъ во вторыхъ не для того, чтобъ въ нравственномъ порядкѣ не первою ее считалъ, но послѣдуя тому порядку, которому слабой разсудокъ человѣческой послѣдуетъ, и конечно прежде человѣкъ примѣтитъ, что ему есть нужда въ помощи окружающихъ его, нежели по чудесамъ творенія зачнетъ познавать Бога.

Положивъ въ основаніе сіи ощущаемыя каждымъ изъ человѣковъ истины, разсмотримъ, какъ исполненіемъ нашихъ должностей, отъ сего проистекающихъ, человѣкъ можетъ усладить состояніе своей жизни.

Во первыхъ каждая должность есть обязательство, а каждое обязательство есть тягость, слѣдственно, поелику обязаны мы обществу, и общество обязано намъ, отъ коего ежедневно чувствуемъ себѣ благодѣяніе; войдемъ въ себя и престанемъ тужить о тягости нашей для общества, понеже мы со излихвою заплачены отъ онаго. Ибо не можно, чтобъ одинъ человѣкъ возмогъ толико содѣлать для всѣхъ, колико всѣ ему пользы содѣлаютъ. Въ примѣръ сему взять самое простое наше питаніе, т. е., хлѣбъ: дабы его пріобрѣсти, колико потребно искусствъ! Потребенъ для сего изыскопатель минераловъ; потребенъ для сего искусства пешникъ для складенія плавильныхъ печей; потребенъ для сего особливаго рода ковачъ, чтобъ очистить чугунъ и привести его въ желѣзо; потребенъ для сего древодѣлъ, чтобъ сдѣлать деревянныя части орудій для пашни; потребенъ для сего ковачъ, чтобъ содѣлать желѣзныя тѣхъ части. А какъ наипаче таковыхъ потребно ремесленниковъ и для простѣйшей одежды, прибавивъ къ сему еще и другихъ, которые самыя упо-

требляемыя орудіи для сего должны содѣлывать! И такъ о прочихъ нашихъ нуждахъ, о коихъ, ежели съ прилежностію разсмотримъ, то найдемъ, что ни вкусить хлѣба, ни одѣться, ни жить не можемъ, чтобы великое число другихъ людей не вспомоществовали намъ. Воззримъ еще, что житіе въ обществѣ сохраняетъ насъ отъ хищныхъ звѣрей, отъ нашествія враговъ, или отъ насилій или хищенія развратныхъ людей, что по большей части законы, на коихъ общество утверждается, чинятъ нашу безопасность, какъ въ жизни, такъ и въ имѣніяхъ.

Сіи суть блага ежедневныя, сіи суть такія, которыя безпрестанно мы ощущаемъ. Правда подвергнуты мы къ обману отъ друзей, къ злобѣ и мрежамъ завистливыхъ, къ огорченію отъ неблагодарныхъ, коимъ услуги учинили; къ укоренію и презрѣнію отъ вельможъ; къ несправедливостямъ судей; къ огорченію отъ развратности дѣтей и къ тягостямъ неспокойной супруги, — но все сіе зло есть случайное и не всегда пребывающее, а блага суть повседневныя и всегда ощущаемыя разумному размотрителю.

Но воззримъ еще: самыя сіи злы отъ свойства ли человѣка происходятъ, или страсти наши содѣлали ихъ, и не сами ли мы по большей части виновны въ нашихъ злоключеніяхъ? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобъ жить въ огромныхъ палатахъ, которыя бы вмѣщали толико покоевъ, въ коихъ онъ иногда и самъ долгое время не побываетъ? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобы злато, хрусталь, шелкъ и разныя другія вещи великолѣпной его домъ украшали? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобы, содѣлывая насиліе природѣ, садить пространные сады, искапывать пруды, проводить воды, содѣлывать водометы и другія украшеніи, льстящія его пышность, тогда какъ сама природа журчащіе ручьи, густыя рощи и цвѣтущіе луга повсюду представляетъ? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобъ въ праздности и бездѣйствіи пребывать, оставляя другихъ трудиться, чтобъ лѣность его удовольствовать? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобъ сокрытыя изъ нѣдръ земли злато, сребро и дорогія каменьи доставать и тѣмъ умножать свое великолѣпіе, и самая рѣдкость сихъ вещей не ясно ли показуетъ, что натура не почла сихъ нужными ко вседневной нуждѣ человѣческой? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобъ въ богатыя одѣяніи, часто ему безпокойныя, украшаться и истощать все искусство на содѣланіе одеждъ, часто безпокойныхъ и, по большей части, незащищающихъ человѣка отъ разныхъ безвременій? Содѣланъ ли человѣкъ, чтобъ истощать всѣ стихіи, чтобъ искать на краяхъ вселенной, чѣмъ прожорство свое удовольствовать, и, яко бы недовольно сего, составить родъ науки, какъ разныя сіи вещи, часто вредныя для лучшаго вкуса, изготовлять, тогда какъ въ каждой странѣ земля производитъ обильно здоровую пищу и сходственную по климату для жителей ея?

Таковыя наши безмѣрныя желаніи и произвели въ насъ страсти, кои, побуждая желаніи, насъ мучатъ, ввергаютъ насъ въ сладострастіе, роскошь, влекутъ къ зависти, къ несправедливымъ прі-

обрѣтеніямъ, къ распутству, къ неблагодарности и прочее. Чинятъ жизнь нашу безпокойную, лишаютъ сладкаго сна человѣка, умножая мнимыя его нужды, умножаютъ его заботы, отнимаютъ здоровье и поспѣшаютъ смерть. Но кто же тому виновникъ? Не самъ ли человѣкъ, которой, закрывъ очи свои отъ предписаній природы, вдавшись страстямъ, послѣдуетъ ихъ стремленію и чинитъ себя несчастливымъ?

Вмѣсто чего прямо благоразумной человѣкъ, сокращаяся на естественныя нужды, состроиваетъ себѣ жилище покойное и токмо могущее сохранить его отъ безпокойствъ временъ; украшаетъ его токмо тѣмъ, что нужно; не садитъ садовъ и не дѣлаетъ насиліе природѣ провожденіемъ водъ, но веселится простыми и никѣмъ неподражаемыми красотами природы; часы его посвящены трудамъ, и трудамъ полезнымъ и себѣ и обществу; они, и по самой привычкѣ занимая его время, не даютъ печальнымъ мыслямъ въ сердце его проникнуть, они его въ уединеніи утѣшаютъ, они подкрѣпляютъ его тѣло. Одежда простая, покойная и сходственная съ воздухорастворeніемъ той страны, его покрываетъ, и не тщится онъ красоты, данной природою человѣку, тщетнымъ искусствомъ украшать. Не отвергаетъ онъ ни злата, ни серебра, но не употребляетъ его для своей пышности или сластолюбія, но яко нужные металлы для купли вещей и для благодѣянія ближнему; столъ его, представляя простую пищу, не вредитъ здравію его; и наконецъ онъ есть во всемъ

господинъ своихъ имѣній и дѣяній, а не они господствуютъ.

Не дальняго онъ ожидаетъ себѣ воздаянія, дни его текутъ спокойно, честолюбію онъ не причастенъ, понеже все его желаніе состоитъ содѣлывать сколько можетъ добра, а каждому и дано во исполненіи своихъ должностей добро содѣлывать; властолюбія онъ не знаетъ, ибо увѣренъ, что власть не для чего инаго должно желать, какъ для того, чтобы употребить ее въ пользу обществу, что снабженные пышными чинами и могуществомъ при каждомъ полученіи такихъ отличій болѣе одолжаются быть полезными своимъ ближнимъ и слугами обществу становятся. Не ищетъ онъ пышности, понеже не находитъ въ ней ничего, чтобъ его льстило; не желаетъ богатства, ибо по простотѣ житья своего въ немъ нужды не находитъ; несребролюбивъ, ибо сребро токмо щитаетъ полезнымъ ко учиненію благодѣяній — и сокровищи свои раздавая благоразумно, въ сердцахъ одолженныхъ имъ оныя сохранятся — не хотя самъ предаться въ рабы имъ; не роскошенъ и не сластолюбивъ, ибо единое яко источникъ пороковъ, а другое яко корень болѣзней почитаетъ; трудолюбивъ, часы свои занимаетъ полезными упражненіями, не допускаетъ скукѣ овладѣть его мыслію; веселитъ себя своимъ упражненіемъ и въ немъ въ случающихся неудовольствіяхъ утѣшеніе обрѣтаетъ; съ веселіемъ хочетъ каждому ближнему своему помочь; раздѣляетъ... (огорченія?) ихъ и, забывая самыя учиненныя имъ благодѣяніи, не при-

мѣчаетъ, если и не благодарны ему; а наконецъ, повиновенной во всемъ волѣ Божіей и надѣющійся на Его милосердіе, благодаритъ за всѣ свои приключеніи Того, Кого содѣтелемъ своего естествованія почитаетъ, и во всемъ полагаетъ твердую надежду на Того, въ Коемъ увѣренъ, яко всесовершенно благъ есть.

Конечно сія преданность и упованіе наиболѣе можетъ усладить и необходимыя несчастіи жизни человѣческой. Отъ самаго часа рожденія своего, отъ сосцовъ матери своей онъ чувствуетъ Его благодѣяніи; твореніи рукъ Его показуютъ Его премудрость, то почему онъ знаетъ, если случающіяся самыя съ нимъ несчастіи не суть ли благодѣяніи Божіи, упреждающія ему другія несча́стіи. Колико исторія намъ примѣровъ представляетъ великихъ людей, падшихъ въ жестокія несчастія, которыхъ бы они избѣжали, еслибъ другими малѣйшими несчастіями отвращены были отъ тѣхъ случаевъ, которые содѣлали паденіе ихъ! Слабой человѣкъ, неимѣющій предвидѣнія, пресмыкающійся на землѣ, престань гордостныя твои мысли до Неба возносить! Ты не знаешь, какъ члены твои движутся; и ты не знаешь, какъ видишь, какъ слышишь, какъ обоняешь и какъ чувствуешь, а хочешь дерзкой твой взоръ на будущее простирать! Ты не можешь отвратить ни единаго малѣйшаго облака, не можешь себя предохранить, чтобы комаръ или муха тебя не кусали, а судьбы Превѣчнаго дерзаешь установлять! Отстань отъ сихъ безумій, покорись создавшему и милующему тебя Творцу, возложи на Него твою надежду и укроти твои страсти, будь доволенъ на землѣ и ожидай безъ ропота твоего конца!

О ВЫГОДАХЪ НЕДОСТАТКА *).

Причина, о которой я писать предпріемлю, (есть) столь странна многимъ покажется, что развѣ кто изъ одного любопытства, что можно о выгодахъ противнаго такой вещи, которую всѣ величайшимъ на свѣтѣ благомъ почитаютъ, сказать, восхочетъ прочесть трудъ сей. Самое заглавіе является противорѣчительно, ибо два токмо слова о единой причинѣ между собою противорѣчатъ. Единое положительное, а другое отрицательное; ибо выгоды всякую полезность знаменуютъ, а недостатокъ вредъ или скудость. Для сего, дабы знаменованіе слова недостатокъ, которое можетъ быть многознаменующее, утвердить въ семъ мѣстѣ въ его знаменованіи, то первое надлежитъ разумѣть сей недостатокъ въ разсужденіи имѣній, а потомъ изъяснить, что такое богатство, и что такое недостатокъ или бѣдность, которое послѣднее слово я для того не употребилъ, что оно, мнѣ кажется, знаменуетъ весьма великую степень недостатка, о коей я не имѣю намѣренія въ семъ сочиненіи говорить.

Богатство есть относительно; ибо, если крестьянинъ собираетъ впятеро хлѣба, нежели можетъ на семью свою издержать; если содержитъ четыре или пять батраковъ; если имѣетъ лошадей десять, коровъ двадцать и овецъ и свиней по размѣру, и если еще своими промыслами рублей двѣсти достанетъ себѣ въ годъ: онъ, конечно, кажется богатъ. Но если такой доходъ имѣетъ дворянинъ, и дворянинъ знатной, то его можно бѣднымъ почитать. Итакъ, если дворянинъ имѣетъ 10 или 20 тысячъ доходу, то уже онъ богатымъ почитается. Купецъ и ремесленникъ, имѣющіе на тысячу или на двѣ рублей достатку, между своими собратьями богатыми почитаются. Но тотъ, которой имѣетъ великіе торги и предпріятіи, которой въ разныя государствы посылаетъ свои товары и оттуда ихъ получаетъ; которой имѣетъ сношеніе съ наиотдаленнѣйшими странами и отправляетъ свои корабли: тотъ въ разсужденіи пространства своего торга, и со стами тысячъ рублей достатка богатымъ почестъся не можетъ. Вельможа, погруженной въ роскоши и сластолюбіи, исполненной пышностью, имѣя доходу десять или двадцать тысячъ, бѣднымъ себя называетъ, и развѣ стопятьдесятъ или двѣсти тысячъ рублей ежегоднаго дохода его могутъ довольнымъ сдѣлать. А нако-

*) Печатается съ рукописи, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

нецъ государь, по мѣрѣ государственныхъ нуждъ, а иногда и пышности, и съ десятью милліонами дохода бѣденъ, а надобно ему пятьдесятъ или сто милліоновъ.

А потому, какъ выше сказалъ, богатство есть относительно, да и не токмо по состоянію людей, но и по разнымъ хотѣніямъ оныхъ. Слѣдственно можно ему такое учинить объясненіе: что сіе есть довольный достатокъ имѣній, дабы человѣкъ не только все нужное по состоянію своему легко могъ получать, но и многимъ излишнимъ пользоваться. Напротивъ того, недостатокъ есть то, что человѣкъ и самаго нужнаго по состоянію своему безъ труда имѣть не можетъ, а бѣдность—когда не токмо по состоянію своему, но и самыхъ нуждъ физическихъ удовольствовать не въ состояніи.

Вотъ три состоянія имѣній, раздѣляющіяся еще на несчетное множество частей по мѣрѣ состояній и прихотей. И изъ нихъ два первыя суть къ обоимъ симъ относительны, а послѣднее есть неотносительно: ибо состояніе, въ коемъ и физическія нужды не могутъ удовольствованы быть, суть вездѣ зло и непремѣнно.

Теперь воззримъ мы на состояніе богатаго и пышнаго вельможи и на посредственнаго, или и ощущавшаго недостатокъ для удовольствованія желаній своихъ, дворянина. Сравненіе между сими двумя, дабы избѣжать повторенія, и на другія состоянии можетъ обращено быть. Притомъ же разсмотримъ и самыя удовольствіи, каковыя каждый отъ исполненія своихъ желаній получаетъ; а сіе и подастъ намъ вѣрной способъ къ заключенію, кто чувствительнѣе ощущаетъ удовольствіе, что есть единая цѣль жизни человѣческой.

Я представляю себѣ пышнаго и богатаго вельможу, къ коему деньги и драцѣнныя вещи волнами счастія во множествѣ текутъ и роскошью его и сластолюбіемъ, яко въ нѣкоторой пучинѣ, пожираются. Зрю ѣдущаго его. Карета позлащенная, на множествѣ ресоръ, и среди безпокойной улицы едва чинитъ чувствовать потрясеніе; закрыта дорогимиточеными стеклами, не допускающими и малому помаванію вѣтра или летящимъ пылинкамъ его безпокоить; гардины закрываютъ его отъ лучей солнечныхъ; а плотность ея и стекла и зимнему холоду проникать не позволяютъ. Обита она бархатомъ, съ набитыми подушками или пухомъ, или наполненными воздухомъ, купно мягкостію и нѣжностію спокойствіе учиняетъ. Влекутъ ее шесть прекрасныхъ возниковъ, которые украшаются позлащенными, изъ сафьяну содѣланными, шорами, въ гривахъ вплетены.... (?) и возжи шелковыя съ златомъ, и окруженъ верховыми и позади множествомъ служителей, и въ самой ѣздѣ его внимающими его помаванія. Однимъ словомъ, единый его экипажъ столько стоитъ, чтобы цѣна его могла содѣлать благополучіе многимъ дворянскимъ семьямъ; учинить бы ихъ въ состояніи лучше воспитать дѣтей своихъ и дочерей за хорошихъ жениховъ выдать. Однако вельможа въ ней сидитъ, не внимаетъ на покой, пріобрѣтаемой каретою имъ, и не

помышляя о дорогой цѣнѣ, какой она стоитъ.

Я зрю его выходящаго изъ кареты. Злато и драгоцѣнныя каменья на одеждѣ его блистаютъ. Шуба его изъ лучшихъ сибирскихъ соболей содѣлана; муфта изъ черныхъ лисицъ; оба подобны цвѣтомъ своимъ черному бархату. И вся его одежда цѣну великую составляетъ.

Вступаю за нимъ въ домъ его, коего наружность немалую часть улицы занимаетъ. Мраморные столбы поддерживаютъ богатой, позлащенной балконъ. Мраморные же барельефы украшаютъ верхи его окошекъ. На полъ вступаю въ его сѣни — тамъ мраморъ и порфиръ повсюду блистаютъ. Ступени лѣстницы содѣланы изъ лучшаго чернаго мрамора, и порфирные столбы содержатъ сводъ. Бѣлаго мрамора поручки поддерживаются мѣдною позлащенною рѣшеткою. Стѣны и потолокъ украшены прекрасною живописью. И все, однимъ словомъ, тутъ такое, что не токмо все вообще привлекаетъ очи, но и каждая особливо часть въ удивленіе приводитъ. Потомъ, когда вступаю въ его комнаты, тамъ зрю шелкъ, золото, хрусталь, мраморъ и, однимъ словомъ, все драгоцѣннѣйшія вещи въ дѣло употребляемыя, но съ такимъ искусствомъ, что вещество вещей является спорить съ искусствомъ въ привлеченіи удивленія. Является, что всѣ искусствы невозможное содѣлали, чтобъ украсить сей домъ. Тамъ стеклы зеркалъ чрезмѣрной величины отражаютъ лучи множества горящихъ свѣчей; тамъ висящія люстры гранью своею блистаютъ и игру брилліантовъ представляютъ. Или изъ разнаго дерева сдѣланные полы привлекаютъ взоръ, или богатые ковры оные покрываютъ. Однимъ словомъ, вкусъ и богатство повсюду тутъ являются соединенны. Наилучшіе мастера изъ ученнѣйшихъ народовъ употребили все свое искусство, чтобы дому, достойному божественнаго жилища, красу придать. А тогда же въ спальнѣ, кабинетѣ зрилъ я покойныя креслы, софы, для отдохновенія постели и другія подобныя вещи, содѣланныя, дабы нѣжить плоть сластолюбиваго вельможи.

Множество служителей ему предстоятъ; смотрятъ единаго его взгляда; еще же больше прислужниковъ и искателей съ вящшимъ подобострастіемъ стараются ему угодить и развеселить пасмурное лицо его. И сама его любовница, которая, хотя и не такого рожденія, а меньше еще поступка, чтобы между благородными людьми находиться, тутъ почтеніе отъ многихъ, въ угодность вельможи, получаетъ.

Однако время къ вечернему столу настало, и вельможа со всѣми своими гостями идетъ въ столовую. О небо, коль великія украшенія! Злато и серебро блистаютъ во всей посудѣ; хрусталь украшаетъ филеи; множество горящихъ свѣчей, коихъ лучи, разными гранями хрусталя отражаемые, приключаютъ тягость очамъ. А наконецъ, по открытіи яствъ и при подаваніи питей, узрилъ я вдругъ все, что четыре части свѣта лучшаго производятъ. Тамъ огромной величины стерляди великія блюда покрывали; бѣлые, подобно снѣгу, телята, яко горы,

лежали на блюдахъ; каплуны, пулярки, перепелки зимою, фазаны, устерсы и въ десертѣ ранніе плоды и ананасы, а иные съ трудомъ и со тщаніемъ сохраненные, яко виноградъ и дыни, удивляютъ очи и услаждаютъ зрѣніе и духъ; вины всѣ, что Франція, Италія и Испанія лучшаго производитъ, и что славный мысъ Доброй Надежды рождаетъ, и наконецъ коимъ славится.... (?); все въ обиліи подается.

Послѣдуемъ ему въ его деревню, гдѣ онъ имѣетъ увеселительной домъ. Пространныя палаты со всѣми принадлежностями, могущія бы безъ нужды быть жилищемъ какому государю, и великолѣпно убранныя, составляютъ мѣсто пріѣзда для сего вельможи. Кромѣ изрядной рѣки, протекающей близь сего зданія, ископанные пруды, запруженныя, природныя и содѣланныя руками человѣческими, рѣчки, гдѣ чистая вода журчитъ, теча по камешкамъ, а индѣ съ шумомъ на подобіе каскада упадаетъ, окружены разными деревьями, сочиняющими китайской и англійской садъ, которые пространствомъ своимъ занимаютъ довольно земли, чтобъ нѣсколько сотъ семей питаться могли. Въ немъ видны разныя зданіи, одни построенныя близь водъ, другія въ пустотѣ лѣса; а наконецъ иныя среди низко-подрѣзанныхъ луговъ, видъ бархата низкой своей зеленью представляющихъ. Индѣ стоитъ мраморная галлерея, индѣ китайской домъ, индѣ готическая бесѣдка, индѣ китайская башня, индѣ мраморные столбы, индѣ пирамида, индѣ развалины храма, индѣ какая дикая пещера и переплетенные плющи, по сему (всему?) пространству извивающіеся, вездѣ новые и разныхъ родовъ пріятные виды представляютъ. Регулярной садъ не меньше достоинъ удивленія, какъ величиною деревьевъ, такъ пространствомъ и великолѣпными украшеніями разныхъ бесѣдокъ, каскадовъ, водометовъ, статуй и богатыхъ цвѣтниковъ, испещренныхъ рѣдчайшими цвѣтами, которые равно (красками?) своими и благовоніемъ гуляющихъ привлекаютъ. Въ другихъ мѣстахъ стоятъ прекрасныя деревья съ изгибающимися отъ плодовъ вѣтвями. Пространныя оранжереи заключаютъ одну сторону сего пространнаго дома. Тамъ все, что четыре части свѣта лучшаго и прекраснаго имѣютъ, вмѣщается. Разныхъ родовъ ананасы удивляютъ разными своими цвѣтами и величиною и благовоніемъ чувствы услаждаютъ; пизаны, распростирая свои великіе листья, являютъ подъ ними кисти своего плода; виноградъ у стѣны извивается, и кисти великія висятъ; померанцы и лимоны вдругъ два времени года представляютъ; удивляютъ своею величиною, порядочнымъ крокомъ; прельщаютъ взоръ висящими плодами и услаждаютъ чувство благовоніемъ, происходящимъ отъ ихъ цвѣтовъ; персики, абрикосы, вишни, сливы и отмѣнныя груши составляютъ великія аллеи и подобно лѣсу зрятся. Но возможно ли исчислить всѣ плодовитыя деревья и цвѣты, дѣлающіе пріятность вкусу, зрѣнію и обонянію!

Вблизи тутъ видны по разнымъ мѣстамъ домостройственныя строеніи. Тамъ

конской домъ представляетъ изрядной фасадъ и вмѣщаетъ лучшихъ разныхъ породъ лошадей. Тамъ скотной дворъ, гдѣ прекрасные коровы и быки содержатся, и гдѣ сдѣланы пріятные покои, дабы, если господинъ посѣтитъ сіе мѣсто и восхочетъ тутъ сдѣлать полдникъ молокомъ, могъ покойно и весело быть. Тамъ птичій домъ, гдѣ не только всѣ птицы нужныя для домостройства находятся, но и для веселія. Тутъ бѣлые и сѣрые павлины съ распущенными хвостами величаются передъ другими; тутъ лебеди гордо плаваютъ по водамъ; тутъ множество различныхъ утокъ и гусей въ осокѣ играютъ; тутъ еще больше разныхъ куръ, удивительныхъ своею разностію, являютъ богатство природы; не меньше того и разные голуби; иные разнымъ образомъ по воздуху летаютъ, иные гордятся своимъ хвостомъ; иные, покрытые хохлами и съ перистыми ногами, насилу могутъ ступать; иные, яко горленки или египетскіе голуби, крикомъ своимъ взаимную любовь изъявляютъ.

Близь сего мѣста зрится кустарникъ покрытой.... (?), гдѣ водятся разныхъ родовъ фазаны, не меньше привлекающіе очи различными—или золотыми, или серебряными, или пестрыми—своими перьями. Потомъ близь звѣринецъ, гдѣ разные олени, козы дикія и кабаны во множествѣ для утѣшенія хозяина обрѣтаются, и сіи не только утѣшаютъ его при выпускѣ въ особливый отдѣлъ, гдѣ онъ можетъ ихъ стрѣлять, но также олени, ручностью своею послѣдуя человѣку, учиняютъ удовольствіе. Но сего не довольно: разные переплетенные плющи, природные и сдѣланные ручейки, пруды и разные домики, при являющейся дикости, особенное великолѣпіе и красоту представляютъ.

Наконецъ псарной дворъ, сдѣланной также довольно хорошей архитектуры, дабы привлечь знающаго сіе искусство человѣка вниманіе, вмѣщаетъ въ себѣ великое число борзыхъ и гончихъ лучшихъ собакъ, по большей части отъ прислужниковъ и отъ искателей надвеценныхъ, которыя иногда къ увеселенію хозяина служатъ.

Однако при такомъ во всемъ довольствѣ, когда все является споспѣшествовать его желаніямъ, рѣдко лицо вельможи веселой видъ являетъ. Тщетно строители ему кажутъ новое оконченное строеніе или планы и фасады, чтобъ новое зачинать. Онъ холоднымъ взоромъ смотритъ на сіи вновь сдѣланныя дому его украшеніи, или не меньше съ холодностью новыя содѣлывать повелѣваетъ. Прекрасныя аллеи, деревья, изгибающіяся подъ плодами, и самые плоды, прекрасныя рощи, испещренные цвѣтами луга и цвѣты въ саду, въ оранжереяхъ его находящіеся, текущіе источники чистыхъ водъ, паденіе ихъ каскадами или возношеніе водометами, или стоячихъ прекрасной хрусталь водъ, птицы, наполняющія птичій домъ, кони и скотъ прекрасные и тучные и звѣри, живущіе въ звѣринцахъ и бѣгущіе за человѣкомъ, укротя свою дикость, все, кажется, предъ нимъ красоту и пріятство свое потеряло; на все онъ смотритъ неучаст-

нымъ окомъ; ничто не можетъ подвигнуть его къ веселію восхитительному. Да и неудивительно. Все ему легко пришло; все предупреждаетъ его желаніе, и онъ, не находя ни въ чемъ трудности исполнить свои хотѣніи, не находитъ большаго и удовольствія въ исполненіи ихъ. Онъ не можетъ себя назвать недовольнымъ, но не можетъ же ничему и возрадоваться, и духъ его въ нѣкоторой скучной онѣмѣлости пребываетъ, ища, чего бы онъ могъ желать.

Воззримъ теперь на дворянина, пользующагося токмо посредственнымъ достаткомъ, иногда и съ нуждою, дабы исполнить все то, что требуетъ его имя и состояніе. Я вижу его ѣдущаго въ простой каретѣ, на парѣ небольшихъ лошадей, имѣя одного человѣка за собою. Онъ, получа и сей весьма посредственный экипажъ, считаетъ себѣ за удовольствіе, что закрытъ каретою и, хотя не точеными, но простыми стеклами отъ безпокойствъ погоды. Одежда на немъ простая, но благопристойная, и шуба, не изъ краевъ вселенной изъ дражайшихъ соболей собрана, но либо лисья, или волчья, имѣетъ только нужныя качествы его отъ холоду согрѣвать. Не толпа служителей его встрѣчаетъ и окружаетъ въ его домѣ, но малое число, являющіеся усердные къ нему, которыхъ онъ самъ имѣлъ трудъ воспитать. Пріятность его видѣть является въ очахъ ихъ, а и онъ въ повелѣніяхъ своихъ являетъ имъ такое чувство, что хотя они имѣютъ должность ему служить, но онъ ихъ людьми, и по естеству равными себѣ, почитаетъ. Домовитая жена, не имѣя никакой пышности, но исполненная любовью къ своему супругу, къ чадамъ, и трудолюбивая надзирательница дома, изъявляетъ удовольствіе свое о его пріѣздѣ и тщится, чтобы вездѣ добрый порядокъ ему пріятенъ былъ. Пріѣхавшіе друзья не для исканія какого, не для прислуги, не для великолѣпнаго и вкуснаго стола, но изъ любви къ хозяевамъ, хотя тутъ въ маломъ числѣ, но искренность и свобода въ обхожденіи услаждаетъ сію бесѣду; разглагольствіи о теперешнихъ обстоятельствахъ государства, о торговлѣ и о домостройствѣ попеременно наполняютъ время сей бесѣды; встрѣчающіяся противорѣчіи придаютъ жаръ разговорамъ и свободу мыслей изъявляютъ.

Приходитъ время итти къ столу. Онъ наполненъ простыми, но вкусными яствами на глиняномъ сервизѣ. Хозяева веселостью своею и учтивостью придаютъ ему вкусъ; отвѣдываютъ сами кушаньи; изъявляютъ удовольствіе, что хорошо состряпано; подчиваютъ своихъ друзей. Тутъ нѣтъ ни огромныхъ стерлядей, ни вестфальской ветчины, ни перигорскихъ пироговъ, ни колмогорскихъ телятъ. Но хозяинъ подчуетъ поенымъ теленкомъ изъ своей деревни; разрѣзываетъ жаркое и сочный окорокъ, сказывая, что онъ большихъ свиней у себя завелъ, и какой способъ употребляетъ къ утучненію ихъ; подчиваетъ или жирною укормленною курицею, или жирною уткою, или гусемъ, рожденными и воспитанными въ его домѣ. Вино подается ординарное, которое чистотою своею и долгимъ стояніемъ уже подходитъ къ драгоцѣннымъ винамъ. Вездѣ

простота, но простота чистая является, которая мудрому зрителю предпочтеннѣе самой великолѣпной пышности кажется. Домъ его также не имѣетъ великихъ украшеній. Не видно въ немъ ни золота, ни серебра, ни порфировъ, ни дорогихъ хрусталей; но стѣны обиты бумажками чистыми; подсвѣчники, изъ мѣди сдѣланные, не драгоцѣнные; люстры, хотя хрустальныя, но не изъ дорогаго хрусталя; зеркала небольшія, и тѣ составныя; столы индѣ изъ простаго мрамора, а индѣ и изъ алебастра; полы или гладкіе, или простымъ сукномъ устланные. Но все сіе чистотою, а паче веселымъ нравомъ и привѣтствіемъ хозяина и хозяйки украшается.

Послѣдуемъ такому посредственному человѣку въ его деревню; воззримъ, какъ онъ въ нее съ пріятелями своими, любящими его особу, а не санъ или богатство, пріѣзжаетъ. Еще подъѣзжая къ своему селенію, останавливается, смотритъ или растущій хлѣбъ, или запаханную землю, или луга. Съ удовольствіемъ разсказываетъ своимъ друзьямъ, что онъ въ такое время таковую пашню распахалъ, или лугъ расчистилъ; что сія земля такой ему приноситъ плодъ. Подъѣхавъ еще ближе къ селенію своему, останавливается; выходитъ изъ кареты; зоветъ своихъ друзей прогуляться въ рощу, отчасти имъ подчищенную, отчасти же подсаженную; садится съ ними на простыхъ дерновыхъ или досчатыхъ лавкахъ; разсказываетъ съ веселымъ видомъ, какъ отъ родителя своего получилъ сію деревню; благодаритъ его и о маломъ, что было заведено; потомъ, изъявляя болѣе удовольствія, разсказываетъ, какъ трудился самъ въ подчищеніи сей рощи и въ подсаженіи, какія намѣренъ дѣлать тутъ дорожки, и показываетъ, что уже сдѣлано.

Наконецъ пріѣзжаетъ въ домъ весьма небольшой, но довольно покойной для его семьи, съ нѣкоторыми особливыми домиками для гостей. Нигдѣ тутъ ни золота, ни серебра не блеститъ, но стѣны или подмазаны штукатурою, или подписаны. Штофовъ и парчей нигдѣ тутъ не видать, но либо домашнее тканье, или набойка, или полуситцы, а одинъ вкусъ и чистота главное украшеніе сочиняютъ. Столъ, толь-же простой, какъ и украшеніе, по большей части изъ домашнихъ вещей, разнаго молока и травъ состоящій, вкусную и здоровую представляетъ пищу. Плоды не во множествѣ, но лучшихъ родовъ, изъ маленькой оранжереи, оный еще украшаютъ. Хозяинъ съ гостями своими ихъ ѣстъ, сказывая, откуда онъ столь крупные досталъ персики и арбузы; говоритъ о плодоносіи его вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ; разбираетъ разные роды грушъ и яблоковъ; похваляетъ ихъ вкусъ и подчуетъ. Разная земляника, клубника весьма крупная, малина садовая и другія ягоды, также лучшихъ родовъ дыни и арбузы умножаютъ его столъ и почти сластолюбіе являютъ. Онъ съ пріятностію смотритъ на всѣ свои плоды, съ удовольствіемъ ихъ вкушаетъ, воспоминаетъ время заведенія ихъ и веселится, что довелъ оное до того, что всѣмъ симъ пользоваться можетъ, и зоветъ гостей своихъ итти въ его сады и оранжереи.

Послѣдуемъ сему домовитому и умѣющему себя утѣшать мужу въ его сады и оранжереи. Не цѣлыя поля захвачены въ его садъ, но изъ нихъ одинъ весьма небольшой насажденъ регулярными, стриженными аллеями, изъ коихъ одни высокую непроницаемую стѣну представляютъ, другія, сгибаяся между собою, представляютъ купно искусство въ порядочномъ насажденіи и природу въ естественно-сросшихся вѣтвяхъ, которыя, переплетясь, непроницательной сводъ солнечнымъ лучамъ и дождю содѣваютъ. Толстыя и густыя кроновыя деревья составляютъ одну дорогу, сплетшіяся вѣтвями своими, тѣнь и покрышку учиняютъ. Изрядные партеры, въ приличныхъ мѣстахъ содѣланные, наполненные разными прекрасными и благовонными цвѣтами. Въ срединѣ аллеи насажены яблони, груши, сливы и вишни, изъ коихъ послѣднія и по заборъ посажены. Наконецъ въ благопристойныхъ мѣстахъ находятся разныя бесѣдки, раскрашенныя разными красками, которыя пристойностью мѣста, гдѣ онѣ построены, хорошей архитектурою и испещреніемъ красокъ зрѣніе привлекаютъ и представляютъ пріятныя мѣста къ отдохновенію.

Возлѣ сего сада, съ одной стороны находится изрядной лугъ, сквозь которой протекаетъ небольшая рѣчка, которая, бывъ удержана заплатою, составляетъ по конецъ луга изрядной прудъ. Лугъ сей украшенъ англійскимъ садомъ; преизрядныя извитыя дорожки къ разнымъ мѣстамъ приводятъ; въ иныхъ мѣстахъ посажены разныя деревья, которыя тѣнь составляютъ; индѣ сидитъ одно дерево, которое своими вѣтвями не малое мѣсто покрываетъ, въ другихъ мѣстахъ изъ рѣчки проведены каналы, которые сочиняютъ островки, и повсюду, гдѣ нужда требовала, или домики, или бесѣдки, или маленькія галлереи построены были, а индѣ въ дикихъ мѣстахъ прилегающаго лѣсу сдѣланы пустыньки или пещеры.

Съ другой стороны сада находится довольно пространной огородъ, гдѣ, кромѣ не малаго числа плодовитыхъ деревьевъ, находятся насажденныя разныя огородныя овощи и купно удовольствіе и прибыль приносятъ. А огородъ сей кончается довольно пространнымъ мѣстомъ, засаженнымъ хмѣлемъ, разными аллеями, бесѣдками и другими видами..... (?) выращеннымъ, которой купно служитъ для пріятности вида и для прибытка.

Возлѣ огорода находятся оранжереи и парники, весьма небольшіе и токмо отличные избраніемъ плодовъ, хорошей выросткою деревьевъ и чистотою.

Съ другой стороны его дома находятся скотной и конской дворъ, вмѣстѣ соединенные. Тутъ нѣтъ ни дорогихъ лошадей, ни огромныхъ коровъ; но лошади крѣпкія и довольно рослыя; коровы смѣшанныя—русскія съ холмогорскими; овцы простыя; но все въ хорошемъ содержаніи. Возлѣ сего дома находится не малой копанной прудъ, откуда вода трубами проведена почти въ каждую стаю; а на другой сторонѣ пруда построенъ маленькой птичій домъ, гдѣ разныя птицы: индѣйки, гуси, утки разныхъ родовъ и куры водятся во множествѣ.

Такое есть расположеніе жилища сего посредственнаго человѣка въ городѣ и въ его деревнѣ. Но воззримъ, какое же удовольствіе все деревенское его строеніе и заведеніе приноситъ. Онъ,съ друзьями своими сошедъ въ садъ, останавливается на всякой дорожкѣ; съ удовольствіемъ показываетъ высоту и густоту.... (?) или тѣнь крытыхъ аллей; разсказываетъ время саженія ихъ; воспоминаетъ, что онъ самъ его чертилъ, самъ его разбивалъ и многое своими руками садилъ. Въ парникахъ показываетъ разные цвѣты; веселится, видя ихъ красоту или чувствуя благовоніе; разсказываетъ, откуда корни и сѣмена доставалъ; дѣлаетъ примѣчать прекрасную дикость смѣшенія(?). Входитъ ли въ бесѣдку, сказываетъ, когда она посажена или когда построена. Входитъ на лугъ, англійскимъ садомъ устроенной, показываетъ съ удовольствіемъ сдѣланныя мѣста; дѣлаетъ примѣтить чистоту воды протекающей рѣчки; садится или удитъ рыбу въ прудѣ, или ловитъ ее неводомъ, и каждая поймманная рыбка ему удовольствіе приноситъ. Идетъ къ строящимся бесѣдкамъ, показываетъ ихъ гостямъ своимъ; сказываетъ, что самъ чертилъ планъ и фасадъ, и какъ хочетъ ихъ убрать; требуетъ совѣта у своихъ пріятелей; показываетъ имъ нѣкоторые планы сажденій и строеній, которыя хочетъ начинать, назначая разное время, дабы то все сходственно съ своимъ достаткомъ учинить; исчисляетъ уже изготовленные имъ припасы, и какъ другіе изготовляетъ. Идетъ къ нѣкоторымъ зачатымъ строеніямъ, показываетъ ихъ своимъ друзьямъ; съ футомъ въ рукахъ размѣриваетъ самъ; указываетъ каменьщикамъ и плотникамъ, индѣ ихъ исправляетъ, гдѣ сдѣлали ошибки, индѣ даетъ имъ награжденіе. Входитъ въ огородъ и близь стоящія оранжереи, показываетъ разныя растеніи; дѣлаетъ примѣтить величину грунтовыхъ деревьевъ, ихъ плодоносіе, разные роды и отдѣленіи въ родахъ разныхъ травъ и плодовъ; срываетъ плоды, подноситъ своимъ друзьямъ и спрашиваетъ, какъ находятъ вкусъ. Потомъ идетъ на конской и скотной дворъ показывать своихъ лошадей, жеребятъ и коровъ; входитъ въ то мѣсто, гдѣ хранится молоко; дѣлаетъ примѣчать спокойствіе и удобность сего строенія и подчуетъ разнымъ молокомъ.

Все сіе онъ съ толикимъ удовольствіемъ, а иное и съ какою жадностью исполняетъ, что, является, не только всякое древо, плодъ и цвѣтокъ, но и каждой листокъ его веселитъ. Бездушныя вещи, является, учинились его служителями, для содѣланія его удовольствія и обще все такъ и каждое является сумму его благополучія прибавлять, и каждая будто бы составляла то, что можетъ его счастливымъ сдѣлать.

Вотъ два разныхъ начертанія, одно возлѣ другаго поставленныя, изъ коихъ въ первомъ видимъ всего во множествѣ, все великолѣпно, и все предупреждающее желаніе вельможи; но ничто не могущее подвигнуть его къ чувствительному веселію: въ обиліи, въ довольствѣ, не имѣя ничего желать. Другое, гдѣ все съ

трудомъ пріобрѣтено, гдѣ все малое и съ нуждою исполняется; но все, по мѣрѣ употребленныхъ трудовъ, веселитъ; гдѣ все оживотворяетъ духъ и дѣлаетъ удовольствіе. То кого же изъ сихъ счастливѣйшимъ назвать? Кто болѣе вкушаетъ сладостныхъ минутъ удовольствія?

Является мнѣ, что предвѣчные уставы Создателя всѣхъ естествъ такъ опредѣлили, дабы сравнять всѣ состояніи людей между собою, что имѣющій все въ изобиліи не ощущаетъ и великихъ вещей, могущихъ бы ему удовольствіе принести; а тотъ, кто съ трудомъ все получаетъ, цѣнитъ вещи по трудамъ своимъ и малѣйшимъ утѣшается.

Войдемъ въ разсмотрѣніе естества человѣческаго,—мы ежеминутно зримъ, что чудеснѣйшія вещи насъ не удивляютъ, когда мы всегда оныя видимъ. Пространныя небеса, освѣщенныя лученоснымъ солнцемъ или луною или усѣянныя несчетнымъ множествомъ блистающихъ звѣздъ, ежечасно очамъ нашимъ видимы; но самымъ тѣмъ, окромѣ нѣкоторыхъ мудрыхъ, почти воззрѣнія нашего не привлекаютъ; тогда какъ стекаются всѣ видѣть проворство какого обманщика, и дѣяніи его приключаютъ удивленіе и причину разговоровъ въ бесѣдахъ. Прекрасные цвѣты, коими усыпаны луга наши, розы и лиліи, украшеніи садовъ нашихъ, не содѣваютъ въ насъ такого чувства, какъ видѣніе какого нехорошаго и рѣдкаго цвѣтка американскаго, которой во многіе годы расцвѣтаетъ. Никто не поспѣшалъ на лугъ видѣть множество блистающихъ великолѣпныхъ цвѣтовъ; никто не спѣшилъ въ садъ видѣть расцвѣтшіе розаны; но расцвѣтетъ ли алое — множество стекается его смотрѣть. Хотя въ немъ ни красоты, ни духу нѣтъ, однако, превозмогая трудности, съ жадностью туда поспѣшаютъ. А для чего? Токмо для того, что оно рѣдко. Наипріятнѣйшія кушаньи, наилучшія вины намъ наскучаютъ, когда всегда они въ употребленіи. А напротивъ того, и къ самому противному намъ мы можемъ привыкнуть. Отвратительнѣйшія лѣкарствы по долгому употребленію намъ сносны становятся. Нѣжныя женскія руки, привыкнувъ къ работѣ, не ощущаютъ почти касаніемъ жесткости тѣлъ. И самыя ядовитыя вещи безвредны намъ отъ привычки становятся. Подобно сему и въ разсужденіи богатаго человѣка, котораго всѣ желаніи исполнены прежде, нежели онъ еще почти успѣетъ ихъ учинить, содѣлываютъ, что чувствы его отъ веселія онѣмѣваютъ и яко мозоли тутъ учиняются. Онъ веселится токмо настоящимъ чувствомъ, никогда не ощущая того удовольствія, которое чувствуютъ отъ исполненія желаній. Читалъ я въ греческой исторіи, что нѣкто, пріѣхавъ въ Спарту, былъ званъ ко всенародному ихъ столу. Сей, отвѣдавъ лучшее ихъ блюдо, черный соусъ называемое, не могъ удержаться, чтобъ отвращенія своего ко вкусу его не показать. На сіе ему было отвѣтствовано, что въ семъ блюдѣ для него двухъ приправъ недостаетъ, т. е. преждеобѣденнаго труда и голода. И подлинно: человѣку сытому и вкуснѣйшія яствы противными покажутся или, по крайней мѣрѣ,

не будутъ имѣть никакого вкуса. Яко ежечасно сіе богатые и роскошные ощущаютъ.

Но въ посредственномъ состояніи живущій человѣкъ, видя исполненіи, сопряженныя съ трудомъ и попеченіемъ, исполненіемъ и малаго чего веселится; ибо не однимъ машинальнымъ чувствомъ онъ ощущаетъ удовольствіе, но воспоминаніе его тщаній и трудовъ приумножаетъ въ немъ чувство веселія.

Такъ Всевышняго десница, располагающая мѣры блаженства человѣческаго, если по теченію мірскихъ дѣлъ дала кому силу, могущество и богатство, то самими сими уменьшаетъ у него чувство удовольствія; что же у посредственнаго человѣка отняла сіи блага, наградила его дарованіемъ болѣе имѣть случаевъ удовольствія.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О САМСТВѢ *).

Давно извѣстная въ свѣтѣ нравственная болѣзнь толико нынѣ усилилась, что можно сказать почти всеобщею заразою учинилась; и сіе принуждаетъ меня объ оной нѣкоторыя разсмотрѣніи учинить.

Сія болѣзнь на французскомъ языкѣ взаимствуетъ имя свое отъ слова латинскаго ego, я, и называется égoïsme; въ Россіи же мало ее знали, а потому и славенскаго именованія она не имѣла, чего ради принужденнымъ нахожусь имя ей опредѣлить; и тако, сходственно съ свойствомъ ея и съ припадками, называю ее самство.

Сіе несть самолюбіе, ибо кто себя не любитъ? Но самолюбіе можетъ, для своего самаго удовольствія, любить и другихъ. Самолюбіе для славы своей часто жертвуетъ своимъ благосостояніемъ. Самолюбіе разбираетъ прямыя пользы съ мнимыми. Самолюбіе побуждаетъ къ полезнымъ трудамъ. Напротивъ того, самство никого кромѣ себя не любитъ и любить не можетъ. Самство ни малѣйшимъ чѣмъ пожертвовать ни ближнему, ни другу, ни отечеству не въ состояніи. Самство не разбираетъ прямыхъ, основанныхъ на добродѣтели, пользъ, но все къ своенравію своему относить. Самство не побуждается ни къ какимъ полезнымъ трудамъ, ибо все ему не токмо полезнымъ, но вреднымъ является, что особливѣйшимъ образомъ не относится къ его удовольствію. Самство всегда сопряжено съ завистью и злобою, ибо завидуетъ всякому добру, которое другой имѣетъ, что и оно не преисполняетъ черезъ край его удовольствія; и, желая все себѣ, злится, ежели кто другой что имѣетъ, и наконецъ, зараженный сей болѣзнію человѣкъ не инако мнитъ, что онъ есть все, и вся вселенная должна быть для него, а прочее все ничто.

Я думаю, что начало сей болѣзни происходитъ отъ самолюбія; а понеже самолюбіе есть всеобщее всѣмъ человѣкамъ, отчего слѣдуетъ, что и самство толико между человѣческаго рода умножилось; ибо, гдѣ есть корень болѣзни, тамъ вскорѣ болѣзнь прилипаетъ, а по всему сему и ясно есть, что самство есть ничто иное, какъ до крайности доведенное и поврежденное самолюбіе.

Въ первые вѣки свѣта болѣзнь сія оказалась; ибо и по древнѣйшимъ исторіямъ видимъ, что Невродъ въ припадкахъ сей

*) Печатается съ рукописи, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

болѣзни, наруша право равныхъ себѣ, властителемъ ихъ учинился, и Яковъ у брата своего Исава сперва купилъ старшинство, а потомъ похитилъ и отческое благословеніе, и, конечно, первый изъ сихъ не помышлялъ, что, приведши въ рабство ровныхъ себѣ, приключаетъ имъ и потомству ихъ вѣчное несчастіе, ни второй, что похищеніемъ старшинства и родительскаго благословенія наносилъ вредъ и огорченіе брату своему. Но они думали токмо о себѣ, не щитая ни за что другихъ.

Вскорѣ сія болѣзнь до крайности распростерлась. Заразила она царей, относящихъ все къ своему единственному удовольствію, и жертвующихъ народы своимъ прихотямъ. Заразила она вельможъ, которые стали презирать пользы народныя, и обманывать и ко злу приводить государей, ища въ томъ единственныя своея пользы. Заразила она въ республикахъ правителей, которые стали стараться вольность народную угнетать и тиранами себя учинить. Заразила она судей, которые начали для прибытку своего или для какихъ другихъ своихъ прихотей правосудіе нарушать; и слезы безвиннаго утѣсненнаго вскорѣ ступени судбищъ оросили. Заразило оно воиновъ, которые стали грабежъ и насиліи славѣ и доброму повиновенію предпочитать. Заразило оно купцовъ, которые въ куплияхъ и продажахъ ихъ зачали обманъ, несправедливые мѣры и вѣсы употреблять. Наконецъ заразило оно самыхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, которые по мѣрѣ состоянія своего, обманы и лжи и коварствы не стыдяся употребляютъ, для удовольствія собственно себя. Рукодѣліи учинились повреждены, а земля часто стала орошаться кровію или желающихъ оную у законныхъ владѣтелей похитить, или (тѣхъ, кто?) тщится оную сохранить.

Примѣры таковыхъ, зараженныхъ самствомъ, исторія намъ представляетъ. Таковы были Пизистраты въ Афинахъ, Тарквиніи въ древнемъ Римѣ, а потомъ Катилина, Силла, Антоній и Цесарь—при концѣ римской республики, и прочіе, которыхъ неищетное число именъ въ исторіи обрѣтаемъ, отличившихся навлеченіемъ нещастій роду человѣческому, единственно для хотѣнія своего.

Новая исторія еще намъ болѣе примѣровъ зараженныхъ такою болѣзнію представляетъ, которыхъ именами не хочу сквернить сію бумагу, ни воспоминаніемъ ихъ воспоминать виновныя оныхъ имена и приключенныя злощастіи роду человѣческому; а приступлю къ описанію припадковъ сея болѣзни.

Какъ тѣлесныя болѣзни имѣютъ припадки по разнымъ расположеніямъ тѣла человѣческаго, она оные имѣетъ различны по разности состоянія людей.

Пораженные сю цари впадаютъ въ лѣность для управленія врученныхъ имъ отъ Бога народовъ; они ввѣряются въ какого единаго или малое число своихъ возлюбленниковъ, лѣнятся или стыдятся со всѣми, предопредѣленными для правительства, о важнѣйшихъ дѣлахъ объясниться, и мня, предая симъ единымъ власть и могущество, умножить свое самовластіе, дѣйствительно рабами и связ-

нями сихъ своихъ любимцевъ становятся; расточаютъ казну государственную, ввѣряемую имъ токмо для нужнаго употребленія, для защищенія и облагодѣйствованія народнаго, недостойнымъ симъ любимцамъ, никогда не могущимъ насытить свою алчбу, ни удовольствовать свою роскошь. Сами же, исполнены недовѣрчивости, и по общему припадку никого не любящіе, перемѣняя своихъ любимцевъ, по часто премѣняющимъ своимъ своенравіямъ, и, каждаго богатя, изнуряютъ государство. Не знаютъ и имѣютъ отвращеніе знать о нуждахъ народныхъ, налоги и подати умножаютъ, не взирая на времена и на состояніе народное; щедры являются къ единымъ, оказуютъ мнимыя милости, когда съ другой стороны строгости ихъ законовъ доказуютъ жадность ихъ къ собранію сокровищъ, дабы паки беззаконно ихъ расточить. Правосудіе въ государствѣ повреждаютъ, ибо, не строго наблюдая предуставленные предками ихъ, или самими, законы, но по единому самоизвольному хотѣнію сужденіи свои производятъ. Несть ничего для нихъ святого; коликими бы твердыми законами чье право ни было утверждено, оное разрушаютъ. Иногда къ стыду собственно своему употребляютъ чуждые и несовмѣстные законы для рѣшенія такихъ дѣлъ, на которыя настоящіе и общепринятые достаточны суть. Мня стремиться къ славѣ, сочиняютъ законы, но гдѣ во мракѣ своего кабинета, гдѣ не учиняя ни соображенія съ древними законами, ни съ состояніемъ народнымъ, ни съ физическимъ положеніемъ государства, составляютъ чудовищъ не доконченныхъ, разрушающихъ все древнее безъ установленія ничего вновь твердаго. Тщатся отнять власть у правительствъ, которыя судя по установленнымъ законамъ, худы-ли они или хороши, страшася отъ нихъ отступить, являются полагать преграду и указать самовольство ихъ вреднаго самства. Защищеніе развратности, естли она въ комъ изъ любимцевъ, или людей какъ ни есть привязанныхъ къ онымъ, разрушаетъ и силу законовъ, и самыя внутреннія добродѣтельныя расположеніи. Несть тогда степени добродѣтели, несть свободы истиннѣ; добродѣтель тогда щитается то, чтобъ дѣлать волю царя, иступленнаго въ болѣзни самства, а истинна, чтобъ хвалить всѣ его неистовыя дѣла и угождать его любимцамъ. Войски государственныя приводятся во ослабленіе, и начальство препоручается не достойнымъ, но тѣмъ, которые суть угоднѣе любимцамъ. Войны начинаются, несообразно съ пользою государства, съ разрушеніемъ священнѣйшихъ договоровъ, и съ раззореніемъ народнымъ. Въ жертву вреднаго самства льется тогда кровь невинныхъ согражданъ, не снабженныя ничѣмъ воинства претерпѣваютъ, и государство стонетъ. Самыя завоеваніи во вредъ обращаются, ибо они не токмо усиляютъ государство, но паче приводятъ его во ослабленіе: показуя жадность и вѣроломство такого деспота, приводятъ окружные народы въ осторожность и къ ненависти, а посылая свои воинствы для храненія вновь покоренныхъ странъ, въ несродные имъ

климаты, истребляютъ разными смертоносными болѣзнями оныя. Однимъ словомъ самство въ государѣ производитъ то, что, хотя онъ не чувствуетъ, но самымъ дѣломъ ведутъ всѣ вещи къ тому, чтобъ не было ни вѣры, ни закона, ни вѣрности ему, ни доброжеланія къ отечеству, ни благосостоянія людского, ни повѣренности ни внѣ, ни внутри государства, ни добрыхъ нравовъ, ни твердости, ни порядку. А напротиву бы того, вселилось безвѣріе къ вещамъ божественнымъ, презрѣніе къ древнѣйшимъ и точнѣйшимъ законамъ, чтобъ каждый, льстя его хотѣніи, его обманывалъ и припадки его умножалъ, попиралась бы любовь къ отечеству, въ безпрестанномъ бы утѣсненіи былъ народъ, разрушилась бы вся повѣренность, связующая разныя племена рода человѣческаго и приватныхъ людей между собою, вселилось бы злонравіе, исчезла твердость, и все въ безпорядокъ пришло, и, наконецъ, единственно бы все безпрекословно слѣдовало часто премѣняемымъ хотѣніямъ его самства.

Изъяснивъ, какъ означаются въ царяхъ припадки сей болѣзни, воззримъ, каковы оные въ министрахъ и правителяхъ государства. Первые знаки, по которымъ можно сію заразу познать, состоятъ, что когда изъ такихъ съ холодностію слушаетъ о неправосудіяхъ, учиненныхъ обществу, или приватнымъ людямъ; и сіе уже вѣрный знакъ, что чувствительность къ состоянію ближняго въ сердцѣ его исчезаетъ. Вторый знакъ нѣкоторая скромность, и поминаніе ежечасно воли монаршей, а сіе уже показуетъ, что стремленіе сей болѣзни подучаетъ сердце того къ обману государя. И тако прочіе признаки сей болѣзни вскорѣ окажутся, то есть, министръ не будетъ рачить о общемъ добрѣ, но обратитъ все для себя; слезы и вопли народные и приватныхъ людей не тронутъ его сердце; истребитъ вѣрность и признательность къ отечеству и государю, устремляя всю мысль свою на обманъ своего монарха, на льщеніе его страстей, на лестное восклицаніе его премудрости и блаженства страждущаго народа; искусенъ будетъ, взирая ко очамъ государевымъ, толковать сходственно съ его своенравіемъ законы; возгордится противу нижнихъ, и душа предъ временщиками преклонится; вселится злоба и мщеніе въ сердце противу всѣхъ, которые разумомъ ли, или чѣмъ другимъ могутъ превысить его или сравниться съ нимъ; зависть къ равнымъ и нечувствительность къ страждущимъ, и ненасытная алчность къ пріобрѣтенію имѣній поставятъ престолъ въ сердцѣ его; а или скупость, или сластолюбіе душею его овладаетъ такъ, что тщетно и коронныя и приватныя сокровищи истощеваются для пополненія сея пожирающія пропасти,—никогда удовольствована быть не можетъ; желаніе власти и чиновъ и почетныхъ украшеній изъ мѣры выйдетъ, побуждающее безъ разобранія употреблять всѣ способы, дабы до нихъ достигнуть; преклонится сердце и душа къ льстецамъ, развратнымъ, подлымъ, и непросвѣщеннымъ, дабы, не страшася ихъ, яко орудіями свои-

ми употреблять; ненависть-же и рвеніе противу добродѣтели и твердости воспламенятся.

Хотя сія болѣзнь и сильнѣйшіе знаки своихъ припадковъ оказуетъ надъ министрами и высшими правителями государствъ, однако и нижніе судьи не суть освобождены отъ оной. Равно она и въ нихъ отгоняетъ всѣ состраданіи скорби ближняго, обращаетъ душу и сердце къ презрѣнію законовъ, а къ пріобрѣтенію прибытка, ко удовольствію своего роскоша, и сладострастію и сребролюбію; прерываетъ узы, связующія ихъ съ обществомъ и съ государственною пользою, изгоняетъ всю твердость послѣдовать законамъ, дабы во всемъ слѣпо волѣ начальника повиноваться, истребляетъ всѣ благородныя мысли, чтобы учинить зараженныхъ подлыми льстецами и подслуживателями того, отъ кого ожидаютъ своего счастія.

Военачальники и воины, защитники и оборона государственная, сіи, иже среди огня, нужды и частыхъ опасностей, долженствовали бы утвердить духъ свой отъ сея болѣзни, не меньше однако подвержены ей. Вожди, прославляющіе имя свое достопамятными своими подвигами, подвергаяся къ опасностямъ и видимо служа отличнымъ образомъ отечеству, бывъ заражены болѣзнію сею, предпочитаютъ учинить какое громкое дѣло съ потерею множества людей, нежели тихимъ и мудрымъ поступкомъ до той-же цѣли достигнуть; во всѣхъ своихъ подвигахъ взираютъ болѣе на свою пользу, нежели на пользу государственную. Не страшатся ни ядеръ, ни пуль, ни стрѣлъ, съ твердостію подъемлютъ и всѣ безгодіи воздуховъ, и отлученіе отъ домовъ, и военныя нужды, и тягости дальнихъ походовъ; но единая строка монарша или временщика, не знающихъ обстоятельствъ, ихъ въ ужасъ приводитъ и понуждаетъ къ таковымъ поступкамъ, которые общій государству и имъ могутъ вредъ нанести. Окружаютъ себя льстецами, угодителями и подслужниками, на нихъ милости свои изливаютъ, ихъ храбро подвизавшимся предпочитаютъ, завидуя, напротивъ того, и гоня тѣхъ, которые искусствомъ своимъ и храбростію подходятъ равняться самствомъ зараженному начальнику. Къ тому же пріобщается въ таковыхъ роскошь, сладострастіе, любострастіе и корыстолюбіе. Ничто первыя и вторыя удовольствовать не можетъ, стенитъ стыдливость женскаго полу отъ любострастія начальниковъ, и раззоряются народы, страны опустошаются отъ ихъ корыстолюбія.

Претерпѣваютъ, конечно, нижніе начальники и воины отъ такого расположенія ихъ вождя. Но по собственнымъ чувствіямъ своимъ стараются ли избѣжать сея болѣзни? Ахъ нѣтъ! она толь сильный видъ (валъ?) разливаетъ, что, напротивъ того, яко стремятся и сами заражены быть. То всѣ тѣ припадки, которые начальники оказуютъ, бываютъ и въ нихъ въ каждомъ по мѣрѣ чувствія и могущества его. А отъ сего происходитъ не токмо раззореніе народамъ, и безпрестанные отягощеніи отъ единаго другому; но также, хотя воинствы порядочно устроенныя должны составлять единое все цѣлое, единымъ духомъ побуждаться, и согласно

дѣйствовать; напротивъ того, въ самомъ дѣлѣ по пользамъ и прибыткамъ каждый раздѣльно въ дѣйствіи бываетъ, и тщетно страхомъ понуждается къ согласному дѣйствію. Не можетъ страхъ привести все въ такое соединеніе, каковое бы отъ доброй воли происходило. Отъ сего часто единые другимъ въ нуждѣ не помогаютъ, отъ того несть согласнаго дѣйствія и должнаго повиновенія, составляющаго душу благоучрежденныхъ войскъ, и отъ того наконецъ происходятъ многія разбитіи, которыя бы возможно было упредить.

Преходя разныя состояніи людей, воззримъ мы на купечество, долженствующее обогащать то государство, гдѣ оно процвѣтаетъ. Но, напротивъ того, мы видимъ, что отъ зараженія сея болѣзни оно совершенно отъ сей цѣли, которая есть причиною данія оному толикихъ свободностей и преимуществъ, отдаляется. Купецъ, забывая, что онъ есть членъ общества, которое благосостояніемъ своимъ спомоществуетъ самому его торгу, во всѣхъ обращеніяхъ своего промыслу не имѣетъ въ предметъ какъ токмо себя, и то на то токмо время, когда какой торгъ заключаетъ; настоящій лихоимственной прибытокъ будущей собственной пользѣ своей предпочитаетъ, въ куплѣ и продажѣ, устремляетъ свои мысли, чтобы или добротою, или количествомъ товара обмануть, чтобъ земледѣльца и малолѣтнаго притѣснить, чтобъ платежемъ замѣшкать, или и совсѣмъ отъ него отбыть. Симъ ни общество, ни частные люди... (?) на время обогащаются, кредитъ претерпѣваетъ, добрая вѣра презирается, и маломощные страждутъ.

Снисходя еще степенію, найдемъ мы, что самые мастеровые люди сею болѣзнію заражены. Ненасытное желаніе къ корысти и ко излишнему своему благосостоянію, что есть самое самство, побуждаетъ ихъ, не взирая на дальнѣйшія слѣдствіи, всякой возможной обманъ употреблять. Всякой древодѣлатель сырой лѣсъ вмѣсто сухова употребляетъ и кладетъ худой клей. Дѣлатель металловъ, не вычистя ихъ, въ дѣло употребляетъ, не довольно въ закрытыхъ мѣстахъ полируетъ и безъ прилежности закаливаетъ; и сіе не токмо въ простыхъ употребительныхъ орудіяхъ чинитъ, но и въ самыхъ воинскихъ, чѣмъ государство и самъ онъ защищается, не думая, что таковымъ обманомъ становится не токмо предателемъ отечества своего, но и убійцомъ того множества народа, единоземнаго себѣ, которое, отъ худо содѣланныхъ орудій, не могши довольно защищаться, отъ вражескаго оружія падетъ. Ткачъ употребляетъ или гнилую пряжу, или гнилую шерсть, дабы дешевле ему стало, а дороже бы продать. И словомъ каждой разные способы изыскиваетъ самство свое, съ предосужденіемъ другихъ, удовольствовать.

Воззримъ таперя на нижайшую степень людей, на людей живущихъ въ простотѣ нравовъ, на людей питающихся въ потѣ чела своего, то есть на земледѣльцевъ. Сіи, часто отъ безгодія погодъ претерпѣвающіе убытокъ и раззореніе, долженствовали бы восчуствовать, колико

помощь другихъ имъ нужна, и отъ самства беречись. Но толь сильная есть сія зараза, что и въ самыя сіи простыя сердца проникла; вселила въ сердца ихъ непомѣрное желаніе къ излишеству по ихъ состоянію, ослабило члены ихъ лѣностію, вкоренило въ души ихъ сребролюбіе и склонность къ обману, татьство и распутство, искоренила даже любовь къ исчадію. Трудомъ и потомъ доставши что малое, земледѣлецъ отъ безбережливости старается то проѣсть или пропить. Подвластной помѣщику крестьянинъ съ лѣностію и нерачёніемъ его работу исполняетъ, и привыкши къ такой лѣности, и въ самой собственной своей работѣ она ему послѣдуетъ; раззоряетъ помѣщика и себя въ бѣдность приводитъ. Тягость бѣдности, съ желаніемъ излишняго совокупленные, побуждаютъ его повсюдова, гдѣ что продасть, обманъ употреблять; но какъ обманы сіи его самства не удовольствуютъ, то кидается въ татьство и разбой. Легко сими преступленіями деньги пріобрѣтать, а по легкости пріобрѣтенія умножается въ немъ распутность. Наконецъ толь сильно оно дѣйствуетъ надъ сердцами ихъ, что даже истребляется чуствіе въ сердцахъ къ исчадію ихъ: сыновей и дочерей не инако какъ имѣніе свое и рабовъ, работающихъ на нихъ, почитаютъ. Часто отнимаютъ нужное у сыновей, и отбѣгаютъ отъ отданія дочерей въ замужество, дабы не лишиться работницы, а самымъ симъ ввергаютъ ихъ въ преступленіи, и силятся, по елику возможность ихъ есть, уменьшить родъ человѣческой.

Прешедъ всѣ состояніи людей, помяну ли я объ васъ, придворные, и можно ли васъ особливымъ состояніемъ людей почесть, или не есть-ли оно разсѣянно во всѣхъ другихъ состояніяхъ, какъ скоро могутъ приближаться къ государю или къ какому вельможѣ? Ибо и самые сіи нижней степени божки хотятъ во всемъ вышнимъ подражать, и тѣ же происки, ненависти, трусость, лесть и прочее находятся въ ихъ комнатахъ, каковые поставили престолъ свой во дворахъ царскихъ. То, подъ именемъ двора все сіе разумѣя, общее начертаніе припадковъ сея болѣзни изображу. Тамъ всѣ люди, къ единому концу стремятся, дабы, обманывая государя и отягощая народъ, исполнить свои хотѣніи; бѣгутъ безъ памяти, встрѣчающихся имъ или пресѣкающимъ путь безъ жалости поражая. Лежитъ тамъ бѣдный безъ движенія, даже какъ благоподательный какой вѣтръ подастъ ему способъ востать, и тогда, почуствуя уже тягость паденія своего, вмѣсто чтобы стараться отъ пути того отвратиться, напротивъ того, по мѣрѣ своихъ силъ, слабыми или крѣпкими стопами, въ тотъ же путь устремляется и, забывъ тягость своего паденія, кого можетъ, старается низвергнуть самъ. Тамъ нѣтъ ни дружбы, ни родства, и никакой составляющей общество связи. Дружба, ежели она является, не иное что, какъ нѣкоторой заговоръ, между некоего числа людей учиненной, дабы достигнуть до какого конца, и она такъ скоро разрушается, какъ разбойническое сіе общество кому не нужно становится, и не

токмо разрушается дружба, но вражда мѣсто занимаетъ, дабы кому одному другихъ низвергнуть. Родство и свойство толико токмо памятуется, колико родственника или свойственника можно въ подпору и для исполненія своихъ намѣреній употребить; а связь, являющая составлять общества, ничто иное, какъ токмо другъ друга обмануть; тамъ мщеніе безконечное, ибо не токмо мстятъ тѣмъ, которые какое зло содѣлали, но и самымъ тѣмъ, о которыхъ сумнѣваются, что могутъ зло содѣлать, или и сравняться со властію дошедшихъ до вышней степени людей. Забвеніе Божіихъ и человѣческихъ законовъ есть безмѣрное; ибо несть клятвы, которой бы не нарушили для исполненія своихъ желаній, и несть должности Божественнаго закона, которой бы не презрили для удовольствія своего. Сказываютъ, что Голандцы, дабы имѣть право торговать въ Японіи, отрѣкаются, что они не христіане, и предложенное имъ распятіе попираютъ; но Голандцы сіе творятъ единожды, а у двора сіе ежедневно происходитъ, и естли бы подлежали для сего подобные видные знаки, тобъ не отрекалися крестъ подъ пятою свое безпрестанно носить. То коль наипаче владычествуетъ тутъ забвеніе человѣческихъ законовъ. Единственно все управляется самоправнымъ хотѣніемъ, несть ни малаго почтенія къ законамъ, долженствующимъ обезпечивать каждаго гражданина. Вопіющій подданной о лишеніи своей чести и имѣнія тщетно вопли производитъ и слезы проливаетъ: не вникнутъ его жалостной гласъ, не трогаютъ его слезы; младенцы безвинные, страдавшіе отъ несчастной участи своихъ родителей, беззаконно ихъ состоянія лишенныхъ, не могутъ ни на малое время тронуть сіи зараженныя самствомъ сердца; а напротиву того...(?) противуборникъ воли монаршей и законовъ, для показанія или могущества вельможъ, иль что могутъ его впредь употребить для исполненія вредныхъ своихъ намѣреній; но торжествуетъ, попираетъ правосудіе, приводитъ въ нещастіи народъ и безвинныхъ къ страданію побуждаетъ.

Перо мое изъ рукъ валится, продолжая начертаніи дѣйствій сей зловредной болѣзни при дворѣ, и тако однимъ словомъ заключу, что самство при дворѣ изъ человѣка, созданнаго для общества, и долженствующаго быть полезнымъ другимъ, дѣлаетъ такого чудовища, которое все жертвуетъ себѣ, и не токмо полезенъ, но вреденъ обществу человѣческому становится; недостойнымъ учиняется не токмо быть въ сословіи людей, но ниже въ сообщество тигровъ не годится.

Случилось мнѣ читать одну старинную персицкую книгу, вмѣщающую въ себѣ ученіе древнихъ маговъ, послѣдователей Зороастра. Я въ ней нашелъ, что когда орозманъ (благое начало) сотворилъ людей, тогда хотѣлъ ихъ сдѣлать всѣхъ благополучными; онъ, растворя въ сосудѣ умѣренность, трудолюбіе, соболѣзнованіе къ ближнему, любовь къ законамъ, щедрость, милосердіе, благоразуміе и другія добродѣтели, послалъ единаго изъ благихъ духовъ разлить сіе на родъ чело-

вѣческой. Ангелъ, пролетая неизмѣримое пространство круговъ небесныхъ, приближаяся уже къ земнымъ предѣламъ, остановился отдохнуть въ лунѣ и тутъ заснулъ. Врагъ орозману и всему добру, аримазисъ (злое начало), бдящій, чтобы всѣмъ его намѣреніямъ препону учинить, въ тайнѣ послѣдовалъ небесному посланнику, и какъ скоро онъ заснулъ, то, не смѣя прикоснуться къ содержавшимся въ благоподатномъ сосудѣ добродѣтелямъ, довольствовался влить въ оный не малое количество самства. Проснувшись ангелъ, и не зная содѣянной злобы аримазиса, спѣшилъ разлить дары благодатные на родъ человѣческой. Пріятныя рощи, луга и украшенныя земледѣліемъ поля первый взоръ его привлекли, и онъ первое изліяніе сего смѣшенія учинилъ; потомъ полезныя упражненіи ремесленниковъ и купцовъ, обращенныя для пользы общественной, обратили его вниманіе, и онъ, благословляя ихъ, изъ сосуда на нихъ пролилъ, наконецъ граждане, воины и вельможи, хотя не толь пріятны ему были, но и на тѣхъ изліялъ изъ сосуда; царскій дворъ, идеже не входитъ ровность состояній, послѣдній былъ привлечь сего вниманіе, и онъ остальное смѣшеніе на оный съ обильствомъ изліялъ, а какъ самство, яко совершенно плотское, есть гораздо тяжелѣе, нежели вмѣщенныя прежде въ сосудъ добродѣтели то, хотя ядъ вліянный сей и заразилъ обще и все вложенное въ сосудъ, но по тягости своей, что ниже ко дну, оно въ большемъ количествѣ находится. Отъ сего и происходитъ что земледѣльцы меньше чувствуютъ сей заразы, мастеровые больше, воины и граждане еще болѣе, вельможи болѣе сихъ, а наконецъ царскіе дворы, на коихъ единая уже гуща была излита, мало добродѣтелей, но больше яду получили.

«Печальное дѣло», говоритъ сей мудрецъ, коего сочиненія сія книга, «что «толь милосердое намѣреніе орозмана злобою аримазиса было повреждено: однако, естли отъ яду сего толико люди «заразились и чинятъ себя взаимственно «несчастливыми, тому они виною сами; «ибо, не взирая на сей ядъ, на каждое «состояніе довольно сѣмянъ добродѣтелей «ниспало, чтобы склонить людей прилѣпиться къ онымъ, и всѣяный ядъ стараться истреблять. Вамъ, о человѣки, «вѣщаю днесь въ состраданіи сердца своего: чего ради презрили благоподательные дары орозмановы? мните-ли, что удаленіе отъ умѣренности вамъ щастіе пріобрѣтетъ? нѣтъ, гдѣ несть умѣренности, «тутъ нѣтъ исполненнаго удовольствія, «и сердца ваши, всегда жаждущія, никогда насытиться не могутъ. Среди обильства, славы и пышности, вы пустоту «въ себѣ находите. Не суть вы счастливы «тѣмъ, что имѣете преисполненныя блага превыше другихъ людей, которыми «владѣя, ихъ не чувствуете; но злощастны, «что всякой день и всякой часъ чрезмѣрныя желаніи рождаетъ, о удовольствіи которыхъ мучится духъ вашъ. «Чего ради презираете трудолюбіе? не «есть ли оно увеселеніе жизни нашей, «не есть ли оно источникъ блаженства, «сокровищъ? Вы жалуетеся, что жизнь «ваша кратка; протекая ее въ праздно-

«сти и сластолюбіи, теряете большую «часть оныя, праздность наводитъ вамъ «скуку, а сластолюбіе истребляетъ силы «тѣлесныя и достатокъ; и тако, жалуясь «на краткость жизни, большую часть са«моизвольно ся теряете, или въ скукѣ «и болѣзняхъ проводите. Вся жизнь вамъ «кажется кратка, но разсмотрите: колико «отъ вашей праздности и лѣности есть «часовъ, которые вамъ длинны кажутся, «и которые бы вы желали сократить? «Вы жалуетесь на недостатки, а труда «для пріобрѣтенія честнымъ образомъ «подъять не хотите. Зачѣмъ истребили «вы соболѣзнованіе къ ближнему? Чув«ствуете-ли вы, что сіе самое соболѣз«нованіе приключаетъ удовольствіе? Чув«ствуете-ли вы, что несть на семъ под«лунномъ шарѣ ни единаго состоянія твер«даго? Многіе цари ниспали, въ око«вахъ иль въ изгнаніи окончили жизнь «свою; вельможи лютѣйшей смерти были «преданы, и богатые обнищали. Въ не«счастіяхъ ихъ единое могло бы имъ при«ключить удовольствіе: соболѣзнованіе «людское, но вы не хотите соболѣзновать «о другихъ. Можете ли почесть себя до«стойными, чтобы и другіе соболѣзнова«ніе о васъ имѣли? Предпочитая ядъ «самства, чего ради не стремитесь по сте«зямъ милосердія? Исчезло-ли въ душахъ «вашихъ сіе удовольствіе, которое долж«но ощущать при дѣланіи кому благо«дѣянія? И слезы несчастнаго, на радость «премѣнившіяся, не могутъ ли какого «поколебанія въ загрубѣлыхъ сердцахъ «вашихъ учинить? Но пусть ядъ, проли«той на васъ арисманомъ, въ нечувстви«тельной сафиръ или алмазъ сердца ваши «претворилъ,— но ужли-ли не остается «и толико разсудокъ въ васъ, чтобы «вамъ напомянуть, что милосердіе прі«обрѣтаетъ вамъ вѣрныхъ друзей мило«сердіе обезпечиваетъ ваше состояніе, и «въ случаѣ премѣны вашего счастія мо«жете сами въ немъ нужду имѣть? Чего «ради толико жадность ожесточаетъ ваши «сердца, что ни малѣйшія щедрости имѣть «не хотите? Не чувствуете ли вы, что «благоподательной орозманъ всѣ благи «свѣта сотворилъ общія, и что монархъ «и послѣдній изъ его подданныхъ равныя «правы на нихъ имѣетъ? Что раздѣле«ніе имѣній есть случайно, а не есте«ственно, и что естли случай подалъ спо«собъ кому излишнее пріобрѣсти, то есте«ство требуетъ, что бы щедрость его не«справедливость фортуны награждала? Что «человѣкъ каждой родится нагъ на свѣтъ «а потому бѣденъ, но случайно все пріоб«рѣтаетъ, то, взирая на бѣдность дру«гихъ, да восчувствуетъ богатой бѣд«ность свою при рожденіи своемъ. Да «восчувствуетъ каждой, что имѣетъ нужду «въ щедроподательности своею щедростію «къ бѣднымъ. Чего ради не послѣдуете «вы благоразумію? Ибо не называю я того «благоразуміемъ, что въ мысляхъ вашихъ «сіе именованіе имѣетъ. Вы благоразумі«емъ почитаете, чтобъ хитростію, душе«вредствомъ и развратностію сердца ис«полнять для удовольствія зловредныхъ «хотѣній вашихъ. А я благоразуміемъ «именую то, когда чьи стараніи и дѣ«яніи клонятся сократить непорядочное «движеніе страстей; когда человѣкъ, любя

«себя, любить и общую пользу; когда, «не прельщаясь мимоходящимъ блескомъ «проходящаго щастія, на основаніяхъ до«бродѣтели блаженство свое созидаетъ. «Хотители вы нестрашиться премѣнно«стей фортуны? Послѣдуйте сему описан«ному мною благоразумію, положите осно«ваніе вашего блаженства на общей поль«зѣ и благонравіи, тогда щастіе ваше «будетъ внутри самихъ васъ, и ничто «оное похитить не можетъ.»

«Однимъ словомъ послѣдуйте совсѣмъ «благимъ чувствіямъ, вліятымъ въ сердца «ваши отъ благодательнаго орозмана. Да «признаніе къ нему и любовь къ ближ«нему учинится основаніе вашихъ дѣ«яній и подпора всѣхъ вашихъ обра«щеній; не имѣя сего суемудрія, чтобы «все могло быть для единаго, и чтобъ «все къ себѣ единому относить. Воззри«те на сильные дубы, чрезъ многіе вѣки «въ твердой землѣ корнями своими укрѣп«ляющіеся: ни старость, ни твердость ихъ, «не можетъ возбранить ихъ паденія отъ «сильнаго дѣланія вѣтра, естли одни и «ничѣмъ не подперты пребываютъ; вмѣсто «что и младыя деревья, сплетаясь вѣтвями «своими съ другими деревьями, ярость «бурей презираютъ. Таковъ есть чело«вѣкъ: при рожденіи своемъ онъ имѣетъ «нужду въ помощи другихъ; возрастя, пи«таніе и способіе каждой отъ множе«ства получаетъ; хощетъ ли сіи есте«ственныя узы разорвать и предаться сам«ству, относя все къ единому себѣ,— «влечетъ свою погибель и паденіе.»

Сими размышленіями я окончу описаніе сей болѣзни, прося Бога: да истребится она изъ среды нашей, и изблеванная сія зараза, изъ нѣдръ ада вредящая родъ человѣческой, да возвратится въ прежнее, пристойное ей, пребываніе!

О СПОСОБАХЪ

ПРЕПОДАВАНІЯ РАЗНЫЯ НАУКИ *).

Несть ни единыя, думаю, страны, гдѣ бы толико благородные старались научать своихъ дѣтей, сколько въ Россіи, и гдѣ бы толь мало способовъ было; ибо, въ самомъ дѣлѣ, универзитетъ нашъ Московскій является не довольно снабженъ искусными учителями, и недовольно они тщаніе прилагаютъ для такого наученія; я то же скажу и въ трехъ кадецкихъ корпусахъ, а именно сухопутномъ, морскомъ и инженерномъ, да въ сихъ, а паче въ двухъ послѣднихъ, и ограничены ихъ науки по званію ихъ; а сверхъ того, хотя бы повсюду въ оныхъ совершенство находилось, они суть весьма недовольны для вмѣщенія всѣхъ благородныхъ, которые хотятъ и должны обучиться; я болѣе скажу, что и самая метода, или способъ преподаванія науки школьной мнѣ весьма не кажется; обычаемъ и долгобытностью онъ утвержденъ и, можно сказать, старость его почитая, до него не касаются, а въ самой вещи наука затрудняется. Я же потщуся мысли мои для народныхъ и многолюдныхъ училищъ, коль для домашняго изученія, о способахъ преподаванія наукъ объяснить.

Но прежде, нежель приступимъ къ самому описанію о сихъ способахъ, кажется нужно мнѣ сдѣлать оправданіе моей смѣлости, что хочу такія новыя наставленіи давать о вещахъ, о коихъ во всей Европѣ давно думали, и какъ, самъ не бывъ никогда ни въ училищахъ и не ученой, осмѣливаюсь правилы ученѣйшимъ себя предписывать. Ропотъ самыхъ тѣхъ, которые воспитаны въ училищахъ, и малое число выходящихъ изъ оныхъ ученыхъ были первыя мои ободреніи; а къ тому, родяся съ естественною охотою для познаній и бывъ долженъ, дабы до нѣкоего значенія достигнуть, самъ не зная ни способовъ, ни могущихъ облегчить науку вещей, пробиваться сквозь всѣ трудности къ познаніямъ,—собственное мое испытаніе научило меня, по многимъ размышленіямъ, познать прямѣйшіе и удобнѣйшіе пути, ведущіе къ познаніямъ. Итако все, что я буду писать, должно почитать единственно вѣрнымъ повѣствованіемъ того, въ чемъ я трудности себѣ находилъ, и какими способами ихъ превозмогъ. Не скажу я, чтобы я могъ искуситься въ пріобрѣтеніи всѣхъ познаній, о которыхъ здѣсь упомяну, но, имѣя о нихъ понятіе, думаю, что употребить мож-

*) Печатается съ рукописи, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

но и для пріобрѣтенія тѣхъ подобные же способы.

О языкахъ и вначалѣ о языкѣ природномъ.

Младенецъ родясь не имѣетъ дарованія глагола, но чрезъ годъ и болѣе, когда члены его начинаютъ крѣпчать, и когда смыслъ начнетъ оказываться, сперва начинаетъ понимать глаголы родителей, послѣ намекать ихъ самъ, а наконецъ и самъ изъясняется; первая его сія наука тѣмъ успѣшнѣе, что память его не отягощена разными вещьми, а потому всѣ слышанныя имъ слова твердо въ памяти изображаются, а къ тому нужда, которую онъ чувствуетъ изъясняться и въ самыхъ младенческихъ его лѣтахъ, принуждаетъ его къ напряженію скорѣе сему нужному для него научиться. Кто обходился съ младенцами, тому конечно удавалось видѣть, коликія они дѣлаютъ усиліи для воспамятованія словъ, кои позабыли, или для выученія тѣхъ, которыхъ не знаютъ. Усиліи ихъ всегда суть успѣшныя, ибо не обремененная ихъ память въ томъ имъ весьма спомоществуетъ. А къ томужъ достойно примѣчанія, какъ естественно есть сіе дарованіе глагола человѣку; ибо коль не видимъ малоумныхъ, но врядъ видалъ ли кто такого, который бы, безъ другихъ препятствующихъ сему механическихъ причинъ, не выучился въ самомъ младенчествѣ своемъ говорить.

Не могу я безъ удивленія видѣть и безъ охуленія оставить того, что многіе родители, оставя нѣмовать дѣтей своихъ, въ забаву сію ихъ нѣмость себѣ употребляютъ. Правда, когда члены утвердятся, тогда, мню, болѣе нѣмости сей не имѣютъ; но можетъ случиться, что порочной выговоръ, если не всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ многихъ, и на вѣкъ можетъ остаться. Сего ради, для хорошаго воспитанія, довольно важной вещью я считаю имѣть кормилицъ, мамокъ и другихъ хожалыхъ, у коихъ бы выговоръ былъ хорошъ, а къ этому совѣтую родителямъ не употреблять себѣ въ забаву нѣмость въ младенчествѣ чадъ своихъ, но, какъ скоро каковой порочной выговоръ примѣтятъ, тогда же стараться исправлять, и симъ образомъ достигнуть довести, колико сложеніе ихъ членовъ позволитъ, что дѣти ихъ ясно и чисто будутъ говорить. Колико привычка къ неисправному выговору можетъ вредна быть, сіе я своимъ примѣромъ докажу. Уже былъ я въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, когда читалъ трагедію Вольтерову Эдипъ; и не знаю, что мнѣ померещилось, что написано сіе имя не Oedipe, но Oepide. Я имя сіе мысленное такъ затвердилъ, что истинно мнѣ времени и не малаго вниманія стоило, чтобы отъ порочнаго сего выговора отстать. А сіе доказуетъ, когда уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ порочнаго выговору начертаніе въ памяти толикое дѣйствіе можетъ имѣть, то коль наипаче въ сущемъ младенчествѣ для переду можетъ вредно быть.

Сіи мои размышленіи предложилъ я для сущаго младенчества, но при достиженіи возрасту пятаго году, а иному и позже, смотря какъ успѣхъ младенца въ глаголѣ состоитъ, надлежитъ уже начи-

нать его наученіе; а сіе начало есть наука грамоты.

На всѣхъ языкахъ грамотѣ начинаютъ учиться съ азбуки. Я, оставя прочіе языки, буду таперя говорить о россійскомъ. Признаюсь, что россійская азбука имѣетъ свои трудности; Россіяне, взаимствуя литеры свои отъ Грековъ, употребили наименованіи словъ такія, что въ ихъ именованіяхъ самые гласные, яко азъ, есть и прочіе, имѣютъ согласныя наименованіи, чего ради и труднѣе учить изъ сихъ буквъ составленные склады. Но если взять древность обычая и малость труда, ибо сія наука есть первая и тогда, когда память, ничѣмъ не отягченная, скорѣе все принимаетъ, то я не знаю, естьли нужда званіи сіи на латинскія перемѣнять, и лишить языкъ сихъ знаковъ древности и своего начала; сверхъ сего есть въ нашемъ языкѣ много буквъ, которыя должно сохранить, а на выговоръ латинскій привести ихъ не можно; яко Е, которую хотя е именуютъ, но какъ же назвать имъ будетъ Э? Буква нужная для понятія священныхъ книгъ, литера И въ средистрочіи употребляется и въ собственныхъ именахъ, тутъ гдѣ она послѣдуема согласною, яко Игнатій, Ипполитъ и прочее, съ различіемъ отъ І, которое употребляется или въ междустрочіи, гдѣ должно дважды і или и написать, яко сущій; и въ собственныхъ именахъ, гдѣ она послѣдуема гласною, яко Іоаннъ Іаковъ и прочее.

Признаться должно и въ томъ, что многія есть буквы неупотребительныя нынѣ въ россійскомъ языкѣ: Ѕ, Ꙋ, Ѳ, Ѿ, Ѯ, Ѱ, Ѫ, Ѵ. Но ежели мы разсмотримъ нужду ихъ, то малое мѣсто въ памяти, которое они занимаютъ, то въ самомъ дѣлѣ найдемъ, что отмѣненіе ихъ въ новыхъ азбукахъ болѣе показуетъ суемудріе, нежели прямую пользу. Ибо, хотя сіи буквы въ писаніяхъ новыхъ не употребляются, но какъ они сохраняются въ церковной нашей печати, то не странно ли будетъ, что христіанинъ и русскій на собственномъ своемъ языкѣ не будетъ умѣть читать Священнаго Писанія, и слово ѕѣло славянское, глумленіе, ѿрѣшеніе, алеѯандръ, ..., еѵангеліе, странны и непонятны ему покажутся, по употребленнымъ буквамъ для сложенія ихъ. Я еще и того мнѣнія, что сложныя буквы, каковы есть ѿ, ѯ, ѱ, суть богатство азбуки, ибо лучше изъяснить одной литерой, когда сіе большаго затрудненія не приключаетъ, нежели употребить двѣ; къ тому же церковная наша печать употребляетъ вмѣсто цифровъ литеры, какъ почти сіе и у всѣхъ народовъ европейскихъ было въ обычаѣ, то не стыдно ли благородному и изученому человѣку не знать числительнаго знаменованія литеръ, а новымъ образомъ ученые все сіе отвергаютъ и, кажется, русскую грамоту на какую другую хотятъ превратить. Я не хочу оставить, чтобы нѣчто не сказать о буквѣ Ѫ. Она не токмо въ нынѣшней печати, но ниже и въ церковныхъ книгахъ у насъ не въ употребленіи, и, кажется, есть совсѣмъ не нужна, тѣмъ наиболѣе, что и въ древнихъ нашихъ лѣтописцахъ, сколько мною примѣчено, только въ малороссійскихъ и

московскихъ ее употребляли, да и то не прежде XIV вѣка; и тако кажется, что благоразумный человѣкъ, хотя бы и вѣкъ ее не зналъ, по сопряженію словъ можетъ познать ея знаменованіе, читая сіи лѣтописцы. Но истинно не великую мы славу и пользу себѣ сдѣлаемъ, есть ли бѣдный Ѫ изгонимъ изъ нашихъ азбукъ.

По всему вышеписанному и видно, что мнѣніе мое состоитъ: держаться нашихъ древнихъ азбукъ. Желательно было бы, если бы вмѣсто новыхъ азбукъ, — гдѣ безъ ума и безъ разсужденія старались отстригать нужныя слова, и гдѣ по новому образу ученія, нарушили древность нашего языка, якобы не довольно для насъ было, одѣваться, пить, ѣсть и ходить по чужестранному, и чтобы самыя наши буквы должны были чужестранныя названіи получить, — чтобы напечатали такія азбуки, какая у меня есть одна старинная, вмѣстѣ съ греческою и латинскою сочиненная, гдѣ, окромѣ азбуки сихъ трехъ языковъ, находятся нужныя молитвы, десять заповѣдей блаженства, смертные грѣхи и противныя имъ добродѣтели, а наконецъ нѣкоторыя правила, выбранныя изъ писаній святыхъ отцовъ. Таковая бы азбука единая была довольна для наученія юношъ, съ приложеніемъ вновь употребляемыхъ нынѣ буквъ, но какъ такихъ азбукъ нынѣ не печатаютъ, то сократимся на тѣ, которыя нынѣ есть, есть ли ихъ не потщатся перевести.

При ученіи таковой азбуки потребно изъяснить младенцу, которыя буквы суть гласныя, яко А, Е, И, І, О, Ꙋ, У, Ѡ, Ѣ, Ю, Я, и которыя суть согласныя, яко Б, В, Г, Д, Ж, Ѕ, З и прочее, такъ же которыя суть полугласныя, яко Ъ и Ь. Къ тому же, послѣдуя уже введенному многіе годы обычаю, какъ мы въ писаніи слогами изъясняемъ: Ѿ — о т ъ, Ѯ — к с и, Ѱ — п с и, и сказать юношѣ недавность сего употребленія. Да не возразитъ мнѣ, что пятилѣтній юноша мало сіи тонкости пойметъ. Я согласенъ, но въ памяти у него останется, а при укрѣпленіи разсудка сіе ему понятно учинится.

По окончаніи ученія буквъ надлежитъ приступить къ складамъ, о коихъ ничего для примѣчанія сказать не могу, ибо учиненныя примѣчаніи на буквы уже служатъ и на склады, и сія наука не иное что есть, какъ искусство разныя буквы къ единому выговору сообщать, которое почти дурно и учиться не можетъ.

Послѣ складовъ учатъ у насъ слова подъ титлами. Тутъ должно наблюдать, дабы показать юношѣ нѣкоторыя правилы, какъ сіи слова должны сокращать, и какія литеры подъ титломъ можно разумѣть. Напримѣръ аггⷧ҇ъ изъяснить ему, что въ семъ словѣ токмо гласная е не пишется, Бгъ — что въ семъ словѣ гласная о не пишется, и что вообще болѣе гласныя отлагаются, дабы по самымъ согласнымъ изреченное понятно быть могло, которое почти и неудобовозможно безъ прибавленія гласныхъ яко Бгъ, прчица; по семъ изъяснить, что, хотя въ азбукѣ и не изъяснено, однако, не токмо конечные склады кончающіеся на ъ, но такъ же и средніе могутъ быть на верху для сокращенія поставлены, яко бываⷧ҇… и воⷥгордилсѧ, воⷧ҇нъ и прочія. А паче

сіе правило надлежитъ внушать при началѣ науки писать. Не могу я при семъ не примѣтить, что сожалѣтельно есть видѣть за впадающія во забвеніе сіи сокращеніи, которыя къ скорѣйшему письму способы подавали. Чужестранные народы сожалѣютъ, что потеряли извѣстное Римлянамъ искусство нотами, или сокращеніями, такъ писать, что могли таковые писцы слѣдовать произношенію словъ, а мы отчасти сіе имѣемъ, но тщимся забывать.

Въ азбукахъ нашихъ находятся именованія разныхъ точекъ, яко запятыя, точки, двоеточіи, вопросительныя, удивительныя, вмѣстительныя и прочія, то нужно есть знаменованіе ихъ въ употребленіе юношѣ изъяснить, которое тѣмъ внятнѣе и памятнѣе ему будетъ, что немедленно ко исполненію самыхъ правилъ сихъ, ученіемъ чтенію приступить.

По окончаніи такимъ образомъ науки буквъ, складовъ, подъ титлами словъ и точекъ, надлежитъ приступить къ сопряженію складовъ, чтобы изъ сего произвести самыя слова, сирѣчь къ чтенію, которое ничто иное есть, какъ въ дѣйствіе произведеніе того, что уже прежде правилами выучено. Образъ сего ученія долженъ быть: начинать велѣть юношѣ складывать литеры и изъ сего составлять слова; ибо въ самомъ дѣлѣ, кто хорошо умѣетъ складывать, тому легко можно и читать, но юноша, не пріобыкши къ сему едино мгновенному соображенію буквъ и складовъ, вдругъ всего сдѣлать не можетъ, и для того надлежитъ по степенямъ ему сію привычку дѣлать. Взявъ какую часть слова, которое бы кончилось точкою, надлежитъ ему подъ наставленіемъ учителя складывать до запятой, у оной примѣтить, что оная поставлена для отдѣленія смысла, а когда дойдетъ до запятой, возвращаться назадъ, съизнова сложа продолжать до другой, или, ежели есть точка запятая, вопросительная, или удивительная, возвращаться, и со изъясненіемъ, чего ради каждый изъ сихъ знаковъ поставляется, даже какъ дойдетъ до точки, и тогда продолжать далѣе такимъ же образомъ, даже какъ цѣлую статью можетъ читать, не оставя ему сдѣлать примѣчанія о сокращеніяхъ или о словахъ подъ титлами; а тогда же учинить ему примѣтить, въ какихъ случаяхъ I или і поставляется, и если усмотрится, что нѣкоторыя ему слова непонятны, оныя ему, елико возможно, снисходя на слабость разума юношества, изъяснить, дабы, елико возможно, онъ точное заключеніе о сихъ словахъ могъ имѣть и ихъ наименовать.

Обыкновенно при азбукахъ печатаются нѣкоторыя молитвы, яко *Отче Нашъ* и *Богородице Дѣво, радуйся* и сими наука чтенія начинается. Сіи молитвы, такъ же, ежели гдѣ есть, десять заповѣдей совѣтую не токмо выучиться читать, но и наизусть, дабы юноша могъ Творцу и Избавителю своему всегда моленіи приносить, и первое бы впечатлѣно было въ него познаніе долгу человѣка въ разсужденіи Бога и человѣка, преданное самимъ Богомъ на горѣ Синайской.

Послѣ сего у насъ учивали или часовникъ или букварь, а потомъ псал-

тырь. Нынѣ же нѣкоторые начинаютъ учить по какимъ гражданскимъ книгамъ, яко единый сказывалъ мнѣ, что сынъ его училъ: «Дѣтское Училище». Я прежде предложенія моего мнѣнія хочу разсмотрѣніе здѣсь о сихъ книгахъ сдѣлать.

Часовникъ есть книга, собранная изъ другихъ церковныхъ книгъ для службы церковной; въ ней содержатся псалмы, которые, какъ ниже показано будетъ, суть трудны къ понятію и совершенному человѣку, молитвы, хотя исполненныя набожія, но не всегда хорошо переведенныя, и токмо жертвоприношеніе сердечныхъ чувствъ къ Господу изъясняющія, исповѣданіе вѣры, котораго разумъ уже во время довольнаго познанія катихизиса совершенно можно разумѣть. Псалтырь есть по большей части сочиненіе стихотворческое царя и пророка Давида, который въ иномъ духомъ пророчества провѣщевалъ пришествіе Мессіи, въ другихъ изъяснялъ благодареніе Господу, въ иныхъ просилъ его помощи, а наконецъ во многихъ оплакивалъ грѣхи свои. Всѣ сіи сочиненіи суть высокаго слогу, сопряженныя съ изъясненіями восточными обычаями тогдашняго времени, не токмо пятилѣтнему или шестилѣтнему юношѣ суть понятны, но и самые взрослые и снабженные нѣкоторою наукою люди въ семъ затрудненіе находятъ. То есть ли полезность учить юношей по такой книгѣ читать, которой содержаніе въ памяти у него не остается, и которую онъ толь мало понимаетъ, что равно хотя бы она была писана на какомъ невѣдомомъ для него языкѣ, а токмо россійскими буквами?

Достойно однако удивленія, что обычай по симъ книгамъ учить юношей грамотѣ толь долгое время продолжался; и сему причину, по мнѣнію моему, я въ краткихъ словахъ покажу. Мало было печатныхъ книгъ, то за недостаткомъ оныхъ, и нашли сіи удобнѣйшими для наученія юношества, тѣмъ наипаче, что училися сперва по большей части тѣ грамотѣ, которые въ церковный чинъ себя опредѣляли, то, изуча сіи книги, они уже немедленно становились удобны исполнять службу при церквахъ по званію своему; а когда учили и другихъ, учители обыкновенно были церковники, то они тѣмъ же способомъ учили и другихъ, какъ сами были учены.

Петръ Великій, коего проницаніе на все простиралось, усмотря неудобность сего ученія и хотя, вкупѣ съ наукою грамоты, внушать познаніе вѣры и должностей человѣческихъ, приказалъ находящемуся при немъ разумному мужу Ѳеофану Прокоповичу, бывшему послѣ архіепископомъ новгородскимъ, сочинить удобную для сего двоякаго предмету книгу, по которой бы юношеству, обучая грамоту, и Законъ Божій и должности ихъ внушать. Благоразумный сей мужъ, не взирая на глубокія его познаніи въ богословіи и философіи, не отрекся снизойти къ слабости юношескихъ лѣтъ, по повелѣнію Монарха сочинилъ небольшую книжку, которую сообщилъ съ азбукой, и для того наименовалъ ее букварь. Въ сей книжкѣ толкуетъ онъ де-

сять заповѣдей Божіихъ и тѣмъ показываетъ должности человѣка къ Богу и къ ближнему. Отъ толь разумнаго человѣка происшедшее сочиненіе не могло не имѣть достоинства, и повелѣно было во всей Россіи по ней учить грамотѣ юношество, но сіе не исполнилось; мню для того, что 1) малость сей книги не давала довольно времени для привычки единомгновенно сочинять въ мысли склады, что есть необходимо для быстраго чтенія, 2) что печатана она мелкою печатью, а потому затруднительна юношамъ, и 3) что для службы церковной не удобна, и кто бы по ней и изучился, еще почти для чтенія псалтыри и часовника паки долженъ сіи книги изучать. Я говорю сіе о юношахъ, ибо въ совершенныхъ лѣтахъ человѣкъ, хотя бы и вѣкъ сихъ книгъ не видывалъ, конечно затрудненіе не найдетъ ихъ читать.

Сверхъ сего со всѣмъ благоговѣніемъ моимъ къ великому Монарху, повелѣвшему сочинить сію книгу, и къ извѣстному преосвященному, сочинившему ее, истинна принуждаетъ меня сказать, что, колико сочинитель ни преклонялъ выспренній свой разумъ къ слабости юношества, еще въ ней многое, если и не большая часть, сверхъ понятія младенцамъ остается, а посему и не достигаетъ она должнаго предмета внушить имъ Законъ Божій и должности къ ближнимъ. Въ очевидное сему свидѣтельство предложу. Всѣ почти благородные сію книгу въ юношествѣ своемъ учили, но да освидѣтельствуетъ себя каждый, осталась ли въ немъ хотя малое напоминовеніе о предписанныхъ въ ней правилахъ.

Мнѣ остается тапере нѣчто сказать, которые дѣтямъ своимъ, по выученіи азбуки, даютъ учить гражданскія книги и гражданскою печатью печатанныя. Сіе мнѣ кажется весьма не совмѣстно съ воспитаніемъ юношества, ибо, колико бы чистымъ нравоученіемъ исполнены ни были, самое почтеніе, которое къ писателямъ имѣютъ, не есть равно съ тѣмъ почтеніемъ, которое самое естество побуждаетъ насъ имѣть къ боговдохновеннымъ книгамъ. Если въ нихъ токмо правилы нравственныя, то они скучны и не понятны юношѣ; если въ нихъ исторіи гражданскія, сіи вмѣсто божественныхъ правилъ займутъ въ памяти его мѣсто, и если языческія въ примѣръ представлены добродѣтели, то пріучатъ его изъ дѣтства почитать, что единое естественное побужденіе можетъ довольно достаточныхъ правилъ намъ подать въ нравственной наукѣ и къ расположенію сердца нашего; если то какія басни, то сдѣлаются смѣшныя и, очевидно, пріятныя младенцу, но память его, обратясь на воспоминаніе басней, лжами наполнится. А сверхъ того, не имѣя уже случая, вышедши въ лѣта, читать церковныя книги, навсегда тупъ въ чтеніи ихъ будетъ.

Я до сего всѣ способы для изученія читать на природномъ нашемъ языкѣ испровергнулъ,—время тапере показать, какія же книги должно учить по окончаніи азбуки и десятословія? Такую книгу, которая бы была боговдохновенна, исполнена чистѣйшимъ нравственнымъ

ученіемъ, а къ тому повѣствія, содержанныя въ ней, такого роду были, что побуждали любопытство юноши и въ памяти его оставались. А сія книга есть Евангеліе. О боговдохновенности ея никто изъ христіанъ не сумнѣвается; нравственное ея ученіе, яко отъ самаго Бога происходящее и примѣрами воплотившагося Бога утвержденное, не можетъ не имѣть важности; приключеніи, содержащіяся въ немъ, суть такого рода, что приводятъ юношу въ удивленіе, а потому и въ памяти у него останутся; и чрезъ нее съ юныхъ лѣтъ онъ познаетъ о воплощеніи Іисуса Христа, жизнь и ученіе Его и наконецъ исполненіе нашего искупленія кровію его. Я не распространюсь повторять, что при ученіи сей книги сначала по складамъ, а потомъ чтеніемъ должно объяснять юношѣ всѣ слова, которыя ему трудны быть покажутся; ибо сіе необходимо должно при всякомъ чтеніи чинить; не токмо въ юныхъ лѣтахъ, но и въ самомъ возрастѣ.

Полезность учиться грамотѣ по Евангелію мнѣ кажется толь ощутительна, что я надивиться не могу, какъ понынѣ никѣмъ сіе учинено не было. И думаю, что сіе отъ двухъ причинъ происходитъ: первое отъ дороговизны сея книги, печатанной крупною печатью, а второе отъ почтенія, которое къ ней имѣютъ, такъ что есть правило церковное, чтобы до нея мірянину не касаться. Но, думаю, правило церковное, имѣющее свое начало отъ храненія въ сокровенности церковныхъ книгъ во время гоненія христіанъ въ первенствующей церкви, послѣ простиралось токмо на книги евангельскія, лежащія на престолѣ и самымъ симъ еще паче освященныя. Но когда не запрещено ни единому христіанину Евангеліе у себя читать, то коль наипаче не составитъ грѣха, даже дать касаться безвинному младенцу и учиться по ней, дабы святое ученіе, содержащееся въ оной, изъ млада въ сердцѣ его вкоренилось.

Возвращаясь къ продолженію о наукѣ читать, думаю я, что два первые Евангелиста должны быть учены и читать по Евангеліямъ крупной печатью, а другіе два, то есть Лука и Іоаннъ, по мелкой печати, дабы юноша пріобыкъ къ обѣимъ симъ печатямъ.

По семъ, если довольно уже хорошо читаетъ, то можно токмо чтеніемъ другихъ книгъ продолжать науку; если же еще не довольно привыкъ къ соображенію словъ, то еще и науку чтенія продолжать, ибо чтеніе должно и всю жизнь занимать человѣческую. Но токмо надлежитъ примѣчать, что во всѣхъ чтеніяхъ, которыя юноша будетъ продолжать подъ смотрѣніемъ своего наставника, надлежитъ заставлять его пристойнымъ образомъ останавливаться на запятыхъ, точкахъ запятыхъ, двоеточіяхъ и точкахъ; такъ же приличнымъ образомъ премѣнять возглашеніе при вопросительныхъ и удивительныхъ.

Тапере требуется вопросъ, какія книги надлежитъ дать читать юношѣ послѣ Евангелія. Сіе я безъ всякаго описанія книгъ, яко извѣстныхъ, потщуся именованіями токмо книгъ изъяснить. Первое —

Дѣянія апостольскія. Младенческое и юношеское ученіе, переведенное по русски; мнѣніи Маркъ Аврелія; библію Арндта, и другія, которыя, причиною своею и хорошимъ переводомъ, разумными людьми найдутся удобными для наученія младенца купно языку и его должностямъ; наблюдая, чтобы риторскія и стихотворческія книги, яко труды преосвященнаго Платона и труды Ломоносова и Сумарокова, тогда ему давать, когда онъ будетъ нѣкоторое понятіе имѣть о сихъ искусствахъ.

О наукѣ писать на отеческомъ языкѣ.

По окончаніи азбуки и содержавшихся въ ней молитвъ, не надлежитъ отлагать начинать науку писать, ибо, учася вмѣстѣ читать и писать, единое будетъ другому помогать.

Въ семъ случаѣ, кажется, мы лучше не можемъ ничего сдѣлать, какъ подражать образу ученія чужестранныхъ, а именно прежде, нежели писать буквы, заставлять ихъ писать о или і или s или m слитно, чтобы рука привыкла къ дѣйствію перомъ и къ прямому начертанію строкъ. Да не торопятся заставлять писать буквы, ибо симъ время не выиграютъ, потому что, если юноша, не умѣя расположить бумагу, держать перо, чему при началѣ его должно обучить, и прямо и плавно начертать мысленныя буквы, то на оныхъ болѣе время потеряетъ, а можетъ статься, что, получа въ начертаніи ихъ какую порочную привычку, она и на вѣкъ у него останется.

При начатіи ученія писать буквы, послѣдуя вышеописанному образу ученія, надлежитъ взять сперва букву одной черты, яко і, изучить его оную хорошо писать, изъясняя, въ какихъ случаяхъ она употребляется, потомъ, поставя два ıı и прочертя сверху палочку (п), изъяснить, что тако пишется покой. Поступая далѣе,—что три ı вверху съ палочкою (ш) знаменуютъ твердо; что два ıı внизу съ палочкою и съ хвостикомъ (ц) знаменуетъ це, что три ııı внизу съ палочкою (ш) знаменуетъ ша, что три ııı внизу съ палочкою и хвостикомъ (щ) знаменуетъ ща и прочее; потомъ изучить порядочно писать о, и что съ приложеніемъ на правой сторонѣ ı составляетъ а, что о съ прикасательной палочкою (ь) составляетъ ерь, что тотъ же ь, если сверху его поперечную палочку приложить слѣва на право (б), сдѣлаетъ буки. Что тотъ же ь, если справо на лѣво приложить палочку, сдѣлаетъ ъ; что тотъ же ь, если привязать противу о палочку, тычмя стоящую, сочинитъ ы. Такъ и о прочихъ, ибо я далѣе не распростираюсь, не имѣя намѣренія всѣ перемѣны въ составленіи буквъ изъяснять, оставляя сіе на благоразуміе учителя и воспитанниковъ. А токмо въ примѣчаніе приложу, что не довольно по одному образу начертанія каждыя буквы изучить юношу, но надлежитъ ему показать, что онѣ и многими другими образами пишутся, яко а иногда въ старинныхъ книгахъ пишутъ *α*, о чемъ научa его писать, должно такъ же объяснить, что в иногда пишутъ б или *б*, что г пишутъ, и болѣе, *г*, что д пишут *g* и *д*;

что п пишутъ и n, что т пишутъ и m; и такъ о прочихъ, дабы разными образами умѣлъ ихъ юноша написать и, гдѣ онѣ бываютъ, умѣлъ бы то письмо читать.

По окончаніи сихъ мелкихъ литеръ надлежитъ его учить писать заглавныя, изъясняя, что онѣ лишь въ началѣ періодовъ, послѣ точки, или послѣ вопросительной, и въ началѣ собственныхъ именъ поставляются.

По окончаніи хорошо писать буквы надлежитъ юношу изучать связывать слова и сіе начинается складами; порядокъ, которому въ семъ наученіи послѣдуютъ, есть единый съ тѣмъ, какъ учатъ и писать, и какъ онъ есть хорошъ, то я далѣе простираться о семъ не буду.

Но когда уже надлежитъ юношѣ учиться писать цѣлыя рѣчи, то не могу я не охулить, что безполезныя рѣчи имъ писать даютъ; ибо сіи рѣчи они многажды принуждены писать, а чрезъ то сильно они могутъ въ памяти изобразиться, и для сего не лучше-ли писать такое, которое бы для исправленія его сердца данными наставленіями на вѣки послужило? А отъ кого мы можемъ лучше взаимствовать наставленіи добродѣтели, какъ отъ того, иже есть начало добродѣтели, то есть отъ Христа Спасителя нашего? И сего ради думаю, что лучше начать давать юношѣ для списыванія такихъ примѣровъ, выписанныя слова изъ Евангелія, и удобнѣйшія для самаго начала почитаю девять блаженствъ; а потомъ, послѣдуя тому же правилу, надлежитъ ему дать писать двѣ великія заповѣди Новаго Завѣта: возлюбиши Господа Бога твоего и прочее, и возлюбиши ближняго твоего и прочее, а потомъ десятословіе.

Сими примѣрами, думаю, юноша довольно научится писать, дабы давать ему примѣры нѣкоторой длинности. Но и сіи обыкновенно даются ни къ чему не служащіе. Я же бы желалъ, чтобы давали имъ примѣры знатныхъ и добродѣтельныхъ дѣяній изящныхъ мужей, или бы, того лучше, давали бы ихъ вмѣщенные въ письма, дабы купно, научаяся добродѣтели, научался бы и нужному слогу для писемъ.

Что касается до писемъ, то ихъ есть неисчетное число родовъ, но можно всѣ ихъ въ нижеозначенные роды привести: о здоровьѣ, поздравительныя, просительныя и реляціи; ибо въ самомъ дѣлѣ удивительно есть, что учатъ грамотѣ для того, чтобы человѣкъ могъ въ отдаленности кому мысли свои прелагать, а забываютъ при ученіи самую первую цѣль сего ученія; и я нынѣ видѣлъ примѣръ, что осми лѣтъ мальчикъ, котораго еще острымъ и прилежнымъ называютъ, не умѣетъ трехъ строкъ письма къ отцу своему написать, и смѣются робяческому его вранью.

Но я робячеству не смѣюсь, ибо самъ былъ смѣшенъ, и не въ шуты, а къ дѣламъ человѣкъ родился, а потому и всегда должно стараться, чтобы юноша старался лѣты свои превозвышать и уподобляться старымъ, а потому и похвалить робяческій вздоръ не могу. Если самъ не умѣетъ по испытаніи письма сложить, да спишетъ его; пусть по край-

ней мѣрѣ переписаніемъ научается слогу, нежели самому вздоръ врать. Я не для того говорю, чтобы стѣснять мысли юноши и сдѣлать его токмо подражателемъ, не дозволяя ему выраженій чувствъ своихъ, но какъ сіе идетъ о сочиненіи, то впредь буду говорить; тапере же о примѣрныхъ письмахъ продолжаю.

Я выше въ четыре рода письмы сократилъ, поставя первый, яко легчайшій, о здоровьѣ. Какое же кажется въ нихъ нравственное ученіе сыскать? Оно весьма удобно есть, ибо, увѣдомляя о здоровьѣ своемъ, и вопрошая о здоровьѣ другаго, по степенямъ лицъ чувствія сердца своего изъяснитъ и изобразитъ должности, которыя къ разнымъ лицамъ насъ обязуютъ, яко къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, къ родственникамъ, друзьямъ и другимъ. Вторый родъ поздравительный такъ же есть удобный ко изъясненію тѣхъ же чувствій и должностей. Третій просительный. Въ семъ родѣ, о себѣ ли просятъ или о комъ другомъ, чувствія признанія, красота благодѣяній, благородныя просьбы, основательныя причины, чувствованіи о награжденіяхъ и прочее могутъ удобно изъясниться. Четвертый родъ — реляціи. Въ сихъ описываютъ разныя происшествіи, и потому, колико есть разныхъ происшествій на свѣтѣ, толико есть разныхъ причинъ, которыя можно въ нихъ описывать.

Весьма бы желательно было, чтобы кто искусный въ россійскомъ словѣ взялъ на себя трудъ таковыя образцовыя письмы сочинить, которыя бы могли служить для наставленія юношеству; но за недостаткомъ сего всенароднаго изданія такого труда, да потщатся родители, сами ли, или чрезъ другихъ своихъ, таковыя сочиненіи, елико можно имъ лучше, доставить своимъ дѣтямъ. Ибо, гдѣ самаго хорошаго нѣтъ, тутъ и посредственнымъ довольствоваться должно.

Я мало не позабылъ, говоря о списаніи юношею такихъ писемъ, упомянуть еще вещь, которой онъ долженъ писавши изучиться, а именно дѣланію надписей и титула. Ибо, хотя сіятельство, высокопревосходительство и превосходительство намъ всѣмъ знакомы, но когда должно писать къ такимъ людямъ, съ которыми мы немногое сообщеніе имѣемъ, яко къ архіереямъ, архимандритамъ и другимъ священнымъ особамъ, то ни титловъ ихъ, ни какъ въ письмѣ оные употреблять, ни какъ письмо начинать, ни какъ кончать, ни какъ подписать и взрослые не знаютъ, или находятся въ затрудненіи.

Я симъ статью сію оканчиваю, не говоря о грамматикѣ, ни о реторикѣ, ни о стихотворствѣ, оставляя сіе до того времени, какъ уже юноша достигнетъ до нѣкоего понятія и можетъ купно правиламъ сихъ искусствъ научаться на родительскомъ и на чужестранномъ языкахъ.

О наукѣ перваго употребляемаго чужестраннаго языка.

Первый вопросъ состоитъ, когда должно начинать учиться чужестраннымъ языкамъ? Отвѣтствую: не прежде, какъ юноша начнетъ уже понимать словесную грамоту своего языка и получитъ нѣсколь-

ко искусства въ письмѣ; а сіе для того, чтобы вдругъ разными ученіями не отяготить еще нѣжную память юноши.

Вторый вопросъ состоитъ, употребляемые ли языки, или мертвые должно напередъ учить? Отвѣтствую: употребляемые, ибо нужное всегда должно предшествовать полезному.

Третій вопросъ: можно ли два или три употребляемые языка вдругъ учить? Отвѣтствую: сіе только смутитъ память юноши; а надлежитъ не прежде другой чуждый языкъ начинать учить, какъ тогда, когда юноша первый начнетъ уже разумѣть и будетъ на немъ нѣсколько изъясняться, то въ семъ случаѣ единый другому не токмо мѣшать не будетъ, но, напротиву того, будутъ взаимственно другъ другу вспомоществовать.

Изъясня сіи три предъидущіе вопроса, приступаю я къ образу ученія употребительныхъ языковъ, которое должно быть одинаково, сколько бы кто ихъ единый послѣ другова учить не сталъ; ибо слѣдующія правилы суть общія.

Ученіе азбуки на чужестранныхъ языкахъ довольно порядочно исполняется, и для того я не буду ничего о семъ говорить; прибавляя токмо то, что, ежели бы и нашлися какія неудобности въ семъ ученіи, ихъ можно исправить по выше предписаннымъ правиламъ о ученіи азбукѣ на отечественномъ языкѣ.

При ученіи самыя азбуки надлежитъ стараться выучить наизусть юношѣ нѣсколько словъ того языка, которому учится, дабы сіе было первымъ основаніемъ начатія понимать, что будетъ читать.

При началѣ ученія азбуки надлежитъ тогда же приступить учиться и писать на томъ чужестранномъ языкѣ, которому учатся; для того что писаніе литеръ и складовъ помогаетъ самому ученію познавать литеры и складывать склады; а къ тому уже сіе будетъ учиться другому языку писать, слѣдственно, понятіе письма легче юношѣ будетъ, нежели когда онъ впервые перо въ руки взялъ.

При окончаніи ученія алфавита для чтенія, надлежитъ стараться, чтобы алфавитъ и склады кончалъ писать, и тогда надлежитъ приступать къ чтенію. Сіе чтеніе должно быть учинено по какой веселой нравоучительной книгѣ, хорошаго изданія и хорошаго слогу. Таковыхъ книгъ на чужестранныхъ языкахъ много. Но кажется мнѣ вспомнить, что есть одна Morale des Princes, которая къ сему весьма удобна. При наученіи, читая, останавливаться на разныхъ точкахъ; надлежитъ примѣтить и то, что не надлежитъ скушну науку юношѣ дѣлать, и для того полезно есть, когда онъ раза два прочтетъ, слово отъ слова истолковывать ему, что онъ читалъ, дабы, понимая самое то, что читаетъ, первое, при ученіи читать, учился бы и вещамъ, а второе, чтобы не скушно было ему ученіе. Къ тому же при всякомъ чтеніи велѣть ему два или три слова съ ихъ переводомъ записать и выучить наизусть. А чрезъ сіе ежедневно память его будетъ наполняться словами, и онъ нечувствительно сдѣлаетъ привычку исправно ихъ писать.

Ибо какъ выше я сказалъ, что долж-

но стараться тогда начинать читать, когда, окончивъ писать склады, можетъ начинать писать слова, а тапере нѣсколько о письмѣ упомяну. Писаніе также не должно быть безполезная наука рисованія словъ, но должно къ ней пріобщить познаніе вещи, и для того можно давать первые примѣры, взятые изъ нѣкоторыхъ апоѳегматъ древнихъ, и при написаніи ихъ велѣть изъяснить все содержаніе словъ, и противу чужестраннаго письма велѣть писать переводъ, дабы нравственныя правилы не чувствительно въ сердцѣ юноши изображались. А когда уже примѣры для письма можно будетъ длиннѣе дѣлать, то можно выписывать мысли восточныя, изъ прибавленія къ восточному Гербелотовому лексикону, или какія забавныя и нравственныя исторіи, яко изъ «Дѣтскаго училища».

Я думаю, что такимъ образомъ, записывая и выучивая многія слова изъ читаемыхъ книгъ, и изъ списываемыхъ примѣровъ получая толкованіе тому, что читаетъ, и почти переводя, что пишетъ сіе за трудность и упущеніе времени не почтется, если мѣсяцъ или полтора на сей единой наукѣ и оставить, а болѣе не должно, ибо въ сіе время уже и самый тупѣйшій нѣкоторый запасъ словъ сдѣлаетъ, а тогда должно приступать учить наизусть разговоры.

У насъ находятся въ грамматикахъ разговоры употребительные, которые нужно знать, но есть нѣкоторые и излишніе, яко о счетѣ съ хозяиномъ, о ѣздѣ верхомъ и другіе; изъ сихъ и должно выбрать полезнѣйшіе. И думаю, что разговоры для посѣщенія пріятеля, разговоръ о завтракѣ, разговоръ о языкѣ, разговоръ о красотѣ дѣвицы и можетъ быть одинъ или два другихъ суть довольны для предмету перваго болтанія юноши. Но желалъ бы я, чтобы юноша разговоровъ двадцать или тридцать другихъ выучилъ наизусть, которые бы обращались на нѣкоторые знатнѣйшіе случаи исторіи, сопряженные съ нравоученіемъ. Яко можно сдѣлать разговоръ, по причинѣ яко взиранія на какую картину, о сотвореніи свѣта, о потопѣ, о строеніи столпа вавилонскаго, о продажѣ и возвеличеніи Іосифа, о началѣ Рима, о актійскомъ сраженіи, о пришествіи Рюрика, о крещеніи Владиміра, о исправленіяхъ, Петромъ Великимъ содѣланныхъ въ Россіи, и прочее. Всѣ таковые краткіе, но хорошо сдѣланные искуснымъ учителемъ разговоры не токмо научатъ юношу хорошо о самомъ дѣлѣ изъясняться, но тогда же обогатятъ, изобразя не заглаживаемыми чертами, память его.

Смотря по времени, какъ оное можно расположить, можно тогда же его начинать учить и собраніе словъ, давая хотя по тридцати или по сороку на день, смотря по памяти и по расположенію юноши.

Должно еще помянуть, что какъ сочиненіе писемъ есть вещь необходимая во всякомъ языкѣ, то такъ же по нѣкоему времени писанія надлежитъ заставлять списывать письма вышепомянутыхъ родовъ. Я долженъ признаться, что и на чужестранныхъ употребляемыхъ языкахъ

я не знаю ни одной книги, которая бы совершенно удобна къ сему была, и для того, если самъ учитель и не въ состояніи или не хочетъ чего очень хорошаго сдѣлать, то кажется на французскомъ языкѣ можно къ сему употребить lettres choisies de Richelet или lettres de madame de Sévigné, выбирая изъ нихъ по разнымъ родамъ лучшія и удобнѣйшія для юноши по вышеписаннымъ правиламъ.

Прежде окончанія сего за нужное я почитаю въ семъ мѣстѣ сказать о способу научать скоро чужестраннымъ языкамъ и такихъ, которые и въ самомъ юношествѣ своемъ слабую память имѣютъ. Я при семъ опишу собственное мое испытаніе, ибо хотя пожаловаться не могу на свою память, но какъ многимъ вещамъ и языку итальянскому учился я уже не токмо въ совершенныхъ, но уже приближающихся къ старости лѣтахъ, и среди разныхъ важнѣйшихъ упражненій, занимающихъ большую часть моего времени, то, что мнѣ подавало способъ скорѣе выучивать слова, уповаю, послужитъ и для безпамятныхъ юношей.

Я, размышляя о наукѣ словъ незнаемаго мнѣ языка, примѣтилъ, что многія вещи въ памяти нашей по сходству съ другими знакомѣйшими намъ остаются; а особливо собственныя имена, толь трудныя напамятовать, если они сходны на какія знаемыя слова или именованіи, скорѣе въ памяти начертаются. Часто, воспоминая какое слово или имя, почти забвенное нами, ищемъ мы въ памяти и яко запкавшися, сперва находимъ сходственное названіе, а потомъ вспомнить и самое ищемое нами достигаемъ. На сихъ испытаніяхъ основалъ я содѣланное себѣ правило, учася новымъ и до того невѣдомымъ мнѣ словамъ, искать въ мысли моей, на какое они знакомое мнѣ сходствуютъ, а сіе и облегчило мнѣ науку. Итако, дабы правило сіе самымъ примѣромъ показать, напримѣръ: mer—море, mère—мать; père—отецъ, pierre—камень, Pierre—Петръ; sort—жребій, soeur—сестра; vers—червь, verd—зелень, verre—стекло; table—столъ, tableau—картина; porte—ворота, port—пристань или портъ морской; tonneau—бочка, tonnère—громъ; и такъ другія, коль они не сходственны ни есть, но памяти помогаютъ. Происходящія же слова отъ коренныхъ еще легче по сему правилу въ памяти сохранить, напримѣръ: écuyer — конюшій, écurie — конюшня; cheval — лошадь, chevalier — кавалеръ; tabac—табакъ, tabatière—табакерка и прочіе. Я признаюсь, что не всѣ возможно слова къ такому сходству привести, но ежели и четвертую или пятую часть сіе облегчитъ выучить, уже и то довольно, а сверхъ сего исканіе и памятованіе такихъ словъ поощряетъ разумъ юноши. И не токмо можно того самого языка для сходства на память приводить, но и другихъ, ежели найдутся, а паче въ сходственныхъ языкахъ. Сей образъ ученія называю я искусствомъ составленныя памяти.

О наукѣ грамматики.

Мы довели уже юношу до довольна-

го познанія родительскаго языка и до познанія великаго числа словъ и рѣчей одного чужестраннаго языка; разумъ его и память науками и лѣтами въ сіе время укрѣпилася, и уже предполагаемъ, что можетъ дѣлать разсужденіи и нѣкоторыя справедливыя заключеніи; а сіе и есть время для начинанія учить грамматику, иже есть начало философіи.

Сія наука совершенно нужная, дабы право говорить и писать, наука, о которой всѣ учители говорятъ, но которую немногіе знаютъ, а еще меньше, которые бы вникли въ прямой способъ, какъ ее юношѣ преподавать; при ученіи каждаго невѣдома юношѣ остается, и развѣ кто уже вошедшій въ совершенныя лѣты ее выучиваетъ. Но и не удивительно, ибо ее начинаютъ учить съ самаго младенчества, учатъ артикулы, падежи, предлоги, существительныя, прилагательныя и прочее, тогда какъ юноша еще не понимаетъ, что они знаменуютъ, и какая была нужда учинить такія перемѣны въ словахъ и дать имъ такія наименованіи; такъ что, разсудокъ не соучаствуя въ семъ ученіи, оно наводитъ скуку и въ памяти не надолго остается, и юноша, отставъ отъ науки, вскорѣ всѣ правилы забываетъ, и если говоритъ и пишетъ правильно, то болѣе по привычкѣ, нежели по знанію причинъ.

Когда же и какимъ образомъ сему учиться? Я уже назначилъ время, когда разумъ юноши начнетъ укрѣпляться, и онъ нѣкоторыя уже знаніи пріобрѣтетъ; а въ способѣ учиться должно послѣдовать природѣ и учить грамматику двухъ первыхъ языковъ, своего и чужестраннаго, сходствуя съ тѣмъ образомъ, какъ уповательно первоначально составилась оная у первобытныхъ народовъ. На сей случай не могу я оставить, чтобы (говоря?) о таковомъ составленіи грамматики не упомянуть объ одной книгѣ, которую я давно читалъ: «L'homme instruit par ses besoins»; ибо на основаніяхъ оныя совѣты мои о наученіи грамматики я и предложу.

Когда мы представимъ себѣ первобытные народы, имѣющіе малое число нуждъ, малое число воображеній, а потому и малое число словъ; то не можемъ мы представить себѣ инаго, что они и сіе малое число словъ сочинили по самой нуждѣ, дабы единый другому могъ мысли свои прелагать; и должны они были быть всѣ сначала въ именительномъ падежѣ, напримѣръ: хлѣбъ, палка, трава, древо, шалашъ, рыба, рѣка, вода и прочее. Сіи, сперва въ именительномъ падежѣ изобрѣтенныя, слова служили для показанія ихъ, во взаимномъ сообщеніи, кто чего желалъ. Представь же юношу, якобы онъ былъ единый изъ людей сихъ, въ младенчествѣ находящихся, обществъ; вопроси его названіи вещей, онъ въ именительномъ падежѣ отвѣтствовать будетъ, скажи же ему, чтобы онъ, не премѣняя, попросилъ чего, напримѣръ хлѣба или воды. Онъ будетъ отвѣтствовать: дай хлѣбъ; изъясни, ему, что сіе есть непонятно, ибо онъ не хлѣба проситъ, но о хлѣбѣ говоритъ, или не часть, а весь ему подай; а потомъ приложи, какъ на обоихъ сихъ язы-

кахъ, которые онъ нѣсколько изучилъ, сіе изъяснить можно, то есть, напримѣръ, на русскомъ: дай хлѣба, и на французскомъ: donne moi du pain. Изъясни ему тако многія слова, показуя, что едиными языки сіе премѣненіе окончаніями назначаютъ, другіе же артикулами; спроси его о какой игрушкѣ, напримѣръ, снявъ платье съ куклы, — чье платье; онъ будетъ отвѣтствовать: платье игрушка, l'habit poupée. Изъясни ему, что знать онъ разумѣетъ, что платье есть самая игрушка, и покажи, что должно назвать: платье игрушкино, l'habit de la poupée, и что сіе есть въ родительномъ падежѣ. Дай ему какое орудіе, напримѣръ ножъ, чтобы онъ что сдѣлалъ: и спроси: чѣмъ сіе сдѣлано, отвѣтствуетъ: ножъ, couteau; тогда дѣлая видъ не понимать, допытывайся, что ты разумѣешь? что онъ сдѣланную вещь самую ножемъ называетъ, и, когда затрудненіе его довольно умножится, тогда изъясни, что должно сказать: ножемъ, du couteau или avec le couteau. Итакъ подобно на всѣхъ означенныхъ въ обыкновенныхъ грамматикахъ словахъ должно поступать, изъясняя ему падежи, и какъ ихъ употреблять, дабы онъ чувствовалъ совершенную нужду въ оныхъ, и якобы самъ изобрѣталъ ихъ. Сіе есть для единственнаго.

Но, возвратясь, спроси юношу, приноровя какую ему нужду, чтобы, напримѣръ, когда хочетъ играть въ карты, чтобы онъ сказалъ; скажетъ онъ: подай карту, donne moi une carte, то ее и подай; разсердится онъ, что одну, а не многія подали, — тогда изъясни, что такое множественное, и какія различіи должно учинить, и равнымъ образомъ съ такими же изъясненіями препроводи его по всѣмъ словамъ и падежамъ, означеннымъ въ обыкновенныхъ грамматикахъ.

Показавъ нужду въ различеніи множественнаго и единственнаго, надлежитъ стараться показать нужду въ различіи родовъ мужскаго, женскаго и средняго, а сіе самое доведетъ ко изъясненію окончаній словъ и артикуловъ на томъ языкѣ, гдѣ они есть; изуча такимъ образомъ юношу не только на память, но съ изъясненіемъ самыхъ нуждъ склоненій, артикуловъ или окончаній для родовъ или чиселъ, тѣ же правилы должно употребить и съ таковыми же изъясненіями (для?) показанія временъ.

Сіе есть время начинать въ самое дѣйствіе приводить то, что уже юноша обучилъ, а именно упражняя его переводами и раздробленіями рѣчей. Для переводовъ можно избрать какія краткія сочиненіи, напримѣръ (для французскаго и русскаго языковъ) изъ «Abeille de Parnasse» изъ «Année littéraire», изъ «Choix littéraire» съ французскаго, и изъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», изъ «Трутня», изъ «Трудолюбивой Пчелы» и другихъ періодическихъ сочиненій. Повелѣвая съ единаго языка переводить на другой, сіе избраніе краткихъ сочиненій для того я предписую, дабы юноша длинностью какого перевода не надокучилъ и съ младости любилъ перемѣну, а къ тому же должно наблюдать, чтобы каждый переводъ, имъ сдѣланный, не токмо былъ до возможной совершенности доведенъ, но

чтобы чисто былъ переписанъ, и послѣ хотя нѣкоторыя изъ лучшихъ сочиненій были отданы въ печать, дабы симъ самымъ славолюбіемъ наиболѣе юношу побудить къ прилежанію.

Должно еще сказать, какъ начинать дѣлать переводы. Надлежитъ, чтобы учившійся предъ учителемъ своимъ прочелъ періоду того сочиненія, которое хочетъ переводить, а потомъ бы раздробилъ грамматически каждую рѣчь, изъясняя, въ какомъ она родѣ, числѣ, времени, наклоненіи, глаголъ или слово, и существительное или приложительное и прочее (о двухъ послѣднихъ въ продолженіи науки грамматики онъ получилъ наставленіи), а потомъ каждое слово, что оно значитъ на переводимомъ языкѣ, изъяснилъ; и тогда велѣть ему начинать дѣлать переводъ, при поправленіи котораго еще объяснить, какъ о пріятности слога, такъ и о склонности каждаго языка; дабы во французскомъ не было сочиненій русскихъ, а въ русскихъ сочиненій французскихъ. И симъ образомъ продолжать даже какъ, не токмо окончитъ грамматику, но и укрѣпится въ обоихъ языкахъ. Наблюдая при томъ показывать правила орфографіи съ показаніемъ причинъ. Итако должно съ отческаго на чужестранный, а съ чужестраннаго на отеческій нѣсколько времени упражняться въ переводахъ, замѣчая при томъ всѣ слова, которыя будетъ искать въ словарѣ, или по спрошеніи узнаетъ, и выучивая ихъ наизусть.

Я прервалъ объясненіи мои о наукѣ грамматики, дабы показать съ котораго времени должно начинать переводы и какъ ихъ производить, а таперя пока къ наукѣ грамматики возвращаюсь. Должно юношѣ объяснить, что такое глаголъ и имя, что существительныя, вспомогательныя и приложительныя имена и прочія, какая въ нихъ нужда, и какъ ихъ употреблять, дѣлая, какъ выше сказано, раздробленіе словъ при переводахъ, гдѣ всѣ части словъ по грамматическому должны означаться; а наконецъ надлежитъ задавать темы или задачи, написавъ рѣчи въ именительномъ падежѣ и въ неопредѣленномъ времени, и велѣть оныя къ грамматикѣ приводить; такъ же составленные имъ выписанные переводы велѣть раздроблять, подписуя подъ каждымъ словомъ грамматическое его положеніе.

Я болѣе не продолжаю описывать о наукѣ грамматики, ибо токмо краткія правилы сей науки предписую, а не грамматику пишу; а думаю, что благоразумный наставникъ довольно и изъ сего можетъ почерпнуть правилъ, какъ и прочія части грамматики обучать.

Симъ образомъ, думаю, не токмо по памяти но и по чувствію нужды и по употребленію юноша довольно изучится всѣмъ правиламъ грамматики, и тогда время есть приступить къ сочиненіямъ, а тогда же и къ реторикѣ, продолжая однако подтвержденіи по вышеписанному, грамматики.

Понеже я себѣ изображаю, что первые два языка россійскій и французскій, то въ разсужденіи оныхъ размышленіи мои буду предлагать. Прежде, нежели сочинять, надлежитъ знать правила, а сего ради и надлежитъ начать учить оныя

въ книгахъ, которыя искусству риторическому научаютъ. Колико мнѣ извѣстно, на россійскомъ языкѣ единая и достаточная для сего книга риторики господина Ломоносова, а на французскомъ la Rhétorique de dames par le P. Lamy.

Но недовольно, чтобы каждое правило, сократя въ нѣсколько строчекъ, велѣть выучить юношѣ наизусть. Прилежно на обоихъ сихъ языкахъ каждому сдѣлать истолкованіе и много разъ повторяемымъ прочитаніемъ внушить примѣръ и чувствительны учинить риторическія красоты, вмѣщенныя въ оныхъ; надлежитъ тогда же сходственное чтеніе съ сею наукою начинать, яко на россійскомъ языкѣ проповѣди преосвященнаго Платона и похвальныя рѣчи Ломоносова, а на французскомъ—Les sermons de Bourdaloue, de Massillon, les Eloges de Thomas, и Les plaidoyers de Linguet. Не довольствуяся токмо ихъ прочитывать, но надлежитъ, чтобы, по мѣрѣ успѣховъ юноши, наставникъ ему истолковывалъ, какой части и какой фигуры риторики каждая періода читаемыхъ книгъ. Но не ослѣпя себя блистаніемъ. Именуя помянутыхъ писателей, да не оставитъ ему показывать по разсужденію своему, въ чемъ сіи изящные люди погрѣшимы; ибо, въ самомъ дѣлѣ, часто преосвященный Платонъ, увлеченъ быстротою своего разума, отъ риторическаго порядку отступаетъ; Ломоносовъ не величествомъ, но пышностью разума и словъ наполняетъ свои періоды; Бурдалу ищетъ много разума и отъ величества своея причины отступаетъ, излишне украшаетъ свои проповѣди и несправедливыя заключенія дѣлаетъ; а Лингетъ, дабы изострить свой слогъ и разумъ изъясненій, отъ великолѣпной простоты и ясности, долженствующей быть въ судебныхъ рѣчахъ, удаляется. А должно имѣть за правило себѣ почитать великихъ мужей, но никогда не опираться на ихъ примѣры, чтобы каковыя погрѣшности, слѣдуя имъ, дѣлать.

Когда же юноша достигнетъ до нѣкоего познанія риторики, тогда можно и самому ему велѣть дѣлать по правиламъ риторики раздробленіи бесѣдамъ съ примѣчаніями, что ему порочно кажется, которыя учитель будетъ поправлять, а симъ образомъ употребляя свой разумъ, изощрить его къ познанію сей науки и научиться справедливой критикѣ; а и самый разумъ его будетъ питаться симъ честолюбіемъ, что въ изящныхъ сочиненіяхъ можетъ обрѣтать пороки.

Я говорилъ обще и довелъ до конца ученіе риторики, а тапере должно сказать, когда же начинать давать ему дѣлать сочиненіи и какія? На сіе мнѣніе мое предложу, что сіе не прежде должно чинить, какъ тогда, когда дойдетъ наукою въ риторикѣ.

А первыя сочиненіи должно ему давать писать письмы, которыхъ онъ многія уже, учившись писать, списывалъ; тѣ же разные роды, о коихъ я выше упомянулъ. А потомъ, когда достигнетъ до довольнаго знанія, и смотря какъ разумъ его укрѣпляется, надлежитъ дать ему сочинять похвалы великихъ мужей, для сочиненія которыхъ долженъ онъ прочитать ихъ исторіи; сіе просвѣтитъ его раз-

умъ, а сочиненіе похвалы учинить, что онъ купно въ исторіи, въ морали и въ краснорѣчіи утвердится, а наконецъ можно давать ему дѣлать какія нравоучительныя диссертаціи.

Показавъ правила риторики, кажется уже время къ правиламъ стихотворства приступить. Сего ради, не затрудняя сперва многими правилами, надлежитъ самую вещь показать, а показаніе сіе должно начаться какими краткими сочиненіями. Изъ сихъ сочиненій суть мадригалы, эпиграммы, баллады и сонеты; а дабы все сіе съ основаніемъ показывать, то, по моему мнѣнію, надлежитъ сперва юношѣ показать, что такое есть стихи, какіе суть александрическіе или шестистопные, что такое ямбы, что хореи, что дактили, какіе суть десятистопные, осмистопные, и не порядочные, у какихъ есть сѣченіе, и гдѣ полагается, какія суть риѳмы мужскія и женскія, какъ онѣ сопрягаются, и что должно въ оныхъ наблюдать. Всѣ сія краткія объясненіи не худо, хотя бы наизусть юноша для двухъ языковъ выучилъ. А потомъ, примѣрами утверждая, думаю, что не худо, сперва давъ прочесть, наблюдая нужныя правилы въ чтеніи стиховъ, дать ему выучить наизусть стихи господина Ламотъ-Фенелона: Rendes au créateur ce qu'on doit lui rendre и прочіе.

А потомъ, выбравъ изъ энциклопедіи или другой какой книги, дать ему выучить наизусть правилы мадригала и эпиграммы и, примѣрами утверждая, какіе избранные давать ему прочитывать многажды, а иные дать выучивать и наизусть. Таковые мадригалы и эпиграммы можно для россійскаго языка сыскать многіе въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и въ трудахъ Сумарокова и Ломоносова, а для французскаго въ Bibliothèque pratique и въ другихъ множества писателей. Я въ семъ числѣ полагаю и разныя надписи.

По семъ думаю, что надлежитъ юношѣ дать выучить краткія правилы балладъ и сонетовъ; и потомъ такъ же правилы сіи самымъ чтеніемъ и изученіемъ таковыхъ сочиненій подтвердить, взимая оныя въ тѣхъ же книгахъ.

Потомъ изъяснить юношѣ, что такое есть пастушье стихотворство, правилы онаго дать ему, со изъясненіемъ выучить наизусть и потомъ примѣромъ, чтеніемъ и ученіемъ наизусть оныя подтвердить, взимая какъ изъ вышеписанныхъ книгъ, такъ и изъ госпожи Дезульеръ. Притомъ же не надлежитъ презрить Георгики Виргиліевы, переведенныя господиномъ Аббатъ Делиль, дабы тѣмъ лучше показать, какъ древніе, отъ коихъ мы науки наши взаимствовали, употребляли стихотворство къ воспѣваніи безвинныя пастушьей жизни.

Басня имѣетъ свои особливыя правилы, которыя правилы едва ли гдѣ есть описаны, но сіе не воспрепятствуетъ искусному наставнику изъ самыхъ примѣровъ правилы ея начертать; яко, что она должна быть писана слогомъ самымъ простымъ, не быть излишне продолжительна, и чтобы ясное нравоученіе каждая басня въ себѣ заключала. Мы имѣемъ какъ на французскомъ, такъ и на россійскомъ языкѣ очень хорошіе примѣры басенъ, на первомъ Les fables de la Fontaine, а по

русски Сумарокова и Майкова; къ тому же не должно при чтеніи и ученіи оныхъ наизусть оставить юношѣ показать и басни Эзоповы, такъ же Федровы, откуда де-Фонтень большую часть своихъ взаимствовалъ. Но надлежитъ примѣчать, что сей изящный писатель, желая сдѣлать простоту въ слогѣ, часто въ низость и подлость погружался, то и сіе юношѣ учинить примѣтить; такъ же, ежели будетъ читать Les fables de Lamotte, сдѣлать ему примѣтить не прилично употребленныя слова, яко «Geolier du soleil» о солнечныхъ часахъ, «phénomène potager» о рѣдькѣ и прочее; ибо и самые пороки, когда они примѣчены безъ страсти, другихъ отъ подобныхъ пороковъ воздерживаютъ.

Я, говоря о баснѣ, не могу остановиться безъ примѣчанія, что многіе въ самомъ началѣ науки языка, начинаютъ юношамъ наизусть учить басни. Симъ пріучаютъ ихъ ко лжи и учатъ имъ нравоученіе, которое еще никакъ имъ неощутительно, и въ засвидѣтельствованіе мнѣнія моего ссылаюсь на то, что господинъ Руссо говоритъ въ книгѣ Émile о басняхъ, и точно о баснѣ un corbeau sur un arbre perché и прочее.

Ступая по степенямъ для введенія юношу въ святилище стихотворенія, послѣ басни кажется мнѣ слѣдуетъ говорить о одахъ. Оныя суть троякаго рода: оды священныя, оды нравоучительныя и оды похвальныя; хотя причинами своими различаются, но правилы ихъ единыя суть. Для наученія сихъ правилъ и сему стихотворенію юношу, надлежитъ, учиня кратчайшее начертаніе правилъ, изучить ему наизусть, а потомъ приступить къ чтенію сихъ сочиненій. А понеже я всегда за нужное почитаю начинать науку съ древнихъ, дабы юноша зрилъ и величество тѣхъ разума, единственно естественнымъ огнемъ возженнаго, и происхожденію до совершенства науки,—первое чтеніе одъ должно зачинать съ одъ Пиндаровыхъ, которыхъ у насъ есть, колико возможной быть въ прозѣ, хорошій французскій переводъ. Не оставя ему изъяснить, когда Пиндаръ жилъ; что такое были игры Олимпійскія; какія права пріобрѣтали получившіе цѣны [1]) и прочее; такъ же показать ему красоты и пороки самыхъ сихъ одъ. А потомъ приступить къ чтенію одъ на французскомъ и русскомъ языкѣ,—сперва священныхъ, для коихъ можно употребить сочиненіи господина Руссо, нѣкоторыя оды Ударда де Ламота и оды господина Ломоносова, не оставя примѣтить, что Руссо во многихъ случаяхъ погрѣшилъ противу французскаго языка, и каданція его есть жестока, почему господинъ де Вольтеръ музу его нѣмецкой музой называетъ; что Удардъ де Ламотъ часто кидался за излишне блистательными мыслями и силы изъясненій не имѣлъ, и что Ломоносовъ иногда въ священныхъ одахъ погрѣшалъ противу сложенія россійскаго языка, хотя со всѣмъ тѣмъ ода его изъ Іова и вечернее размышленіе о Богѣ есть толикой красоты, что безъ восхищенія ихъ читать не можно. Оды нравоучительныя весьма хорошія есть въ трудахъ господина Руссо и, между прочими, ode à la

[1]) Т. е. призы—награды. *Ред.*

patrie et ode à la postérité заслуживаютъ особливаго вниманія, а также и въ трудахъ господина Сумарокова и въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ довольно хорошія есть таковыя оды. Оды похвальныя во множествѣ во всѣхъ почти писателяхъ обрѣтаются, ибо, гдѣ есть вышняя власть, тутъ есть къ оной благодарность и почтеніе, а больше лесть, а таковыя чувствіи издревле стихотворцы обыкли стихами и пиндарическими одами изъяснять. Мы можемъ сказать, что никто толь быстрымъ пареніемъ не достигъ до высоты сихъ сочиненій, какъ господинъ Ломоносовъ. Оды его, не взирая на нѣкоторыя смѣлыя изъясненіи, въ кои, думаю, жаромъ стихотворскаго своего восхищенія былъ увлеченъ, не взирая на нѣкоторыя порочныя изъясненіи въ россійскомъ словѣ могутъ почесться совершеннѣйшими произведеніями ума человѣческаго. Однако, воздавая всю честь, достойную сему великому мужу, не худо тогда же съ осторожностью показать юношѣ учиненныя критики господиномъ Сумароковымъ; говорю я: съ осторожностью, ибо сей, бывъ Ломоносову во всемъ совмѣстникъ, но не могши достигнуть до великолѣпной красоты, вмѣщенной въ его одахъ, часто несправедливо его критиковалъ, а посему и должно критику его, яко критику пристрастнаго, но разумнаго человѣка почитать, отвергая то, что онъ излишнее сказалъ, и принимая то, что остроуміемъ своимъ болѣе другихъ проникъ. Въ разсужденіи же французскаго языка есть многія оды въ господинѣ Руссо, въ Ламотѣ и въ Вольтерѣ, которыя достойны, чтобы для примѣру были показаны и внушены юношѣ.

Шествуя степенями къ труднѣйшимъ частямъ стихотворства, послѣ оды слѣдуютъ епистолы, бесѣды и сатиры. Правилы оныхъ, окромѣ, что должно чрезъ краткую выписку изучить наизусть, но купно изучая сіи правила и употребляя для научительнаго чтенія, совѣтую дать юношѣ прочесть: «Искусство стихотворенія» Горація, хорошо у насъ переведенное въ стихахъ господиномъ Поповскимъ, и епистолу господина Сумарокова, а на французскомъ art poétique de Boileau. А потомъ, также съ примѣчаніями, читать епистолу Ломоносова о пользѣ стекла, также и другія нѣкоторыя россійскія сочиненіи, находящіяся въ ежемѣсячныхъ и другихъ сочиненіяхъ; по французски же нахожу я изъ лучшихъ сочиненій вообще бесѣды Боаловы, а паче sur l'amour de Dieu, discours nouveau de m[sr] de Voltaire, епистолу къ госпожѣ Маркизѣ Шателенъ «Tu m'apèlles à toi, vaste et puissant génie», и многія письмы г-на Вольтера къ Королю Прусскому, а наконецъ нѣкоторыя сатиры Боаловы, которыя (читая?), похваляя писателя, изъясняя чистоту его слога, не худо юношѣ изъяснить, что сей родъ сочиненія, хотя съ благими намѣреніями предпріятый, не оставляетъ показывать нѣкоего поврежденія сердца, а паче за нужное нахожу охулить именованіе живыхъ людей въ сихъ сатирахъ, и напрасное его охуленіе къ Арнольду, который, бывъ сперва дохторъ, потомъ сталъ

прилежать къ архитектурѣ и достойнымъ вѣчныя славы архитекторомъ учинился.

Прежде, нежели говорить о драматическихъ сочиненіяхъ и поэмѣ епической, иже суть верхъ усилій разума человѣческаго, за нужное я почитаю сказать, что во время сего ученія стихотворенія надлежитъ склонить юношу самому нѣсколько упражняться въ семъ искусствѣ. Не для того я сіе говорю, чтобы совершенно нужнымъ для воспитанія благороднаго стихотвореніи почиталъ или, насильствуя природѣ, въ нерожденномъ къ стихотворенію пламень стихотворенія возжечь. Но со всѣмъ съ тѣмъ чтеніе стихотворцевъ и сочиненіе самимъ стиховъ и самыхъ хладнѣйшихъ воспламеняетъ, пріучаетъ къ изящному избранію словъ и составленію рѣчей, ко изображенію оборотовъ, дабы кратчайшимъ и яснымъ образомъ мысль вмѣстить въ стихъ, ко изысканію изящныхъ мыслей и прочее. Я почти заподлинно могу утвердить, что тотъ, который вѣкъ свой къ стихотворенію не прилежалъ, никогда съ такимъ жаромъ, и толь хорошо въ прозѣ писать не будетъ, какъ тотъ, который къ оному прилежалъ. Между древними Платонъ считается наикраснорѣчивѣйшимъ писателемъ и, хотя онъ всѣ стихотвореніи хотѣлъ изгнать изъ своей републики, но ясно видно по самымъ его сочиненіямъ, колико онъ искусенъ въ стихотворствѣ былъ, и сочиненіи его стихотворческой прозой почитались. Такъ же господинъ Ломоносовъ, ни не имѣли бы толикихъ изящныхъ изъясненій, еслибы тогда же стихотворцы не были.

Тапере мнѣ остается говорить о двухъ родахъ сочиненій, которыя я назвалъ быть верхомъ разума человѣческаго, то есть, о драматическихъ и епическихъ поэмахъ.

По мѣрѣ какъ искусство трудности имѣетъ, должно къ нему болѣе приготовляться. Не довольно, что юноша изучилъ искусство стихотворства Горацієва и art poétique de Boileau: прежде, нежели допустить его до чтенія драматическихъ сочиненій, надлежитъ дать ему выбравъ прочесть все, что господинъ де Вольтеръ, достойный быть наставникомъ въ семъ искусствѣ, обще о сего .родѣ стихотворенія писалъ. А потомъ, какъ всякая наука и искусство должно съ легчайшихъ вещей начинаться, то изъ драматическихъ сочиненій я легчайшимъ считаю комедіи. Примѣру сихъ я въ русскомъ языкѣ не обрѣтаю, ибо, колико мнѣ удалось ихъ видѣть и читать, нахожу во всѣхъ ихъ погрѣшности, а какъ мы совсѣмъ правилы французскаго театра взаимствовали, то для сего наученія и довольно сократиться на чтеніе избранныхъ сочиненій на семъ языкѣ. Первый и наилучшій писатель на семъ языкѣ для комедіи есть Мольеръ, но, бывъ принужденъ многое дѣлать въ угожденіе народа, онъ большую часть своихъ комедій непристойными шутками наполнилъ и схожія на игрища сдѣлалъ; но изящныя его сочиненіи суть: «Misanthrope», «Tartufe», «Amphitrion» и «Malade imaginaire», которыя съ наисовершеннѣйшимъ прилежаніемъ должно дать юношѣ прочесть; не отрѣшаю я чтенія нѣкоторыхъ и другихъ не столь совершенныхъ, яко «Fourberies de Scapin», «Ме-

decin malgré lui» и нѣсколько другихъ; но съ тою осторожностью, чтобы учинить юношѣ примѣтить пороки, въ которые сей писатель впалъ, ибо научается человѣкъ всякимъ правиламъ, не токмо по познанію ихъ исполненія, но и по учиненнымъ погрѣшностямъ противу ихъ. Господинъ Вольтеръ въ сочиненіяхъ своихъ почти всѣхъ сихъ сочиненій сдѣлалъ справедливую критику, а сія критика и можетъ послужить къ направленію наставника и къ наученію юноши, которую тогда же должно давать съ прилежаніемъ прочитывать. Другіе же изящнѣйшіе писатели и ихъ лучшія сочиненіи въ семъ родѣ на французскомъ языкѣ суть: «le Glorieux, le Philosophe marié, господиномъ де Тушемъ, l'Enfant prodigue, l'Indiscret, Nanine, la Gardente de Cassette и l'Écossaise, господиномъ Вольтеромъ, le Joueur, господиномъ Реньяромъ, которыя необходимо должно юношѣ дать съ прилежаніемъ прочесть.

Говоря о сей части драматическаго стихотворенія, не упомянулъ я ничего о древнихъ для того, что новые французскіе писатели далеко оныхъ превзошли. Однако, какъ мое всегдашнее правило есть, чтобы показать юношѣ не токмо самое искусство, но и самые успѣхи ума человѣческаго, то можно дать ему прочесть единое находящееся разсмотрѣніе въ запискахъ французской академіи свободныхъ наукъ о началѣ и успѣхахъ комедіи, и хотя дать нѣкоторыя комедіи Теренція и Плавта прочесть, которыя наиболѣе сходствуютъ съ сочиненными на французскомъ языкѣ.

Комедія есть наука нравовъ, а потому и должна она считаться, яко нравоучительное сочиненіе. Да не оставитъ при чтеніи оныхъ наставникъ сдѣлать примѣтить юношѣ, колико пышный и самохвальный обычай въ комедіи Glorieux дѣлаетъ въ прочемъ довольно снабженнаго добродѣтелями человѣка ненавидима самыми его ближними, и коль много онъ самъ въ себѣ теряетъ. Сожалѣтельно только, что господинъ Детушъ, представя въ самой природѣ пышнаго и самохвальнаго человѣка, противный ему обычай въ Филиппѣ весьма низко опустилъ, и такъ и одинъ и другой посмѣятельнымъ сдѣлалъ. Да не оставити представить, прочитывая Enfant prodigue, къ коликимъ несчастіямъ излишнее мотовство и распутная жизнь юношей приводитъ, ни великодушіе Нанинино, ни несчастіи, происходимыя отъ пагубной страсти къ игрѣ; ибо я всегда состою въ томъ мнѣніи, что наука нравовъ должна быть главная наука человѣка.

Поступаю далѣе. Въ святилищѣ драматическаго стихотворства мы хотя не столь изобильны въ сочиненіяхъ историческихъ, какъ французы, однако господинъ Сумароковъ, который началъ нашъ трагическій театръ, его вдругъ въ совершенство привелъ, и первое его сочиненіе Хоревъ почти равняется съ лучшими сочиненіями французскихъ писателей; Гамлетъ и Семира сего же писателя и болѣе славу его возвысили. Да прочтетъ ихъ юноша съ прилежаніемъ, да почтится научиться въ нихъ не токмо россійскому стихотворенію, но да почерпнетъ отъ Оснельды

преданность ея къ воли родительской, отъ Хорева, како любовная страсть не могла его отвлечь отъ того, что онъ отечеству, государю и брату своему долженъ; и како скорое рѣшеніе Кія государей самихъ ввергаетъ въ раскаяніе и несчастіе. Да научится отъ Гамлета почтенію къ мертвому родителю, омерзенію къ преступленію матери своей и сохраненію между разныхъ колеблющихъ его страстей то, что должность повелѣваетъ. Во французскихъ же писателяхъ да прочтетъ Mihtridate, Iphigénie, Phèdre и Athalie съ примѣчаніями, учиненными господиномъ де Вольтеромъ на сіи трагедіи; такъ же и самаго сего писателя Mérope, Zaïre, Alzire и Mahomet, яко изъясняя образцы стихотворенія. Я послѣ сихъ писателей полагаю быть чтеніе трудамъ господина Петра Корнелія и сначала лучшихъ его сочиненій, яко Polyeucte, Horace, Cinna, Rodogune съ примѣчаніями господина Вольтера. А по семъ да не оставитъ прочесть и другія слабѣйшія сочиненіи сихъ писателей, яко Расинова les Frères ennemis ou la Thébaïde, Alexandre и Andromaque, въ Петрѣ Корнеліи Attila, Pulcherie и Sertorius, съ примѣчаніями Вольтеровыми для познанія погрѣшностей, въ которыя сіи писатели впали. Чтеніе Oreste и Oedipe господина Вольтера съ его примѣчаніями покажутъ трудность сихъ причинъ, пороки, въ которые писатель впалъ, какъ самъ онъ признается, и расположеніе древняго греческаго театра.

Не изъяснилъ я, что въ каждой вышеименованной французской трагедіи въ разсужденіи нравовъ должно примѣчать, ибо сіе бы было яко дѣлать диссертацію на всякое изъ такихъ сочиненій, а предложа правилы о русскихъ нѣсколькихъ трагедіяхъ, оныя благоразумному наставнику и для всѣхъ другихъ служить могутъ; ибо сіе не есть грамматика ученія такова, изъ которой наставникъ выступить ни шагу не могъ, но токмо краткія правилы, которыхъ исполненіе съ нѣкоей и прибавкою на благоразуміе наставника оставляется.

Однако не могу я удержаться, чтобы не сказать, что хотя по всему, что уже юноша прежде изучитъ о общихъ правилахъ драматическаго стихотворенія, при чтеніи сихъ сочиненій правилы онаго ему будутъ извѣстны, но не безполезно, чтобы учитель однако учинилъ ему примѣтить, какъ оныя въ сочиненіяхъ соблюдены, какъ расположены три извѣстныя одинаковости, мѣста, времени и причины, во сколько времени дѣйствіе полагается продолжаться, какъ сохранены характеры, нѣтъ ли лишнихъ дѣйствующихъ лицъ, по пристойности ли входятъ и выходятъ дѣйствующія лица, такъ же какъ и басня *) расположена, и прочее.

А дабы лучше о расположеніи басни узнать, за необходимо нужное почитаю, чтобы прежде читанія каждыя трагедіи тотъ случай прочесть въ исторіи. Симъ образомъ узритъ учащійся, какую перемѣну въ исторіи сочинитель сдѣлалъ, и научится или напомнитъ самое историческое дѣяніе.

*) *Прим.* Какъ теперь говорятъ: фабула разсказа. *Ред.*

Прежде приступленія къ чтенію эпическихъ поэмъ, надлежитъ сперва прочесть Essay sur la poésie épique господина де Вольтера, а потомъ и при всякомъ писателѣ тѣ мѣста, которыя до него касаются, повторить.

Сей родъ стихотворства, труднѣйшимъ почитаемый по признанію самихъ искусившихся и прославившихся въ ономъ мужей, правилы свои долженъ взаимствовать отъ двухъ древнихъ писателей, то есть Омира и Виргилія. Трудно, иль лучше сказать, невозможно тому, кто не знаетъ греческаго и латинскаго языковъ, понять всѣ красоты сочиненій сихъ писателей; а я предполагаю юношу, не имѣющаго еще знанія въ сихъ древнихъ языкахъ. Но должно ли для сего оставить его безъизвѣстна о писаніяхъ сихъ изящныхъ стихотворцовъ? Разумъ и справедливый разсудокъ суть всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ языковъ, а посему, хотя не могли переводы намъ предложить силу изъясненій, красоту слога и согласіе, находящееся въ сихъ писателяхъ въ подлинникахъ ихъ сочиненій, но расположеніе поэмы, мысли, изображеніи, нравы тогдашнихъ народовъ, нравственныя наставленіи суть довольно изображены; а сего думаю и довольно для наученія юноши. Мы имѣемъ переводъ сихъ сочиненій, Иліады и Одиссеи Омировой госпожей Дасіеръ, ученѣйшей женой, которая часто слогъ и красоту слова французскаго языка жертвовала для подражанія подлинника своего; и Иліаду же Омирову переводу господина Битобея, въ коей краснорѣчіе и быстрота мыслей переводчика соотвѣтствуетъ велерѣчію и выспренности сочинителя. Сіи переводы — сперва госпожи Дасіеръ, а послѣ Битобеевъ—да прочтетъ юноша съ прилежаніемъ, изготовя себя къ сему чтенію не токмо тѣмъ, что господинъ де Вольтеръ въ своемъ опытѣ на эпическую поэму, въ статьѣ о Омирѣ, написалъ, но также, что и другіе, возлюбившіе Омира, въ истолкованіе Омира въ нѣкоторыхъ разныхъ сочиненіяхъ писали, яко то, что находится въ запискахъ Академіи свободныхъ наукъ парижской, de la vieillesse d'Homère—о старости Омировой; господиномъ.... défense de la poésie—защищеніе стихотворства и прочее. Потомъ при чтеніи самыхъ поэмъ да не оставитъ ему наставникъ показать тогдашнее состояніе Греціи, пространство ея владѣній, мѣстоположеніе Трои и жилищи тѣхъ Асійскихъ народовъ, которые ей помогали. Да покажетъ, чрезъ пріисканіе въ исторіи или словаряхъ, происхожденіе разныхъ именованныхъ божествъ, какимъ образомъ ихъ изображали, какія силы приписывали, не оставя при томъ изъяснить, что большая часть сихъ божествъ разумными людьми ничто иное знаменовало, какъ разныя силы и дѣйствія вышняго естества; почтеніе эллиновъ къ божеству, простота ихъ жизни и прочія нравственныя добродѣтели да не умолчатся. Сила изображеній, яко Юпитеръ разливаетъ изъ двухъ бочекъ благо и зло на люди; что цѣпью златою можетъ поднять всѣхъ боговъ и родъ человѣческой; что кони Нептуновы единымъ скокомъ пробѣга-

ютъ все обозримое пространство, а другаго скоку не могли бы учинить, и прочее, да не останутся въ забвеніи; такъ же искусный наставникъ и философію того времени не презритъ ученику своему показать.

Симъ образомъ благоразумный юноша купно будетъ пріобрѣтать познаніе эпической поэмы, ея расположеніе, исторію и географію древнѣйшихъ временъ Греціи, обычаи разныхъ народовъ, ихъ философіи, вѣры, и тогда же разумъ его будетъ воспламеняться великолѣпными изображеніями, возгнѣздившимися въ память его.

По прочтеніи, въ опытѣ на эпическую поэму господина де Вольтера, статьи «Виргилій», надлежитъ прочесть нѣкоторыя сочиненія, находящіяся въ запискахъ Академіи свободныхъ наукъ Парижской, касающіяся до сего писателя, и какимъ образомъ, и гдѣ онъ Омиру подражалъ. Приступая же къ чтенію самыхъ сочиненій писателя, мы, хотя многіе имѣемъ переводы его Энеиды, но кажется можемъ сократиться на два, аббатомъ де Фонтенъ въ прозѣ, ради совершеннаго познанія писателя, и господиномъ Segre въ стихахъ. Сей послѣдній хотя ни красотою стиховъ своихъ, ни вѣрностью, большаго уваженія не заслуживаетъ; но какъ стихи всегда лучше горячность мысли, изъясненной въ стихахъ, могутъ предложить, то въ ожиданіи лучшаго переводу, юношѣ, изучившемуся уже довольно французскаго языка и привыкшему къ чтенію лучшихъ писателей, его можно употребить. Какія при чтеніи Виргилія надлежитъ дѣлать примѣчаніи, ссылаюсь въ томъ, что я о Омирѣ выше упомянулъ, прилагая токмо, что не должно оставить примѣтить юношѣ, что̀ Виргилій взаимствовалъ у Омира, и въ чемъ онъ самъ подлинникомъ былъ.

Я, пропуская изъ древнихъ писателей Лукана и многихъ изъ новыхъ, которые юноша по желанію своему можетъ и самъ прочесть, приступаю прямо къ господину де Вольтеру, къ достойному безсмертія его труду—Генріадѣ. Да приложитъ въ семъ случаѣ наставникъ и юноша свои стараніи познать исторію тогдашнихъ смущеній Франціи и безпокойствъ, происходящихъ отъ разныхъ мудрствованій въ вѣрѣ; что вся сія поэма имѣетъ слѣдующіе предметы: 1) показать, коль безвѣріе противно Божьему закону; 2) что междоусобная брань есть самая пагубная государству, и 3) что единая добродѣтель можетъ затушить ненависть въ самыхъ предубѣжденныхъ сердцахъ. Да учинятся ему примѣчательны слабости Генрика III и самого Генрика IV, увлеченнаго любовью къ прекрасной Етреи *), да изобразится добродѣтель сего послѣдняго, не щадящаго жизнь свою для спасенія подданныхъ своихъ, и щедрость питающаго бунтующій противу его градъ; да узритъ въ смерти Альбы, умерщвленнаго отъ руки отца своего, ужасть междуусобныя брани, да въ учиненномъ убійствѣ въ нощь святаго Варѳоломея узритъ и ужас-

*) *Прим.* Gabrielle d'Estrées. *Ред.*

нется, какія (бѣдствія?) могутъ произвести бѣсновѣріе и мрачная политика; да попадивится мудрому правленію Елисаветы; да возненавидитъ бѣсновѣріе Клементово въ убіеніи Генриха Третьяго, и воспламенится твердостью Сегюровой при собраніи штатовъ въ Парижѣ и прочее, что нравственнаго и изящнаго на всякой страницѣ сего сочиненія находится.

Послѣ сего безсмертія достойнаго труда не могу я умолчать, ни въ презрѣніи оставить двѣ поэмы, сочиненныя господиномъ Херасковымъ, первая о Казанскомъ взятіи и Владимірѣ просвѣщенной; хотя оныя и не равняются красотѣ съ Генріадою, однако и ихъ съ примѣчаніемъ прочесть надлежитъ.

Наконецъ я заключу о стихотворствѣ тѣмъ, что, читавъ вышеупомянутыя сочиненіи, совѣтую я лучшіе стихи изъ оныхъ юношѣ выучивать наизусть. Сіе ко многому удобно. Ученіемъ наизусть острится память, распространяется разумъ въ познаніяхъ, и впечатляются въ сердце многія наставленіи, которыя и во весь вѣкъ ему послужить могутъ.

Впрочемъ не о всѣхъ я писателяхъ упомянулъ, говоря о риторахъ и стихотворцахъ; но какъ юношеское ученіе несть иное, какъ токмо пріуготовленіе къ глубокому познанію, то естли кто наиболѣе восхочетъ вникнуть въ сіи искусствы, тотъ и самъ собою не оставитъ продолжать угодное ему чтеніе; тѣ же, которыхъ я помянулъ, мнѣ кажутся довольны для моего предмета.

О наукѣ другаго или и третьяго чужестранныхъ языковъ.

Послѣ того, что я выше сказалъ о наукѣ перваго чужестраннаго языка, казалось бы и нечего мнѣ было говорить о другихъ чужестранныхъ языкахъ; однако я нахожу нѣкоторыя отличныя правилы, которыя за нужное почитаю предложить.

Первое, никакъ не должно начинать науку другаго чужестраннаго языка прежде, нежели юноша уже нѣкое достаточное знаніе въ первомъ получилъ и началъ уже имѣть понятіе о грамматикѣ; дабы наукою двухъ чужестранныхъ языковъ не смутить его память.

Второе, если которые родители хотятъ своихъ дѣтей многимъ чужестраннымъ языкамъ обучить, да не начинаютъ другаго сходственнаго съ первымъ; ибо, что болѣе успѣваетъ юноша, то болѣе ему науки и упражненій прибавляютъ, и для того лучше скушную науку, какова новаго чужестраннаго языка сходственнаго, не изученой оставить къ позднѣйшему времени, которой легко онъ по сходствію съ знаемымъ выучитъ, нежели оставить трудъ и скуку учить невѣдомой ему языкъ, когда и память не толь чиста, и разныя упражненіи занимаютъ уже всего юношу. Я, напримѣръ, говорю: послѣ французскаго языка, естли кто хочетъ учить многимъ чужестраннымъ языкамъ юношу, не должно учить по италіански, но по нѣмецки или по аглински; ибо естли юноша уже знаетъ по французски, то легко и послѣ выучится по италіански, а естли знаетъ

по нѣмецки, то аглинской языкъ ему не труденъ будетъ; и въ сопротивномъ положеніи—съ аглинскаго вскорѣ понятіе о нѣмецкомъ языкѣ получитъ.

Третіе, при наученіи другаго какого либо чужестраннаго языка надлежитъ нѣсколько образъ ученія перемѣнить, то есть, по выученіи читать выучить не малое число словъ и тогда начинать учить грамматику и по нѣкоемъ понятіи о ней.... учить разговоры, ибо юноша уже по ученіи перваго языка общее понятіе о грамматикѣ имѣетъ, и для того можно во второмъ чужестранномъ языкѣ скорѣе её начинать учить, разговоры же будутъ ему служить, окромѣ наученія изъяснятьcя, и примѣромъ, какъ грамматическія правилы въ составленіи рѣчей употребляются; сего ради долженъ юноша, прежде ученія каждой рѣчи въ разговорахъ, наставленъ быть и изъяснить всѣ слова, по какимъ они грамматическихъ правиламъ составлены, и какія имѣли перемѣны, а тогда учить самую рѣчь. Къ тому же, какъ выше я сказалъ, разговоры, окромѣ нѣкоторыхъ употребительныхъ, должны содержать въ себѣ причину какой науки; напримѣръ, ежели на первомъ чужестранномъ языкѣ училъ историческіе разговоры, то на второмъ уже надлежитъ, чтобы онъ училъ географическіе, на третьемъ—моральные или физическіе и пр.; въ прочемъ же наука сія должна быть продолжена какъ и перваго чужестраннаго языка.

Познаніе риторики и стихотворства на каждомъ языкѣ есть совершенно нужно. И тако окромѣ сочиненія писемъ, которое ученіе въ общемъ предписаніи о языкахъ вмѣщается, мнѣ кажется, что съизнова правилы риторики и стихотворства, выуча ихъ на одномъ языкѣ, на другомъ уже учить не нужно, ибо они одинаковы суть. Но чтеніе хорошихъ писателей съ примѣчаніемъ риторическихъ и стихотворческихъ правилъ довольно для сего послужить, напримѣръ на нѣмецкомъ языкѣ для риторики...., для стихотворства Геллертъ, на аглинскомъ для риторики поученіи господина Тилотсона, для стихотворства Дриденъ, Попъ и другіе; на италіанскомъ языкѣ для риторики Маккіавеля исторію флорентійскую и.... разныя исторіи и письма кардинала Бентиволія, для стихотворства Метастазія и Тасса, съ учиненіями примѣчаній на особливыя правилы стихотворства, въ разсужденіи языка, и чиненныхъ сокращеній и перемѣнъ словъ и прочее.

О наукѣ ученыхъ языковъ.

Ученые у насъ языки называются тѣ, которые уже не суть въ употребленіи, а сохраняются токмо для чтенія изящныхъ сочиненій, которыя на оныхъ писаны, — таковы суть греческой и латинской.

Я уже выше сказалъ, что надлежитъ сперва изучиться нужному, прежде нежели къ полезному приступить, и подлинно лучше сперва познать, какъ сообщаться съ живыми, прежде нежели восхотѣть познать, что за многіе вѣки до насъ люди думали—люди, разнствующіе съ нами въ вѣрѣ, правленіи, обычаяхъ и философіи.

Время, въ которое надлежитъ начинать сіе ученіе, по моему мнѣнію, насту-

пить не прежде, какъ тогда, когда юноша довольное познаніе получитъ въ употребляемыхъ языкахъ и въ грамматикѣ оныхъ.

А понеже уже не такой юноша въ сіе время онъ будетъ, коему бы всѣ грамматическія обращеніи странны и не понятны казались, то и образъ ученія сихъ языковъ отличенъ отъ тѣхъ долженъ быть.

А какъ уже лѣты юноши тогда такія есть, что онъ жаденъ изучаться вещами, сухое же собраніе словъ и правилъ грамматическихъ можетъ ему надокучить, то и должно располагать сію науку такимъ образомъ, чтобы, не упустя ничего въ успѣхѣ ученія, учинить его пріятнѣйшимъ учившемуся.

Сей способъ по мнѣнію моему состоитъ: по выученіи азбукѣ и, слѣдственно, читать, немедленно должно приступить къ ученію грамматики, а тогда же къ чтенію и переводу писателей. Что касается до науки грамматики сихъ языковъ, то думаю сіе дальнихъ объясненій не требуетъ, и всякій благоразумной учитель довольно знаетъ обыкновенной образъ ея ученія и не облѣнится истолковать разность грамматическую сихъ языковъ съ тѣми, которые уже онъ знаетъ. Но съ перваго взгляду трудною задачею покажется, какъ можно, не выучивъ почти ни слова, вдругъ приступать къ чтенію, разумѣнію и переводу писателей, и сіе я для двухъ вышепомянутыхъ языковъ потщуся изъяснить.

На греческомъ языкѣ легчайшимъ образомъ писанная книга считается Новый Завѣтъ, сего ради и надлежитъ съ которой изъ оныхъ книгъ чтеніе и переводъ сей начинать (впрочемъ не можно довольно человѣку христіанину вникать въ священныя его слова). Взявъ, напримѣръ, Дѣянія Апостольскія, какую довольную періоду по расположенію юноши, велѣть её съ пространнымъ междострочіемъ списать, потомъ надъ всякимъ словомъ сдѣлать изъясненіе, въ какомъ оно родѣ, числѣ, падежѣ и прочее, съ изъясненіемъ, что всякое слово знаменуетъ; велѣть ихъ съ переводомъ написать на особливой бумагѣ въ именительномъ падежѣ существительными, а потомъ выучить наизусть, и, соображаясь потомъ съ оборотами грамматическими, перевесть сію періоду; а къ тому же выбрать нѣсколько рѣчей и велѣть оныя ему наизусть выучить. Симъ образомъ ежедневно будетъ пріобрѣтать юноша познаніе множества словъ, какъ они въ рѣчахъ употребляются, и наконецъ самыя грамматическія обращеніи. И такъ продолжать, даже какъ примѣтитъ наставникъ, что юноша начинаетъ уже, какъ разумъ словъ, такъ и грамматическое обращеніе понимать, употребляя то, что въ грамматикѣ о правилахъ учатъ, тогда же въ самое дѣйство.

Для латинскаго языка можно при семъ началѣ и точно такимъ же образомъ употребить Корнелія Непота «жизнь великихъ людей».

По прочтеніи и переводѣ, напримѣръ, съ греческаго Дѣяній Апостольскихъ, а съ латинскаго Корнелія Непота, надлежитъ, продолжая науку грамматики, продолжить чтеніе и переводъ съ греческаго Шевендида, а съ латинскаго писемъ Ци-

цероновыхъ фамильярныхъ и его оффицій, но съ тѣмъ примѣчаніемъ, что какъ уже чтеніемъ первымъ и наукою грамматики я предполагаю, что юноша нѣкоторое понятіе о учимомъ языкѣ получилъ, то давать ему самому дѣлать грамматическія объясненіи и переворачивать слова на именительный падежъ, такъ же и знаменованіе ихъ сыскивать въ словаряхъ, все подъ присмотромъ и наставленіемъ учителя. Когда же и сіи такимъ образомъ книги прочтетъ и, смотря по успѣхамъ, то даже должно поступить къ показанію изящныхъ своимъ краснорѣчіемъ писателей.

Сихъ писателей для греческаго языка за лучшія я считаю бесѣды Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, а потомъ Демосѳена и Эсхила. На латинскомъ—Титъ Ливія, Цицерона о риторахъ, Квинтиліана и рѣчи избранныя Цицерона. Изъ каждой именованной сей книги надлежитъ юношѣ велѣть нѣсколько подмѣтить по расположеніямъ и правиламъ грамматическимъ и, приведши въ именительной падежъ слова, неизвѣстныя ему, съискавъ въ словаряхъ, выучить и потомъ перевести, дабы къ слогу и обращенію этого писателя привычку учинилъ. А какъ я полагаю, что уже юноша извѣстенъ въ риторическихъ правилахъ, которыя онъ изучилъ на употребляемыхъ языкахъ, то и долженъ онъ дѣлать примѣчаніи, какъ по правиламъ риторики рѣчь въ сихъ писателяхъ расположена, никогда не презирая по нѣсколько выучивать лучшихъ рѣчей наизусть для украшенія и памяти смысла своего и для лучшаго понятія, какъ на томъ языкѣ лучше и изящнѣе изъясниться. Прочее же можетъ съ прилежаніемъ прочитывать, не упуская ни единаго слову, которое ему не знаемо есть, записывать особливо и выучивать на память, равно какъ и достойнѣйшія замѣчать рѣчи.

Познаніе древнихъ стихотворцовъ въ ихъ подлинникахъ не токмо нужно для украшенія разума, но также и для лучшаго разумѣнія языка, и для сего, последуя вышепредписанному правилу, за нужное почитаю изъ всякаго нижепоименованнаго, по прочтеніи съ грамматическимъ раздробленіемъ, по нѣскольку перевести, дабы къ слогу и обращенію рѣчей того стихотворца пріобыкнуть; оные же суть для греческаго языка: Анакреонъ и Сафо, Аристофанъ—комедіи, Софоклъ и Эврипидъ—трагедіи, и наконецъ Омиръ, а для латинскаго: Овидій—его превращеніи и элегіи, Теренцій и Плавтъ—комедіи, Персъ и Жувеналъ—сатиры, и наконецъ Виргилій—Энеида и его пастушьи сочиненіи; наблюдая при чтеніи замѣчать образъ изъясненія писателей, правилы, каковыя они въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ наблюдали, разные обычаи тѣхъ народовъ и тѣхъ временъ, и выучивая лучшіе стихи наизусть. Ибо кажется не можно и самому не покуситься удержать въ памяти своей басню Анакреонову иззябшаго Амура, нѣкоторые монологи Софокловы и Эврипидовы и просьбу Пріамову Ахиллесу о отдачѣ тѣла Гекторова, немногія острыя мѣста Теренція и Плавта, также описаніи нравовъ Персомъ и Жу-

веналомъ, описаніе оживленія статуи Девкаліономъ и споръ Аякса и Улисса о Ахиллесовомъ оружіи Овидіемъ, многія оды Горація, яко justum ad tenace, и описаніе бури въ Энеидѣ Виргилія и прочее. А самое сіе не токмо утвердитъ юношу въ познаніи сихъ языковъ, но украситъ его память и можетъ дать правилы въ управленіи жизни.

Я болѣе не распростерся говорить о чтеніи греческихъ и латинскихъ писателей, ибо въ прочемъ должно оставить и на собственную охоту учившагося. Хотя въ самомъ дѣлѣ Платонъ, Тимей Локрійскій, Θалесъ Милетскій, Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій на греческомъ языкѣ суть достойные чтенія писатели; и Салюстій, Луканъ, прочіе труды Цицероновы, Плиній старый и юный, всѣ заслуживаютъ вниманія хотящаго просвѣтить свой разумъ человѣка. Но сіи на волѣ его да оставятся, когда ихъ читать.

О наукѣ Закона.

Наука Закона есть необходима нужна каждому христіанину, и тако, елико возможно скорѣе её начать, то тѣмъ лучше, дабы на семъ твердомъ основаніи, яко на неподвижимомъ камени, утвердить добродѣтельныя расположеніи сердца юноши. Однако не могу я похвалить сей образъ ученія, преподаваемой въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, и тогда, когда юноша еще ничего не понимаетъ. Просвѣщенная философія христіанскаго Закона не требуетъ несмысленности, но что болѣе о ней размышляютъ, то ощутительнѣе она становится.

Сего ради и почитаю я сію науку начать не прежде, какъ по вышесказанному юноша прочелъ уже два евангелиста, а симъ самымъ изучился о жизни нашего Спасителя и о таинствѣ искупленія нашего.

Какія же книги для сей науки употребить, и какимъ способомъ ее преподавать? Что касается до книгъ, то я думаю изъ лучшихъ суть: катихизисмъ преосвященнаго Платона, напечатанной въ собраніи его сочиненій, и краткой катихизисмъ исторической, переведенной съ французскаго господина Флери, напечатанной въ Петербургѣ; осмѣлился бы я предложить мною сочиненной для моихъ дѣтей, въ коемъ я исторически вывожу строеніе Божіе отъ начала созданія свѣта, о искупленіи рода человѣческаго и догматъ вѣры изъясняя, но какъ онъ не напечатанъ, то и говорить за напрасное почитаю. Способъ же преподавать сіе ученіе, думаю я, долженъ быть—выучить наизусть единый изъ сихъ катихизисмовъ, ибо не можно довольно впечатлѣть въ сердце юноши законъ Божій, съ наблюденіемъ всѣ слова и дѣяніи ему истолковывать сходственнымъ и понятнымъ образомъ съ его лѣтами; ибо не довольно, что вперить въ память его вещи и наставленіи христіанскаго Закона, но надлежитъ преклонить сердце и въ ономъ глубокими чертами оные изобразить, дабы память на всю жизнь его помогала чувствіямъ его сердца, а чувствіе сердца помогало памяти его.

О наукѣ географіи.

Познаніе исторіи есть необходимо нужно каждому благородному человѣку, ибо чрезъ знаніе древнихъ дѣяній не токмо научается человѣкъ, какъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ направлять свой поступокъ, какъ въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ поступать, но, просвѣщая свой разумъ, научается изъ примѣровъ древнихъ добродѣтели, и къ омерзенію пороковъ сердце его обращается. Но, дабы съ плодами и съ успѣхомъ учить исторію, надлежитъ перво сдѣлать себѣ изображеніе о позорищѣ, на коемъ описуемыя въ исторіи приключеніи происходили; а сіе познаніе есть наука географіи.

Располагая мой трудъ наиболѣе для пользы юношества отечества моего, желалъ бы я начать науку географіи съ самого моего отечества, но въ семъ разныя неудобности обрѣтаю: 1) страны, нынѣ знаемыя подъ общимъ именемъ Россіи, были древними незнаемы; именовали правда они, по наслышкѣ отъ другихъ ближайшихъ народовъ, Скифіей, Сарматіей, Гиперборесй, и другими, но народы оные весьма поздно въ дѣяніи и сообщеніи съ другими народами вступили; 2) по паденіи Римской имперіи, и когда уже устроились новыя царства, и тогда до шестаго на десять столѣтія почти никакой связи между Россіею и другими Европейскими государствами не находится. А посему начатіе науки географіи съ Россіи учинится наукою безплодною, сокращенною на знаніи токмо имянъ и границъ, безъ возможности привязать сіи знаніи къ какому историческому дѣянію; такъ что, когда достигнетъ юноша до тѣхъ временъ исторіи, то уже наука имянъ Россійскихъ странъ и ихъ положенія изъ памяти его выйдетъ, и онъ, потерявъ напрасно первой свой трудъ, принужденъ будетъ съизнова переучиваться.

Я думаю, что таковыя мысли понудили господина Гибнера начать свою географію съ Португаліи, въ чемъ конечно онъ имѣлъ въ предметъ первое—болѣе связать науку географіи съ наукою исторіи, и второе—скорѣйшее понятіе о Европѣ дать юношамъ. Воздавая достойное почтеніе сему писателю, не могу я однако не сказать, что и онъ для ради послѣдняго отъ перваго отдалился; ибо, какъ наука географіи всегда должна быть сопряженна съ наукою исторіи, то изъ самаго сего положенія выходитъ, что, когда юноша учитъ Португалію въ географіи, тогда въ исторіи о Сиріи и Палестинѣ говорится; а когда доступитъ до основанія Рима и до первыхъ его завоеваній въ Италіи, тогда въ географіи Африку будетъ учить—все служащее токмо заглушать память и привести въ забвеніе, что прежде училъ.

Сего ради я думаю предложить, по мнѣнію моему, колико возможно удобнѣйшій способъ для избѣжанія отъ таковыхъ затрудненій.

Сей способъ состоитъ: учить географію такимъ образомъ, чтобы не имѣть нуждъ въ сводѣ древнія и новыя, вдругъ общее понятіе объ обѣихъ ихъ сдѣлать, и чтобы знаніе географіи подкрѣпляло познаніе исторіи и, взаимственно, чтобы исто-

ріи подкрѣпляла географію; и наконецъ, чтобы географія предупредительно исторіи дала понятіе юношѣ о происшедшихъ перемѣнахъ въ свѣтѣ.

Сего ради я и почитаю, что лучшій способъ есть начинать учить географію съ Азіи, начавъ ее съ Сиріи. Тутъ при наученіи о областяхъ нынѣшней Турецкой имперіи представится позорище въ исторіи сотворенія человѣка, о коемъ мнятъ, что былъ сотворенъ въ Сиріи, ибо, по мнѣнію лучшихъ писателей, тутъ былъ рай земной; тутъ представится строеніе Вавилона, и рѣка Тигръ, протекающая сквозь сей градъ, напомнитъ приключеніе сего града, а градъ—теченіе рѣки Тигра, и новый градъ Багдадъ, недалеко отъ древняго Вавилона построенной, примѣчательнѣе юношѣ будетъ, нежели какъ просто бы онъ о немъ понятіе имѣлъ. Преходя въ Палестину, Іерусалимъ, по бывшей столицы не токмо царей Іудейскихъ, но и по единому назначенному отъ Бога мѣсту, идѣже угодно Ему было во время Ветхаго Завѣта, чтобы Ему жертвы приносили, также и по свершенію искупленія нашего, не можетъ не впечатлѣться въ память; Тиръ и Сидонъ, грады торгующіе, основательницы Кароагена, сопротивляющіеся Александру и знаменитые у древнихъ богатствомъ и торгомъ своимъ, гораздо болѣе по связи дѣяній останутся въ памяти юноши, нежели просто по нынѣшнему наименованные. Я тоже говорю и о Греціи.

Надлежало тогда же бы распространить науку географіи и на царство Египецкое, но, какъ оное уже въ Африкѣ щитается, то должно о немъ раздѣленію*) земноводнаго глобуса обождать до времени, когда приступитъ юноша учить о Африкѣ. Окончивъ же Азіацкія внуреннія области, надлежитъ приступить къ поморскимъ, гдѣ были поселеніи древнихъ Грековъ,—здѣсь новыя причины къ напамятованію юношѣ исторія представляетъ. Тамъ Троя, знатная десятилѣтней осадой отъ Грековъ, тамъ Еѳесъ, знатной храмомъ богини Діаны, знатной соборомъ Ефесскимъ, примѣчательной яко составляющій единую изъ седми церквей, именуемыхъ въ Апокалипсисѣ. Тамъ Халкидонъ и многія другія, и симъ окончится наука Азіацкой географіи.

Переходя въ Европу, надлежитъ сперва зачать Греціей и Архипелагомъ,—тамъ представится юношѣ царство Македонское, именитое храбростью его войскъ, добрымъ устроеніемъ фаланги, жившими въ немъ побѣдоносными государями, яко Филиппомъ и Александромъ, коего рожденіемъ означняется навсегда градъ Діи. Тамъ Эпира, достойная примѣчанія храбростью своихъ народовъ и неустрашимостью царя Пирра; тамъ Аргосъ, бывшее царство Агамемнона; тамъ Мессена—царство Менелая; тамъ Спарта, именитая строгостью Ликурговыхъ законовъ и преданіемъ себя въ жертву за общую пользу царя Леонидаса; тамъ Дельфъ, знаменитой градъ оракуломъ Аполлоновымъ; тамъ Олимпія—знатной градъ олимпическими играми; тамъ Коринѳъ, владыче-

*) *Примѣч.* Безъ сомнѣнія въ смыслѣ: «разбору, «анализу».

Ред.

ствующій надъ двумя морями, знатной рожденіемъ и добродѣтелью Пелопидаса; тамъ Ѳебы, именитой самыми преступленіями несчастнаго Эдипа и сыновей его, отъ неистовства рожденныхъ, и храбростью Эпаминондаса. Тамъ Аѳины, именитые Солоновыми законами, великою торговлею, просвѣщеніемъ народа и рожденіемъ и пребываніемъ въ немъ Аристида, Ѳемистокла, Симона, Конона и другихъ вождей; а также Сократа, Платона, и другихъ мудрыхъ мужей. Тамъ Островъ Родъ, именитой своимъ колосомъ, и яко бывшій столицей рыцарей Святаго Іоанна. Тамъ Ситеръ, по нынѣшнему Серинтъ, знатной моленіемъ богинѣ Венусу. Тамъ Итака и Цефалонія—отечество Улиссово. Тамъ Саламина—отечество Аяксово и именитой Саламинской баталіей. Тамъ Кипръ, именитой Миносовыми законами, стами градами, горой Идой, гдѣ, яко баснословцы говорятъ, воспитывался Юпитеръ. Тамъ Критъ, посвященной Венусу. Всѣ сіи имена навѣчно въ памяти по историческимъ дѣяніямъ останутся, но если сравнять ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ, то и по многомъ чтеніи, кромѣ именъ своихъ—и тѣхъ поврежденныхъ и варварскихъ—ничего примѣчательнаго не оставляютъ, а потому токмо служатъ къ отягощенію памяти.

Переходя отъ Греціи, должно вступить въ науку географіи Италіи и примѣтить изъ историческихъ повѣствій о тогдашнемъ раздѣленіи Италіи, гдѣ была Альба длинная, какъ Римъ основался и возвеличился, гдѣ были Веіи, ... Тразименъ *), въ какомъ состояніи были Капуа, Неаполь и прочія, все сіе прикладывая къ новымъ обстоятельствамъ.

Дабы, не перескакивая изъ страны въ страну чрезъ области, дать порядокъ ученію географіи, съ таковымъ же образомъ ученія надлежитъ перейтить къ наукѣ географіи острововъ Средиземнаго моря: Сициліи, Сардиніи и Корсики, также и Мальты, ибо, мнѣ кажется, несправедливо островъ сей къ Африкѣ приписуютъ, понеже, бывъ населенъ Европейскими народами и въ толикой близости отъ другихъ Европейскихъ острововъ, удобнѣе его по моему порядку къ Европейскимъ островамъ приписать, не оставя однако изъяснить мнѣніи другихъ писателей, приписующихъ его къ Африкѣ.

Отъ сихъ острововъ должно перейтить къ наукѣ о Португаліи и продолжать потомъ царствами и странами на сѣверъ Европы, то есть Гишпаніей, Швейцаріей, Франціей, Англіей, Соединенными Провинціями, Германіей, вмѣщая въ оную не токмо Нидерланды, но также Богемію и Прусію, яко владѣніе князей дому германскаго и курфирстовъ сея имперіи, потомъ Венгріей, Турціей, и малой Тарtаріей въ Европѣ, окромѣ Крыму, о коемъ токмо учинить упоминовеніе, потомъ Польшей и тремя сѣверными королевствами, Скандинавіей называемыми, то есть Даніей, Швеціей и Норвегіей, а наконецъ Россіею, пріобщая къ ней не токмо Крымъ, яко вновь покоренную область сей странѣ, но также и Сибирь, хотя она и

*) *Примѣч.* Безъ сомнѣнія Тразименское озеро, прославленное побѣдою Ганнибала. *Ред.*

въ Азіи обрѣтается, въ которой части довольно учинить общее о ней упоминовеніе, но подробное описаніе, по мнѣнію моему, о ней вмѣстѣ съ Россіей пристойно быть учинено, яко отчасти едиными народами населенной странѣ, подъ едиными законами и правленіемъ обрѣтающейся и общую силу и могущество Россіи сочиняющей. А симъ образомъ связь понятія о единомъ владѣніи не разрушится.

Примѣтить же должно, что какъ многія Европейскія государствы имѣютъ свои поселеніи въ Африкѣ и Америкѣ, то хотя бы, по предложенному мною правилу о Россіи, и надлежало бы всѣ владѣніи единаго государства въ единое мѣсто вмѣстить, но, какъ они не суть сосѣдственны между собою, но суть отдалены морями, то, дабы не учинить смущенія въ географіи, можно довольствоваться при каждомъ государствѣ владѣніи его съ краткимъ описаніемъ предложить, означая оныя подъ именованіемъ областей, принадлежащихъ къ той странѣ, о коей описывается, не оставя же учинить ихъ подробнаго описанія въ той части свѣта, гдѣ они дѣйствительно состоятъ.

Приступаю по семъ къ Африкѣ. По мнѣнію моему, наука географіи сей страны должна начаться съ Египта, а потомъ, простираяся по брегамъ къ западу, подать свѣдѣніе древней Сиренаики, Карфагена, Триполя, Алжера и протчихъ, а потомъ итти по брегамъ же къ полудню, описывая Зеленой мысъ, Златой берегъ и даже до мыса Доброй Надежды; возвращаяся, также по берегамъ, достигнуть до узкаго прохода Бабель Мандебъ и кончить показаніемъ о царствѣ Эфіопскомъ и о внутреннихъ земляхъ сея пространныя страны, по елико (по колику?) можемъ мы о семъ извѣстіи имѣть, а потомъ, также начиная тѣмъ же порядкомъ о островахъ, начать оное наученіе съ Канарскихъ острововъ, потомъ острова Зеленаго мыса и прочіе, кругъ Африки лежащіе, не упуская какъ въ разсужденіи на твердой землѣ лежащихъ областей, такъ и острововъ, учинить упоминовеніе и о древнемъ ихъ положеніи.

Таковыя есть общія мои размышленіи о преподаніи достаточнаго знанія географіи о такъ называемомъ древнемъ свѣтѣ, но, дабы достигнуть до моего намѣренія, требуются еще нѣкоторыя объясненіи. Географія есть око исторіи, а потому и должно ее учить купно съ исторіей, не спѣша оной перегнать оную, дабы историческія дѣяніи помогали памятствовать мѣстоположеніи странъ и градовъ, а географическія описаніи и взираніе на карту спомоществовало напамятованію историческимъ дѣяніямъ. Но, не имѣя въ намѣреніи, чтобы различныя составить науки древней, средней и новой географіи, ибо таковое различеніе нанесетъ смущеніе въ памяти юноши, а довольно сіе различеніе само собою учинится, когда будутъ проходить разныя эпохи исторіи, токмо надлежитъ при наученіи географіи слѣдующее наблюсти. Первое, говоря, напримѣръ, объ Азіи, показать ея древнее раздѣленіе, напримѣръ, во время Вавилонской монархіи, потомъ, изъяснивъ кратко бывшія перемѣны, сказать, какое ея

было раздѣленіе во время Персицкія монархіи, и какъ потомъ она раздѣлилась послѣ смерти Александровой, а наконецъ какъ подъ власть Римлянамъ впала, и какое ея раздѣленіе было, какъ достигла подъ власть Восточной имперіи цесарей, и какія потомъ претерпѣла перемѣны во времена нашествія Сарацинъ и наслѣдниковъ Магомета, и какъ Магометомъ была сія имперія покорена, и какое нынѣ раздѣленіе имѣетъ. Таковая съ искусствомъ учиненная диссертація, изученная юношей съ показаніемъ картъ или съ отмѣченіемъ разныхъ границъ на одной картѣ, вдругъ покажетъ ему всѣ состояніи сей пространной страны, дастъ ему, можно сказать, данныя точки, которымъ рѣшеніе изъ обстоятельствъ подробнѣйшихъ, уча исторію, заключеніе свое навѣкъ незагладимое изъ памяти учинитъ и приготовитъ, какъ древности сей страны, такъ и новое ея состояніе понимать. Потомъ, взявъ каждую страну, напримѣръ Францію, изъяснить древнее ея раздѣленіе при Галлахъ и Римлянахъ, потомъ раздѣленіе ея при дѣтяхъ и наслѣдникахъ Карломана *) въ царствы Нейстрійское, Арлское, Бургонское и проч., оное показать со изъясненіемъ перемѣны именъ, показать, какъ Франція соединилась, и въ какомъ состояніи нынѣ находится. Равнымъ образомъ и о какомъ градѣ показать его древнее состояніе, кѣмъ построенъ, не былъ ли перенесенъ съ мѣсто на мѣсто, какое имѣлъ прежде имя, какъ нынѣ именуется, и какое его состояніе и прочее. Конечно предположеніе мое есть великія трудности, дабы такимъ образомъ учить географію, но я говорю для такихъ родителей и для такихъ наставниковъ, которые хотятъ наилучшее изученіе юношамъ преподать, а не о такихъ наставникахъ, которые, какъ поденные плотники, нуждъ не имѣютъ о успѣхахъ ихъ воспитанниковъ, но единое свое время и прибытокъ щитаютъ. А дабы доказать, что предложеніе мое не толикія есть трудности, я здѣсь ниже подъ №№ 1, 2 и 3 образцы подобному наставленію предложу.

*) *Примѣч.* Charlemagne—Карлъ Великій. *Ред.*

Не могу же оставить я, чтобы не упомянуть, что для таковыхъ сочиненій весьма могутъ послужить Atlas méthodique de Mornos, concordé de la géographie par Pluche, la géographie ancienne d'Anville и другія географическія книги и словари.

Наконецъ остается мнѣ говорить о наукѣ географіи касающейся до Америки, понеже разныя ея области принадлежатъ Европейскимъ державамъ, окромѣ нынѣшнихъ Соединенныхъ Провинцій, отшетившихся отъ власти Англіи, то о первыхъ хотя краткое упоминовеніе при ученіи тѣхъ державъ было учинено, но при наукѣ особливо о Америкѣ надлежитъ уже въ подробнѣйшее описаніе о нихъ войтить, а выше показанныя Соединенныя Провинціи съ историческимъ показаніемъ, какъ были сысканы, населены, какъ преходили изъ подъ единой подъ другую власть, и какъ наконецъ утвердили свое неподвластіе. О островахъ, принадлежащихъ къ Америкѣ, для порядочнѣйшаго

понятія можно двоякимъ образомъ свѣдѣнія подавать: или начавъ отъ сѣвера, простирая къ полудню и обходя вкругъ Америку, или извѣщая о нихъ по землямъ, къ которымъ они принадлежатъ, съ показаніемъ особливо не населенные и не весьма знаемые, и сей послѣдній образъ мнѣ лучше быть является.

Тапере остается мнѣ сдѣлать общія примѣчаніи о наукѣ географіи. Понеже предметы сей науки состоятъ: 1. показать намъ положеніе государствъ, ихъ границы, 2. раздѣленіе ихъ, 3. грады, 4. какія моря и рѣки ихъ орошаютъ, и которыя рѣки суть судоходны и спомоществующія торговлѣ и другому всякому сообщенію, 5. какіе есть порты и какая ихъ есть доброта, 6. воздухораствореніе, 7. доброту земли, 8. горы, и какія въ нихъ сокрыты сокровищи, 9. лѣса, спомоществующіе удовольствію жителей и мореплаванію, 10. правленіе вкратцѣ, 11. законъ, 12. многонародіе, обще и частно, 13. торговлю, 15. силы государственныя, 16. нѣкоторыя основательнѣйшія заключенныя постановленіи съ другими государствами, 17. обычаи и умоначертаніе народное, 18. торговлю, а потому и ремесла и произведеніи, 19. часть натуральной исторіи, касательно до крушцовъ *), травъ и другихъ растеній, воды, рыбы, звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ и прочее,—то ничего сего въ нераченіи оставить не должно, употребляя къ сему не токмо географическія и коммерческія книги и словари, но также и описаніи путешественниковъ.

*) *Прим.* Минераловъ. *Ред.*

Понеже я положилъ начало учить географію съ самыхъ юношескихъ лѣтъ, то и не началъ ее генеральною географіей, замыкающей въ себѣ части математики и астрономіи, о чемъ науку нарочно оставилъ до окончанія оныя, а тогда уже юноша, пріобрѣтши себѣ познаніе нѣкоторыхъ частей математики, удобнѣе будетъ расположенъ внушить все то, что до истолкованія разныхъ означенныхъ круговъ на молемондъ (?) касается; тогда надлежитъ истолковать ему, что такое екваторъ или равноденственная линія, когда его описуетъ солнце, какъ оно производитъ, пресѣкая всѣ оризонты, равноденствіи въ трехъ зонахъ горячихъ и двухъ умѣренныхъ и начала дня или ночи въ сѣверныхъ зонахъ. Что такое полусы, что эклиптика, и разные знаки оныя, и какъ солнце имѣетъ по ней свое теченіе, что такое тропики, что первой и другой меридіоналы, и какъ они подвижны, что такое широта и долгота, и какъ удобно оную находить, что полярные церкули, что такое зоны и разныя ихъ раздѣленіи на климаты и прочее, пренося тогда же сіе показаніе на глобусъ и на сферу, держася системы Коперниковой и дѣлая операціи о сысканіи долготы дня, о часѣ въ разныхъ мѣстахъ, о восхожденіи и захожденіи солнца въ разныхъ мѣстахъ и прочее, къ чему съ полезностью можно употребить сочиненіе Озанамово о сферѣ и статьи Dictionnaire de sciences mathématiques.

Не безполезно притомъ показать юношѣ, послѣдуя также dictionnaire mathématique, и состояніе небеснаго глобу-

са, ибо небо имѣетъ сношеніе съ землею, гдѣ должно по крайней мѣрѣ ему показать зодіаки и главныя созвѣздіи, тогда же и при свѣтломъ небѣ показуя ему ихъ и на небѣ, и истолковывая ихъ захожденіе и восхожденіе, изъясняя то операціями глобуса.

Если юноша между симъ временемъ уже будетъ умѣть нѣсколько рисовать, то весьма полезно, чтобы онъ самъ сочинилъ генеральныя карты, съ раздѣленіемъ на провинціи и съ назначеніемъ главныхъ рѣкъ и городовъ. Симъ образомъ, употребя на довольно веселое упражненіе свое время, впечатлѣетъ себѣ въ память разныя положеніи царствъ, ихъ границъ, раздѣленіи и прочее.

О наукѣ календаря.

Хотя сія часть отчасти до математики, а отчасти до исторіи касается, но какъ я предполагаю, что во время продолженія учиться географіи юноша и другія науки зачнетъ и будетъ продолжать, то есть математику и исторію, и уже къ тому времени, какъ достигнетъ до науки о сферѣ, довольное понятіе о тѣхъ получитъ, то послѣ науки о сферѣ и почитаю за нужное дать свѣдѣніе о календарѣ, дабы юноша могъ знать, что такое Іуліанское счисленіе, что такое годъ высокосный и емболическій, что такое епакта, индикція, число златое, кругъ солнца, кругъ луны и прочее, такъ же бы имѣлъ понятіе, что такое римскій календарь, что Идесы, Календы и прочее. Сего ради и совѣтую о семъ дать наставленіи, которыя можно почерпнуть изъ Amusements mathématiques d'Ozanam и Histoire du Calendrier Romain.

О чтеніи вѣдомостей.

Не должно никакую науку считать безплодною, географія же можно сказать такая, которая всегда можетъ имѣть употребленіе; а дабы юноша могъ научиться, коль есть пространно употребленіе оной, и всегда бы напомятованіе о томъ, что училъ, сохранялъ, за необходимо нужное считаю я чтеніе вѣдомостей.

Употребя къ сему нѣсколько времени въ тѣ дни, какъ почта приходитъ, надлежитъ не просто заставлять юношу пробѣгать вѣдомости, но наблюдать, чтобы съ прилежаніемъ ихъ читалъ, и хорошій наставникъ не оставитъ ему пропустить ни одного города, изъ коего означены извѣстіи, чтобы не велѣть сыскать оной на картѣ; въ случаѣ войны послѣдовать будетъ на картѣ съ нимъ походамъ воинствъ; при упоминовеніи о государяхъ покажетъ ему въ календарѣ, сколькихъ лѣтъ, и его фамилію, и съ кѣмъ родствомъ и свойствомъ обязанъ; въ случаѣ указовъ изъяснитъ не понятныя юношѣ въ разсужденіи юриспруденціи обстоятельствы; въ случаѣ политическихъ писемъ покажетъ связи и пользы государствъ; въ случаѣ трактатовъ изъяснитъ ему, колико возможно, виды ихъ и прочее; и тако сіе чтеніе, которое многими за ничто считается, можетъ сочинить такимъ образомъ весьма важное упражненіе, а дабы и памяти своей могъ наставникъ сдѣлать помощь для такихъ объясненій, можетъ употребить Dictionnaire géogra-

phique d'Echard и другіе географическіе словари и dictionnaire du négociant, такъ же и другія по разсужденію своему нужныя книги.

О наукѣ исторіи.

Не распространюсь я дѣлать похвалу наукѣ исторіи, и коль она удобна есть подать намъ наставленіи во всякихъ случаяхъ, внушая намъ примѣры старобытныхъ дѣяній, но токмо о образѣ ученія оныя потщуся мнѣніи мои предложить.

Время начатія учить исторію я считаю быть единое со временемъ учить географію, ибо естественно сіи двѣ науки должны быть соединены вмѣстѣ. Но не могу я похвалить образъ ученія исторіи ни вопросами, яко господинъ Ленгле де Френуа введеніе въ исторію написалъ, ни сокращеніями, яко многіе другіе сіе полезнымъ почитаютъ; ибо первый способъ утруждаетъ память, принуждая все учить наизусть, а второй есть толь сухъ, что, повѣствуя можно сказать скелетъ дѣяній, ничего пріятнаго въ памяти не оставляетъ и не даетъ способу разуму дѣлать свои размышленіи, такъ что симъ самымъ разрушается предметъ, для чего исторію учатъ, дабы отъ древнихъ дѣяній научиться.

Сего ради и почитаю я, что исторію должно учиться по пространнымъ, но хорошо писаннымъ книгамъ. Но въ семъ другая неудобность состоитъ: первое—занятіе великаго времени. И сіе я ни во что считаю, ибо конечно, дабы учиниться знающу въ какой наукѣ, не малое потребно время, лишь токмо должно желать, чтобы оно не было напрасно потеряно. А второе — самое пространство надокучаетъ юношѣ, ослабляетъ его вниманіе и чинитъ, что неудобно можетъ въ мысли своей связывать разныя приключеніи.

Противу сего нахожу я слѣдующіе способы. Благоразумный наставникъ при чтеніи исторіи не оставитъ ему при всякомъ повѣствіи дѣлать нѣкоторыя разсказаніи и размышленіи, которыя пріятностью своею и ощущаемою въ нихъ нуждою вниманіе его возбудятъ. Что-же касается до связанія приключеній, то можно слѣдующій способъ употребить. О каждой особливой начинаемой учить исторіи, содѣлать краткую выписку, въ которой бы были токмо, яко заданныя точки, главнѣйшія приключеніи, и оную прежде начатія исторіи выучить наизусть. А сіе послужитъ для поощренія памяти и для содержанія порядка въ мысляхъ о расположеніи той исторіи, въ науку которой вступаетъ.

Для примѣру, каковыя такія выписки должны быть, я примѣры прилагаю, начавъ отъ сотворенія свѣта до послѣдняго раззоренія Іерусалима.

1) Богъ Вседержитель сотворилъ въ шесть дней вся видимая и невидимая и человѣка изъ персти земли, котораго наименовалъ Адамъ, и жену изъ ребра его — Еву; отъ нихъ пошелъ весь родъ человѣческой.

2) Богъ запретилъ Адаму вкушать отъ единаго древа, которую онъ заповѣдь преступилъ, и былъ изгнанъ изъ рая земнаго, идѣже прежде обиталъ, самъ

и родъ его сталъ подверженъ къ смерти и клятвѣ.

3) Первые потомки Адамовы, населя землю, великое число лѣтъ жили и, развратясь отъ всякія добродѣтели, преклонили милосердіе Божіе на мщеніе, и посланъ былъ потопъ, который потопилъ всю землю, окромѣ избранныхъ Богомъ Ноя съ его дѣтьми: Симомъ, Афетомъ и Хамомъ съ ихъ женами и со скотами, которые съ ними въ ковчегѣ были сохранены. Отъ сихъ вторично пошелъ весь родъ человѣческій.

4) Размножившись, родъ человѣческій жилъ на полѣ Сенаарскомъ; не хотя раздѣлиться, предпріялъ строеніе города и высокаго столпа; но дѣло ихъ не окончено осталось за раздѣленіемъ языковъ. Оттуда разсыпались народы по землѣ, а мѣсто сіе было именовано Вавилонъ, то есть разсѣяніе.

5) Авраамъ отъ потомства Симова, сынъ отца кумирослужителя, самимъ Богомъ призванъ въ обращеніе, и обѣщано ему великое потомство, и что отъ чреслъ его благословятся вся языки.

6) Сожженіе Содома и Гомора за ихъ преступленіи и спасеніе Лота.

7) Рожденіе Исаака отъ Сарры неплодной и въ старости сущей.

8) Іосифъ проданъ въ Египетъ, чинится правителемъ Египта, и переселеніе Іакова съ родомъ своимъ во Египетъ.

9) Гоненіе на Израильтянъ и освобожденіе ихъ.

10) Данный законъ Богомъ на горѣ Синайской.

11) Смерть Моисеева; Іисусъ Навинъ, первый судія Израильскій, и завоеваніе земли Ханаанской.

12) Плѣненіе кивота Филистинцами при первосвященникѣ Еліи и возвращеніе его.

13) Избраніе Саула на царство.

14) Помазаніе Давида.

15) Строеніе храма Соломономъ.

16) Отпаденіе десяти колѣнъ Израильскихъ отъ власти Ровоама и начало царства Израильскаго.

17) Плѣненіе Вавилонское.

18) Возвращеніе изъ плѣну Вавилонскаго.

19) Правленіе царства Іудейскаго первосвященниками и войны Макавейскія.

20) Посажденіе на престолъ Ирода царя.

21) Рождество Іисуса Христа.

22) Распятіе, воскресеніе и вознесеніе его.

23) Убіеніе перваго епископа Іерусалимскаго Іакова брата Господня.

24) Бунтъ Іудеи противу Римлянъ, взятіе Іерусалима Титомъ Веспасіаномъ и расточеніе Іудейскаго народа.

25) Іуліанъ тщетно старается возобновить Іерусалимъ.

Сіе есть касающе до Іудейской Исторіи, но также потщуся я таковыя же означеніи для примѣру же предложить о Египецкой и Аѳинской исторіяхъ.

1) Время баснословное, Озирисъ, Ізисъ и Орусъ.

2) Менесъ, основатель Исторіи Египецкой.

3) Сезострисъ побѣдитель.

4) Псаметихъ соединяетъ двѣнадцать княжествъ Египецкихъ.

5) Сетосъ, Вулкановъ жрецъ, мнятъ, единый съ тѣмъ Сетономъ, коего войско было ангеломъ избіенно подъ Іерусалимомъ.

6) Египетъ покоренъ Персами — Камбизомъ.

7) Египетъ покоренъ Александромъ.

8) Птоломей утверждается на Египецкомъ престолѣ.

9) Клеопатра съ братомъ своимъ Птоломеемъ на Египецкомъ престолѣ.

10) Покореніе Египта Римлянами.

11) Находится Египетъ подъ правленіемъ римскихъ консуларовъ.

Для Аѳинской исторіи.

1) Цекропсъ основатель Аѳинъ.

2) Егей, отецъ Тезеевъ, платитъ дань Кипрскому царю Миносу.

3) Тезей изгнанъ изъ Аѳинъ.

4) Кодрусъ жертвуетъ себя для пользы государства и признаніе народное къ нему.

5) Архонты.

6) Пизистратъ тиранъ.

7) Баталія Мараѳонская.

8) Война съ Персіей, оставленіе Аѳинъ, сожженіе сего града и баталія Саламинская. Аристидъ и Темистоклъ.

9) Война Пелопонезская, Алкивіадъ.

10) Война Сиракузская, Ниціасъ.

11) Приведеніе въ слабость сего града и владѣніе тридцати мучителей.

12) Движеніи сего града противу Филиппа Македонскаго, Демосѳенъ.

13) Его перемѣны, покореніе наслѣдникамъ Александровымъ, Кассандру, Лизимаху и Пирру.

14) Покоренъ Римлянамъ и уваженіе, которое къ Римлянамъ они имѣли.

Таковы назначенныя точки въ исторіи, изученныя юношемъ наизусть, не могутъ не произвести въ немъ порядочнаго расположенія въ мысляхъ, дабы не смѣшивать разныя приключеніи. И тако, учиня о каждой таковое начертаніе, надлежитъ, послѣдуя разнымъ писателямъ, которыхъ наставникъ изберетъ, означить сперва географическое положеніе страны, потомъ знатнѣйшіе грады и рѣки, что самаго примѣчательнаго есть въ естественной исторіи, показать разныя рѣдкости, рукотворенныя, а потомъ изъяснить силу государства, разныя его связи, правленіе, законы, науки, искусствы, обычаи и торговлю; а потомъ приступить къ повѣствію самыхъ дѣяній, не упуская ни единаго случая похвалять добродѣтельные поступки поминаемыхъ тутъ лицъ, охулять пороки, дѣлать примѣчаніе на военное искусство, послѣдовать военачальникамъ и побѣдителяхъ въ ихъ странахъ и прочее, употребляя всегда тогда, когда надлежитъ, карты, ибо примѣчено есть, что то, что чрезъ зрѣніе чувствіе души нашей ударяетъ, гораздо болѣе въ памяти впечатлѣвается; то сего ради, если гдѣ есть довольно естамповъ и картинъ, то и оные изъясненіемъ историческихъ дѣяній не должно презирать показывать и оные толковать. Не худо при семъ случаѣ иногда заставлять и самого юношу разсуждать о разныхъ происшествіяхъ и исправлять съ довольными доказательствами его сужденіи, дабы чрезъ сіе пріучить его разумъ обнимать вещи и сужденіе на нихъ дѣлать.

Считаю я, что сихъ правилъ довольно

для показанія, какимъ образомъ должно учить исторіи, но почелъ бы я за недостатокъ изъясненія моихъ мыслей, если бы не предложилъ, какихъ я за лучшихъ писателей считаю для ученія исторіи и для чтенія самому юношѣ во время продолженія сей науки.

Для ученія древней исторіи: для Іудейской—Histoire du peuple de Dieu par Dom. Calmet, для обще древней исторіи—исторія древняя Ролиномъ, переводъ Третьяковскаго; для римской исторіи—Histoire Romaine par Echard.

Для ученія новой исторіи: Introdution à l'histoire universelle par le Baron Puffendorf.

Для чтенія при древней исторіи. Histoire de Juifs par Ioseph.

Для Греческой:
- Геродотъ по русски, по французски или по гречески.
- Діодоръ Сицилійскій по русски или по гречески.
- Позаніасъ по французски или по гречески.

Титъ Ливій по латински или по французски.

Салюстій по латински или по русски.

Светоній, по французски или по латински.

Евсевій—по французски.

Для новой исторіи.

Histoire d'Espagne et de Portugal, par Mariana.

Histoire de Naple par Guichardin, en Français ou en Italien.

Histoire de Sicile par...

Histoire des Papes.

Histoire de Suisse.

Histoire de France par Mezeray.

Histoire des Pays-Bas par le Clerc.

Histoire d'Allemagne par Heis.

Histoire d'Angleterre par le père d'Orléan.

Histoire d'Ecosse par...

Histoire de Danemark par Musset.

Histoire de Suède par Puffendorf.

Россійская исторія, сочиненная мною, и для того ее полагаю, что понынѣ ни одной другой нѣтъ, ибо чужестранныя въ непростительныя ошибки впали, а Емина имени исторіи не достойна.

Histoire de Turquie par Cantemir.

Histoire des Révolutions des Perses.

Description et Histoire de la Chine par le P. du Halde.

Histoire des conquettes des Portugais par le P. Lafit ou abregé de l'Histoire générale des voyages, par m. de la Harpe.

Весьма я отдаленъ мнить, чтобы всѣ сіи книги хороши были, но я старался кратчайшія выбрать и тѣ, которыя лучше другихъ, также не уповая, чтобы юноша, если особливой склонности не имѣетъ, возмогъ всѣ ихъ и прочесть, но, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ прочтетъ, а впредь, ежели восхочетъ болѣе прибавлять свои познаніи въ исторіи, продолжитъ и послѣ науки сіе чтеніе.

О наукѣ басословной исторіи.

Не столько для полезности, коль для удовольствія и нѣкоей благопристойности

науку басносл овной исторіи за нужную я считаю. Ибо въ самомъ дѣлѣ не понятно многое будетъ при чтеніи стихотворцовъ безъ знанія баснословныя исторіи, такъ же разумѣніе въ искусствахъ есть потребно благородному человѣку, а стыдно ему будетъ, взирая на картины, естампы или рѣзьбы, не умѣть Нептуна съ Плютономъ различить, или Венеру съ Іуноною и прочее.

Наука же сія многаго труда не требуетъ, ибо она вмѣсто забавы во время самыя науки древнія исторіи не токмо можетъ, но и должна преподаваться, и со вниманіемъ прочтеніе L'histoire de la Fable par le Père Gautruche съ краткою выпиской имянъ и родословія боговъ и со сличеніемъ съ Dictionnaire mythologique суть довольные способы для понятія оныхъ, тѣмъ наипаче, что я предполагаю, что юноша читалъ Омира, Виргилія и другихъ, съ довольнымъ истолкованіемъ, и тако сіе токмо въ порядокъ воображеніи его, прежде полученныя, приведетъ. Однако не могу я оставить, чтобы не упомянуть, если восхочетъ болѣе изучиться въ древнемъ языческомъ богослуженіи, чтобы взялъ на себя трудъ прочесть La fable expliquée par le Père Banier.

О Математическихъ наукахъ.

Мнѣ кажется, что тщетно будетъ доказывать пользу математики: толикія учиненныя чрезъ оную откровеніи и система философіи, въ лучшее состояніе приведенная, суть ясныя доказательствы ея полезности. Но какъ можно о сей единой сказать, что она во всемъ истинна, во всемъ точна, что она ведетъ насъ путями простыми къ познанію истинны, то кажется мнѣ, дабы направить мысли юноши къ оной, пріучить его право разсуждать, употреблять прилежаніе свое ко изысканію вещей и прочее, то и не можно довольно рано ее зачать, дабы, по мѣрѣ укрѣпленія его разума и понятія, мысли его направлялись къ истиннѣ, и разумъ его привыкалъ къ размышленію. Однако не можно того отъ трехъ или четырехъ лѣтняго младенца требовать, хотя и сіе время должно употребить для наученія ему счета и, изуча цыфрамъ, тогда же влагать ему понятіе, что 2 и 3 сочиняютъ 5, а не 6 или четыре и прочее. Но я говорю тапере, когда прямо должно математическія науки, зачавъ съ ариѳметики, начинать учить, и сіе время я полагаю съ семи лѣтъ, то есть тогда, когда свѣжая память юноши подаетъ ему способы удерживать въ памяти своей знаменованіе цифровъ и разныя правилы; тогда, когда не должно спѣшить итти впередъ сей наукою, но многими забавными ему задачами пріятну сію науку сдѣлать; когда многія подтвержденіи сихъ правилъ учинятъ, что они ему такъ свойственны будутъ, что никогда ихъ забыть не можетъ.

О ариѳметикѣ.

Понеже наука сія начинается съ нумераціи, то, начавъ съ оной, кажется довольно въ праздные часы и вмѣсто забавы толико времени показывать юношѣ сію часть арифметики, пока онъ ее со-

вершенно затвердить; ибо при семъ первомъ случаѣ довольно и машинально юношѣ сіе въ память вложить.

Потомъ, приступая къ наукѣ другихъ правилъ: сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, окромѣ показанія правилъ и сдѣланія нѣкоторыхъ задачъ, послѣдуя какому писателю, изъ коихъ за лучшаго считаю аббатъ Дидіеръ,—его arithmétique des géomètres, надлежитъ и еще многія задачи, касающіяся до домостройства, торговли, военнаго искусства и до самыхъ вышнихъ наукъ задавать, дабы во всякой долго юноша трудяся, пріобыкъ къ симъ правиламъ; ибо всѣ математическія книги показуютъ токмо правилы и малое число задачъ, а наставнику остается попеченіями своими оное дополнить, и никакъ не надлежитъ изъ единаго правила переходить въ другое, пока не совершенно юноша къ разнымъ обращеніямъ перваго привыкнетъ. Таковыя повторяемыя задачи не токмо пріучатъ юношу къ познанію сихъ правилъ, но такъ же, бывъ принужденъ самъ ихъ располагать, пріучатъ его къ нѣкоторой догадкѣ и дадутъ ему познаніе о нѣкоторыхъ вещахъ, о коихъ онъ знанія не имѣлъ. Къ тому же не могу я оставить безъ напоминовенія родителямъ, что и ихъ должность есть задавать задачи дѣтямъ своимъ, касающіяся до управленія ихъ дому, до сочиненія счетовъ и прочее, ибо юноша, видя себя въ юности употребляема въ дѣла сверхъ своихъ лѣтъ, наиболѣе тѣмъ побудится прилежать къ сей наукѣ.

Когда юноша достигнетъ до науки сложныхъ*) правилъ—сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, тогда первое должно ему изъяснить, какія части мѣръ, вѣсовъ, монетъ, яко сколько верстъ въ градусѣ, сколько саженъ въ верстѣ, сколько аршинъ въ сажени, сколько четвертей въ аршинѣ, сколько вершковъ въ четверти, также сколько пудъ въ берковцѣ, сколько фунтовъ въ пудѣ, сколько золотниковъ въ фунтѣ и прочее, и сіе не токмо о вѣсахъ и мѣрахъ отечества своего, но также и о вѣсахъ и мѣрахъ чужестранныхъ, наиболѣе употребительныхъ, и, колико можно по книгамъ коммерческимъ, сравненіе сихъ мѣръ учинить. И такъ, изъяснивъ ему сіе и вложивъ довольно въ его память, надлежитъ приступать къ наукѣ самыхъ правилъ сложныхъ и сперва къ сложенію. Но въ семъ случаѣ, когда юноша знаетъ простое сложеніе, знаетъ дробныя части мѣръ вѣсовъ и прочее, довольствоваться ему написать задачу, и чтобы онъ самъ изыскивалъ, какъ должно сему правилу быть, ибо все то, что сами мы изыщемъ, болѣе въ памяти остается, а къ тому-же не надлежитъ пріучать и разумъ къ облѣнчивости, чтобы все ему сказали и все показали, но чтобы и самъ онъ ко изысканіямъ преклоненъ былъ. Терпѣніе тутъ надлежитъ, чтобы не утрудить и не наскучить юношѣ долгимъ обращеніемъ его вниманія, а къ тому же и искусство, разговаривая съ нимъ, яко нечаянно и обиняками, дѣлать ему наставленіи, какъ можетъ онъ сыскать такое правило. Да

*) *Прим.* Т. е. составныхъ именованныхъ чиселъ. *Ред.*

не торопится наставникъ, можетъ онъ недѣлю въ каждый день по нѣсколько времени дать юношѣ такое изысканіе дѣлать, и когда уже всѣ труды будутъ тщетны, то правило ему показать; и такимъ же образомъ продолжать и прочія правилы.

Послѣ сего учится тройное правило, древними златымъ именованное. Да въ семъ случаѣ паче употребитъ свое стараніе наставникъ показать ему со изъясненіемъ, что антеседанты, что консеканты, какъ должны между собою соразмѣрны быть, отчего крайніе, умноженные между собою, суть равны среднимъ, какъ познаніемъ трехъ чиселъ четвертое познается, что антеседанты должны быть едины свойственные *), также и консеканты, какъ препорція перемѣняется, и прочее. И все сіе со всею точностью изъясня, дабы юноша не токмо въ памяти своей сіе начерталъ, но также бы сіи истинны и по самымъ разсужденіямъ ясны ему были, надлежитъ задавать ему задачи, которыя бы онъ самъ располагалъ. Задачи же сіи должны быть разнаго рода: домостроительскія, военныя, купеческія и ученыя. А какъ сіе правило есть такое, которое весьма часто употребляется, то, не наскуча временемъ и трудомъ, долго юношу на немъ должно держать, показывая ему, которыя задачи обыкновеннымъ положеніемъ тройнаго правила могутъ сыскиваться, и которыя обратительнымъ. Изъясняя съ прилежностью, какъ многія задачи не чрезъ одну, но чрезъ многія операціи разрѣшаются, какъ должно сіи задачи располагать, какія дѣлать въ расположеніи примѣчаніи и прочее.

Я выше сказалъ, что на семъ правилѣ не малое время должно юношу содержать, дабы не токмо познаніе правилъ онъ могъ таковыя задачи располагать и дѣлать рѣшеніи, но чтобы и самую привычку къ тому получилъ. Но скажу я, что у благоразумнаго учителя время сіе потеряно не будетъ, ибо можетъ сіи задачи такъ задавать, чтобы каждая чему новому его научала. Напримѣръ экономическія: на одной десятинѣ посѣяно такихъ сѣмянъ столько, сколько же на столькихъ десятинахъ посѣется. Изъ 52 сноповъ вымолочено столько такого хлѣба, что же вымолотится изъ столькихъ. Для военнаго искусства: полкъ устроенный занимаетъ столько саженъ, сколько полковъ надлежитъ, дабы столько саженъ занять. Для торговли: флоринъ голланской содержитъ 20 штивровъ; по курсу 36 шт. за рубль, рубль стоитъ 1 флоринъ и 16 штивровъ; французскій ливръ стоитъ по курсу столько флориновъ, то столько ливровъ, сколько будутъ стоить флориновъ и рублевъ по данному курсу. Для наукъ: въ сажень стѣны пошло столько кирпичей, сколько пойдетъ во столько саженъ; или рычагомъ такой длины и такого перевѣсу подниму я столько фунтовъ, сколько такихъ другимъ рычагомъ можно поднять, равную употребляя силу.

Всѣ сіи задачи должны быть совершенно сходственны съ истиною, а не на удачу вымышленными, и порядочно со

*) *Прим.* Т. е. однородные. *Ред.*

всею ясностью истолкованы, дабы чрезъ самыя оныя юноша новыя знанія пріобрѣталъ, которыя уже легко, вступя въ науки, можетъ употребить.

Пятерное и семерное правилы не суть иное какъ то же тройное, но токмо сложное правило, которое однако не должно оставить юношѣ учить, съ подобными же полезными задачами и со изъясненіями, какимъ образомъ можно и чрезъ тройное правило для рѣшенія тѣхъ задачъ достигнуть, которыя заданы для пятернаго и семернаго правилъ; и обратно, какъ нѣкоторыя изъ тройнаго правила задачъ можно на сіи правила расположить.

Слѣдуетъ за симъ наука дробей, о которыхъ я многаго сказать не имѣю, ибо во всѣхъ математическихъ книгахъ довольно изъяснено, какъ оныя учить; а токмо за нужное почитаю напомянуть, что въ сихъ правилахъ первое, ничего безъ доказательства упускать не должно, а второе, не должно торопиться оныя проходить, ибо не довольно по однимъ правиламъ дѣлать исчисленіе, но должно къ тому сдѣлать и привычку. Третіе, при ученіи дробей разныя цѣны монетъ, разныя мѣры и вѣсы должно въ дроби приводить и паки исчислять ихъ содержаніе. Четвертое, надлежитъ дроби употребить къ прибавленію въ сложеніе, вычитаніе, дѣленіе и въ тройное правило въ разныя задачи, а сіе, окромѣ что сдѣлаетъ наибольшую привычку дѣлать нужныя операціи, но тогда же послужитъ и къ подтвержденію *) сихъ правилъ.

Слѣдуетъ сему прогрессія арифметическая и геометрическая; сіи правилы довольно хорошо изъяснены въ упомянутой мною выше книгѣ arithmétique des géomètres par l'abbé Didier, такъ что не нахожу за полезное о нихъ распространяться; а токмо прибавлю, что надлежитъ и при семъ случаѣ, окромѣ что внушить ясность сихъ правилъ, привычкою частаго употребленія и многими задачами сдѣлать весьма памятно юношѣ.

Касательно до арифметики мнѣ остается говорить о правилахъ извлеченія корня или радикса квадрата, кубика, и пятой степени. Сего ради надлежитъ сперва показать юношѣ, какимъ образомъ чрезъ умноженіе производится возвышеніе чиселъ въ разныя степени, что не иное что есть, какъ умноженіе; изъяснить ему механичество сего возвышенія, какъ оное въ умноженіи видно, а потомъ избрать какую изъ методъ, хотя они въ самомъ дѣлѣ и всѣ суть одинакія, а токмо разнствуютъ въ постановленіи цыфровъ, но какъ и въ семъ случаѣ должно стараться легчайшее показать, то кажется мнѣ лучшая метода есть предписанная господиномъ Белидоромъ въ его Cours de Géometrie; а однако для понятія не худо и другія показать съ изъясненіемъ, какая разность въ нихъ есть; а потомъ, какъ уже ему выше изъяснено механическое возвышеніе чиселъ, то паче истолковать ему, какъ, сочиня оное возвышеніе, должно паки въ корни раздробить; а наконецъ употребя къ тому и нѣкоторыя сходственныя съ познаніями юноши задачи. Я болѣе въ семъ мѣстѣ о сихъ правилахъ не простираюсь, ибо бу-

*) *Прим.* Т. е. къ повторенію. *Ред.*

ду имѣть случай о нихъ пространнѣе говорить въ методѣ о алгебрѣ.

Наконецъ, хотя десятиричное правило и должно будетъ возобновить при сочиненіяхъ логариѳмъ, но и въ ученіи ариѳметики оставить его не должно; съ подробнымъ показаніемъ, колико оно полезно можетъ быть въ весьма мелкихъ дробяхъ, и какъ десятиричныя дроби можно приводить на какія извѣстныя мѣры, иль обратнымъ образомъ, какъ какія извѣстныя мѣры должно на десятиричныя приводить.

Я думаю, что симъ образомъ въ наукѣ юноши окончится все то, что до познанія ариѳметики ему знать будетъ принадлежать, а тогда надлежитъ приступить къ алгебрѣ, для которой я такъ же почитаю удобнѣйшей книгою ту же, о которой часто выше поминалъ,—arithméti-que des géomètres par l'abbé Didier.

Хотя бы не нужно было ничего прибавлять къ той ясности, съ которой господинъ аббатъ Didier писалъ о сей наукѣ, но однако для лучшаго еще изъясненія да позволится мнѣ о методѣ нѣкоторыя мои примѣчаніи приложить.

Итако, изуча не токмо наизусть, но и учиня чувствительны разуму юноши разныя предъидущія аксіомы, надлежитъ показать причину и удобности литеральной ариѳметики; ибо весьма нужно есть, чтобы при начатіи каждыя науки юноша ощущалъ полезность оныя. По семъ надлежитъ приступить къ показанію и истолкованію о знакахъ, показавъ ему яко нѣкоторый родъ нумераціи, а по семъ послѣдуя по обыкновенному наукою сложенію и вычитанію съ такимъ примѣчаніемъ, чтобы каждая литера знаменовала какое ариѳметическое число, и дѣлая сіи задачи, единая противу другой, алгеброю и ариѳметикою. Симъ образомъ юноша по аналогіи или сходству скорѣе сіи правилы пойметъ и увѣрится въ ихъ точности; ибо, чтобы довести его къ абстракціи чиселъ, не съ перваго начала должно сіе зачинать, но когда онъ можетъ уже познавать частное.

Труднѣе такимъ образомъ умноженіе и дѣленіе учить, нежели два первыя вышеименованныя правила, однако не есть не возможно, а весьма легко числы сложныя умножить, или раздѣлить алгеброю, и тѣ же числы, въ цыфирныя преобразя, такъ же умножить и раздѣлить, и сличить рѣшеніе по алгебрѣ и по ариѳметикѣ цыфирной. Надлежитъ же не оставить учинять дѣлать примѣчаніи юношамъ при умноженіи алгебрическомъ возвышеніе степеней *). Какъ члены умножаются, и какъ коефисъянты и експозаны увеличиваются. Ежели онъ при семъ первомъ наставленіи чего и не пойметъ, то впредь сіе облегчитъ его понятіе.

За сими правилами слѣдуютъ дроби, которыя суть одинакія съ дробьми цыфирными, и потому легко оныя изучить.

А послѣ слѣдуетъ въ порядкѣ сего ученія правило препорціи или тройное правило, которое то же основаніе имѣетъ какъ и цыфирное; окромѣ что болѣе тутъ

*) *Прим.* Очевидно авторъ, употребляя современный намъ языкъ, выразился бы такъ: дѣлать примѣчанія на умноженіе степеней или степенныхъ количествъ. *Ред.*

можно доказать, что въ ономъ крайнія числы должны быть равны среднимъ.

По семъ слѣдуетъ наука извлеченія корней или радиксовъ квадрата, кубика, пятыя, седмыя степени и далѣе. Уже о цыфирномъ извлеченіи радиксовъ нѣсколько здѣсь выше упомянуто. Начиная же сіе извлеченіе учить литеральною ариѳметикою или алгеброю, надлежитъ сравненіемъ, первое, показать возвышеніе числъ въ разныя степени, равно литерами, такъ и цыфрами, а чрезъ сіе съ большею ясностью юношѣ изъяснится, какъ сіи степени возвышаются, какія части въ сложеніе ихъ входятъ, какъ умножается число ихъ членовъ, и увеличиваются коефисъянты и експозаны; а потомъ, начавши извлеченіе радиксовъ разныхъ степеней, производя оныя надъ литерами и надъ числами купно, изъяснить вторично правилы сего извлеченія, и какъ самыя алгебрическія формулы показуютъ или ясно означаютъ, какъ должно такія операціи дѣлать. Не должно при семъ случаѣ торопиться окончить вскорѣ сіи правилы, но многажды повтореніемъ, а паче простыми задачами, учинить и чувствительны, и пріятны, и памятны сіи правилы.

Послѣ сего слѣдуетъ наука експозановъ и чиселъ радикальныхъ, которыя также, послику возможно, надлежитъ къ арифметическимъ числамъ приводить; а при наукѣ експозановъ уже время многія задачи (давать?) безъ цыфровъ, но съ едиными литерами, дабы начать юношу ко абстракціи принуждать.

Я думаю, что при семъ случаѣ уже можно юношѣ начать показывать о приведеніи въ извѣстныя числы радикальныхъ чиселъ, къ чему можетъ употребиться книга «arithmétique des géomètres» par l'abbé Didier иль, ежели еще болѣе хощетъ въ оныхъ изучиться, «Les éléments des mathématiques» par le Père Prestet. Наконецъ ученіе прогрессій ариѳметическихъ и геометрическихъ, послѣдуя абату Didier.

Когда такимъ образомъ юноша довольно изучится всѣхъ правилъ алгебры, и они уже довольно памятны у него будутъ, тогда должно приступить къ показанію сравненій *) или еквацій. Я въ семъ случаѣ нѣсколько отъ порядка математическихъ книгъ отступилъ, полагая эквація на концѣ, для того, что естли, не зная дробей или радикальныхъ исчисленій или прогрессій, встрѣтятся такія проблемы, гдѣ должно оныя употребить, тогда юноша весьма затрудненъ будетъ въ разрѣшеніи оныхъ; а къ тому же, ежели при эквацiяхъ и задачахъ онъ тѣ же самыя правилы подтвердитъ, то сіе наипаче въ памяти его останется.

Еквація или сравненія должно довольно долго продолжать, какъ первыя, такъ вторыя и другихъ степеней, задавая сперва задачи и научая оныя располагать, а потомъ оставляя самому юношѣ трудиться располагать задачи, а наконецъ и самому вымышлять оныя. Для перваго начала кажется довольно употребить arithmétique des géomètres; а къ тому еще можно прибавить amusements de l'algèbre; но общимъ образомъ, первое, не надлежитъ переходить изъ степени

*) *Прим.* Т. е. уравненій. *Ред.*

въ степень, пока не довольное знаніе единыя степени скваціи получитъ. Второе ничего въ скваціи не оставлять, чтобы онъ въ продолженіе своей операціи не могъ причину изъяснить.

Слѣдуетъ за симъ возобновленіе десятиричнаго правила, о которомъ выше говорилъ, и сочиненіе логариѳмъ. Показавъ юношѣ удобность и нужду сего познанія, надлежитъ ему изъяснить сіи правилы, и какъ ни скушна сія работа, но до нѣкотораго числа оныя заставить ему самому сдѣлать; а потомъ употребить сіе знаніе для рѣшенія многихъ задачъ.

О геометріи.

Такимъ образомъ, показавъ способъ хорошо изучить ариѳметику и алгебру, порядокъ требуетъ говорить о наукѣ геометріи, и первой при семъ случаѣ вопросъ состоитъ: въ какія лѣта сію, толь нужную для многихъ вещей, вѣрную въ своихъ доказательствахъ, открывающую и исправляющую разумъ юноши и пріучающую его къ размышленіямъ и ко изысканіямъ, науку начинать? Отвѣтствую: что ранѣе сію науку внушать, то лучше; ибо справедливость въ мысляхъ, откровеніе разума, привычка къ размышленію не можетъ довольно рано начаться; и тако считаю, что съ семи лѣтъ уже время фигурами сію науку начать доказывать.

Но можетъ быть мнѣ на сіе возразятъ: какъ такую науку, которая здраваго и смѣлаго разсужденія требуетъ, начинать въ толь юношескихъ лѣтахъ? какъ ее начинать прежде, нежели юноша не знаетъ ни ариѳметику, ни алгебру? Отвѣтствую на сіе, что не такъ ее должно начинать, какъ начинаютъ учить математику въ зрѣлыхъ лѣтахъ, изготовя разумъ свой ариѳметикою и алгеброю, но сообразуяся съ лѣтами и понятіемъ юноши; и сіе такимъ образомъ.

Напримѣръ, взявъ листъ бумаги, показать ему; я думаю, что каждый и пятилѣтній ребенокъ скажетъ, что сіе есть цѣлый листъ. Разрѣжь его на четверо и покажи ему четвертку; вопроси—листъ ли сіе? Будетъ отвѣтствовать -нѣтъ. Что-же? Скажетъ четверть или часть какая. Вопроси — равна ли сія часть цѣлому листу? Будетъ отвѣтствовать—нѣтъ, она меньше. Вопроси—а посему листъ больше? Отвѣтствуетъ—конечно такъ. И тако первой аксіомѣ, что все есть болѣе каждой изъ его частей, уже юноша выучится; а тако можно и другія аксіомы продолжать научать младенца.

Продолжая потомъ далѣе, показать ему, что̀ прямая, что̀ округлая, и что̀ кривая черта, вопрошая — которая черта есть ближайшій путь отъ одной точки до другой. Если младенецъ, имѣющій нѣкоторое понятіе, на сей вопросъ тотчасъ не скажетъ, что сіе есть прямая линія, то сіе не отъ чего инаго произойдетъ, какъ онъ усумнится въ первомъ своемъ понятіи и подумаетъ, что вопросъ идетъ о чемъ нибудь труднѣйшемъ; и тако не токмо чертами на бумагѣ сіе ему надлежитъ изъяснить, но также шагами или протяженіемъ веревки по землѣ, дабы истинна сія тѣмъ ощутительная была; такимъ же образомъ показать ему дугу и всякія кривыя линіи, которыхъ мо-

жетъ быть неисчетное число. Показать ему, что въ одномъ положенiи къ прямой линiи приставленная другая прямая линiя составляетъ прямую жъ, но токмо продолженную прямую линiю, доказывая, что если сiя хотя мало покривится, то уже съ первой прямой линiи, или кратчайшаго пути, составить не можетъ, или сiе самое велѣть ему самому доказать, взирая по смыслу младенца.

Показать ему потомъ, что такое перпендикуляръ, упадающiй на прямую черту; какъ онъ на чертѣ въ середкѣ поставляется, и почему его доказать можно, что онъ прямо упадаетъ на черту; по самой конструкцiи онаго доказать, что онъ во всѣхъ своихъ частяхъ не можетъ инако быть, какъ равностоящъ въ разстоянiи къ частямъ той линiи, на которую упадаетъ; и потомъ, пропустя его на обѣ стороны линiи, заставить его самаго сдѣлать доказательство, что проведенный перпендикуляръ на какую линiю, естли прямо стоящъ онъ и въ равномъ разстоянiи находится отъ частей линiи, то разрѣзавъ ее и бывъ проведенъ на другую сторону, та линiя обратно: перпендикулярна ли будетъ сему перпендикуляру; и если онъ затруднится, то стараться наставить его къ сысканiю и доказательству сей истины; равнымъ образомъ должно поступить и въ короллерахъ, что изъ единыя точки двухъ перпендикуляровъ на одну линiю провести не можно; что отъ каждыя точки перпендикуляра на данную линiю болѣе двухъ равныхъ линiй провести не можно и прочее. Не упуская при всякомъ случаѣ учинить ему сперва порядочно и ясно дефиницiи или объясненiи нужныхъ именованiй.

Такимъ образомъ по данному мною примѣру и должно продолжать сiе ученiе, употребляя его яко для забавы, проходя по степенямъ начальныя фигуры геометрiи и доказывая ихъ, но елико можно будетъ юношѣ сiе внушить, такъ чтобы почти наизусть онъ могъ помнить сiи основательныя предложенiи. Продолжающееся такимъ образомъ сiе ученiе не можетъ не мѣшкотно быть, да и торопиться въ семъ не для чего, ибо оно съ столь юныхъ лѣтъ зачинается, а къ тому же можно на сiе опредѣлить и праздные отъ другихъ наукъ часы; ибо если учить сiе, прiобщая черченiя и растолковывая всѣ сложенiи и обстоятельствы, и къ чему въ практикѣ сiе можетъ быть употреблено, то юноша, увеселяясь первымъ, а питая свой разсудокъ ежедневно выучиванiемъ новыхъ вещей, не почтетъ за науку, а за веселое упражненiе сiе ученiе. А между тѣмъ временемъ уже сдѣлаетъ успѣхи въ ариѳметикѣ и алгебрѣ, и уже можно тогда къ исчисленiю ариѳметическому и алгебрическому фигуры геометрическiя привести, яко исчислять квадратъ, параллелограммы, трiугольники, трапецiи, кубы и прочее.

Сiя наука геометрiи есть дѣтское упражненiе, но время приступить къ порядочному и основательному сему ученiю. Уже юноша предупредительно, какъ выше показано, понялъ; итако, когда окончитъ по вышеписанному ученiе алгебры, тогда сначала должно начинать геометрiю учить. Писатель, котораго я за лучшаго почи-

таю для сей науки, есть господинъ аббатъ Didier, его книга Science des géomètres, коему и можно во всемъ порядкѣ послѣдовать. Но какъ господинъ Didier дѣлалъ доказательствы синтезомъ, то кажется къ сему не худо пріобщить тогда же доказательствы алгеброю, а самое сіе и будетъ часъ отъ часу юношу пріучать къ нужной абстракціи для высокихъ наукъ. Но какъ еще нужно колико возможно сдѣлать юношѣ науку веселѣе и ощутительнѣе ея полезность; то при томъ приложить и Éléments de mathématique par M-r Chapelle, взимая изъ оной тѣ предложеніи, которыхъ употребленіе въ оной книгѣ описаны. И симъ образомъ купно будутъ внушаться юношѣ правилы и практика къ вящему напамятованію и ко удовольствію ему.

Понеже наука геометріи есть такая; что ради самыя простоты ея правилъ бываетъ забывчива, а при томъ есть разные образы дѣлать доказательствы, которыя для разныхъ случаевъ въ другихъ задачахъ могутъ употребиться, то во всѣхъ училищахъ по два и по три раза бѣгъ математики дѣлаютъ, сирѣчь два или три раза ее переучиваютъ, но обыкновенно то бываетъ по одному автору, а сіе самое мнѣ и не кажется ибо лучше по разнымъ авторамъ учиться; для того, что первое, не толь скушно по новому автору учиться, какъ по тому, котораго уже знаешь; второе, что во всякомъ авторѣ либо въ методѣ, либо въ образѣ изъясненій и доказательствъ, что новое найдешь, и потому полезнѣе разныхъ употреблять. Я же совѣтую по окончаніи Science des géomètres аббата Дидіера; сызнова начать учить его же сочиненіе Cours de mathématique, ибо сія хотя того же автора, но многое въ ней прибавлено для геометріи, а паче механика и гидролика *); а окончивъ сію книгу, надлежитъ такъ же проучить Eléments de mathématiques par Belidor. Да не устрашатся читающіе сіе, что я толь много книгъ совѣтую юношѣ для геометріи учить; сія, первое, наука толь полезна, что никакое употребленное время на нее не можетъ потеряннымъ почесться. А второе, ученіе первой книги составитъ трудность и продолженіе, а прочія уже гораздо скорѣе можно будетъ выучить, яко токмо подтвержденіе того, что уже учено.

Не могу оставить я, чтобы при семъ случаѣ не сдѣлать примѣчанія о должномъ вниманіи наставнику, учащему математику, на успѣхи юноши, и чтобы онъ по большей части короллеры заставлялъ его самого сыскивать, а при томъ бы задачи, не показуя ихъ въ книгѣ, заставилъ его самаго разрѣшать и доказывать. Симъ пріучитъ его къ размышленію и къ догадкамъ, принудитъ воспоминать ученое; впечатлѣетъ въ память его нужныя истины, ибо ничто такъ долго въ памяти нашей не остается, какъ то, что съ трудомъ мы сами собою изобрѣли.

Касательно же до тригонометріи, вывѣриванія равности, механики и гидростатики,—понеже сіи части математики суть практическія, то и должно ихъ не

*) *Прим.* Т. е. гидравлика. *Ред.*

токмо на бумагѣ дѣлать, но въ самомъ дѣйствіи исполнять и, конечно, окончивъ правилы, поработавъ на полѣ въ тригонометріи для снятія плановъ и высоты мѣстъ одну недѣлю, сіе памятнѣе будетъ, нежели бы и годы надъ правилами сидѣлъ. Однако при семъ надлежитъ примѣтить, что прежде, нежели дѣлать большія операціи тригонометріи, надлежитъ начать малыми, и какъ какое приступное со всѣхъ сторонъ мѣсто сниметъ и по тангенсамъ или по логариѳмѣ учинитъ исчисленіе, повѣрить сіе цѣпью, дабы искренно юноша былъ увѣренъ въ справедливости сихъ операцій, а потомъ приступить и къ величайшимъ операціямъ, яко снятіе плана какого поля или дачи или лѣсу, примѣчая, чтобы и въ семъ случаѣ, колико можно, нужное дѣлать, дабы юноша въ самомъ дѣлѣ восчувствовалъ, что онъ надъ весьма нужнымъ трудится и уже дѣйствительную пользу наукою своею дѣлаетъ. Я то же скажу о вывѣриваніи равности, или нивеллеманъ *), что и сію часть науки въ теченіе нѣсколькихъ дней должно на практикѣ показать, ибо собственнымъ своимъ примѣромъ испыталъ я, что колико въ сихъ частяхъ математики ни твердо знаешь правилы, ежели инструментъ въ рукахъ не бывалъ, то великое затрудненіе найдешь въ исполненіи. Я было позабылъ еще сказать, что снятіе мѣстъ и высоты въ тригонометріи не по одному графометру должно дѣлать, но также по ѳеодолиту, планшету и чрезъ самые колы, дабы разные способы сихъ операцій извѣстны были. Проходя книги господина Дидіера и господина Белидора, усмотрѣлъ я, что очень мало тригонометрическихъ задачъ въ нихъ обрѣтается, то для лучшаго понятія для сей части совѣтую еще употребить Cours de mathématique de M-r Ozanam, а хотя о нивелеманъ и весьма довольно описалъ господинъ Белидоръ, но если кто искуснѣе въ немъ хочетъ быть, совѣтую съ прилежностью прочесть traité de nivellement par m..., которое въ запискахъ парижской академіи наукъ находится.

Касательно же до механики и гидростатики, хотя господинъ Дидіе и господинъ Белидоръ и довольно хорошія правилы о сихъ двухъ частяхъ наукъ математическихъ дали, которымъ и совѣтую послѣдовать, но какъ наученіе юноши, какого я себѣ представляю, не можетъ быть совершенно безъ показанія ему физики, въ которой части онъ долженствуетъ уже сдѣлать успѣхи, когда въ сіи части математики вступитъ, — то и физическія объясненіи къ тому, что господа Дидіе и Белидоръ писали, прибавить есть полезно: единое другое будетъ подкрѣплять, а разумъ его сими драгоцѣнными и полезными знаніями будетъ украшаться. Но сего еще не довольно; надлежитъ, чтобы испытаніе всегда сошествовало наукѣ. Я не спорю, что не всякой въ состояніи имѣть всѣ нужныя орудіи для учиненія сихъ испытаній, но рычагъ и его опора, блокъ и блоки вмѣстѣ сплоченные, воротъ, винтъ и покатая доска — для механики — небольшой измѣренной ушатъ или ведро съ жеребь-

*) *Прим.* Т. е. о нивеллированіи. *Ред.*

ями разныхъ тѣлъ, извѣшенными для познанія тягости тѣлъ въ водѣ, вѣсы гидролическія, сосудъ четвероугольной съ краномъ, трубки разныя хрустальныя—для гидролики—не суть толь дорогія машины, чтобы каждой ихъ имѣть не могъ.

И тако, уча механику и дѣлая исчисленія о разныхъ рычагахъ, надлежитъ ему тогда же и въ самомъ дѣйствіи сіе показать; прилагая рычагъ къ блоку и учиня исчисленіе, показать ему, колико, исключая треніе, оное сходствуетъ съ самою истинною; тоже учинить о сплоченныхъ блокахъ, о воротѣ, покатомъ планѣ и винтѣ. Но какъ ни Дидіе, ни Белидоръ въ выше помянутыхъ книгахъ почти ничего о треніи, толь препятствующемъ дѣйствію машинъ, не упоминаетъ, то совѣтую къ симъ механикамъ пріобщить ученіе включенной механики господиномъ Белидоромъ въ его гидролику.

Равнымъ образомъ и о гидроликѣ, давая правилы о равновѣсіи и равностояніи воды, показать ему чрезъ хрустальныя трубки то очевидно: опуская разныя тѣла въ воду, изъяснить ему, какъ тѣла, по мѣрѣ ихъ тягости въ разсужденіи воды, погружаются. Чрезъ гидролическіе вѣсы увѣрить его, коль много теряютъ тѣла своей тягости въ водѣ, и наконецъ чрезъ сосудъ съ краномъ, поставленной возлѣ стѣны, доказать о быстрости истеченія ея, и что она всегда, истекая, описываетъ параболы, которыя разныя тогда же на стѣнѣ начертать должно, дабы юноша видѣлъ самымъ дѣломъ истинну сего предлога.

Полезно благородному юношѣ имѣть свѣдѣніе о гражданской и военной архитектурѣ. Но, дабы оную учить, не токмо должно упражнять юношу въ черченіи плановъ, но дабы онъ основательное о сихъ наукахъ понятіе имѣлъ. А дабы съ основанія оныя зачинать учить, то уже много время пройдетъ,—и тако я думаю начинать учить оныя архитектуры по окончаніи тригонометріи, ибо хотя въ другихъ частяхъ математики и многія проблемы будутъ касаться до сихъ наукъ, но когда уже юноша знаетъ первыя конструкціи гражданской и военной архитектуры, то можетъ оныя къ сему приложить. Я при семъ предполагаю, что уже юноша довольное искусство имѣетъ рисовать, о которомъ ученіи впредь упомяну, что оно съ самыхъ юныхъ лѣтъ должно начинаться.

Мнѣніе мое состоитъ, чтобы начинать сперва учить архитектуру гражданскую, давъ ему краткимъ образомъ вычертить пять орденовъ архитектуры, со всѣми ихъ украшеніями, также нѣсколько домовъ, рѣшетокъ, воротъ и прочее, послѣдуя архитектурѣ.

Однако и самая сія наука не должна быть такъ суха, чтобы сократиться на черченіи однихъ плановъ, но тогда юношу должно водить по разнымъ строеніямъ, показывая ему, какъ оныя строятся, въ построенныхъ домахъ сдѣлать ему примѣтить красоты и ошибки въ архитектурѣ, такъ же и на разныхъ планахъ, а наконецъ дать ему и самому планы домовъ, церквей и прочаго съ ихъ расположеніями и со украшеніями прожектировать, не пропуская ни единаго случая

потребовать отъ него причины всякаго положенія и поправляя его ошибки.

По семъ должно приступить къ наукѣ фортификаціи. Не должно юношу утруждать черченіемъ множества манеровъ, собранныхъ господиномъ Дидіе, но кажется довольно будетъ показать первый, второй и третій манеръ господина Вобана и два манера господина Кугерна и, наконецъ, нынѣшній новой съ перпендикулярной дефензіей, и потомъ показать ему образъ укрѣплять нерегулярно старые ли города, или гдѣ мѣсто не позволитъ регулярную крѣпость построить. И сіе все исполнять слѣдующимъ образомъ: не токмо дать ему прочертить планы и показать силу и слабости каждаго изъ сихъ манеровъ, но также чтобы прочертилъ всѣ профили, каковые могутъ быть въ строеніи крѣпостей, яко казематы, магазейны и прочее, равно какъ и разныя зданіи, принадлежащія къ сего рода строенію, и наконецъ заставить ему о всемъ сдѣлать исчисленіе, а когда онъ довольно правилы, какъ регулярной, такъ и нерегулярной фортификаціи пойметъ, тогда задавать ему задачи мѣстоположенія укрѣплять города. Не должно же при сихъ задачахъ и то позабыть, дабы зналъ обстоятельствы государства, коего городы укрѣпляются, обстоятельствы земли, гдѣ оные укрѣпляются, мѣстоположеніе и состояніе непріятеля, противу котораго укрѣпляется. Мнѣ случилось слышать самому споръ между господъ инженеровъ о укрѣпленіи Выборга, котораго укрѣпленіи такъ одинъ тщился расположить, что менѣе 25 тысячъ не можно было въ немъ имѣть гарнизону, другой на сіе возражалъ, что чѣмъ имѣть убытокъ строить крѣпость и запирать въ ней людей, въ сей землѣ, то есть въ Финляндіи—землѣ, наполненной болотами, горами, лѣсами и другими трудными мѣстами,—25 тысячъ и въ полѣ непріятеля, а паче Шведовъ, противу коихъ строится, удержутъ. Съ такими изъясненіями учиненной какой проектъ юношей и въ памяти у него останется, и отвратитъ его отъ всякаго предубѣжденія, которое часто въ углубившихся въ сію науку владычествуетъ.

Когда я сказалъ, что не должно прочерчивать всѣ собранные манеры укрѣпленій господиномъ Дидіе, сіе я сказалъ не въ томъ разумѣ, чтобы знаніе ихъ совсѣмъ безполезнымъ почиталъ, ибо если къ военной части будетъ юноша прилежать, то случится ему быть у осады какой крѣпости, и не по вышеименованнымъ образцамъ построенной, и для того полезно ему о слабостяхъ всякаго извѣстнаго укрѣпленія знать. Сего ради и почитаю за нужное хотя съ прилежаніемъ каждый манеръ разсмотрѣть, а если время будетъ, хотя нѣкоторые начерно и прочертить, примѣчая при всякомъ случаѣ о дефензіяхъ, о слабости и силѣ каждаго манера.

Еще я сего недовольнымъ почитаю для довольнаго познанія сей нужной части наукъ, но надлежитъ еще имѣть многіе планы дѣйствительно построенныхъ крѣпостей, и по изученнымъ уже правиламъ юноша долженъ, разсматривая каждой планъ, не токмо на словахъ, но и на

письмѣ о каждой такой крѣпости дѣлать свои примѣчанія, которыя добрый наставникъ да потщится поправить ему. Къ сему еще возвратимся, говоря о атакѣ и защищеніи крѣпостей.

По семъ слѣдуетъ дать наставленіе юношѣ объ атакѣ и защищеніи крѣпостей, начавъ сперва съ регулярныхъ, а потомъ и нерегулярныхъ, изъ которыхъ многія атаки онъ долженъ сперва подъ наставленіемъ учителя своего прочертить, а другія и самъ расположить, требуя поправленія отъ наставника своего; а потомъ также, имѣя планы многихъ атакованныхъ крѣпостей, сдѣлать свои примѣчанія: сходственно ли съ правилами онѣ были сдѣланы, и о томъ письменныя свои замѣчанія сдѣлать; а наконецъ, читая многіе журналы осадъ и защищеній, сдѣлать замѣчанія: не упущено ли было что въ атакѣ или въ защищеніи, и какія предпріятіи какой успѣхъ имѣли.

Я не могу оставить наконецъ, что касается до всего вышеписаннаго о фортификаціи, безъ упоминовенія о книгахъ, которыя могутъ съ пользою быть употреблены. А именно: Vauban corrigé, la fortification de Coeherne, la fortification perpendiculaire, attaque et défense de places par Vauban. И нѣкоторыя военныя книги, въ которыхъ о осадахъ описуется.

Но какъ не довольно умѣть начертать планъ крѣпости и атаки, или начертить планъ и фасадъ какого зданія: если юноша не знаетъ, какъ въ дѣйствіе строеніе привести, то онъ не больше какъ живописецъ или чертельщикъ будетъ. Сего ради и надлежитъ ему показать о строеніи крѣпостей и другихъ зданій, дабы онъ умѣлъ исчислить тягость стѣны, какую подпору дѣлаютъ контръ-форсы, какой сводъ, какую тягость дѣлаютъ на сводѣ, какую силу имѣютъ бревны, чтобы не переломиться, и прочее. То сего ради считаю за нужное, чтобы юноша съ прилежаніемъ проучилъ la science des ingénieurs par m-r. Belidor, а можно съ сему еще прибавить о силѣ подпоръ бревнами, или если что на нихъ повѣсить,—сію краткую часть изъ физики Мушемброка.

Учася образъ укрѣплять грады и оные осаждать или защищать, необходимо надлежитъ знать и артиллерію, ибо сіи огнестрѣльныя орудіи и разные способы, вмѣщенные въ артиллерію, употребляются для взятія и защищенія городовъ. По порядку наукъ, какъ я предложилъ уже, юноша тогда достигнетъ въ математикѣ до коническихъ сѣченій и до механики, гдѣ о тягости тѣлъ и удареніи толкуется, и потому сіе начало сей науки съ самою наукою оныхъ можетъ итти. Мнѣ много о образѣ ея ученія говорить нечего, ибо часть сія весьма изрядно истолкована многими тѣми, которые объ ней писали, и тако токмо и остается послѣдовать тѣмъ писаніямъ, пріобщая сію науку къ познаніямъ физическимъ, яко о дѣйствіи пороха въ сыромъ и сухомъ воздухѣ, о сопротивленіи воздуха, о треніи при вылетаніи тѣлъ изъ орудій и прочее, и не оставляя ни одной задачи, чтобы которую чувствительно не изъяснитъ юноша, и чтобы черченіе и исчисленіе

повсюдова сошествовало доказательствамъ, ибо, что чертитъ и что исчисляетъ, то на должайшее время въ памяти остается. Мнѣ осталося токмо тапере, говоря о сей наукѣ, помянуть о писателѣ, которому, по моему мнѣнію, лучше послѣдовать. А какъ я пишу для своихъ соотраждань и за великую пользу считаю, если на природномъ языкѣ науки преподавать, то касательно до артиллеріи не могу я не похвалить сочиненіе господина Вельяшева, которое повсюдова можетъ почесться достаточнымъ для сей науки. Впрочемъ не безполезно есть юношѣ показать и l'art de jetter les bombes par m-r Belidor и дать ему нѣсколько означенныхъ тутъ таблицъ. приведя ихъ на русскую мѣру.

Хотя кастраментахія, или искусство постановленія лагерей, и къ тактикѣ принадлежитъ, но по укрѣпленіямъ полевымъ и по ретраншементамъ имѣетъ связь съ фортификаціей, то кажется мнѣ и въ семъ случаѣ, пріобщая сію науку къ тактикѣ, по дошествіи до фортификаціи юноши, должно показать съ прилежностью ему, изъясняя разныя положеніи и разные случаи, въ которыхъ должно лагерь укрѣплять; по прочерченіи же плановъ надлежитъ дать ему разсматривать разные лагери, которые искуснѣйшими вождями были постановляемы, дабы на оные дѣлалъ письменно свои примѣчаніи, въ чемъ онъ находитъ ихъ хорошими, или какіе въ нихъ пороки обрѣтаетъ. А потомъ по заданнымъ задачамъ, гдѣ также должно вмѣстить силы непріятельскія, со изъясненіемъ, въ чемъ ихъ большая сила состоитъ, и рода битвы ихъ, такъ же предполагая свои силы, велѣть ему дѣлать укрѣпленіи лагеремъ по извѣстнымъ ему правиламъ, которымъ онъ доказательствы и причины долженъ наставнику своему изъяснить и получить отъ него нужное исправленіе.

Говоря о военныхъ наукахъ, не могу я оставить не помянуть особливо о тактикѣ. То, что я выше сказалъ, говоря о наукѣ исторіи, что уча оную должно дѣлать примѣчаніи на военное искусство, послѣдовать военачальникамъ и побѣдителямъ въ ихъ походахъ,—довольно уже показывало, что я и тогда уже имѣлъ намѣреніе говорить о тактикѣ; и если при наукѣ исторіи правилъ о наукѣ оной не приложилъ, сіе для того, что исторія начинается учиться въ толь юношескія лѣты, чтобы тогда не совмѣстно было тактику юношѣ начинать. И для того, отлагая ее, даже какъ первыя основаніи исторіи и исторіи древнѣйшихъ народовъ пройдетъ, а тогда, когда достигнетъ до исторіи греческой, когда многіе сами вожди писали ихъ исторію, тогда и можно тактику начинать учить. Наука сія, о которой въ нынѣшнія времена множество писали, но оная есть столь пространна, что едва ли и во всѣхъ писателяхъ всѣ нужные и необходимые случаи найтиться могутъ. Однако за несовершенностью науки не должно оставлять ее; поелику она совершенно нужна всякому опредѣляющему себя къ военному ремеслу, какъ почти всѣ благородные въ отечествѣ моемъ службу зачинаютъ, то и должно тѣмъ съ вящимъ прилежаніемъ оную учить.

Итако, проходя греческую исторію, не худо показать юношѣ разность между устроеній греческихъ и персидскихъ войскъ, изъяснить ему, какъ вожди греческіе умѣли пользоваться мѣстами; къ сему для наставника во многомъ могутъ способствовать комментаріи господина Фоларта на Полибія; а когда достигнетъ до войны младаго Кира и до разбитія его, тогда, считаю, не безполезно будетъ дать ему прочесть отступленіе десяти тысячъ, описанное Ксенофонтомъ, который наконецъ самъ предводитель оныхъ былъ, послѣдуя ему въ его маршахъ и дѣлая на разныя приключеніи нужныя замѣчаніи. При чтеніи разныхъ знатныхъ военныхъ дѣяній Епаминондаса, не безполезно есть дать юношѣ прочесть примѣчаніи Фолартовы, приложенныя къ его жизни. Наконецъ и исторія Александра Великаго, писанная Квинтомъ Курціемъ на латинскомъ языкѣ, яко весьма хорошо писанная, или переведенная Вожеласомъ со всѣмъ тщаніемъ и возможнымъ краснорѣчіемъ, не токмо можетъ спомоществовать юношѣ къ познанію военной науки, послѣдуя сему побѣдителю въ его походахъ, разсматривая устроеніе его воинствъ, силу фаланга македонскаго и самыя его слабости, но также можетъ спомоществовать къ вящему познанію того языка, на которомъ сіе сочиненіе будетъ читано.

Приступая къ Римлянамъ, коихъ исторія обыкновенно слѣдуетъ послѣ греческой исторіи, къ сему народу, покорившему большую часть тогда знаемаго свѣта, за полезное я почитаю прежде, нежели говорить о ихъ военномъ искусствѣ, дать юношѣ съ прилежаніемъ прочесть установленіи Вегеціевы. Ибо, хотя сей писатель и въ позднія времена жилъ, однако о древней дисциплинѣ много поминаетъ, а сіе самое и подало способъ Римлянамъ толь великія побѣды одержать. Начало римской исторіи, коль оно ни писано хорошо Титъ Ливіемъ, намъ токмо тѣни ихъ изящества въ военномъ искусствѣ оставляетъ, и для того можно легко пробѣжать, касательно до тактики, первыя времена Рима до самой второй Пунической войны, гдѣ уже мы узримъ Марцелуса, нареченнаго мечъ республики, Фабія Максимуса, нареченнаго щитомъ республики, и которой мудрою своею тихостью оную сохранилъ; Сципіоновъ, доблестями своими прославившихся въ Гишпаніи; Ганибала, съ малою помощью отъ своей республики воюющаго въ отдаленной и непріятельской землѣ, побѣждающаго храбрыхъ и искусныхъ римскихъ вождей; и наконецъ Сципіона Африкана, побѣдившаго самаго Ганибала. Послѣдующія времена не менѣе намъ знатныхъ вождей между Римлянъ представляютъ: тамъ Сципіонъ Азіацкій побѣждаетъ Антіохія, царя Сирскаго, тамъ Павелъ Эмилій покоряетъ Македонію, и храбрые сіи народы, покорившіе всю Азію, подданными римскими становятся; тамъ Силла и Помпей побѣждаютъ Митридата, государя храбраго, искуснаго въ военномъ искусствѣ, именитаго своими дѣяніями, а паче что въ самыхъ своихъ побѣжденіяхъ всегда новые способы искусенъ былъ находить; тамъ Цесарь, побѣдившій самыхъ побѣ-

дителей Римлянъ; тамъ Агрипа, даровавшій многія знатныя побѣды цесарю Августу, и утвердившій его власть въ Римѣ.

Во истину не можно, кто восхочетъ изучиться военному искусству, ни единаго шага сихъ вождей пропустить безъ замѣчанія: коль мудрые походы, коликія осторожности, коликія мудрыя дерзости, какіе въ крайностяхъ способы, коликая храбрость, коликой порядокъ и прочее. А по сему не можно, чтобы юноша, опредѣляя себя къ военному ремеслу, не потщился лучшаго изъ сихъ именованныхъ вождей, побѣдителя побѣдителей, упустить собственное его разсказаніе о его походахъ, и что въ какомъ случаѣ онъ дѣлалъ,—сирѣчь комментаріи Іулія Цесаря,—если знаетъ, на латинскомъ языкѣ, а ежели не знаетъ, то хотя на французскомъ.

Хотя не можно сказать, чтобы Римъ и подъ властью императоровъ не производилъ изящныхъ вождей — Іуліанъ, Траянъ и Маркъ Аврелій конечно ни единому не уступаютъ—но, сдѣлавъ уже прилежное ученіе дѣлъ вышеписанныхъ, кажется, прочее время можно пробѣжать, развѣ на какіе новые и тамъ не помянутые случаи сдѣлать примѣчаніе. А впрочемъ императоры начали льстить своихъ солдатъ, упустили нужную диссиплину, которая составляла силу римскихъ войскъ, и мало по малу въ слабость упадала, такъ что, можно сказать, не токмо къ низверженію приведена была Римскою имперіею, но и послѣ оныя почти до шестаго на десять вѣка не весьма много достойныхъ примѣчанія вещей, касательно до военной науки, находится во всей исторіи. Ибо великія побѣды Чингисъ-Хановы и Тамерлановы были варварскими народами учинены, и хотя имя искусныхъ вождей конечно имъ принадлежитъ, но образъ устроенія ихъ до сихъ поръ былъ варварскій, и съ ослабленными въ военной диссиплинѣ они народами бились. Побѣды Магомета лжепророка и его наслѣдниковъ конечно суть примѣчательны, но также, бывъ болѣе дѣйствіе бѣсновѣрія, нежели прямой храбрости и добраго устройства, мало къ наставленію нашему служить могутъ; такоже и другія производимыя въ Европѣ войны, коль они знатны ни были, не могутъ сравняться искусствомъ и предвидѣніемъ съ тѣми, каковыя производили выше именованные римскіе предводители; однако, какъ выше помянулъ, и на оныя хотя малое замѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по крайней мѣрѣ для познанія исторіи и перемѣнъ въ военномъ искусствѣ, а между тѣмъ временемъ не безполезно есть прочесть сочиненіе Фронтина о военныхъ обманахъ, на латинскомъ или на французскомъ языкѣ.

Да не почтутъ мнѣ за излишнее, что я толико распространился говорить о тактикѣ древнихъ, которая нынѣ, по изобрѣтеніи огнестрѣльныхъ орудій, едва можетъ ли быть опредѣлена. Правда, что во многомъ она необходимыя перемѣны потерпѣла, яко въ постановленіи войскъ, въ утоненіи фрунта и прочее, но марши, стояніи лагеремъ и прочія тонкости военныя тѣ же остаются. Утверждаютъ мое мнѣніе всѣ лучшіе писатели, яко

кавалеръ Фолартъ, толь много о такихъ древнихъ писавшій, яко господинъ Грессетъ, который на Вегеція и комментаріи сочинилъ, и многіе другіе, которые всѣ яко въ примѣры древнихъ представляютъ. Но ежели сіи писатели, бывъ и Французы, за нужное знаніе тактику древнихъ почитаютъ, я скажу, что для Россіянина она еще нужнѣе въ разсужденіи сосѣдственныхъ народовъ, а именно: Турокъ и Калмыковъ, которые, во многихъ случаяхъ рукопашнымъ боемъ бившись или дѣйствуя по большей части конницею, принуждаютъ насъ имѣть познаніе, какъ такимъ устроеніемъ супротивляться. Нужна намъ она и въ разсужденіи части самыхъ нашихъ войскъ, то есть, казаковъ и Калмыковъ, дабы могли мы ихъ съ пользою употреблять на основаніи древней тактики, какъ Карѳагенцы употребляли Нумидовъ.

Возвращаясь къ исторіи продолженія тактики, хотя въ началѣ 14-го столѣтія учинилось изобрѣтеніе пороху, но мало имѣли искусства его употреблять, и войска еще во многомъ древней тактикѣ послѣдовали, полагая главную силу въ рукопашномъ боѣ. Итако можно сказать, что седьмой на десять вѣкъ намъ новое позорище въ тактикѣ представляетъ, достойное всего вниманія опредѣляющаго себя къ военной службѣ человѣка. Тридцатилѣтняя война, зачавшаяся по причинѣ вѣры и для вольности Германіи, кажется, возродила изящныхъ вождей; тамъ мы видимъ Густава Адольфа, короля Шведскаго, который съ малою силою могъ потрясти всемогущество германскаго непріятеля; противу его достойные ему противники воевали: Вальштейнъ и Тилли; колико ихъ устроенія ни отличаются отъ нынѣшнихъ, однако можно сказать, что каждый шагъ ихъ достоинъ замѣчанія. Вскорѣ Франція другихъ достойныхъ мужей произвела: Тюрень и Конде никому въ военномъ искусствѣ не уступятъ, но паче могутъ наставниками быть. Италія, всегда плодоносная въ великихъ вождяхъ, въ сопротивленіе Тюреню представила Монтекукули, достойнаго сопротивника французскому вождю. Принцъ Евгеній Савойскій и Мальборугъ во время наслѣдныя престола гишпанскаго войны не меньше искусства всѣхъ вышеписанныхъ показали. Маршалъ графъ Саксъ, неутомимой въ браняхъ, равно предпріятельной и осторожной, не токмо дѣяніями своими оказалъ отличныя свои дарованія въ военномъ искусствѣ, но часть мнѣній своихъ и писаніями предалъ. Наконецъ нынѣ царствующій король Прусской, если не превзошелъ ихъ, то по крайней мѣрѣ совсѣмъ съ ними равняется.

Итако да не упустится благородному юношѣ изъяснять всѣ ихъ дѣянія, что тѣмъ удобнѣе, что большая часть изъ оныхъ или имѣли искусныхъ писателей, или и сами о дѣлахъ своихъ и о военномъ искусствѣ писали. Яко имѣемъ мы весьма хорошую исторію Густава Адольфа, писанную Рамзеемъ, записки о походахъ Тюреня и Конде, записанныя.... съ картами господина Борейна; записки Монтекукуліевы, тѣмъ наипаче нужныя для насъ, что онъ о Турецкой войнѣ разсуждаетъ; исторію Принца Евгенія и

Мальборуга; записки маршала графа Сакса и его rêverie, и, наконецъ, военной уставъ короля Прусскаго, его поэму l'art de la guerre, и или самимъ имъ, или подъ его глазами учиненное сочиненіе esprit de Folart. Всѣ сіи книги суть необходимо нужны для юноши, опредѣляющаго себя для военнаго ремесла, чтобы онъ, читая съ прилежаніемъ ихъ, научался сей пространной наукѣ—наукѣ, сочиняющей безопасность государствъ. Но при оныхъ не должно забыть безъ особливаго вниманія книгу, именуемую la tactique moderne, писанную господиномъ..... и обще нынѣ почитаемую въ Европѣ, яко долженствующую дать правилы военнаго ремесла каждому офицеру.

Я не о всѣхъ книгахъ, достойныхъ примѣчанія для военнаго искусства, упомянулъ, ибо оныхъ есть множество, но оныя оставляя на произволеніе того, кто уже и вошедъ въ военную службу восхочетъ болѣе правилы сея трудныя науки понять и тѣмъ полезнѣе отечеству своему учиниться.

Говоря о наукѣ тактики при наукѣ исторіи, не совершенно бы было воспитаніе юноши, если бы онъ выучился токмо знать, какъ люди друга друга истребляютъ, не зная и причинъ, за что таковыя истребленіи рода человѣческаго чинятся, и какъ они оканчиваются. Ибо каждая война производится въ намѣреніи достигнуть до полезнаго миру, иже есть вѣнецъ, увѣнчивающій наизнаменитѣйшія побѣды.

Сего ради не токмо полезно, но нужно есть при чтеніи исторіи показать, за что какая война зачиналась и чѣмъ окончилася, не оставляя дѣлать примѣчаніи на правость и неправость начатія оной и на сохраненіе народныхъ правъ и на полезность или безполезность заключеннаго мира, и пріобрѣлъ ли онъ довольно пользы, чтобы заплатить тягость, понесенную въ войнѣ. Познаніе сіе есть нужно каждому опредѣляющему себя быть въ нѣкоторой степени управленія въ государствѣ, а самое сіе и должно довести къ наукѣ о статистикѣ.

О наукѣ статистики.

Дабы познать статистику, или гражданское, военное и относительное съ другими государствами положеніе всѣхъ государствъ, сіе есть дѣло невозможное, не токмо ради великаго пространства сей причины, но также и для того, что многія вещи касательно до сего въ тайности содержатся; и для того довольно есть узнать статистику своего государства и окружающихъ его; прочія же довольно толико познать, колико сего знанія изъ исторіи, дипломатическихъ книгъ и газетъ познать можно.

Итако, оставляя прочія, да позволится мнѣ о отечествѣ своемъ нѣсколько помянуть. Во первыхъ, уча статистику Россіи, надлежитъ взирать на ея великое пространство, вмѣщающее въ себя разные климаты и разныя удобности земель; сего ради первое и надлежитъ войтить въ разсмотрѣніе разныхъ губерній Россіи съ примѣчаніями ихъ плодородія и разныхъ удобностей. Равнымъ образомъ до-

стойно примѣчанія, что Россія и въ самыхъ плодоноснѣйшихъ своихъ областяхъ не толь довольна населена, коль не въ толь плодоносныхъ, и что населяющіе оную народы не суть единаго народа, вѣры, языка и обычаевъ; что великая часть есть Россіянъ, изъ коихъ нѣкоторые на малороссійскихъ земляхъ поселены, что множество въ ней Татаръ, Башкирцовъ, Тунгузовъ, Вотяковъ, и цѣлыя завоеванныя провинціи Нѣмцевъ, а другія Поляковъ, что первые, то есть Россіяне, исповѣдуютъ вѣру греческую каѳолическую, что польскія провинціи римскому исповѣданію послѣдуютъ, Лифляндцы и Эстляндцы евангелическому, Татары и Башкирцы магометанскому, секты Омаровой, Калмыки, Тунгузы и многіе другіе идолопоклонники, колонисты вновь вызванные— разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, откудова они вызваны, и что, наконецъ, есть великое число разныхъ обществъ раскольники, которые, хотя сказываютъ, что послѣдуютъ исповѣданію восточной греческой церкви, но въ самомъ дѣлѣ многими богопротивными суевѣріями повредили вѣру и суть наижесточайшіе враги и церкви россійской и правленія. Что многіе изъ сихъ народовъ къ землепашеству не прилежатъ, но питаются или скотоводствомъ, или ловитвою, или рыбною ловлею.

Надлежитъ также разсмотрѣть разныя произведеніи сихъ странъ, искусствы, ремеслы, а потому фабрики и всякіе заводы, а паче крущевые, сообщеніе рѣками, и порты морскіе, а потому войтить въ довольное разсмотрѣніе торговли.

Войти въ толико подробное познаніе, сколько возможно, о доходахъ государственныхъ, и какіе народы какіе платежи производятъ.

Познавъ такимъ образомъ внутреннее состояніе государства, должно приступить содѣлать себѣ начертаніе о силахъ онаго. 1. О сухопутной арміи, въ коликомъ она количествѣ состоитъ, сколько пѣхоты, сколько конницы, сколько артиллеріи и сколько гарнизоновъ и другихъ земскихъ войскъ, какъ они набираются, какъ содержатся и проч. 2. Понеже въ Россіи много есть военныхъ народовъ, яко разные казаки, Калмыки, служивые Татары и Башкирцы, надлежитъ о нихъ о каждыхъ сдѣлать начертаніе, сколько которые могутъ поставить войска, какой родъ ихъ битвы, какія ихъ оружіи, и какъ они во время военное содержатся и проч. 3. Понеже къ Россіи прилегаютъ четыре моря: а) Балтическое, в) Бѣлое, г) Каспійское и д) Черное, на коихъ на всѣхъ есть порты и флотъ, то должно о каждомъ изъ сихъ морей разсмотрѣть, какіе гдѣ флоты содержатся, какіе могутъ по какому морю корабли ходить, гдѣ оные строются, откудова нужныя вещи для строенія кораблей получаются, и наконецъ, о числѣ людей и пушекъ, обще всего флота и каждаго особливо и проч.

Узнавъ такимъ образомъ о доходахъ и способахъ къ доходамъ, о многонародіи и силахъ морскихъ и сухопутныхъ государства, прилично распространить свое вниманіе на границы онаго, показать пространство оныхъ, какія имѣютъ естественныя и рукотворенныя укрѣпленіи, кѣмъ охраняемы, къ какимъ народамъ при-

легаютъ (изъясня притомъ о сихъ народахъ, какіе ихъ силы и способы), и учинить примѣрныя расчисленіи извѣстныхъ уже силъ, колико въ случаѣ войны можно для обороны оныхъ употребить, и колико можно для наступательныя войны послать.

Наконецъ, понеже война по большей части, по крайней мѣрѣ хотя для виду, производится за нарушеніе какого положеннаго условія, равнымъ образомъ и оканчивается подобными условіями, то полезно, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе трактаты внушить юношѣ, дабы оный зналъ разныя обязательствы, которыя отечество его имѣетъ съ чуждыми народами.

Тако показавъ ему подробно статистику своего отечества, еще сего недовольно будетъ для составленія ему яснаго изображенія о состояніи политическомъ и военномъ положеніяхъ онаго, если и сосѣдственныхъ народовъ ему статистика не будетъ изъяснена. А какъ главный мой предметъ есть Россія, то я именую страны, которыхъ статистику юношѣ показать надлежитъ, то есть Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польши, Турціи, Персіи и Мунгаловъ и Китайцевъ.

Швеція, государство, имѣющее свои свободы, которыя и болѣе были прежде,—нынѣшній король оныя у народа уменьшилъ и ко власти королевской прибавилъ,—есть со всѣмъ тѣмъ государство, великой силы не имѣющее; а для изъясненія сего и потребно изъяснить, какое его плодородіе, что оно принуждено отчасти покупками хлѣбомъ довольствоваться; какое его пространство, которое въ разсужденіи Россіи есть весьма мало, да и оное пресѣчено множествомъ озеръ, болотъ, лѣсовъ, и прочихъ неудобныхъ къ населенію мѣстъ, и потому не можетъ, въ разсужденіи ея пространства, быть такъ населена, какъ Франція и Германія; что главные ея доходы состоятъ въ богатыхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ минахъ, торгѣ лѣсомъ и рыбной ловлѣ, но все сіе не составляетъ богатаго, государства, и хотя народъ естественно есть храбръ и можетъ великіе труды и нужду понести, но недостатокъ онаго и малые доходы государственные чинятъ его не въ состояніи великихъ усилій сдѣлать. Все сіе надлежитъ подробно разсмотрѣть и сообразить съ состояніемъ Россіи и съ свойствомъ ея границъ, равнымъ образомъ и съ свойствомъ и склонностями народа, населяющаго оныя.

Данія также земля не великой пространности, но въ разсужденіи лучшаго климату и бывъ почти окружена моремъ, хотя не великую можетъ сухопутную армію поставить, но въ разсужденіи ея торговли можетъ имѣть знатныя морскія силы, а къ тому же, бывъ владѣтельницею вратъ входу въ Балтійское море по узкому Елсенерскому проходу, можетъ учинить великое препятствіе во внѣшней россійской торговли.

Принадлежащая же Даніи Норвегія прилегаетъ къ самой Россійской Лапландіи, и нѣкоторыя изъ оной орды купно Россіи и Даніи принадлежатъ и обѣимъ имъ дань платятъ, то и нужно разсмотрѣть, какія сіи находящіяся между

сихъ двухъ государствъ границы, и какія ихъ естественныя преграды. Впрочемъ не должно оставить разсмотрѣть, что Норвегія наполнена горами, лѣсами и болотами и, находясь подъ жестокимъ климатомъ, не можетъ быть весьма населена, но прилегающее море и нужда жителей, преклоня ихъ къ рыбнымъ ловлямъ, учинили, что они суть весьма искусные мореплаватели.

Польша, хотя государство изобильное и многонародное, но ни по изобильству его не можетъ богатымъ назваться, ибо внѣшней торговли почти не имѣетъ, не прилагая ни къ единому морю; ни по многонародію сильнымъ, ради рода своего правленія, гдѣ вельможи, обращая все на пользу свою, мало пекутся о пользѣ общественной, а потому корона не довольно имѣетъ доходовъ, ниже знатной арміи, чрезъ что и въ слабости остается. Не считаю, что всегда сіи вельможи суть на разныя части раздѣлены, сопротивленіемъ своимъ всякому предпріятію препону полагаютъ, и многіе изъ нихъ сіе дѣлаютъ, бывъ подкуплены чужестранными дворами.

Пруссія. Подъ симъ я разумѣю не токмо королевство Прусское, котораго часть владѣнія государя, именовавшагося королемъ Прусскимъ, сочиняетъ, но также владѣніи онаго въ Великой Польшѣ, въ Помераніи, курфирство Бранденбургское, почти всю Слезію и многія области въ Германіи. Полезно при семъ случаѣ не токмо физическое и политическое положеніе сей державы разсмотрѣть, но также вникнуть въ состояніе, въ какомъ она была прежде, и до какова нынѣ царствующій государь ее довелъ; къ первому можетъ послужить сочиненіе сего великаго во всѣхъ частяхъ короля—mémoires de Brandenbourg, а ко второму, изъ вѣдомостей courrier du Bas Rhin, рѣчи говоренныя въ академіи Берлинской господиномъ.... Я для того сіе о странѣ сей предлагаю, дабы подать способъ юношѣ изъ примѣровъ сихъ почерпнуть, колико прямо разумной человѣкъ и прямо великой государь можетъ пріобрѣсти пользы своему государству. Впрочемъ, окромѣ вышеупомянутаго познанія физическаго состоянія сего государства, надлежитъ разсмотрѣть его многонародіе, его силы военныя, доходы, границы, характеръ народной и вникнуть, какъ доброю дисциплиною войска прусскія прославились и учинились образцомъ, коему всѣ другіе народы тщатся подражать. Наконецъ не должно оставить и сіе въ забвеніи, что Прусскій король, яко курфирстъ Бранденбургскій, привязанъ къ корпусу Германическому, а поелику лишилъ Австрійскій домъ знатныхъ его владѣній въ Силезіи, то, не взирая на всѣ трактаты, сія рана, учиненная его силѣ, свѣжа остается, и тѣмъ паче, что Прусскій король по своей силѣ учинился защитникомъ вольности Германской и вольности евангелическаго исповѣданія противу предпріятій съ Австрійскаго дому.

Турецкая имперія. Дошедъ до статистики Турецкія имперіи, надлежитъ въ тонкость разсмотрѣть пространныя области сея державы, обильство земли, и многонародіе; примѣчая, что первое до-

ходовъ мало умножаетъ по причинѣ малаго числа искусствъ и недостатку торговли; а второе также не токмо умножаетъ силу государства, но паче ослабляетъ ее по причинѣ великаго числа христіанъ, находящихся въ сихъ народахъ, тайныхъ всегда враговъ магометанцамъ, такъ какъ магометанцы, иже составляютъ правительство, презрѣніемъ и налогами на христіанъ умножаютъ ихъ ненависть. Войти въ разсмотрѣніе, что пространство сея имперіи и худое устройство, находящееся въ ней, часто производитъ бунтъ противу правленія; разсмотрѣть, какъ Турки собираютъ войска, и какія ихъ сухопутныя и морскія силы; что храбрость и запальчивость сего народа суть безмѣрна, но что ни порядку въ немъ не можно завести, ни пріучить къ диссиплинѣ военной, ниже наконецъ принудить къ понесенію великихъ трудовъ; разсмотрѣть границы, коими они смежны съ Россіею, и какія причины всегда, а паче со взятія Крыма и поданія протекціи Грузіи, внутреннія сѣмена войны содержатъ между Турками и Россіею. А наконецъ не оставить и сіе въ примѣчаніе, что Турки суть секты Омаровой, и потому имѣютъ всегдашнее сообщеніе и преклонность къ себѣ всѣхъ Татаръ и Башкирцовъ, живущихъ внутри Россійской имперіи, которые той же сектѣ послѣдуютъ.

Горскіе народы. Колико малаго уваженія ни заслуживаютъ сіи, во многія части раздѣленные и подъ разными именами знаемые, горные народы, а именно Горскіе Черкасы, Большая и Малая Кабарда, Алентинцы, Ташкинцы, Лезгинцы и множество другихъ; однако по древнимъ обязательствамъ ихъ съ Россіею, начавшимся при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и по новымъ многотруднымъ дѣламъ, которыя они своими возмущеніями и войною наводятъ Россіи, полезно объ оныхъ, послику возможно, свѣдѣніе имѣть. Однако, колико свѣдѣніе сіе ни есть нужно, однако оно сопряжено съ великими трудностями, то есть, что карта страны ихъ, въ горахъ лежащей, есть неизвѣстна, никто изъ путешественниковъ внутри ихъ селеній не бывалъ, а потому ни о многонародіи, ни о раздѣленіи каждой орды прямаго свѣдѣнія имѣть не можно. Тѣ же свѣдѣніи, которыя дворъ нашъ по причинѣ политическихъ и военныхъ дѣлъ о народахъ сихъ имѣетъ, со тщаніемъ скрываетъ, являяся хотѣть токмо открывать тѣмъ, которые токмо будутъ имѣть препорученіе имѣть съ ними дѣла; яко бы не нужно было и каждому въ знатные чины готовящемуся гражданину познать силу и слабость Россіи и ея пользы въ разсужденіи сей части ея границъ.

Но за такимъ нераченіемъ правительства не должно однако при наученіи юноши родителямъ и наставникамъ оставить попеченіе дать благородному человѣку просвѣщеніе о сихъ странахъ и народахъ. Итако, за недостаткомъ другихъ свѣдѣній, надлежитъ обще родителямъ и учителямъ стараться, колико возможно, собрать свѣдѣніи отъ бывшихъ на тѣхъ мѣстахъ просвѣщеннѣйшихъ людей о разныхъ именахъ сихъ ордъ, о разной ихъ связи между собою, о числѣ народа каж-

даго особливо и вообще объ всѣхъ, о мѣстахъ, которыя населяютъ, о внутреннемъ ихъ поведенiи, о образѣ, какъ они производятъ войну, о разныхъ ихъ выгодахъ, о связи, какую они съ Турками и другими окружающими народами имѣютъ и могутъ имѣть, и все сiе, соображая съ обстоятельствами Россiи, учинитъ въ мысляхъ юноши, колико возможно лучшее начертанiе о сихъ народахъ.

Говоря о разныхъ народахъ горскихъ, порядокъ естественно ведетъ говорить о тѣхъ народахъ, которыхъ мы обще Грузинцами называемъ, хотя въ самомъ дѣлѣ они на Грузинцовъ или Кордуеловъ, Имертцовъ и Кахетинцовъ раздѣляются. Мы также весьма малое свѣдѣнiе имѣемъ о сихъ странахъ, ибо, хотя нѣкоторые путешественники, а особливо iезуиты, и учинили нѣкоторыя описанiи, но въ самомъ дѣлѣ они суть весьма недостаточны; однако, употребляя тѣ, которыя есть (возможность?), съ попеченiемъ отъ самыхъ Грузинцовъ, во многомъ числѣ у насъ живущихъ, познать (колико по ихъ непросвѣщенiю сiе ни есть трудно), надлежитъ юношѣ показать, какiя разныя области сiи три рода населяютъ, какiя выгоды и укрѣпленiи, естественныя и рукотворенныя, сихъ областей, какiя у нихъ правленiи, какiя они между собою, съ Россiею, Турками и Персiанами имѣютъ связи, обильство ихъ страны, многонародiе, богатство и доходы государствъ, какъ набираютъ войска, характеръ народной и оружiи и родъ произведенiя ими войны,—все сiе примѣняя къ состоянiю Россiи, не оставя при томъ примѣтить и о трудности путей, ведущихъ чрезъ Кавказскiя горы въ Грузiю.

Киргизцы, народъ, прилегающiй съ двухъ сторонъ къ Россiйской имперiи, то есть отъ стороны Оренбургской губернiи и отъ стороны Сибири. Надлежитъ стараться познать ихъ въ три орды раздѣленiе: большей, средней и меньшей, которая къ которымъ мѣстамъ Россiйскихъ областей прилегаетъ, какой родъ ихъ правленiя, какое число каждая можетъ поставить войскъ, общiя и особливыя ихъ связи съ Россiею, а паче съ Россiйскими магометанскими народами, связи же между ими взаимственно и съ другими областями, родъ ихъ войны, употребляемыя оружiи и проч.

Персицкая имперiя, хотя почти точно не прилегаетъ къ Россiи, но какъ въ толь близкомъ разстоянiи находится близъ Терки и всегдашнее можетъ сообщенiе имѣть съ Россiею чрезъ Каспiйское море, то потребно узнать ея пространство, многонародiе, богатство, торговлю, силу и прочее. Также разныя связи, которыя она имѣла съ Россiею въ разныя времена, и какiя ея пользы и связи съ другими Азiацкими народами. При семъ случаѣ не должно упустить войти въ познанiе разныхъ ея послѣднихъ перемѣнъ, отъ чего она нынѣ въ раздѣленiе и въ раззоренiе пришла. Въ семъ случаѣ можно многую помощь получить отъ единой книги, называемой «Révolution de Perse».

Наконецъ не должно оставить учинить воззрѣнiе на Китайскую имперiю и на подвластные ей Мунгальскiе народы. Въ семъ случаѣ о первой должно прiобщить

къ извѣстному уже по географіи ея положенію познаніе о разныхъ обязательствахъ, какія сія имперія имѣетъ съ Россіею, какую сіи двѣ державы взаимственную пользу отъ торговли между собою получаютъ и могутъ получать; какія ихъ взаимственныя границы, и какія отъ того многія несогласіи происходятъ. О вторыхъ же изъяснить ихъ раздѣленіи и вѣру, и какія части сихъ народовъ Мунгальскаго роду и того же закону обитаютъ въ Россіи; какая у степныхъ Мунгальцовъ связь съ Россіею, и какая особливая съ ихъ единоплеменными подданными Россіи; изъяснить, колико возможно, ихъ многонародіе и обязательство ихъ съ Китайскою имперіею; ихъ умонарчетаніе, оружіе и родъ войны, каковой они привыкли вести, ихъ богатство, и, наконецъ, какую они торговлю съ Россіею производятъ. Ко всему сему могутъ разныя путешествіи довольную помощь подать.

О философическихъ наукахъ.

Весьма несовершенное будетъ данное поученіе юношѣ, если ему не дадутъ довольнаго понятія о философическихъ наукахъ; онѣ располагаютъ разумъ нашъ прямыя дѣлать заключеніи, онѣ даютъ намъ познаніе о разныхъ чудесныхъ свойствахъ природы, возвышаютъ великимъ и малымъ насъ къ познанію Всевышняго Естества, толь мудро устроившаго все; а потому не токмо служатъ для украшенія нашего разума, для помощи намъ во многихъ случающихся дѣлахъ, но и къ поправленію самыхъ нашихъ нравовъ.

Итако, показавъ нужду въ сихъ знаніяхъ, приступаю изъяснить первое, съ котораго времени должно начинать сіи науки, и какимъ образомъ ихъ должно учить. Первое, надлежитъ юношу нѣсколько уже изготовить, дабы въ оное ему вступить, дабы, начавъ въ самой молодости, не учинить ему сіи науки не иное что, какъ втверженіе пустыхъ словъ, и, не имѣя нѣкоторыхъ предшественныхъ свѣдѣній, яко грамматики и начала математики, такъ же бы ему многое непонятно не показалось. И для того я думаю, что если юноша уже вышеописанныя свѣдѣніи имѣетъ, то можно двѣнадцати или тринадцати лѣтъ начать ему учить философическія науки.

Логика, съ которой всегда начинаютъ учить сіи науки, хотя нѣсколько равно какъ въ грамматикѣ должна изъясняться, такъ и въ самыхъ выводахъ и заключеніяхъ о рѣшеніяхъ математическихъ задачъ, однако въ семъ случаѣ, яко такая наука, которая научаетъ человѣка право мыслить и право свои заключеніи дѣлать, должна быть съ особливымъ тщаніемъ истолкована.

Не можемъ мы пожаловаться на недостатокъ писателей, которые о сей наукѣ писали: писатели Порърояля, Крузъ, Вольфъ, Сгравесандъ, Белъ, Режи и множество другихъ казалися долженствовать истощить сію науку и въ совершенную ясность привести. Но либо кинулись они въ метафизику, или наблюдая школьный порядокъ, со удивленіемъ вижу, что хотя толико изящныхъ ученіемъ своимъ о ней писали, однако она все трудной молодымъ людямъ кажется.

Я съ трепетомъ осмѣливаюсь не согласиться съ расположеніями логики сихъ почитаемыхъ мною людей, но не могу удержаться, чтобы не послѣдовать всегдашнему моему мнѣнію, что науки не составляютъ разумъ, а его вычищаютъ, и потому надлежитъ на общихъ понятіяхъ человѣческихъ и отъ той главности логику производить.

Обыкновенно начинаютъ логику, по показанію общаго расположенія, объясненіемъ, а потомъ предложеніи и аргументаціи методическіи, послѣ же приступаютъ къ силогисмамъ, антитемамъ, соритамъ, софизмамъ и параложизмамъ; а потомъ говорятъ о понятіи человѣческомъ, и прочее, и наконецъ о методѣ.

Дабы войти въ разсмотрѣніе такого расположенія, объясненіе словъ есть совершенно нужно, ибо, пока точный разумъ словамъ не дашь, по тѣхъ мѣстъ всякая рѣчь темна и не понятна будетъ. Но, чтобы слѣдовали сему предложеніи, сіе мнѣ кажется отъ естества понятія человѣческаго отдаляется, ибо предложеніи происходятъ отъ соображенія разныхъ чувствій, которыя производятъ воображеніи *), то хотя сіе и составляетъ часть метафизики, о которой ниже упомяну, надлежитъ однако въ логикѣ учинить чувствительно юношѣ, какъ чрезъ чувствы мы примѣчаемъ разныя вещи, и какъ въ насъ чинятся воображеніи. Тогда, получа о чувствіяхъ понятіе, само собою представится юношѣ, какъ должно предложеніе сочинить, которое не что иное есть, какъ изъясненіе того начертанія, которое мы чрезъ чувствы получаемъ, и какъ оно внутри насъ воображается; тогда должны за симъ слѣдовать силогисмы, какъ оные располагать, соображая сіе съ самыми понятіями математическими; изъяснить ихъ правилы, въ чемъ они будутъ справедливы, и въ чемъ можно погрѣшности сдѣлать, и тако продолжая о антитемахъ, соритахъ, софизмахъ и параложизмахъ; всѣ разныя правилы, основываясь на самыхъ вышеписанныхъ основаніяхъ о изъяснить, подтверждая все сіе многими примѣрами.

Когда юноша уже достигнетъ до сего довольнаго познанія, то легко уже ему тогда о аргументаціи методической изъяснить, ибо сіе не иное что, какъ токмо силогисмы распространенные, а потому, познавши правилы силогисмовъ, легко оныя и къ аргументаціи методической приложить.

За симъ слѣдуетъ въ логикѣ метода— весьма нужная наука человѣку, дабы во всякихъ дѣлахъ могъ по правиламъ оныя располагать и исполнять свои дѣла. Сего ради наивящее и внушеніе оной должно учинить, и не токмо преподавая правилы, но и самыя дѣлая задачи, какимъ образомъ, въ наукахъ ли, во изысканіяхъ ли какихъ, или въ какомъ бы ни было дѣлѣ, по правилу методы долженъ поступить; требуя на разныя сіи задачи отъ юноши письменнаго рѣшенія и исправляя оныя по правиламъ методы. Не безполезно я притомъ считаю, чтобы при самой наукѣ методы въ логическихъ писателяхъ приложить науку методы отъ

*) *Прим. Ред.* На современномъ языкѣ: *представленія.*

Домлами, вмѣщенной въ его Eléments de mathématique.

Такимъ образомъ окончa мои мнѣнія о томъ, что прямо должно логикою называться, не безполезно юношѣ сдѣлать внушеніе и о метафизикѣ, дабы онъ, елико возможно, имѣлъ понятіе о дѣйствіяхъ чувственныхъ вещей надъ своею душою. Всѣ тѣ писатели, о которыхъ я выше упомянулъ, писавшіе о логикѣ, входили и въ сію нужную человѣку метафизику, но, колико сужденіе мое достигаетъ, мнѣ кажется, яснѣе прочихъ о семъ писалъ господинъ аббатъ Гвинотъ, въ книгѣ Leçons philosophiques, которой и совѣтую держаться, съ тою токмо осторожностью, чтобъ не учить сію науку, яко учатъ вокаболы, давая..... ихъ выучивать наизусть. Но прежде, нежели приступить къ чтенію какого наставленія, надлежитъ съ юношею долго разговаривать о той причинѣ. Напримѣръ спросить его, какъ онъ вещи примѣчаетъ, какъ онѣ ему чувствительны становятся, которыя чувствіи могутъ его обмануть, и которыя вѣрнѣе, и какъ наконецъ изо всего сего дѣлается въ немъ воображеніе, имѣлъ ли онъ его прежде, или чрезъ чувствы получилъ, и прочее, и во всемъ стараться исправлять его понятіе, дабы, можно сказать, онъ самъ собою до познанія своихъ чувствъ, и какъ сочиняются его воображеніи, достигнулъ; а тогда уже въ писателяхъ показать яснѣйшее ему и истолкованіе тому, что онъ уже самъ собою ощущаетъ. Я тѣмъ болѣе утверждаюсь въ лучшествѣ сей методы, что наилучшій метафизикъ—господинъ Локъ—не иныя средствіи употребилъ ко изысканіямъ своимъ, преданнымъ намъ въ его сочиненіи Essay sur l'entendement humain, и что такимъ образомъ якобы самимъ имъ учиненныя откровеніи навсегда въ памяти остаются со всѣми слѣдствіями, которыя должно извлекать.

Не могу я окончать сію статью о метафизикѣ, чтобъ не сдѣлать единаго по мнѣнію моему нужнаго примѣчанія; то есть, что надлежитъ для метафизики выбрать какую книгу изъ лучшихъ и прилежать на основаніи оной научать юношу, изъ коихъ по мнѣнію моему лучшей почитаю Lecons philosophiques par l'abbé Guinot. Не позволяя впрочемъ ему другихъ книгъ читать, яко Малебранша и Лока, ибо, не взирая на весь пространный разумъ сихъ великихъ мужей, не можно сказать, чтобы въ иныхъ мѣстахъ они не впали въ заблужденіе, о коихъ господинъ Гинотъ точно упоминаетъ. Толь есть трудно и великимъ людямъ дѣйствіи своихъ чувствъ надъ душею разбирать.

Науки физическія.

Сими прежде означенными способами не токмо юноша получитъ многое просвѣщеніе, не токмо внутренно самъ о себѣ, но и о внѣшнихъ вещахъ; но не составляетъ еще сіе его полнаго ученія, а надлежитъ стараться дать ему познаніе обще о физикѣ и о химіи. Сіи науки, отверзая его разумъ на естественныя, видимыя и сокрытыя, сего мира вещи, научатъ его многимъ вещамъ, которыя ежедневно онъ можетъ въ теченіе

жизни своей употреблять. Ибо, строеніе ли имѣетъ какое, или есть ему нужда въ составленіи какихъ машинъ — механика ему открываетъ путь къ нужнымъ познаніямъ; имѣетъ ли онъ нужду въ безводныя мѣста привести воду, или ее поднять или сдержать ея быстроту, или употребить ее для дѣйствія какихъ машинъ, — гидростатика и гидролитика ему правилы показуетъ; болѣзнь ли его отягощаетъ, — онъ познаетъ ее чрезъ свѣдѣніи анатоміи и чрезъ знаемое ему обращеніе крови, и способы въ травахъ, ихъ сокахъ, минералахъ и земляхъ находитъ, изъ коихъ единые — кислые и имѣющіе острыя частицы — разбиваютъ сгущенныя мокроты, другіе — горькіе — пожираютъ кислоту; воззритъ ли онъ паденіе камня и хочетъ знать причину быстраго ускореннаго его движенія, — правилы притяженія ему въ томъ спомоществуютъ; зритъ ли восходящее или заходящее солнце, луну и другія свѣтилы — въ невѣдѣніи по извѣстіямъ астрономическимъ о предписанныхъ путяхъ имъ не останется; наконецъ, воззритъ ли онъ на животныхъ, населяющихъ вселенную, скотовъ, рыбъ, пресмыкающихъ, птицъ, гадъ, насѣкомыхъ и прочее, — обрящетъ довольное просвѣщеніе въ натуральной исторіи, и если восхочетъ познать частицы, изъ чего составлены тѣла, — обрящетъ къ тому въ химіи способъ.

Приступая къ такъ называемымъ физическимъ наукамъ, по обыкновенію моему дѣлаю первый вопросъ: когда сіи науки должно начинать? и отвѣтствую, что двойное ихъ суть начатіе: первое — дать понятіе о дѣйствіяхъ вещества, а второе — входить въ порядочную подробность о семъ.

Всякой человѣкъ многія естественныя дѣйствіи знаетъ, напримѣръ, что огонь разогрѣваетъ; что изъ стали можно высѣкать искру; что въ сырое время тѣла надуваются, сокращается веревка, разбухаютъ доски, а въ сухое противное дѣйствіе происходитъ; что порохъ отъ единой искры затлѣвается, производитъ трескъ и все сопротивляющееся ему низвергаетъ, и прочее; но, не учася физикѣ, не можно причины оному сказать.

Итакъ думаю я, что весьма полезно съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, яко лѣтъ съ пяти или седми, сдѣлать юношѣ знакомыми сколько можно больше естественныхъ явленій, яко: что такое пустота, и какое дѣйствіе она надъ водою, надъ огнемъ, надъ плодами, надъ растеніями, сѣменами, животными, огнемъ и звукомъ производитъ, употребляя къ сему воздушную машину со изъясненіемъ, что такое раздѣлимость вещества до неисчетности; какія дѣйствіи разныя смѣшанныя вещества для холоду ли или для жару производятъ, и какъ дѣлается вскисеніе веществъ, а потому въ дѣйствіе приведенныя частицы какое дѣйствіе имѣютъ; какъ горячность расширяетъ тѣла, а холодъ ихъ стѣсняетъ — чрезъ машину пирометръ; какое есть давленіе воздуха — чрезъ фонтанну давительную; какія суть разныя дѣйствіи электризаціи; что такое паденіе тѣлъ, быстрота ихъ паденія и пріумноженіе чрезъ то силы; что такое удареніе тѣлъ

и углы ихъ ударенія и отраженія; что такое рычагъ, колесо, воротъ, покатость, винтъ и прочее; какъ всегда въ равностояніи пребываетъ и прочее. Также учинить ему сдѣлать примѣчаніе на небесныя свѣтилы, когда и въ которомъ мѣстѣ восходятъ, какую тѣнь солнце производитъ, о рожденіи, прибавленіи и убавленіи луны. Показать ему въ небѣ разныя созвѣздіи, съ названіемъ ихъ именъ. Наконецъ учинить ему ощутительно, коль слабы наши чувствы къ примѣчанію очами мелкихъ вещей или вещей, находящихся вдали, и что чрезъ способъ микроскопа и телескопа или другихъ трубъ намъ новая, невидимая прежде нами, но весьма достойная любопытства, вселенная открывается.

Физика весьма много пользы получила въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда ее начали пріобщать къ химіи, и для сего считаю я, что несовершенно будетъ ученіе физики, ежели не пріобщить къ тому химію; не говорю я, чтобы должно было учинить большое упражненіе юноши, но довольно показать ему нѣкоторыя изготовленіи самыя нужнѣйшія, дабы онъ могъ понятіе о сей наукѣ имѣть и видѣлъ бы собственными своими испытаніями, какъ разные смѣшанные составы теплоту или холодъ производятъ, какъ разныя соли составляются, какъ чрезъ однѣ выходящія частицы могутъ нѣкоторыя тѣла цвѣтъ свой перемѣнять, какъ огонь во многихъ тѣлахъ тягость прибавляетъ, какъ разные есть воздухи, мефитической или чадной, горячій и неподвижной, и какія ихъ дѣйствіи, и прочее.

Учиня общее начертаніе о наукахъ физики и химіи, за полезное я почитаю тапере въ нѣкоторую подробность объ оныхъ вступить съ показаніемъ писателей, которымъ должно въ семъ случаѣ послѣдовать. Я начинаю съ прямо такъ называемой физики. Я думаю, что оную достаточно можно преподавать по сочиненіямъ господина Поллета, окромѣ части о электризаціи, въ которой надлежитъ послѣдовать господину Франклейну, но какъ есть и въ тѣхъ частяхъ Поллета нѣкоторыя вещи, которыя онъ, избѣгая исчисленіи, пропустилъ, яко о сопряженіи частицъ между собою, а потому о силѣ и крѣпости бревенъ и брусьевъ, то кажется какъ въ семъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, какъ заблагоразсудится, полезно еще въ помощь взять Cours de physique de Muchenbroc, а паче введеніе сего послѣдняго, гдѣ включены метафизическія разсужденіи о свойствахъ вещества, можетъ великой пользой быть для каждаго читателя.

То, что прямо физикою называется, содержитъ въ себѣ механику, содержащую къ тому движеніе и паденіе тѣлъ— науку, которую уже юноша въ частяхъ математики видѣлъ, но не худо и при наукѣ физики съ изъясненіемъ самаго дѣйствія притяженія, и какъ тягость тѣлъ по мѣрѣ удаленія ихъ отъ земли уменьшается, сіе вторично показать; тѣмъ наипаче, что она и другимъ частямъ физики основаніемъ служитъ.

Гидролика, которую уже частью юноша училъ въ наукахъ математическихъ, въ наукѣ физики должна быть подтвер-

ждена со всѣмъ тѣмъ, что до свойства воды и вообще жидкихъ тѣлъ касается, и сіе самое возобновить ему напамятованіе того, что онъ въ математическихъ писателяхъ о свойствахъ и дѣйствіяхъ сей стихіи училъ.

А понеже всѣ жидкія тѣла имѣютъ во многомъ одинакое свойство, то познаніе свойства воды и гидролитики откроетъ путь юношѣ къ удобнѣйшему понятію о дѣйствіяхъ воздуха и всей науки аеростатики, покажетъ ему разныя дѣйствіи и гнетеніи атмосферы, изъяснитъ ему причину поднятія воды въ трубкахъ, а съ приложеніемъ дѣйствія притяженія изъяснитъ ему, чего ради исчисленіи по поднятію воды въ трубкахъ, въ разсужденіи давленія одного воздуха, съ истиною не соглашаются, но должно и на притяженіе прибавокъ учинить. Тѣ же правилы тяжести, которыя въ тѣлахъ, въ жидкости погруженныхъ (наблюдаются?), приложатся для показанія, чего ради единыя тѣла могутъ долго на воздухѣ оставаться, а другія тотчасъ упадаютъ, густота же воздуха изъяснитъ о сопротивленіи, которое тѣла въ летѣніи въ воздухѣ обрѣтаютъ. Показать дѣйствіи воздуха надъ тѣломъ человѣческимъ, колико пустота можетъ вредъ или, лучше сказать, самую смерть нанести, подтверждая то примѣрами дѣйствія пустоты надъ разными животными, а сіе самое доведетъ къ разсмотрѣнію о существѣ сихъ разныхъ животныхъ. Показать, како воздухъ даетъ питаніе огню; како чрезъ способъ воздуха и его упругости прилагаются намъ звуки, а сіе самое подастъ причину къ разсмотрѣнію пренесенія и скорости звуку и къ понятію о музыкѣ, о согласованіи, о разгласіи и прочемъ, по разнымъ поколебаніямъ воздуха, къ чему, окромѣ Поллета, съ успѣхомъ можно употребить примѣчаніи о звукѣ и о музыкѣ, находящіяся въ grammaire des sciences philosophiques; такъ же и всѣ прочія дѣйствіи воздуха разсмотрѣть.

Понынѣ я говорилъ о воздухѣ, токмо взаимствуя изъ физическихъ писателей, но уже нѣсколько тому время, какъ многіе ученые люди чрезъ дѣйствіи химіи разныя изысканіи и откровеніи учинили. Нашли, окромѣ смѣшаннаго воздуху, который мы дышемъ, четыре другіе — ефиръ, палящій, чадной и твердой, то различіе сихъ воздуховъ, какъ ихъ изъ разныхъ тѣлъ извлекать, какія они имѣютъ свойствы, и како пользятъ роду человѣческому, послѣдуя ученымъ, при семъ же полезно юношѣ показать, и тѣмъ наипаче, что ни единый писатель о физикѣ еще о семъ не писалъ.

Приступая къ стихіи огня, толико полезной и вредной намъ, не могу я учинить раздѣленіе между оной и лучей свѣта, ибо въ самомъ дѣлѣ огнь свѣтъ производитъ, и солнечные лучи — источникъ свѣтлости — огненные суть. Во первыхъ изъясняя дѣйствіи огня, читая уроки физическіе аббата Поллета, не довольно я нахожу яснаго изъясненія о дѣйствіяхъ сей стихіи, и для того кажется мнѣ, что при семъ случаѣ писаніе лучшее Брока присоединить можно, гдѣ онъ говоритъ о разныхъ дѣйствіяхъ онаго, какъ естественнаго, яко чрезъ зеркало или вы-

пуклое стекло чрезъ собраніе солнечныхъ лучей производимаго, такъ же, гдѣ такъ можно сказать, говорить о рукотворенномъ, то есть искусствомъ нашимъ изъ разныхъ веществъ извлеченномъ, показуя опытами, како атмосфера, окружающая свѣчи, не допускаетъ ихъ пламеніе соединя(ться?), како разныя вещества даютъ питаніе огню, како воздухъ оный возбуждаетъ, и лишеніе его гаситъ огнь, како и отчего дымъ происходитъ, и чего ради онъ, самъ рождающійся отъ огня, оный затушаетъ, какъ огнь входитъ во всѣ вещества и горячность ихъ приключаетъ, что можетъ умножить и уменьшить его дѣйствіе и прочее, а какъ о таковыхъ дѣйствіяхъ никто донынѣ лучше не изъяснилъ, какъ знаменитый Бургавъ въ своей химіи, то является, что не безполезно будетъ и части оныя, касающіяся до огня, при дѣланіи испытаній дать юношѣ прочесть.

Говорилъ я о лучахъ и о свѣтѣ, то сіе есть самое время изъяснить юношѣ о происхожденіи свѣта и о преломленіи лучей, а самое сіе и ведетъ говорить о оптикѣ. По учиненнымъ откровеніямъ господиномъ Невтономъ всѣ писатели о физикѣ довольно ясно сіи преломленіи и отраженіи изъяснили, втолковывая наияснѣйшимъ образомъ часто бываемыя видѣніи, яко о радугѣ и паденіяхъ, а для того довольно въ семъ случаѣ послѣдовать аббату Поллету, изъясня къ тому сходство соразмѣру лучей въ составленіи цвѣтовъ, съ поколебаніемъ воздуха при преложеніи звуку, какъ сіе описано въ Grammaire des sciences philosophiques. Не худо же въ семъ случаѣ сдѣлать примѣчаніе, и въ другихъ подобныхъ, юношѣ, колико природа повсюдова единообразно поступаетъ; желающій же болѣе понятія о сей наукѣ имѣть можетъ прочесть Optique de Schmith или Optique de l'abbé de la Caille.

Говоря о огнѣ, не совершенно учинено было(бы?) понятіе юноши о сей стихіи, еслибы не дать ему понятіе о электризаціи. Господинъ Поллетъ и многіе другіе французскіе писатели отдалилися отъ истины въ истолкованіи причинъ дѣйствій электризаціи, но, можно сказать, наилучшія откровеніи въ семъ учинилъ господинъ Франклейнъ, которому и совѣтую послѣдовать. А понеже электризація окромѣ испущенія огненныхъ частицъ имѣетъ еще силу притяженія и отраженія, то, истолковывая сіе дѣйствіе, за полезное я почитаю показать юношѣ дѣйствіе камня, турмалинъ называемаго, въ таковыхъ привлеченіяхъ и отраженіяхъ, а для сего за лучшее почитаю прочесть сочиненіе господина Епинуса о сей причинѣ.

По симъ частямъ физики слѣдуетъ важная часть космографіи, то-есть, свѣдѣнія о небесныхъ тѣлахъ, ихъ разстояніи, величинѣ и ихъ движеніи. Дѣйствительно (это?) такая наука, которая возвышаетъ человѣка превыше его естества и дѣлаетъ его яко соучастника совѣту Божію въ сложеніи вселенной. Единый весьма разумной человѣкъ, справедливо сказалъ, что никто изъ смертныхъ ближе Бога, какъ Невтонъ, испытавъ уставы естества и проникнувъ тайные за-

коны движенія огромныхъ небесныхъ тѣлъ. Я отдаленъ предлагать, чтобы астрономія должна быть учена юношѣ благородному съ такою подробностью, какъ прилично профессору ее знать, но и совершенное несвѣдѣніе его о небесныхъ тѣлахъ, безпрестанно являющихся его очамъ, не можетъ ему стыда не навести. И для того, изъяснивъ юношѣ разныя системы философовъ о сложеніи мира и показавъ ихъ неудобности, надлежитъ потомъ учинить ему изъясненіе о каждомъ изъ сихъ небесныхъ тѣлъ, планетами называемыхъ, показать ему ихъ величину, ихъ твердость, разстояніе отъ земли и между собою, скорость ихъ теченія, правилы взаимственнаго притяженія между ими, не оставя притомъ припомянуть Кеплерово правило о познаніи отдаленія и о величинѣ (?) тѣлъ сихъ свѣтилъ и прочее. Изъяснить неравности въ теченіи ихъ, и какъ они чрезъ разныя притяженіи происходятъ.

Приступая къ подробному объясненію о каждой планетѣ, надлежитъ со всѣмъ тщаніемъ изъяснить юношѣ причины прибавленія и убавленія луны; видѣніи,*) которыя и планета Венусъ имѣетъ; показать неравность ея теченія и такъ называемые узлы, дѣйствіи ея надъ нашимъ земнымъ шаромъ въ разсужденіи прилива и отлива морскаго.

О солнцѣ надлежитъ изъяснить его великое разстояніе, его величину, изливаемую свѣтлость и также дѣйствіе въ разсужденіи прилива и отлива и про-

*) *Прим.* На современномъ техническомъ языкѣ—*фазы*. *Ред.*

исхожденіе до насъ его лучей; въ чемъ послѣднемъ, также и въ другихъ причинахъ, письма господина Ейлера могутъ многую помощь подать.

О Марсѣ, изъясня его отдаленность и величину, показать мнѣніи о багряномъ его цвѣтѣ.

О Меркуріи, кромѣ вышеписаннаго, учинить понятно его близость къ солнцу, и каковой тамъ долженъ быть ощутительной жаръ.

О Юпитерѣ показать его отдаленность, величину, полюсы, и его спутниковъ, воспоминая, кто онымъ откровеніе учинилъ, какой ихъ путь кругъ ихъ планеты, и колико они суть удобны для учиненія астрономическихъ наблюденій.

Наконецъ о Сатурнѣ должно изъяснить его величину, отдаленіе, пространной описуемой путь, о его кольцѣ и спутникахъ, какое уповательно они дѣйствіе надъ ихъ планетою учиняютъ, какое ихъ обращеніе кругъ оныя, и коль они служатъ къ справедливымъ положеніямъ, чинимымъ въ разныхъ астрономическихъ наблюденіяхъ.

Да не оставится также въ забвеніи показаніе года каждой планеты.

Окончивъ взираніе на сіи великія и порядочные свои пути имѣющія планеты, надлежитъ обратить свое вниманіе на тѣ небесныя тѣла, которыя порядочнаго теченія не имѣютъ, которыя мы кометами называемъ. Прилично при семъ случаѣ учинить юношѣ понятіе, какое мнѣніе древніе имѣли о кометахъ, и какія суевѣрныя ихъ были о нихъ мысли, что онѣ дѣйствительно есть, какіе ученые о

нихъ учинили откровеніи, какія знатнѣйшія примѣчены были, и которымъ нѣкоимъ образомъ означенъ путь. Сей путь, особливо по великому ихъ отдаленію и по великому потомъ приближенію къ солнцу, долженъ быть объясненъ. О семъ, окромѣ что во всѣхъ физическихъ книгахъ довольно описано, можно многое почерпнуть изъ ансиклопедическаго словаря, слово *Комета*.

Познаніе потомъ звѣздъ есть необходимо нужно съ учиненіемъ юношѣ примѣчанія, что сіи свѣтилы, которыя намъ толь малы быть кажутся и токмо слабой и колеблющійся свѣтъ къ намъ нисносылаютъ, суть толико великихъ солнцъ, можетъ статься имѣющія свои вертексы и обращающіяся кругъ ихъ планеты въ непомѣрномъ пространствѣ; что они намъ толь малы кажутся ради безмѣрной ихъ отдаленности, такъ что, хотя свѣтъ многія тысячи разъ скорѣе нежели пушечное выстрѣленное ядро имѣетъ свое движеніе, и хотя солнце тоже отдалено отъ насъ по исчисленію нѣкоторыхъ на 2400 діаметровъ земли, однако въ 8 минутъ лучи его до насъ доходятъ, но что есть такія звѣзды, коихъ лучу надлежитъ теченіе 700 лѣтъ, дабы до насъ достигнуть. Теряется нашъ умъ въ томъ великомъ пространствѣ, и токмо по симъ чудесамъ, ежедневно намъ представляющимся, да унижится во удивленіи умъ нашъ, изображая всего сего Сотворителя. Но, дабы не едиными словами разсказать юношѣ о семъ отдаленіи, надлежитъ чрезъ оптическія правилы, показующія намъ увеличеніи и уменьшеніи видовъ вещей въ разныхъ отдаленіяхъ, сіе ему доказать. Тако, давъ общія понятіи о звѣздахъ, надлежитъ особливо обратить его вниманіе на разныя созвѣздіи и, употребляя небесной глобусъ, показать ему, изо сколькихъ каждое составлено звѣздъ, и какихъ величинъ, и какъ нѣкоторыя имѣютъ собственныя свои имена, въ какихъ емисферахъ сіи созвѣздіи находятся, какое восхожденіе и нисхожденіе сихъ свѣтилъ; какое употребленіе изъ оныхъ для географіи и мореплаванія чинятъ; какъ ближняя звѣзда къ полюсу меньшаго медвѣдя служитъ къ показанію намъ полюса, и потому должно знать въ разныя времена года ея отдаленіе, и какъ можно по ней многія наблюденіи дѣлать.

Не надлежитъ оставить въ забвеніи говорить и о тѣхъ двѣнадцати созвѣздіяхъ, которыя зодіаками называютъ, сдѣлавъ примѣчаніе: оныя суть всѣ стоятъ между тропиковъ, въ пути солнечномъ, и что хотя каждому мѣсяцу года приписано единое изъ сихъ созвѣздій, но уже солнце путемъ своимъ не входитъ въ первыя числы назначеннаго мѣсяца въ первые градусы того созвѣздія, но чрезъ нѣсколько дней, и что сіе произошло отъ наклоненія небесныя системы, которая нѣсколько упаздываетъ теченіе солнца, но продолжаемъ по древнимъ примѣчаніямъ давать каждое созвѣздіе каждому мѣсяцу года; не оставить безъ примѣчанія, какъ шествіе или погруженіе нѣкоторыхъ звѣздъ въ сіи созвѣздіи можетъ долготу мѣстъ показать, а наконецъ не за безполезное я

считаю исторически изъяснить причины именованій сихъ созвѣздій, къ чему изрядно можетъ послужить книга de l'origine de l'idolâtrie и Histoire du ciel par Pluche, ибо сіе весьма забавно можетъ юношѣ быть и просвѣтить его разумъ на начало многихъ установленій.

Я симъ оканчиваю сію пространную науку астрономіи, учинивъ токмо начертаніи, что должно учинить примѣтить благородному учащемуся юношѣ, а не всѣ проблемы и ѳеоремы предложилъ; ибо сіе съ моей стороны показало бы токмо излишнее честолюбіе въ познаніи, а къ пользѣ не служило, понеже оныя во всѣхъ астрономическихъ книгахъ находятся; да и несть мое намѣреніе дать правилы учить астрономію, но довольно просвѣтить благороднаго юноши разумъ, чтобы онъ могъ обращеніи небесныя понимать и, зная нѣсколько причину вещей, удивляться мудрому строенію вселенной.

О наукѣ правъ.

Когда же юноша уже окончитъ логику и получитъ довольное познаніе въ исторіи, тогда полезно ему дать познаніе о народныхъ и гражданскихъ правахъ, дабы, показавъ ему ученіемъ христіанскаго Закона, чѣмъ онъ по имени христіанина и по естественному закону долженъ Богу, обществу и ближнему; понявши изъ науки логики право располагать свои мысли и дѣлать справедливыя заключеніи, а отъ науки исторіи разные обычаи и узаконеніи разныхъ народовъ, можно сказать, что уже имѣетъ основательныя начертаніи въ мысляхъ своихъ, чѣмъ единое общество другому обязано, и чѣмъ каждой особливо гражданинъ обязанъ обществу и ближнему, и напротивъ того, чѣмъ самое общество каждому приватному обязано; и токмо остается особливыми правилами, почерпнутыми изъ сихъ наукъ, сіе паче въ ясность ему привести, и сія наука называется: права народныя и гражданскія.

Однако, коликое бы понятіе по вышеписанному юноша ни получилъ о такихъ взаимственныхъ должностяхъ, надлежитъ сперва начинать его учить правамъ естественнымъ, то есть, тѣмъ, чѣмъ онъ, потому что онъ есть человѣкъ, самъ себѣ и ближнему долженъ; ибо сперва должно познать свое состояніе, а тогда располагать, какія должности отъ сего извлекаются. Да не презрятъ при семъ случаѣ наставники наисильнѣйшимъ образомъ внушать юношѣ о слабости состоянія человѣческаго, и что хотя онъ есть знатнѣйшая тварь по разуму своему, но болѣе всѣхъ другихъ животныхъ тѣлесныя нужды претерпѣваетъ, и что утѣсненіи, которыя онъ мнитъ чувствовать отъ должностей его къ другимъ, суть полезны ему, яко связующія обществы и дающія способъ единому человѣку другому помогать, безъ чего ни общество стоять не можетъ, ни человѣкъ ни убѣжища себѣ отъ безвременія погодъ, ни одежды себѣ, прикрывающей его отъ стужи и отъ солнечнаго зноя, ни оружій для защищенія своего отъ дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей, ниже пропитанія сыскать не можетъ; и потому сіи долж-

ности не токмо ему полезны, но и легки должны являться.

Потомъ, взирая человѣка въ сообществахъ, надлежитъ разсмотрѣть разныя правительствы, прилагая къ тому историческіе примѣры, которыя и въ какихъ обстоятельствахъ возвысили государствы и ощастливили народы; какія перемѣны они претерпѣли, и какія неудобности и безпорядки отъ сего произошли; ибо да не льстятъ себѣ найти совершенное правительство, потому что всѣ они уставлены умами человѣческими, а все, что человѣкъ содѣлываетъ, имѣетъ нѣкоторые знаки несовершенства.

Связь, которую общества между людей составляютъ, ведетъ сама собою, чтобы была вѣрность къ сему обществу, взаимная безопасность въ жизни и здоровьѣ между сочиняющихъ оное; благонравіе, которое бы сопрягало наипаче сіе общество, раздѣленіе собственности и безопасность оныя, а все сіе и раздѣляетъ права на показаніи: что есть оскорбленіе величества, что есть права уголовныя, что есть права для сохраненія надлежащаго благочинія, и какія права предъохраняютъ собственность. Сіи самыя права влекутъ за собою наказаніи преступникамъ, по мѣрѣ важности ихъ, а самыя наказаніи требуютъ предписаній, какъ разныя преступленіи и пороки изыскивать.

Римскія права всѣмъ такимъ случаямъ намъ лучшія правилы преподаютъ, и хотя многіе нынѣ писатели тщатся дѣлать охуленіе римскихъ правъ, но общее согласіе почти всей Европы и самая ихъ подробность входить во всѣ тонкости, сходственно со здравымъ разсудкомъ, испровергаетъ ихъ мудрствованіи.

Однако я говорю о римскихъ правахъ, не имѣя себѣ въ предметъ, чтобы оныя благородному юношѣ съ такимъ пространствомъ учить, якобы хотятъ изъ него стряпчаго сдѣлать; но довольно, взявъ вышеписанные предметы, показать ему причину установленія оныхъ, показать ему должности, обязующія его къ обществу, и къ каждому гражданину особливо, а потомъ изъяснить ему о разныхъ преступленіяхъ и порокахъ, и какія они влекутъ за собою наказаніи, и какія при томъ пріяли средствы законодатели, чтобы самый мечъ законовъ во зло не былъ употребленъ. Хотя выше во многихъ случаяхъ я не оставлялъ помянуть писателей, которымъ совѣтовалъ послѣдовать, но въ семъ случаѣ не могу я сыскать ни единаго, который бы сдѣлалъ такое сочиненіе, которое бы соотвѣтствовало сему предмету. Но какъ со всѣмъ тѣмъ не безполезно нѣчто сказать о оныхъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ можно почерпнуть для сочиненія нужныхъ выписокъ для учащагося юноши, то по мнѣнію моему я лучшими для сего почитаю: Les institutes de l'empereur Justinien, Les lois criminelles de France dans leur ordre naturel, par M. Mayart de Vanglars (?), Les lois civiles par Domat. Къ тому же для лучшихъ разсужденій можно приложить: esprit des lois par Montesquieu, Traité des délits et des peines par Beccaria и большой наказъ.

О сихъ трехъ послѣднихъ книгахъ за нужное почитаю помянуть. О первой: великія мысли и обширной разумъ господина Монтескье учинили, что по многимъ несправедливымъ охуленіямъ сей книги она толь великой верхъ взяла, что писаніе сіе яко оракулъ политики и закономудрствія стали почитать. Гоненіе сему труду отъ бѣсновѣровъ было несправедливо, а и почтеніе послѣдующее излишне. Ибо многими уже учеными людьми примѣчено, что господинъ Монтескье велъ её несистематическимъ образомъ, что упоминовеніи о писателяхъ часто несправедливы, и заключеніи часто противны естеству и теченію вещей. О второй: господинъ Бекарій, исполненъ человѣколюбія, вперилъ весь разумъ свой потщиться оное въ законы ввести; намѣреніе его похвально, но исполненіе часто невозможно бываетъ. Наконецъ, что касается до большаго наказу, то какъ оный есть выбранъ изъ сихъ двухъ вышеписанныхъ книгъ, то онъ тѣ же пороки имѣетъ. Однако, не взирая на всѣ сіи пороки, всѣ сіи книги въ рукахъ разумнаго наставника могутъ весьма послужить къ просвѣщенію юноши.

Окончивъ такимъ образомъ то, что я называю общими правами, необходимо нужно стараться получить познаніе о законахъ отечества своего. Ибо, живя въ отечествѣ своемъ, необходимо нужно знать, какими законами обязанъ къ обществу и къ приватнымъ людямъ, какія за преступленіи оныхъ налагаются наказаніи, какія права имѣетъ человѣкъ на владѣніе своей собственности, и какъ отъ похитителей оную можетъ защитить, иль самъ несправедливымъ образомъ похитителемъ не учиниться.

Понеже предметъ мой состоитъ писать для россійскаго юношества, то приступаю къ тому, какое понятіе должно имѣть каждому россійскому согражданину о законахъ отечества своего. И коль сіе ни есть трудно ради великаго числа законовъ, часто противурѣчительныхъ и по большей части недописанныхъ, однако ради трудности сей науку сію отлагать не должно.

Итако первое почитаю за нужное дать юношѣ съ прилежаніемъ читать уложеніе царя Алексѣя Михайловича со учиненнымъ сводомъ указовъ, истолковывая юношѣ, которые законы по какимъ обстоятельствамъ были сдѣланы, и когда и какъ отмѣнялись.

И, первое, узритъ онъ тутъ въ первыхъ главахъ законы противу оскорбителей величества божественнаго и государева, къ сему приличные законы да прочтетъ и да разсмотритъ съ примѣчаніемъ. Преходя потомъ къ разбойнымъ и татинымъ законамъ, да разсмотритъ, какъ какіе законы отмѣнялись, которые по времени были облегчены, и по времени строгость была прибавлена, и другія главы, касающіяся до уголовныхъ дѣлъ, а какъ обще сказать сія часть въ нашихъ гражданскихъ законахъ не довольно изъяснена, то да приложитъ къ сему чтеніе военнаго артикулу.

По семъ преходя къ дѣламъ гражданскимъ, да прочтетъ главы о крестьянахъ и о холопьемъ судѣ, да изъяснится ему,

какъ холопій судъ былъ отмѣненъ, и какъ крестьяне зависѣли отъ ихъ господъ; какіе законы положили преграды, дабы крестьянъ учинить не толь подверженныхъ самовластію господскому, и какія права въ разсужденіи бѣглыхъ.

При чтеніи о вотчинахъ и помѣстныхъ земляхъ главъ, да изъяснится ему, что было въ древнія времена вотчина и помѣстье, какія права помѣщики надъ оными имѣніями имѣли, какія разныя права были установлены для наслѣдства, продажи и выкупа обоихъ сихъ, а паче помѣстій, какъ помѣстьи были отмѣнены и вдругъ Петромъ Великимъ пожалованы дворянамъ, какъ состоялся указъ о первенствѣ, какіе на указъ сей были доклады, какъ онъ былъ отмѣненъ, и какъ многіе пункты онаго стали возобновлены.

Глава о мельницахъ и перевозахъ также достойна вниманія гражданина, а къ сему можно пріобщить и разныя узаконеніи не токмо о сихъ причинахъ, но также касающіяся и до другихъ заводовъ.

Наконецъ, понеже всѣ граждане платятъ нѣкоторую дань для нуждъ государственныхъ, то за нужное почитаю получить понятіе, съ чего и какъ платятъ, и какія узаконеніи къ какому платежу обязуютъ.

Тако познавъ общее положеніе законовъ россійскихъ, нужно потомъ войти въ учрежденіе самыхъ правительствъ. Сего ради начинаю историческимъ порядкомъ съ учиненныхъ учрежденій Петромъ Великимъ. Надлежитъ во первыхъ сдѣлать исчисленіе о всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя были учреждены Петромъ Великимъ, и которыя послѣ до 1775 г. учреждаемы были; истолковать, какія дѣла до которыхъ мѣстъ относились, и какія были причины учрежденія оныхъ. Потомъ надлежитъ прочесть со вниманіемъ во первыхъ генеральный регламентъ, яко касающійся до общаго порядка всѣхъ судебныхъ въ имперіи мѣстъ, потомъ о должности сената и генералъ-прокурорскую инструкцію, духовный регламентъ, морской регламентъ и каммеръ-коллежскій регламентъ, магистратскій и другіе, какіе есть, ибо Петръ Великій хотя намѣренъ былъ и для каждаго судебнаго мѣста сдѣлать регламентъ, но недостатокъ времени и краткость жизни его не допустила столь полезное дѣло окончать. Также въ разсужденіи прежнихъ губернскихъ и воеводскихъ правленій должно прочесть губернаторскую инструкцію и наказъ и воеводскій наказъ.

Лишь малые слѣды сего расположенія правительствъ со установленія намѣстничествъ остаются, и для того особливо надлежитъ съ прилежаніемъ прочитать учиненныя учрежденіи о управленіи губерній по новому обряду, пріемля о семъ истолкованіи отъ знающихъ и искусившихся людей, дабы познать, что есть должность намѣстника, какую власть имѣетъ губернаторъ, и какая его должность, какія поручены дѣла губернскому правленію, и какія дѣла судятъ разныя находящіяся въ губерніяхъ палаты, какъ велика ихъ власть, и какая должность вицъ-губернатора, что такое верхніе земскіе суды, какъ они раздѣляются и ка-

кія дѣла судятъ; что—надворные суды въ столицахъ, какъ раздѣляются, и какія дѣла имъ принадлежатъ; какая должность и какія дѣла входятъ въ губернскіе магистраты; что есть уѣздные и земскіе суды, какая ихъ должность, и какія дѣла судятъ; какая особливо состоитъ должность земскаго исправника; что сказано о должности директора домоводства; что есть верхняя и нижняя расправы, и какія учинены учрежденіи о благочиніи, и кто оное исполняетъ, гдѣ еще онаго не учреждено; наконецъ какіе во всякое изъ сихъ мѣстъ судьи опредѣляются, и кто ихъ опредѣляетъ.

Познавши такимъ образомъ о настоящихъ судебныхъ мѣстахъ, надлежитъ войти въ нѣкоторыя подробности о самомъ обрядѣ судопроизводства. Ибо кому изъ гражданъ оно ненужно, имѣющему нѣкоторое имѣніе, дабы оное отъ похищенія наглецовъ и ябедниковъ сохранить или возвратить похищенное? Сіе судопроизводство есть: умѣть по разнымъ дѣламъ написать прошеніе, знать, какъ оное должно быть принято, какъ по оному выписка сочиняется, и какимъ порядкомъ самимъ челобитчикомъ и отвѣтчикомъ выписка опробуется; въ судныхъ же дѣлахъ, какъ дается билетъ, и собираются поруки, какъ говорится судъ, какъ выносятся справки, и наконецъ, какъ выписка сочиняется, и до рѣшенія доходится. Въ дѣлахъ уголовныхъ—какъ производится слѣдствіе, на какихъ обрядахъ, какъ пріемлются свидѣтели и проч.

Для лучшаго понятія сего совѣтую я родителямъ или тѣмъ, кто имѣетъ главное попеченіе о воспитаніи юноши, сыскавъ какія примѣрныя дѣла, заставить уже имѣющаго нѣкое понятіе о законахъ юношу писать челобитныя—явочныя, исковыя или по вотчиннымъ дѣламъ—дѣлая имъ нужныя поправленіи, съ наблюденіемъ, чтобы онѣ въ законномъ порядкѣ, съ яснымъ показаніемъ законовъ, были писаны, и притомъ бы логическій порядокъ въ нихъ былъ наблюденъ. Потомъ, въ дѣлахъ, не касающихся до суда, чтобы онъ сочинилъ выписки, а другія бы разсмотрѣлъ и сдѣлалъ примѣрное рукоприкладство съ изъясненіемъ недостатковъ, и наконецъ заключилъ бы опредѣленіе, или, взявъ нѣкоторыя опредѣленіи, разсмотрѣлъ бы недостатокъ или неправое толкованіе законовъ и написалъ бы аппелляціонное прошеніе.

Въ судныхъ же дѣлахъ необходимо должно растолковать форму суда и послѣ бывшіе прибавительные къ ней указы, и, по написаніи прошенія, изъясня о билетѣ, копіи и поручной записи, надлежитъ юношѣ примѣрно велѣть судныя рѣчи писать—тако-ли, какъ челобитчикъ, или какъ отвѣтчикъ, а чтобы другія кто другой писалъ.

Симъ образомъ юноша не токмо научится судебному обряду, но навыкнетъ порядочно дѣлать испроверженіи на учиненныя ему неправильныя возраженіи, и, наконецъ, чтобы, взявъ нужныя справки, умѣлъ сочинить выписку, которую также ему велѣть примѣрную сдѣлать.

Что касается уголовныхъ дѣлъ, то можно сказать, что въ гражданскихъ нашихъ законахъ не довольно ясности на-

ходится, какъ оныя производить, и для того разумнѣйшіе судьи производятъ ихъ, соображаясь съ военнымъ процессомъ, который, яко сочиненіе, основанное на человѣколюбіи, согласное съ правымъ разсудкомъ и съ лучшими узаконеніями, съ прилежаніемъ совѣтую прочесть и сдѣлать на разные случаи приличныя изъясненія.

Я симъ оканчиваю исчисленіе наукъ и совѣты мои, какъ ихъ должно преподавать благородному юношѣ. Но да не удивятся, что я въ семъ исчисленіи не вмѣстилъ особливою статьею нравоученіе; сіе было бы подъ другимъ видомъ представить то же ученіе, которое въ разныхъ частяхъ здѣсь исчисленныхъ наукъ раздѣлено. Ибо чрезъ познаніе Закона познаетъ человѣкъ, что онъ долженъ Богу и Сотворителю своему, и что по Закону же христіанскому, вмѣщающему въ себѣ чистѣйшее нравоученіе, онъ долженъ и ближнему; законъ естественный научитъ его, какое онъ мѣсто въ свѣтѣ занимаетъ, и какія его есть одолженіи въ разсужденіи другихъ подобныхъ ему сотварей, и чего онъ требовать отъ нихъ долженъ; а наконецъ гражданскіе законы дадутъ ему понятіи о его положеніи въ разсужденіи, что онъ гражданинъ, какія должности къ отечеству своему имѣетъ, и что взаимно требовать отъ него можетъ, и какія узы связуютъ его съ его родственниками, высшими и нижними его; а исторія рода человѣческаго сихъ разныхъ поступковъ и примѣры ему покажетъ,—то кажется, что послѣ сего не остается ни одной черты въ нравоученіи, которая бы подъ разными видами къ свѣдѣнію юноши предложена не была.

О рисованіи.

Хотя не намѣренъ я былъ говорить о наукѣ художествъ и искусствъ, но думаю, что изъ сего числа исключить должно рисованіе, послику оно можетъ относиться къ познанію наукъ. Я уже, говоря выше о наукѣ архитектуры, нѣсколько о рисованіи упомянулъ, но можно еще сіе художество къ вящему просвѣщенію юноши употребить.

Начинать учить сіе художество можно съ самыхъ младыхъ лѣтъ, и уже десятилѣтній младенецъ весьма довольныя имѣетъ лѣта въ ономъ въ праздные часы упражняться. Когда уже онъ достигнетъ до того, что изрядно можетъ копировать съ эстамповъ, то совѣтую заставить его срисовывать разныя травы, растеніи, цвѣты и плоды, дѣлая ему объясненіи, какого они роду и раздѣленія— по листкамъ, цвѣту, по гвоздикамъ и прочее, и нарисовавъ каждый цвѣтокъ, взявъ изъ лучшихъ писателей разныя наименованіи, оныя означить, также страну, гдѣ природно таковыя растеніи родятся, а наконецъ вкратцѣ домашнее, лечебное и для искусствъ его употребленіе. Отъ роду растеній преходя къ малѣйшему роду животныхъ, совѣтую рисовать разныхъ насѣкомыхъ и бабочекъ, и также различать ихъ по родамъ, съ означеніемъ ихъ роду, имянъ, гдѣ родятся, и нѣкоторые ихъ обычаи.

По семъ преходя, такимъ же образомъ поступать съ рыбами и наконецъ со пти-

цами, звѣрьми. Для помощи въ семъ случаѣ совѣтую употребить для травъ сочиненіе г. Гамеля, которое довольно первыя основаніи ботаники показуетъ, а потомъ и описаніе его растеній и исторію растеній (со?) словаремъ, сочиненную чрезъ Бешота (?).

Для насѣкомыхъ мнѣ кажется лучшее сочиненіе, которое я могу въ разсужденіи фигуръ одобрить, есть Исторія насѣкомыхъ и Европейскихъ дѣвицею С. Майранъ (?), гдѣ также многіе цвѣты и деревья находятся, а въ разсужденіи описанія рожденія и нравовъ ихъ—записка о насѣкомыхъ Реомюромъ.

Для рыбъ—не знаю, какихъ писателей одобрить, но можно взять изъ тетрадей французской Академіи Наукъ касающее(ся) до рыбной ловли и съ оной учинить рисунки и выписку о обычаяхъ и рожденіи и ловлѣ рыбъ, не отметая при томъ и путешествіи, и паче въ разсужденіи большихъ рыбъ, которыхъ бьютъ въ сѣверныхъ моряхъ, яко китовъ, бѣлугъ, моржей и прочее, съ примѣчаніями на пользу, которую сіи и прочія рыбныя ловли въ разсужденіи торговли производятъ. О птицахъ можно употребить орнитологію г. Для скотовъ—исторію натуральную г. Бюффона, но сію послѣднюю съ великою осторожностью въ разсужденіи нравовъ животныхъ, ибо онъ самъ былъ часто сказателями ему обманутъ, а имя его и другихъ въ обманъ вводитъ.

Все сіе не токмо нарисованное должно въ памяти себѣ изображать, но, колико можно, живыми ли, или сухими, или чучелами травъ и животныхъ стараться, показуя ихъ, вперять въ память юноши.

Однако вся сія наука не такая должна быть, чтобы отнимала все время у юноши, потребное для другихъ познаній, но должна служить ему утѣшеніемъ и просвѣтить его разумъ о сихъ вещахъ толико, поелико благородному человѣку пристойно о семъ знаніе имѣть. Напримѣръ, показавъ раздѣленіе по родамъ и раздѣленіямъ растеній, дать ему каждаго рода и нѣсколькихъ раздѣленій нарисовать съ выше показанными примѣчаніями, то же о насѣкомыхъ, птицахъ и скотахъ учинить, прибавя развѣ къ тому достойнѣйшихъ вниманія. Рыбы же да покажутся токмо знатнѣйшія, или которыя наиболѣе въ отечествѣ его находятся, и о сей причинѣ не могу оставить, чтобы не помянуть о томъ, что не должно оставить въ забвеніи дать юношѣ прочесть разныя мѣста изъ экономическаго Санктпетербургскаго журнала касательно до производимой рыбной ловли въ Астрахани.

Симъ образомъ, думаю, юноша и сію часть натуральной исторіи, сопряженную съ политическою, безъ труда и безъ скуки довольно познаетъ, или, лучше сказать, насилу и примѣтитъ онъ, что онъ въ оной упражнялся, а ощутительна токмо будетъ по знаніямъ, которыя у него останутся.

Заключеніе.

Наконецъ, заключаю я, что великое число наукъ, которыя, яко нужныя для наученія благороднаго юноши, здѣсь пред-

ставилъ, не могутъ устрашить какъ токмо тѣхъ, которые болѣе стараются дѣтей своихъ на публикѣ показать, нежели просвѣтить ихъ разумъ; а притомъ не должно мнить, первое, чтобы ученіе благороднаго юноши могло прежде девятнадцати или двадцати лѣтъ окончиться, если хотятъ его прямо полезнымъ отечеству и просвѣщеннымъ человѣкомъ сдѣлать; а второе, что всѣ сіи науки токмо основаніями ихъ показуются, предоставляя самому его прилежанію въ тѣхъ совершенну учиниться, которыя или болѣе ему пріятны будутъ, или въ которыхъ онъ болѣе усмотритъ нужды. Ибо вся наука, во младенчествѣ юноши ему преподаваемая, отверзаетъ ему токмо путь къ вящимъ познаніямъ, которыя онъ захочетъ пріобрѣсти. Я же льщу себя, что метода иль способъ, предложенной мной выше, можетъ имѣть слѣдующія удобности: 1) наияснѣйшимъ и удобнѣйшимъ образомъ внушить ему вышепомянутыя знаніи, 2) не сдѣлать скушну науку, и 3) по большей части исполненіе съ правилами пріобщать.

О ПОЛЬЗѢ НАУКИ *).

Взглянувъ на неищетное число тварей, окружающихъ насъ, на разныя ихъ сношеніи между собою, на непрерывную цѣпь пребыванія оныхъ, и обратя свой взоръ на родъ человѣческой, примѣтя разныя уставленныя правленіи, тысящи искусствъ, изобрѣтенныхъ для нашего спокойствія, и наконецъ взглянувъ на самого себя, человѣкъ зритъ себя быть естество слабое, лишенное одѣянія, не могущее само собою ни пропитанія себѣ сыскать, ни защититься отъ нападающихъ на него дикихъ звѣрей, ни бѣгствомъ спастися отъ опасности.

Колико въ немъ величества и подлости!

Видитъ однако себя пребывающаго со многими спокойствіями на свѣтѣ, знаетъ себя быть рожденнаго отъ родителей, подобныхъ ему, но цѣпь началу рода его теряется, такъ какъ равно сокрыты отъ него начала всѣхъ изобрѣтеній, которыя изъ слабѣйшія на свѣтѣ твари учинили его сильнѣйшею, и свойства вещей.

Такое единое размышленіе о окружающихъ насъ вещахъ и о самихъ себѣ не есть ли довольно сильная причина для побужденія насъ къ любопытству, дабы могли мы сами собою узнать о дѣйствующихъ надъ нами причинахъ и, оставя родъ скотскаго естественнаго побужденія, могли бы, разсудкомъ направляемы, учреждать наши дѣла и съ вящею способностію пріобрѣтать себѣ и другимъ, съ кѣмъ имѣемъ обязательствы, пользу.

Тщетно бы человѣкъ, одаренной острѣйшимъ понятіемъ, своимъ единымъ размышленіемъ старался достигнуть до познанія вещей,—слабой его разсудокъ на каждой ступени будетъ спотыкаться, а вещи въ умѣ его совсѣмъ противной истиннѣ будутъ видъ имѣть, такъ что, преходя изъ заблужденія въ заблужденіе, разсудокъ его въ нихъ будетъ потопленъ. Раскроемъ исторію свѣта, и въ ней мы узримъ сему примѣры. Единые народы, взирая на блистаніе дневнаго свѣтила, и чувствуя дѣйствіи его благодѣтельныхъ лучей, почли его быть образомъ божества, или и самимъ божествомъ; вскорѣ къ сему, невѣжествомъ ихъ сотворенному божеству другое тѣло ...и получающее свою свѣтлость отъ лучей перваго, то есть луну, божествомъ же почли, а потомъ и звѣзды въ сиклитъ боговъ присоединили,—и сіе произвело вѣру Сабиновъ (Сабеистовъ?), толь распространившуюся въ древнія времена по лицу земному. Не буду я

*) Печатается по рукописи принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

уже говорить о введенномъ тѣми же заблужденіями многобожіи, и что въ прочемъ просвѣщенные народы имя боговъ не токмо небеснымъ свѣтиламъ, но людямъ, жившимъ между ими, и коихъ могилы имъ знаемы были, скотамъ презрительнымъ, яко кошкамъ, крокодиламъ и другимъ, но и самымъ растеніямъ имя и свойствы божества приписали, и дрожали предъ тѣмъ, что или въ хлѣвахъ ихъ находится, или садъ ихъ рождаетъ. Но воззримъ на самыхъ греческихъ мудрецовъ, коихъ быстрой разумъ, стараясь проникать въ таинствы природы, казался бы долженъ былъ ихъ предохранить отъ всякаго заблужденія.

Ѳалесъ Милетскій приписывалъ начало всѣхъ вещей водѣ, и что наконецъ онѣ въ воду обратятся. Гераклитъ же огонь первой главностію всѣхъ вещей полагалъ. Анаксименъ то же приписывалъ воздуху, котораго движеніе вѣчнымъ почиталъ, и полагалъ землю быть плоску, солнце же считалъ быть равно величиною Пелопонезу. Анаксимандръ говорилъ, что есть неищетное множество свѣтовъ, которые изъ неисповѣдимости вышли, что звѣзды суть составлены изъ воздуха и огня, которые ихъ сферами увлекаются въ теченіи ихъ, и что сіи сферы суть боги, а земля поставлена посреди вселенной. Епикуръ, говоря, что вся вселенная составлена изъ матеріи и пустоты, приписывалъ матеріи движеніе, и составленіе всѣхъ вещей на нечаянность возлагалъ. Наконецъ общее мнѣніе почти всѣхъ философовъ и многихъ народовъ въ почитаніи бога душею свѣта, и яко бы божество во всѣхъ вещахъ находится, чему послѣдовалъ и Спиноза,—которое мнѣніе толь искусно въ смѣхъ было обращено господиномъ... (Pierre Bayle?) въ его словарѣ критическомъ и историческомъ,—доказуетъ колико всѣ древніе малое понятіе какъ о первомъ составѣ вселенныя, такъ и о другихъ физическихъ мудрствованіяхъ имѣли.

Я съ нѣкоторымъ прискорбіемъ нахожу себя принужденна упомянуть, по причинѣ слабости человѣческаго разума въ его изысканіяхъ, о мужѣ достойномъ всегдашняго почтенія; о мужѣ, которой первой силою своего разсудка дерзнулъ школьную философію испровергнуть; которой, науча насъ сумнѣваться и искать доказательствъ, открылъ намъ путь къ истиннѣ; по сему единому описанію каждой, думаю, узнаетъ, что я о Декартѣ хочу говорить. Сей самой силою своего разсудка не могъ предвидѣть неудобность изобрѣтенныхъ имъ вихрей, которые, естли бы они въ существѣ были, единой противъ другаго дѣйствуя, самымъ бы симъ движеніемъ своимъ все паки въ безпорядокъ привели.

Толикая есть слабость человѣческаго разсудка, что, естли хотя мало отдалится отъ вещей, имъ осязаемыхъ, изъ заблужденія въ заблужденіе ввергается; то какъ возможно человѣку льстить себя достигнуть единой силою своего разсудка до понятія вышнихъ вещей. Правда, предлагаемые мною примѣры лишь токмо ошибки тѣхъ мудрецовъ доказуютъ, но, слѣдуя стезямъ природы по испытаніямъ, и имѣя себѣ въ проводники преданное

намъ Декартомъ правило: всему недовѣрять и всему искать доказательства математическаго,—науки самой всей на истиннѣ и доказательствахъ основанной,—самыя ошибки тѣхъ именитыхъ мужей могутъ намъ послужить къ снисканію истинны. Ибо не должны мы, видя сіи ихъ заблужденіи въ вышнихъ вещахъ, имѣть презрѣніе къ симъ въ прочемъ достойнымъ почтенія мужіямъ, потому что началы наукъ есть всегда трудны, и первыя изобрѣтенныя проблемы математическія Пиѳагоромъ и Ѳалесомъ, которымъ нынѣ при первыхъ основаніяхъ сея науки юношей учатъ, конечно имъ многаго труда стоили: «пути, которые мы легчайшими находимъ, были высѣчены изъ дикаго камня, и первые удары для просѣченія конечно не безъ труда были» *). И подлинно: «есть нѣкоторой рокъ въ шествіи наукъ, которыя еще толь тихо шествуютъ; надлежитъ, чтобы все лживое, все несовмѣстное, все ненужное истощилось прежде, нежели достигнутъ до чего подлиннаго и на правилахъ основаннаго: надлежитъ, чтобъ неищетное число людей ошиблись, дабы другіе престали ошибаться» **).

Посему извиняемъ древнихъ въ учиненныхъ ими ошибкахъ, яко происходящихъ отъ самаго существа науки, и которыми самыми воспользовались новые мудрецы. Рожеръ Баконъ еще прежде возобновленія въ Европѣ наукъ примѣтилъ уже о многихъ вещахъ, которыя должно искать *), и которыя безъ изысканія остаются; согражданинъ его Невтонъ, просвѣщенъ введенною въ философію математикою, вскорѣ великія откровеніи учинилъ,—онъ опредѣлилъ теченіе свѣтилъ, положилъ предѣлы тягости тѣлъ; Галилей показалъ строеніе вселенной, Торичелли, его ученикъ, изъяснилъ давленіе атмосферы, Кеплеръ далъ правило исчислять разстояніе, обращеніе и величину небесныхъ тѣлъ, Гюгенсъ разныя силы движеній доказалъ, Маріотъ—силу воды, и Бойль—силу и упругость воздуха. Всѣ сіи ученые, учинившіе толь великія откровеніи, не единымъ своимъ размышленіемъ до сего достигли; младость ихъ была посвящена къ наукамъ, чтеніе ихъ древнихъ и новыхъ писателей сообщено было съ глубокимъ размышленіемъ, взираніе ихъ на всѣ окружающія ихъ вещи сопрягалися съ недовѣрчивостію и съ любопытнымъ изысканіемъ, стопы ихъ въ трудныхъ такихъ изысканіяхъ были направляемы или математикою, или чрезъ разныя ими же изобрѣтенныя орудіи испытанія, мысли ихъ по учиненнымъ въ малѣ опытамъ добирались до великаго; познали, гдѣ разумъ человѣческой можетъ достигнуть, и гдѣ долженъ остановиться, и Невтонъ сказалъ, что онъ видитъ притяженіе тѣлъ, но причину сему доказать не можетъ.

Всѣ сіи великіе мужіе и множество другихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ, не сократилися, изыскивая причины дѣйствій, оныя на общій составъ вселенной

*) Истор. Крит. Филоз. Т. II, стр. 141.

**) Истор. Крит. Филоз. Т. II, стр. 4.

*) Analyse de la Philos. de Bacon.

обращать, но мудрость, руководствующая ихъ, отвлекши ихъ отъ зрѣлища небесныхъ тѣлъ, учинила, что тѣ же ихъ изысканіи и испытаніи, учиненныя для великихъ причинъ, обратились на малыя, но полезныя обществу человѣческому. Оттуда произошло изобрѣтеніе и приведеніе въ совершенство толь великаго числа полезныхъ искусствъ; единое, нечаяннымъ случаемъ найденное, свойство песку претворяться въ стекло старалися въ искусство, основанное на правилахъ, обратить, и собакою нечаянно замаранная кровію единыя рыбы пасть подаетъ случай къ сысканію драгоцѣннѣйшей краски, чѣмъ прославились и обогатились Финикійскіе града. Желѣзо, толь полезное и вредное роду человѣческому, которое по необходимой нуждѣ въ близкія времена отъ начала онаго было въ работу употребляемо, уже съ вящею легостію изъ нѣдръ земли вынимается, а вскорѣ и другіе металлы открываются и предаются въ руки смертныхъ; познается, что сложеніе многихъ нитокъ, переплетенное другими, можетъ спокойную одежду составить, и орудіи къ тому изобрѣтаются, которыя, часъ отъ часу приходя въ совершенство, даже до роскоши сотканіе довели. По познанію упругости тѣлъ новыя бранныя орудіи вымышляютъ, которыя, вмѣстѣ съ великими громадами бросая страхъ и смерть, принуждаютъ храбрыхъ сопротивниковъ искусству и наукѣ уступить. Архимедъ защищаетъ свое отечество, и онъ единый съ помощію науки стоитъ противу непобѣдимыхъ римскихъ войскъ. Другіе самыя преграды, естествомъ положенныя, то есть моря, дѣлаютъ служить къ соединенію народовъ свѣта. На легкомъ и умѣренномъ по жидкости водъ зданіи, въ коемъ единая доска пловца отъ смерти отдѣляетъ, научаютъ преплывать пространствы морей, искусно расположенными вѣтрилами разныя дыханіи вѣтровъ въ пользу употребляютъ, и самые противные — для доведенія корабля къ желаемому пристанищу. Изобрѣтенное потомъ свойство магнита болѣе просвѣщенія сей наукѣ придало, и болѣе въ совершенство науку мореплаванія привело. Тогда же для строенія огромныхъ зданій, для подъятія тяжелыхъ тѣлъ, другіе искусство свое употребили, и твореніи рукъ человѣческихъ почти превзошли природу, яко между прочими единый писатель о Венеціи говоритъ:

«Среди Адріатическаго залива народъ ироевъ совокупляется, и премѣняетъ въ мирное убѣжище непостоянную стихію. Множествомъ мостовъ разсѣянные острова соединяетъ, и заплотами обуздываетъ океанъ. Путешественникъ, зря сіе со бреговъ, въ изумленіи становится, видя украшенныя мраморомъ выходящія тутъ стѣны, гдѣ прежде плавали корабли»*).

Но въ силахъ ли единый человѣкъ исчислить всѣ пользы, которыя намъ искусствы, направляемыя наукою, пріобрѣли? Единое каждаго воззрѣніе на себя, окружающихъ его вещей, покажетъ ему, коликое число рукъ работало для одежды, пропитанія, а все сіе должно было нѣкоимъ искусствомъ содѣлываться, каж-

*) Metastazio opera Ezio. Acto primo, scena II.

дое же искусство долженствовало долгимъ временемъ и частымъ повторяемымъ испытаніемъ и наукою доведено быть до той степени, въ которой мы его зримъ. Теряется умъ нашъ въ единомъ согляданіи семъ, и не возможемъ мы ихъ ни исчислить, ни орудій ихъ наименовать,—то какъ же можемъ единымъ своимъ размышленіемъ достигнуть до познанія многаго? Какъ же должны мы употреблять младыя и среднія наши лѣта къ прочитанію и размышленію о всемъ томъ, что древними и новыми изобрѣтено, и, побуждаясь любопытствомъ, пристойнымъ существу человѣческому, не должны ли мы равное стараніе приложить о изобрѣтеніи чего новаго или о проведеніи въ лучшее совершенство того, что уже изобрѣтено? Ибо не будемъ льстить себя: хотя много вѣковъ протекло, хотя много труда, бдѣнія и попеченій достойными, прежде насъ жившими, мужіями было употреблено, много еще осталось не откровенно, и все почти можетъ въ лучшее совершенство быть приведено.

Оставя искусствы, которыя намъ толикую внѣшнюю пользу приносятъ, разсмотримъ то, что касается до направленія насъ въ поступкахъ нашихъ, и во всякихъ дѣлахъ общежитія человѣческаго.

Предѣлы жизни нашей суть кратки, и рѣдко мы видаемъ, чтобы человѣкъ до ста лѣтъ доживалъ, да и изъ сего времени должно исключить лѣта его младенчества, въ которыя безъ примѣчанія видитъ случающіяся дѣла,—то можетъ ли онъ достигнуть собственнымъ своимъ испытаніемъ до познанія разныхъ превращеній человѣческихъ сердецъ, проникнуть причины движеній ихъ, и потому направить свои поступки какъ къ пріобрѣтенію добра, такъ ко отвращенію зла? Коль трудно почитается проникнуть глубину сердца единаго человѣка въ расположеніи его приватныхъ дѣлъ, то коль наипаче труднѣе сіе есть въ сложенныхъ обстоятельствахъ дѣлъ сообщества, гдѣ многія причины, стекаяся вмѣстѣ, разные виды дѣламъ даютъ и разными образами дѣйствовать людей понуждаютъ. Несть, не токмо обыкновенной вѣкъ человѣческой недостаточенъ для сего, но ниже бы вѣкъ Маѳусаила доволенъ былъ! Приложимъ еще, что малой кругъ, которой его окружаетъ, —почему и малое число дѣлъ до него можетъ достигнуть—стѣсняетъ нѣкоторымъ образомъ самое теченіе его жизни и испытаній.

Но естли человѣкъ, послѣдуя существу своея природы, восхочетъ жизнь свою учинить длиннѣе, нежели природою она ему положена, естли хочетъ расширить кругъ, стѣсняющій его, и разумомъ своимъ пренестися во всѣ времена и во всѣ страны,—да соотвѣтствуетъ прилежаніе его его желаніямъ. Творецъ нашъ далъ все къ тому... намъ остается имъ воспользоваться.

Откроемъ исторіи свѣта,—въ нихъ мы узримъ началы народовъ, какъ они доходили до вышнія степени силы и могущества, и какія были причины паденія ихъ; увидимъ мужей, пожертвовавшихъ все, что есть человѣку драгоцѣннѣе, для славы отечества своего, иль для сохраненія безвредну свою добродѣтель. Ѳе-

мистоклъ, Александръ и множество другихъ научатъ насъ искусству, какъ народы побѣждать и какъ побѣжденныхъ сохранять подъ властію своею. Аристидъ— какъ жертвовать честолюбіе свое пользѣ отечества. Декій и Фабій примѣръ намъ подадутъ истинной гражданскія любви къ странѣ, въ которой родились. Цицеронъ— искусно до конца доводить труднѣйшія дѣла. Катонъ—какъ съ непоколебимою твердостію стоять противу упорствующихъ на пагубу отечества... Титусъ, Траянъ и Маркъ Аврелій представятъ стеченіе многихъ достойныхъ подражанія добродѣтелей.

Мнѣ должно ли въ семъ случаѣ помянуть о васъ, содѣвающихъ стыдъ природѣ человѣческой, о васъ, властители народовъ, которые не пастырями его, но волками быть самовольно восхотѣли, которые, похитя вольность народную, первое свое преступленіе множествомъ другихъ утвердити хотѣли? Упомяну о васъ, но то для преданія въ вѣчное омерзеніе ваши имена, и дабы, видя ваши душевныя безпокойствіи, каждой чтущій сіе могъ понять, что ни вышняя власть, ни успѣхи въ дѣлахъ не могутъ безъ истинныя добродѣтели благополучія человѣческаго устроити. Денисъ, тиранъ Сиракузскій, представляетъ намъ примѣръ всѣхъ безпокойствъ, коликія мучитель долженъ претерпѣвать,—онъ самъ признался, что его состояніе было такое, что онъ почиталъ себя всегда, сидящаго посреди пиршествъ и веселій,— подъ висящимъ надъ его главою на единомъ тонкомъ власу мечемъ. Другіе злобные мучители, истребляя всѣхъ, которые имъ сумнительны казались, не могли однако избѣжать отъ достойнаго наказанія ихъ безчеловѣчествъ.

Тако узря въ исторіи разные примѣры удовольствій, которыя пріобрѣтаетъ добродѣтель, и безпокойствъ, навлекаемыхъ пороками, и разсмотрѣвъ начало и слѣдствіи единыхъ и другихъ, не будетъ ли тотъ, которой со вниманіемъ сіе читалъ и дѣлалъ размышленіи, гораздо болѣе привязанъ къ добродѣтели и отдаленъ отъ пороку, нежели тотъ, которой единымъ своимъ умствованіемъ желаетъ до всего достигнуть. Не болѣе ли изъ тысячи примѣровъ, представленныхъ въ исторіи, можетъ каждой изъ посредственныхъ разсудкомъ научиться, какъ управлять разные народы, нежели и быстрой разумъ имѣющій человѣкъ, но единственно по тому и поступающій, не имѣя въ прочемъ ни примѣровъ, ни науки? Не лутче ли любящій и знающій войну, сдѣлавшій размышленіи о древнихъ и новыхъ обращеніяхъ оныя, будетъ поступать, нежели тотъ, которой, зная токмо строй и разныя движеніи воинствъ, все захочетъ отъ собственнаго своего разума почерпнуть? Нѣтъ, конечно подражатель Епаминондаса, Александра... и Евгенія будетъ имѣть преимущество, и презритель науки, обще съ вредомъ отечества своего, достойной себѣ стыдъ во вѣки заслужитъ.

Чтобъ болѣе не продолжаться, я то же скажу о всѣхъ частяхъ правительства государственнаго, что нещастлива та страна, гдѣ невѣждамъ оное препоручено; ибо несть ни единыя части онаго, которая бы не требовала особливаго вниманія и разсмотрѣнія, основаннаго на расположеніи

сердца человѣческаго и на прежде бывшихъ примѣрахъ. Но что я говорю о толь важной причинѣ, которая замыкаетъ въ себѣ благополучіе или нещастіе безчисленнаго числа людей,—поступокъ каждаго, касающійся до собственнаго его лица, можетъ ли безъ познанія прежде бывшихъ приключеній и многихъ наукъ хорошо направленъ быть? Не выходя въ вышнія степени, воззримъ на тѣхъ людей, которые менѣе отъ природы удалились, то есть на земледѣльцовъ: естли бы прежде жившими ихъ людьми не изобрѣтенъ былъ способъ землю обработывать, естли бы не выдуманы были орудіи для онаго, естли бы тканіе не было приведено въ то совершенство, въ которомъ оно есть, то могъ ли бы земледѣлецъ сыскать себѣ пищу, и пропитать другихъ, могъ ли бы онъ пріобрѣсти себѣ одежду? Однако воззримъ на самое сіе нужнѣйшее искусство роду человѣческому и съ удивленіемъ узримъ, колико оно, бывъ предано въ руки невѣждъ, до малаго совершенства дошло; слѣпо послѣдуя токмо тому, что погруженные въ невѣжество же отцы ихъ исполняли,—по сю пору въ большей части свѣта, безъ всякаго размышленія удобряютъ землю, пашутъ и хлѣбъ собираютъ, не разсматривая ни разности времянъ и воздуха растворенія, ни свойства земли, и не изыскивая себѣ лучшихъ способовъ для облегченія работы и умноженія плодородія. Нынѣшній вѣкъ знатенъ будетъ въ исторіи свѣта тѣмъ, что наимудрѣйшіе мужья, оставя вышнія мудрствованіи, къ полезному роду человѣческому свои мысли обратили; ни знатность рода, ни именитость въ свѣтѣ чинами и науками не возбранили достойнымъ мужіямъ, любябящимъ пользу рода человѣческаго, мысли свои на нужныя искусствы обратить. ...изъяснилъ намъ пользу и удобность распахиванія земель;.. о удобреніи оныхъ описалъ; Дюгамель изыскательной разумъ свой ко множеству предметовъ обратилъ,—земледѣліе и разныя нужныя искусствы, описанныя имъ, пріобрѣтутъ всегдашнюю пользу роду человѣческому, и учинятъ ему сравняться съ тѣмъ, которой толь достойно имя друга людей заслужилъ; Ушаковъ, о умноженіи хлѣба описавъ, далъ понятіе своимъ одноземцамъ, колико трудъ и прилежаніе могутъ изобильствіе земли пріумножить; и еще единый изъ нашихъ сограждановъ, среди множества дѣлъ, которыми онъ обремененъ, не презрилъ о птичьемъ дворѣ дать намъ описаніе. Тако искусствы и домостроительствы, прешедъ отъ невѣждъ къ просвѣщеннымъ людямъ, обѣщаютъ всему человѣчеству достойные по трудамъ достойныхъ сихъ мужей плоды. И къ сему не могу я умолчать о единомъ обычаѣ Филадельфіи, аглинскаго въ Америкѣ селенія, гдѣ повелѣно, чтобы каждый гражданинъ какому ни есть мастерству былъ изученъ, дабы въ случаѣ нужды могъ самъ своими трудами пропитаніе себѣ сыскать, а къ тому—естли всѣ нужныя искусствы просвѣщенными и хорошо воспитанными людьми будутъ исполняемы, то до коликаго совершенства они могутъ достигнуть! И тако, изъ всего вышеписаннаго я заключаю, что, понеже человѣкъ

есть рожденъ для взаимственной помощи другимъ, подобнымъ себѣ, а притомъ жизнь его толь кратка, и кругъ его испытанія толь малъ, что все то, что можетъ онъ собственнымъ своимъ испытаніемъ или разсудкомъ познать, есть атомъ въ сравненіи вселенной: то первое заставляетъ его употреблять всѣ свои старанія для сысканія способовъ быть наиполезнѣйшей въ свѣтѣ тварію, а второе, — съ размышленіемъ стараться познавать все, что прежде его и въ другихъ краяхъ свѣта было изобрѣтено, никогда не возгоржаясь, яко бы уже довольныя познанія пріобрѣлъ; ибо долженъ онъ всегда то помнить, что наука пространна, а вѣкъ коротокъ.

НЕ НАДЛЕЖИТЪ,

чтобы въ одномъ городѣ разныя, не подчиненныя единое другому, правительствы были *).

Въ разсужденіи поврежденія нравовъ нашего вѣка, трудно сыскать и по одному человѣку въ городѣ, которой бы со всѣмъ должнымъ усердіемъ и безкорыстіемъ должность свою отправлялъ, — то колико трудно есть сыскать многихъ. Примѣръ лучше покажетъ злоупотребленіе такого распорядку. Въ Саратовѣ не 2 или не 3, а 4 такихъ правительствъ, окромѣ магистрата, а именно: 1) воеводское, 2) комендантское, 3) опекунское иностранныхъ, 4) соленое, — которыя всѣ единое другому противоборствуютъ и въ безпрестанныхъ спорахъ, для умноженія каждое своей власти, упражняются. То не лучше ли бы было, естлибы всѣ таковые разные правители въ одно присутствіе были соединены, и хотя бы для лучшаго успѣху дѣлъ были по примѣру коллегіи(гій?) распредѣлены на департаменты, и каждое бы токмо экспедицію, подлежащую до оныхъ дѣлъ, имѣло.

*) *Прим.* Статья эта была напечатана въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г. (стр. 411).

О вотчинной коллегии *).

Вотчинная коллегія есть такое мѣсто, до котораго по своимъ недвижимымъ имѣніямъ всѣ дворяне имѣютъ дѣло, либо искать неправо завладѣннаго у нихъ имѣнія, либо справливать по наслѣдствамъ и по всякимъ крѣпостямъ дошедшаго. Оставляя говорить, какъ бы можно для лутчей легости сію коллегію по губерніямъ раздѣлить, оставя въ Москвѣ, окромѣ той губерніи дѣлъ, генеральную государственную недвижимыхъ имѣній архиву, и какъ бы скорѣе спорныя дѣла рѣшить, буду здѣсь токмо говорить, какъ бы скорѣе справки имѣній учинить.

Понынѣ, естли кто хочетъ за собою имѣніе справить, долженъ, по подачѣ челобитныя, рыться по всѣмъ столбцамъ, чтобы отыскать всѣ дѣла, и какъ то имѣніе переходило; да и быть сему инако нельзя, когда сначала не сдѣланъ нѣкоторой порядокъ; ибо есть неоспоримая истина, что доброй порядокъ самыя труднѣйшія дѣла облегчаетъ. А незаведеніе такого порядка сначала уже, за умноженіемъ безмѣрнымъ дѣлъ, нынѣ почти и дѣлать не можно; но чего не можно на старыя дачи сдѣлать, зачѣмъ бы сей порядокъ, можно сказать, на возобновившійся(іяся?) межеваньемъ не возобновить?

Сіе состоитъ въ слѣдующемъ: 1) на всѣ отмежеванныя деревни генеральнымъ межеваніемъ, за кѣмъ онѣ межеваны, сдѣлать словарь, по именованіямъ деревень, съ приложеніемъ наименованія другихъ селеній и пустошей къ тѣмъ деревнямъ, не оставя однако означить и каждое селеніе и пустошь подъ принадлежащей ей литерою, съ прописаніемъ, за кѣмъ она отмежевана; 2) имѣть стараніе, чтобъ всѣ крѣпости, сдѣлки, отдачи въ приданые(ое?) и по дѣламъ (раздѣламъ?) деревень, селеній и дачъ въ вотчинную коллегію сообщаемы были, и немедленно, какъ они переходятъ изъ рукъ въ руки, подъ наименованіемъ каждаго въ словарь описывать, съ означеніемъ — гдѣ и подлинныя крѣпости сыскать.

То ежель сіе исполнится, каждой, кто захочетъ за себя деревни справить иль сыскать — кому какая дача принадлежитъ, въ единый часъ всю исторію и происхожденіе онаго имѣнія увидитъ, и не можетъ быть волокитъ, а только развѣ останет-

*) *Прим.* Статья была напечатана тамъ же, гдѣ предыдущая (стр. 412).

ся, что сынъ или внукъ, послѣ отца и дѣда наслѣдуя безъ справки и безъ отказу, долженъ будетъ родство свое доказать. И тако, естли сіе дѣлать, то кажется должно дѣлать скорѣе, пока еще не многіе уѣзды обмежеваны, и имѣніи не много изъ рукъ въ руки переходили; а ежель замешкается, то опять учинится такая же бездна, какова и нынѣ архива вотчинной коллегіи.

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ ВЪ ПЕНЗУ.*)

1787.
Генваря 4 дня.

Милостивый Государь мой!

Удаляся давное время отъ службы и нашихъ столичныхъ городовъ, препровождаете вы время свое въ деревенскихъ упражненіяхъ и въ удовольствіи ощастливливанія подвластныхъ вамъ, не чувствуя, какъ токмо по всенароднымъ тягостямъ, всѣ тѣ безпокойствы и смущеніи которыя мы ощущаемъ. То и удивляясь(юсь?) я вашему любопытству спрашивать меня о Матвѣѣ Васильевичѣ Мамоновѣ, котораго вы сказываете, что знали въ молодости вашей, ибо казалось бы, что вамъ можно и забыть, или въ презрѣніи оставить всѣ тѣ вещи, которыя не на основаніи добродѣтели и ко вреду общества дѣлаются. Но исполняя долгъ дружбы, я потщуся его исторію, колико она извѣстна мнѣ, вамъ описать, о его характерѣ, прежнемъ и нынѣшнемъ, и о его происшествіи настоящемъ и обѣщанномъ гласомъ народнымъ, съ нѣкоимъ разсмотрѣніемъ его поступка. Помнится мнѣ, мы зачали его знать, когда онъ былъ офицеромъ или штапъ офицеромъ въ драгунскихъ полкахъ или при комиссаріатѣ и нашивалъ онъ синій мундиръ. Онъ былъ и тогда человѣкъ тихой, скромной и осторожной; таковъ онъ и тапере, и такъ же голосъ свой похотямъ направляетъ, такъ же тихо говоритъ и слова по карманамъ ищетъ. Былъ онъ послѣ вашей отставки опредѣленъ въ коллегію экономіи, но не умѣю сказать, былъ ли съ протчими отрѣшенъ, когда сіе наказаніе всѣ члены тѣ заслужили. Потомъ былъ отправленъ въ дворцовую канцелярію, гдѣ, я слышалъ, что не весьма имъ были довольны начальники его, да и неудивительно, ибо кто можетъ Ивану Перфирьевичу Елагину угодить! Оттуда былъ противу воли своей опредѣленъ въ губернаторы въ Смоленскъ—мѣсто, совсѣмъ не свойственное съ расположеніемъ его разуму: онъ тихъ и медлителенъ, какъ вы могли и въ молодости его примѣтить, а тутъ надлежитъ быстрость и скорое исполненіе. Однако какъ ни есть брелъ при Глѣбовѣ и былъ любимъ смоленскимъ народомъ, ибо не мздоимецъ и человѣкъ ласковый, а вамъ извѣстно, что сіи двѣ добродѣтели могутъ много сердца привлечи. Но какъ сдѣлался намѣстникомъ кн. Николай Васильевичъ Реппинъ, потребовалъ скораго исполненія

*) *Прим.* Печатается съ рукописи, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову.

и проворства, — тутъ онъ ему не могъ угодить, и тутъ почти по неволѣ съ половиннымъ жалованьемъ онъ былъ отставленъ съ тѣмъ же чиномъ, которымъ онъ служилъ, то есть штатскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, и продолжалъ жизнь свою въ тишинѣ и спокойствіи, съ любовію всѣхъ знаемыхъ къ нему. Вдругъ случай перемѣнился, благополучной вѣтръ подулъ, — сынъ его, Александръ Матвѣичъ, взошелъ на высшую степень колеса фортуны—и, кажется, сей вѣтръ возмутилъ голову у около шестидесяти или и болѣе лѣтъ прожившаго Матвѣя Васильевича Мамонова: тихой человѣкъ честолюбивыя мысли открываетъ, больной ипохондрикъ не отрекается въ дѣла вступить, и близко Екатерины жадничаетъ къ почестямъ, и сіе чтобъ получить чрезъ сына своего, коего причина возвышенія, увы! уповаю, и въ Пензѣ не безъизвѣстна. Пожалованъ онъ въ тайные совѣтники и сенаторы съ возвращеніемъ ему старшинства, какое бы онъ могъ по обыкновенному производству имѣть, естли бы въ отставкѣ не былъ. И оправдываютъ его произведеніе и даніе старшинства тѣмъ (ибо у насъ все иногда тщатся оправдать), что онъ чрезъ сіе токмо должное себѣ получилъ. Да и я о семъ не спорю, но размышляю, какимъ образомъ онъ сіе получилъ—доказаніемъ ли излишняго достоинства и неправости его отставки, и въ такое ли время, когда фортуна не закрывала его хоромы,*) но давала правосудію видѣть всю его обиду и всю истинну его желанія, или въ такое время, что, ежели бы онъ былъ и преступникъ, случай сына его то же бы ему могъ учинить, а по сему сіе и несть правосудное возмездіе, но игра фортуны, которая внутренность его удовольствовать не можетъ, а показываетъ токмо его честолюбіе; и честнѣе бы для него было и при такомъ благополучномъ ему случаѣ снести свою обиду — превыше чиновъ приобрѣсть раболѣпство отъ трусовъ, по случаю сына его, а отъ честныхъ почтеніе къ его великодушію, какъ Ермоловъ учинилъ, нежель сдѣлать себя вывѣскою фортуны сына своего.

*) *Прим. Ред.* Вѣроятно въ смыслѣ *слабостей*—отъ слова *хромать*.

Севодни случилось мнѣ читать въ изданномъ томѣ Ролиновой De la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres, стр. 106:

«Когда великой Конде предводи-«тельствовалъ во Фландріи гишпан-«ское воинство и осаждалъ единый изъ «нашихъ (французскихъ) городовъ, еди-«ный солдатъ, бывъ весьма обиженъ «однимъ изъ генераловъ, и получа «многіе удары палкою за нѣкоторыя про-«дерзкія слова, которыя онъ изрекъ, съ «холоднымъ духомъ отвѣчалъ, что онъ «умѣетъ его въ раскаяніе привести. «Чрезъ двѣ недѣли послѣ тотъ же са-«мой генералъ приказалъ полковнику «траншеи ему найтить твердаго и смѣ-«лаго человѣка для единаго нужнаго «дѣла, съ обѣщаніемъ ста пистолей на-«гражденія. Сей солдатъ, которой почи-«тался за наихрабрѣйшаго въ полку, для «сего предсталъ, и, приведши съ собою «тридцать своихъ товарищей, коихъ

«избраніе на его волю предоставлено бы-«ло, исполнилъ порученное ему дѣло, *) «иже было наиопаснѣйшее, съ невѣроят-«ной смѣлостію и щастіемъ. По возвра-«щеніи его, генералъ, осыпавъ его по-«хвалами, далъ ему обѣщанные сто пи-«столей. Солдатъ тотчасъ ихъ роздалъ «своимъ сотоварищамъ, говоря, что не «изъ денегъ служитъ, и просилъ токмо, «что естли исполненное имъ дѣло явля-«лось достойно какого награжденія, чтобъ «его пожаловали въ офицеры, въ прот-«чемъ, приложилъ онъ, говоря генералу, «которой его не узнавалъ, я есть тотъ «солдатъ, котораго двѣ недѣли «тому назадъ вы такъ побили; «и я вамъ тогда же сказалъ, что «я васъ принужу къ раскаянію. «Генералъ, исполненъ удивленія и тро-«нутъ даже до слезъ, обнявъ его, предъ «нимъ извинялся, и тотъ же день пожа-«ловалъ его въ офицеры».

Сей солдатъ конечно инако разсуждалъ, нежели господинъ Мамоновъ,— онъ отъ сынка, отъ братца, отъ дочери, сестрицы или племянницы, вошедшихъ въ милость у вождя, не ожидалъ раскаянія онаго, но храбростію своею къ тому его принудилъ. И тако, не могу, милостивый государь, почесть сіе производеніе, учиненное Матвѣю Васильевичу Мамонову, за должное возмездіе, ему учиненное за его обиду, но яко знакъ его честолюбія, тѣмъ наипаче ощутительнаго 1), что извлекъ собственное признаніе отъ благодѣтельницы къ сыну своему, что въ отставкѣ его неосмотрительно поступила, а потому не можно ли сказать, что и въ награжденіи не больше разсмотрѣнія было: въ первомъ внушеніе Репнина содѣлало его отставку, а во второмъ милость къ сыну содѣлало ему воздаяніе; 2) что позволилъ себѣ испросить Александровской орденъ, которой и многіе старѣе его не имѣютъ; 3) что по немаловременной отставкѣ, въ старости лѣтъ своихъ и при слабости здоровья, принялъ на себя должность сенатора, вступилъ паки въ службу, когда другихъ отставляютъ, и сіе конечно не безъ видовъ къ дальнѣйшему произвожденію съ обидою другихъ, какъ всѣ утверждаютъ, что сіе и будетъ. Таковъ есть сей человѣкъ, которой до нынѣ отъ всѣхъ честнымъ почитался; толь есть неосновательны наши сужденіи, прежде нежели кто случаями не испытается, а про него можно сказать:

Tu vécus trop d'un jour Mamonow infortuné!

И можно по смерти его ему слѣдующую надгробную надпись сдѣлать:

До старости скрывалъ сей жадность
къ почестямъ,
Скроменъ, тихъ и честенъ казался
всѣмъ очамъ.
Близь смерти лишь своей каковъ
есть оказался,
Вельможа сталъ и плутъ, а днесь
уже скончался.

Въ протчемъ я есть съ почтеніемъ Милостивый Государь мой.

*) Сіе состояло увѣриться, прежде нежели сдѣлать ложементъ, не дѣлаютъ ли непріятели мины подъ гласисомъ. Солдатъ, бросившися въ вечеру въ покрытой путь, толь исправно порученное ему дѣло исполнилъ, что, возвратятся, принесъ кирку и шляпу одного минера, котораго убилъ въ минѣ.

Государств. Центральная БЮРО КНИГООБМЕН

Цѣна 4 руб.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., д. № 28.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ščerbatov, Michail M., / Chruščov, Ivan P. / Voronov, A.

Sočinenija knjazja M. M. Ščerbatova

Bd.: 2

1898

4 Russ. 58 n-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11856066-0